

Влад СТИФИН

Рифмовщик

Влад Стифин Рифмовщик

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70534114
SelfPub; 2024*

Аннотация

Главный герой романа – Никто. А Никто может быть кем угодно, и этот Никто пишет стихи, проходящие через все произведение. Стихи его не претендуют на высокую поэзию, а как говорит сам автор, являются «рифмованием». Смешение реализма, абсурда и фантастики производит необычное впечатление – оно выбивается из практики традиционного построения сюжета, тем оно и ценно.

Содержание

Генеральское яблоко	6
Вместо предисловия	6
***	9
И здесь, и там	186
***	190
Пролог	190
Откин	391
Дорогой автор!	391
***	394

Влад Стифин Рифмовщик

Строка ложится за строкой,
А нам чего-то не хватает.
Быть может, дымки над рекой?
А что еще... Кто это знает?
Быть может, хлеба побелей,
Вина, чтоб всем всегда хватало,
Быть может, песню посмелей,
Но кто-то скажет: это мало.

Строка ложится за строкой,
Бежит река, и дни мелькают.
Уже довольны мы собой,
Но что-то всё же не хватает.
Быть может, славы небольшой,
И чтоб хвалили беспрестанно,
И чтоб гордились мы собой,
Имея всё и постоянно.

Строка ложится за строкой,
А нам чего-то не хватает.

Быть может, тишины порой.
А что еще... Кто это знает?
Когда приходят те и те,
Кого зовем, кого не очень.
И мысли выются в темноте,
Так просто вроде, между прочим.

Строка ложится за строкой,
Уже к прочтению готова.
Как будто дымка над рекой,
Исчезнет и вернется снова.

Генеральское яблоко

Детективная история

Вместо предисловия

Мы пытались уговорить автора не называть свою повесть детективной историей. Нам показалось, что детективом здесь и не пахнет. Может быть, что-то отдаленно напоминающее психологическую драму с элементами расследования и получилось, но явно не детектив. Однако автор был тверд в своем намерении, точнее – упрям. Нам, простым критикам, желание автора понятно, но уж тогда извольте и нас выслушать.

Вся сюжетная линия с расследованием смерти генерала едва может, так сказать, натянуть на весьма короткий и скучный рассказик. А посему автор, понимая слабость своей детективной истории, напичкал (другого слова мы не смогли подобрать) ее воспоминаниями в основном неглавных героев. Эти «воспоминашки» фактически к основной линии повести не имеют никакого отношения и, на наш взгляд, мешают восприятию сюжета. Вот если бы автор не был столь упрям в своем желании написать детектив, то, вполне возможно, мог получиться замечательный рассказ о некотором

следователе по имени Юста. Но мы не авторы и не имеем права указывать, как надо писать повести. Пусть мудрый читатель сам разберется, что к чему!

Конечно, военная тема, представленная автором (точнее – пацифистская идея), весьма злободневна и автор явно эксплуатирует ее, постоянно намекая читателю на противоестественность войны как таковой в любых ее проявлениях. Но раскрыта эта тема откровенно слабо – только отдельными штрихами. Автор, вероятно, пытается пробудить, так сказать, активизировать эту пацифистскую мысль у читателя. Какова же эффективность авторского воздействия на читателя, мы судить, конечно, не можем. Вероятнее всего, нас может рассудить только время. Время, текущее независимо ни от нас, ни от автора, ни от читателя.

Автор настоятельно просил нас включить его стихотворение в предисловие. Мы покорнейше исполняем его желание и приводим этот стих:

Истина пришла одна,
Сиротой без обстоятельств,
Без одежды доказательств,
И присела у окна.

Здесь ее совсем не ждали,
И хотя все утверждали,
Что она им всем мила,
И красива, и стройна,

Хоть строга и справедлива,
И что ложь так некрасива.

Истина сидела молча,
Словно с детства сирота.
Сладкий сон в округе порча,
Наступала суета.

Каждый лез друг к другу с правдой,
Горячился, не шутя,
Он здесь, видите ли, главный,
Остальные – чепуха!

А она, послушав споры,
Тихо встала и ушла.
То-то было разговоров —
Истина была не та.

*Осень. Яблоко упало,
Покатилось по траве.
И пока оно не знало,
Что с ним будет в декабре.
(неизвестные строчки из песни)*

Сегодня она проснулась очень поздно, когда осенние лучики солнца заглянули в спальню поверх кружевных занавесок. Сегодня был ее день рождения, и к тому же выходной. Начальство разрешило ей сегодня – первый раз за месяц – не являться на службу.

Она потянулась под толстым одеялом, осмотрела уютную спальню, которую так пристально не разглядывала уже, пожалуй, несколько напряженных дней, пока ее группа работала с этим загадочным делом. Взгляд ее остановился на маленьком столике возле кровати. Лист бумаги с каким-то текстом лежал на видном месте рядом с шикарной розой. Она улыбнулась – это он, как всегда, поздравил ее в своем стиле и тихо, чтобы не мешать ей отдохнуть, удрал в свою редакцию. Она несколько минут, не вставая, пыталась прочесть текст, но кроме своего имени в начале, ничего разобрать не могла.

«Опять что-нибудь поэтическое, – подумала она, заметив несколько строк на белой бумаге, – он заботится обо мне – как это приятно!»

Пытаясь расслабиться, он закрыла глаза, но мысли крутились вокруг одного и того же:

«Зачем этот мужественный и жесткий человек прыгнул с балкона? Неужели это действительно суицид? Судя по его менталитету, это не его поступок».

Она открыла глаза – сон ушел; потянулась к розе, приложила ее к губам – тонкий аромат напомнил ей беззаботную жизнь в прошлом году у него на даче, когда они провели вместе целую неделю, отключившись от суеты большого города. Тогда он впервые сделал ей предложение, и она согласилась. Но официоз они отложили на осень. Потом это как-то затушевалось повседневностью – и вот уже более года они гражданские муж и жена, без регистрации. Он сначала активно настаивал на официальном браке со свадьбой, но, зная его неумное желание посадить ее дома, она ласково уклонялась от этих предложений.

Она потянулась и подхватила листок бумаги. Его быстрый, неровный почерк донес до нее следующее:

«Любимая моя Юстинка! Поздравляю с днем рождения», – далее следовали строчки стихотворения:

В эти дни я в зеркало смотрюсь,
Что я вижу там вдали отсюда?
Каждый день – как предвкушенье чуда.
Вспомню что-то, тихо улыбнусь.

Там когда-то знали мы, что будет,

Что меж нами ныне происходит.
Человечек, что сейчас в нас бродит,
Помнит всё и время не забудет.

Ты ему туда протянешь руку —
Он прильнет тотчас к тебе послушно
И поздравит, может быть, чуть грустно,
Подражая маминому звуку.

Она прочла три четверостишья два раза и задумалась: что-то мистически неожиданное было в этом тексте. Все мысли показались ей не очень подходящими для дня рождения. Она встала и подошла к окну. На некоторых деревьях уже проступили желтые пятна. Скоро осенние буйные краски изменят весь этот тихий небольшой дворик и начнется золотая осень, уже тридцатая для нее. Она подошла к зеркалу.

– «В эти дни я в зеркало смотрюсь...» – прошептала она, пристально вглядываясь в еле заметные морщинки у краешков глаз. – Да-с, да-с. Что мы там видим? – уже громко спросила она себя и тут же ответила: – Видим симпатичную тетку. Ну и слава богу! Всё. Прочь грусть и прочее уныние. Сегодня целый день безделья. Будем радостно бездельничать.

«Вечером он устроит какой-нибудь ужин», – подумала она и, воодушевившись этой мыслью, минут пятнадцать слонялась по квартире, разглядывая обстановку и вспоминая, что и как они обустроивали здесь год тому назад.

За завтраком, через часик после бесцельного времяпре-

провождения, она снова вспомнила генерала:

– Этот грубоватый, с высоким чувством ответственности за всё, что делается вокруг, волевой еще не дряхлый человек решил вывалиться с балкона пятого этажа? В деле эта версия сразу же была отвергнута. Все улики говорили о том, что его невестка явно помогла ему это сделать и, по ее признанию, подтолкнула его через перила.

Около двенадцати раздался звонок, и она услышала знакомый голос:

– Уже не спишь?

– Да, – ответила она.

– Сегодня вечером мы будем в... – и он назвал шикарный загородный ресторан, – ты должна быть при полном параде к семи часам.

– Да, – ответила она.

– Ты хочешь гостей? – спросил он.

– Нет, – ответила она.

– Целую, – услышала она в трубке, и он отключился.

– Мы с вами уже встречаемся второй раз, и вы продолжаете настаивать на своем, – он с явным раздражением разглядывал посетителя.

– Вы говорите, что это, – он указал на пухлую папку, – мы обязаны напечатать. Но, голубчик, вы сами-то разве не

чувствуете, что это сплошное графоманство?

Посетитель никак не отреагировал на эту фразу. Весь его уверенный вид говорил только одно: «Я прав, и вы мне все должны».

– Дядя сказал, что он вам звонил и вы обещали со мной переговорить. Вот, я здесь, – посетитель явно не понимал или делал вид, что не понимает редактора.

А редактор крепко сжал кулаки и, собравшись, решил взять себя в руки и более ни в коем случае не проявлять негативных эмоций.

– Хорошо. Давайте вместе почитаем ваше произведение. У вас не будет возражений? – он задумал взять посетителя измором.

Посетитель оживился и со словами «Да, я сейчас почитаю» потянулся за папкой.

– Нет-нет, простите, – редактор перехватил папку, – я сам вам кое-что прочту, и мы вместе с вами определим, так сказать, уровень достоинства... я бы сказал, уровень литературной значимости этих мыслей.

Редактор наугад раскрыл папку и с выражением прочел:

– «Они, взявшись за руки, стояли на берегу океана. Сзади шумел космодром. Ракеты беспрестанно сновали по нему...»

Редактор сделал паузу и просил посетителя:

– А почему у вас ракеты снуют?

Посетитель наморщил лоб и, подумав, ответил:

– Потому что они (ракеты) быстро летают – вот и спуют поэтому.

– Вы бывали на космодроме и видели спующие ракеты? – не унимался редактор.

Посетитель, недовольный настойчивостью редактора, ответил:

– Нет, не бывал. Но мой рассказ о будущем. В будущем на космодроме может оказаться много ракет. Но если вам не нравятся «спующие», вы можете исправить текст. Я, как автор, не возражаю по поводу редакционных правок. Ракеты могут быть и не спующие, а быстро летающие.

– Хорошо, – согласился редактор и продолжил выразительное чтение:

– «Он смотрел на набегающие волны и подумал: “Интересно: с какой частотой идет этот процесс и может ли возникнуть явление интерференции и дифракции океанских волн?” Она ласково спросила его: “О чём ты думаешь?”. “Об интерференции”, – нежно ответил он».

Редактор несколько скривился и, стараясь быть предельно корректным, спросил:

– Как вы думаете: можно ли нежно говорить об интерференции или, скажем, о ядерной реакции?

Посетитель, поерзав на стуле, уже более эмоционально возразил:

– А почему бы и нет? Он, этот юноша, любит эту девушку. Они только что построили космодром со спую... – посе-

титель поправился, – с быстро летающими ракетами, и юноша может нежно отвечать девушке. Вы когда что-то любите, вы можете нежно отвечать? – Посетитель решил занять более твердую, наступательную позицию: – Я, как автор, имею право на собственное видение такого явления, как любовь!

– Да-да, – быстро согласился редактор. – Вы, конечно, можете иметь собственное видение, но вы хотите, чтобы мы это опубликовали?

– Да, – без сомнения заявил посетитель. – Дядя сказал, что вы это можете напечатать.

Редактор глубоко затосковал и сделал уже, как казалось, безнадежную попытку:

– А вот это место вы считаете приемлемым для публикации? – редактор с пафосом прочел несколько строк: – «Она крепко обняла его. Она тоже думала об интерференции и еще она думала о том, что у них будет много детей, и все они будут космонавтами и освоят весь космос». – Редактор грустно спросил: – Вы считаете, что вот эти два ваших влюбленных героя нарожают много детей и освоят весь космос? Весь-весь?

Редактор терпеливо ждал ответа. Посетитель задумался.

– Я могу сам посмотреть текст? – спросил он.

– Да, конечно, – редактор протянул ему папку.

Посетитель несколько раз про себя прочитал указанное место, вздохнул и вернул папку редактору.

– Согласен: это место не очень удачное, но я могу это

быстро поправить.

– Нет-нет, – всполошился редактор, – у меня сейчас будет совещание. Вы уж, будьте любезны, возьмите папочку и не спеша дома поправьте текст и, скажем, послезавтра заходите к нам.

Редактор встал из-за стола и решительно протянул папку посетителю.

Вышколенный официант терпеливо ожидал их заказ и предельно услужливо, приятно улыбаясь, отвечал на их вопросы.

– А вот эта экзотическая штучка не очень острая? – она ткнула пальчиком в меню.

– Нет, мадам. Это нежнейшая вещь. Наш повар специально стажировался в... – и он назвал какую-то дальнюю, ей плохо знакомую страну, – попробуйте, вы будете довольны!

– Хорошо, – согласилась она.

– А что мы сегодня будем пить? – уже обращаясь к Крео, спросила она.

– Сегодня... – ответил он, как бы размышляя вслух, – сегодня у нас будет праздник, – и заказал бутылочку шампанского.

Заведение, куда Крео привел ее сегодня, располагало к уютной беседе и отдыху. Все пространство зала было зонировано.

ровано экзотическими растениями. В центре имелась площадка для музыкантов и танцоров. Посетителей наблюдалось немного – будний день и начало вечера, видимо, не являлись для этого места привлекательными, но, судя по цифрам в меню, ресторан относился к элитным.

– Ну, как тебе здесь? – спросил он, когда заказ был сделан.

– Мне нравится, – оглядываясь, ответила она. – Ты уже бывал здесь?

– Нет, я здесь впервые, – ответил он. – Друзья в редакции посоветовали – сказали, что нам понравится. Да и кухня, говорят, здесь великолепная.

Принесли шампанское и легкие закуски. Они, пожелав друг другу счастья и здоровья, немного выпили.

– Это тебе, – он достал маленькую коробочку, открыл ее. – С днем рождения, дорогая! Я люблю тебя, люблю мою самую красивую девочку на свете – Юсту.

Великолепное колечко с блестящим камешком удачно разместилось у нее на безымянном пальце.

Минут через тридцать появились оркестранты, и легкая неназойливая мелодия разлилась по залу.

– Мы потанцуем? – спросил он.

– Обязательно, – ответила она.

Парочку танцев они, прижавшись друг к другу, покачались в такт медленным мелодиям. Он шепнул ей на ухо:

– Мы будем когда-нибудь мужем и женой?

– Когда-нибудь будем, – ответила она, – если только ты не

посадишь меня дома.

Они вернулись к своему столику.

– Юстинка, я понимаю, что тебе нужно какое-то занятие. Ты не можешь ничего не делать, но это твое общение с криминалом, мне кажется, не для тебя, такой тонкой и изящной женщины. – Он отпил немного шампанского и продолжил: – Мы можем подумать о смене твоего занятия. Ты можешь работать... ну, скажем, юристом в какой-либо фирме. Вот, к примеру, наш юрист всё время занят нашими редакционно-издательскими разборками.

– Да, конечно, подумаем, – весело ответила она и, чуточку покачавшись в ритме новой мелодии, спросила: – Как ты думаешь: почему меня называли Юстой?

– Ты же знаешь ответ. Родители твои увлекались, наверное, справедливостью.

Домой они вернулись уже за полночь.

– Ты спишь? – шепотом спросила она.

– Угу, – сквозь сон ответил он.

– Я совсем не верю, что она могла это сделать.

– Кто «она»? – переворачиваясь на другой бок, спросил он.

– Пуэла, кто же еще! – недовольно прошептала она.

– Ага, – сказал он, зевая. – Мы еще можем поспать? Или...

– Ты не хочешь меня понять? – с обидой прошептала она. – У меня завтра встреча с ней, а я не знаю, как себя вести.

– Успокойся, – уже почти проснувшись, произнес он. – Это дело с генералом тебе надо завершить компромиссно. Ты же сама говорила, что руководство всё расставило по своим местам. Тебе осталось это всё подтвердить.

– Подтвердить, – повторила она. – А вот подтвердить-то и не хочется. Ты совсем не хочешь мне помочь. Не хочешь? Правда, не хочешь?

– Хорошо, – ответил он. – Я хочу тебе помочь. Но как я могу это сделать? Вместе с тобой допросить эту несчастную женщину? Смешно!

– Да, смешно. Но мне-то не до смеха, – ответила она, поднялась с постели и прошлепала на кухню.

Он посмотрел на часы – до подъема оставалось всего лишь полчаса.

Она сидела напротив Юсты, и ее опустошенный, ничего не выражающий взгляд остановился где-то сзади за Юстой, на шершавой, некрашеной бетонной стене.

– Я могу закурить? – сухо спросила она.

– Да, конечно, – Юста протянула ей пачку дорогих сигарет и изящную зажигалку.

– Нет, спасибо, я свои, – она достала откуда-то из-за пазухи размятую, без фильтра сигарету и закурила.

Ее равнодушный взгляд немного оживился, и она нако-

нец-то обратила внимание на Юсту.

– Вы новый следователь? – спросила она, выпуская клубы едкого дыма.

Юста, внимательно рассматривая подозреваемую, ответила:

– Да, мне поручили ваше дело.

Перед ней в метре от стола сидела уже немолодая женщина. Неухоженное лицо ее, с явно заметными морщинами и характерными складками в уголках губ, придавало ей угрюмый и серый вид человека, прожившего непростой отрезок жизни. Когда-то темные густые волосы теперь выглядели поблекшими, с прорастающей проседью у висков. Зачесанные назад и перехваченные в узел на затылке, они изображали примитивную, простую прическу, которую, как правило, носят профессиональные уборщицы.

– Вы можете сделать заявление. У вас есть возможность что-то добавить или... – Юста осторожно подбирала нужные слова, – или изменить свои показания.

Женщина молчала. Взгляд ее снова стал равнодушным, и казалось, что все мысли ее были где-то далеко отсюда.

«Мне надо как-то ее расшевелить», – подумала Юста. Она досконально изучила дело. Сухие строчки протоколов допросов, осмотра места происшествия и обысков говорили только одно: эта женщина виновата.

– Пуэла, вы раскаиваетесь в содеянном? – Юста решила как-то соригинальничать, дабы вывести эту мрачную жен-

щину из оцепенения.

Пуэла, видимо, услышав свое имя, перевела взгляд со стены на Юсту и несколько секунд пыталась понять, что от нее хотят.

– Пуэла, вы слышите меня? – повторила Юста и продолжила: – Мне нравится ваше имя. Родители выбрали вам интересное имя.

Пуэла молчала, и только светло-серые глаза еле заметно отреагировали на последнюю фразу.

– Ваш свекор относился к вам не очень хорошо. Почему? – Юста задала этот вопрос, не ожидая какого-нибудь вразумительного ответа. Пуэла уже более десяти лет не общалась с генералом и со своим бывшем мужем, и только когда свекор серьезно заболел, она стала навещать его в госпитале.

Пуэла неожиданно тихо ответила:

– Они считали меня человеком не их круга.

– А зачем вы взяли с собой пуговицу от халата? – Юста почувствовала, что подозреваемая начала реагировать на ее вопросы.

Пуэла помрачнела и жестко буркнула в ответ:

– Я уже ответила на все вопросы. В протоколах всё есть.

– Но согласитесь: когда человек упал, а пуговица осталась на балконе, нет никакого смысла брать ее с собой.

Пуэла потушила окурок в железной пепельнице и, повернувшись к зарешеченному окну, показала всем своим видом, что отвечать не собирается.

Юста сменила тему:

– Кстати, что означает ваше имя – Пуэла? Родительская задумка как-то отразилась в вашей судьбе?

Пуэла, не отрывая взгляда от окна, нехотя ответила:

– Отразилась. Всё когда-то отражается.

– В протоколе указано, что вы последняя, кто видел генерала живым. Вы действительно видели его живым? До вас, получасом ранее, его посетил Ньюка. Вы встретили его в вестибюле госпиталя? Это так или вы разминулись? – Юста специально применила «гребенку», надеясь, что подозреваемая на какой-либо вопросотреагирует.

– Я уже отвечала: Ньюку я не видела, – буркнула Пуэла, – не могла я его видеть, не могла...

– Хорошо, хорошо, не волнуйтесь. Я поняла вас. Ньюка тоже на допросе подтвердил, что вас не видел, – как можно равнодушнее прервала ее Юста. – А вот скажите: кто из вас решил назвать сына Ньюкой? Вы, ваш бывший муж или свекор?

Пуэла потерла лоб рукой, как будто пытаюсь вспомнить то время, когда родился Ньюка.

– Это придумал муж. Дед не одобрял. Он вообще считал, что мы неправильно живем. А я... что я? Меня не спрашивали.

Пуэла повернулась лицом к Юсте и, глядя прямо ей в глаза, спросила:

– Вы понимаете, что значит, когда вас не спрашивают?

Вы можете это понять? – и, спохватившись, отведя глаза в сторону, тихо произнесла: – Я Ньюку не видела.

– Генерал, ваш свекор, любил Ньюку? – спросила Юста.

– Любил? – вопросительно повторила Пуэла. – Он обожал его, баловал безмерно. Воспитывал в своем духе, как это он понимал. Всё позволялось ему, но строгость почти армейская присутствовала.

– А как это можно совместить: «всё позволял» и «строгость присутствовала»? На мой взгляд, это несовместимые вещи, – удивилась Юста.

Пуэла криво улыбнулась и после долгой паузы ответила:

– Вот так и получалось: то всё можно, то всё нельзя.

– А вы как отнеслись к этой, так сказать, системе воспитания? – спросила Юста.

– Никак не отнеслась. Меня как воспитателя уже не было. Меня отстранили. Не спрашивали.

– А муж? – снова спросила Юста.

– Муж? – повторила вопрос Пуэла. – Муж был занят делами. Ему было некогда.

Пуэла жадно взглянула на пачку сигарет на столе, а Юста, перехватив ее взгляд, предложила:

– Курите, курите.

Пуэла с наслаждением затянулась дорогой сигаретой и неожиданно закашлялась.

– Непривычно, – сказала она, пытаясь сдержать кашель. – Вы эти ароматизированные курите?

– Нет, я не курю. Просто ношу с собой. Вот иногда кто-нибудь и закурит, – ответила Юста.

Пуэла подавила кашель и подозрительно заметила:

– Травите других.

– Можете не курить, – ответила Юста и сделала вид, что обиделась.

– Я устала, – прохрипела Пуэла. – Если у вас нет больше вопросов по существу, то можно меня отпустить?

– Да, для первого знакомства, пожалуй, хватит, – согласилась Юста.

На следующий день состоялась их вторая встреча. С подзреваемой что-то произошло, и она долго и монотонно, как бы отрешенно, пересказывала слова генерала, а Юста почти воочию представила себе то утро, когда молодой лейтенант, командир взвода, впервые оказался на передовой:

Предрассветный час – самый загадочный из всех часов суток. Ночь с ее тревогами и фантастикой снов близится к завершению. Впереди новый день с новыми ожиданиями и надеждами на удачу и успех. Такие переходы от прошлых забот к новым дают время, может быть, и очень краткое, для душевного отдохновения и восстановления утраченных сил и надежд. Какие только мысли не приходят в голову в этот загадочный час: и облегчение после тяжело пережитого про-

шлого, и слабое, едва ощутимое, и еще, может быть, иллюзорное ожидание маленького, но своего счастья.

Пронзительная тишина, казалось, затаилась в ожидании грохота взрывов и свиста пуль. Он, молодой лейтенант, еще только вчера расположившись со своим взводом на передовой, чутко прислушивался к незнакомым звукам фронтового утра. Где-то, как ни странно, в тылу грохнуло и затихло. На переднем крае тишина никак не отреагировала на далекий глухой звук. Молодые ребята кто как притулились в свежем окопе. Никто не спал, только два сержанта из «старичков» еще досматривали последние ночные сны. На востоке забрезжило. Ночное тепло прошлого дня ушло. Влажная прохлада опустилась в окоп, проникла под гимнастерку. сосед, молодой паренек без усов, поежился и, осторожно приподнявшись, вытянул шею, пытаясь разглядеть в утреннем тумане передний край противника.

– Назад, назад... – добавив крепкое словцо, прошептал лейтенант, – куда лезешь? Подстрелят враз.

Паренек, не глядя на лейтенанта, медленно опустился в окоп. Когда красная полоска только-только зарделась на востоке, канонада расколола утреннюю зарю. Грохот разрывов сотрясал воздух и землю, бил по ушам. Взвод прижался к земле. Паренек, пытаясь получить поддержку, втянул голову в плечи и повернулся к лейтенанту. Он явно старался подавить в себе страх, но широко раскрытые глаза выдавали его, и с каждой волной ударов он инстинктивно прижимался к

стене окопа, пытаюсь вжаться в землю, слиться с ней воедино. Взводный, как его только что обучили, сдавил ладонями уши и открыл рот, стараясь докричаться до паренька:

– Делай как я, как я...

Молодой боец, то ли услышав взводного, то ли по наитию от страха обхватил всю голову руками, прижал подбородок к груди и, сжавшись в комок, затих на дне окопа.

Канонада не стихала – гул то приближался, то удалялся. Видимо, доблестные пушкари утюжили не только передний край противника. Вдруг грохот прекратился. Еще с минуту глухой, еле различимый гул плавно затихал, как будто раскачавшиеся от ударов пласты земли не сразу смогли успокоиться. На секунду показалось: вот оно, счастье, можно отдохнуть. Но секунда пронеслась над окопом – и напряженное ожидание охватило всё вокруг.

Взводный посмотрел на часы и нервно, с фальцетом крикнул: «Вперед, за мной!» Продравшись по узкому окопу вправо, он выскочил наверх и застыл в ожидании остальных. Молодой боец появился последним. Он судорожно крутил головой, по-видимому, не очень понимая, что от него хотят. Наконец-то взвод полностью выбрался наружу. В стороне противника стояло плотное марево дыма, слабо освещаемое только что наступившим рассветом. Справа и слева из окопов появлялись бойцы. Издалека было не очень понятно, что они собирались делать. Шевеление было заметно, но движения вперед, единого порыва не наблюдалось. Взводный, пы-

таясь увлечь за собой бойцов, уже менее уверенно крикнул: «Вперед». Его учили: атака должна быть стремительной пока противник не очухался после артподготовки. Оглянувшись назад, он остановился. Бойцы явно не рвались вперед. «Старички», страшно ругаясь, тщетно пытались выстроить наступающих в цепь. Взводный в несколько прыжков вернулся назад и что есть силы заорал, разрывая связки: «Впере-о-од!»

Цепь, подчиняясь его дикому визгу, двинулась вперед, и только молодой боец почему-то оставался на месте. Он, обхватив голову руками, присел, и лишь глухое подвывание исходило от этого комка страха. Взводный подхватил бойца под мышки, поднял его и, толкая вперед, пытался не отстать от наступающих. Боец через несколько шагов уронил винтовку и с криком «А-а-а-а!» и поднятыми руками побежал вперед. Он не обращал внимания ни на своих, ни на взводного, ни на пока еще редкие выстрелы противника. Взводный выхватил пистолет, заорал ему вслед «Стой!» и, подражая «старичкам», попытался крепко выругаться, но получилось это как-то невнятно и неумело. Боец отреагировал на неожиданный крик, перешел на шаг, согнулся в спине и несколько раз оглянулся назад. Взводному даже показалось, что он улыбнулся, обнажив белые зубы на худых скулах. Остальные бойцы приостановились, наблюдая, чем закончится этот эпизод.

Пуэла раскурила уже третью подряд сигарету, затянулась и о чём-то задумалась, прервав свой рассказ. Через минуту

тишины Юста спросила ее:

– А что было дальше? Молодой боец пошел в атаку или... – она задумалась на несколько секунд и продолжила: – Сдался?

– Дальше... Дальше взводный застрелил его в спину. – Подозреваемая докурила сигарету и, завершая свой рассказ, грустно и тихо добавила: – Он считал, что за этот его поступок на него и свалилась эта тяжелая болезнь.

Юста кивнула головой в знак понимания чувств генерала и снова спросила:

– Он вам, наверное, много рассказывал о той войне?

– Нет, – ответила Пуэла, – только про этого молодого бойца.

– Бойцу этому было, я думаю, столько же лет, сколько сейчас Ньюке? – Юста попыталась перевести разговор ближе к делу.

– Ньюке? – переспросила Пуэла. – Да, наверное, столько же. Тогда забирали на войну в восемнадцать.

– Ньюка знал об этой истории? – Юста желала как можно больше узнать об этой семье.

Подозреваемая сразу замкнулась и долго – пожалуй, с минуту – не отвечала на вопрос. Пауза чрезмерно затянулась, но Юста терпеливо ждала реакции своей подопечной.

– Ньюка здесь ни при чём, – шепотом ответила Пуэла. – Он вообще не интересовался историей деда, – и, прокашлявшись, добавила: – Молодость живет другой жизнью. Всё на-

ше старое им неинтересно.

– Да-да. Неинтересно, – Юста машинально согласилась с ее словами.

– Вы пробыли у генерала всего несколько минут. Как же вы успели сделать это?

Лицо подозреваемой посуровело, на нём появилась пелена равнодушия, даже скорее глухого безразличия.

– Я всё уже сказала. В протоколах всё есть. Мне нечего добавить, – сквозь зубы процедила Пуэла и добавила: – Я устала и хочу назад в камеру.

– На тебя жалуются, – он был заметно недоволен. – Ты дергаешь людей, когда и так всё ясно.

Она сделала вид, что не понимает его. Пожав плечами и изобразив на лице удивление, спросила:

– А что случилось? Кто жалуется? Почему мне об этом ничего неизвестно?

– Не притворяйся – тебе это не идет. Ты всё прекрасно понимаешь. Дело генерала. Что тебе там еще не ясно?

– А-а... – сотворив легкую улыбку, протянула она. – Да всё почти понятно. Есть подозреваемая, она же обвиняемая. Она же дала признательные показания. Она же обиженная семьей. Она же...

– Так и что же? – он прервал ее ворчливый голос.

– Наследство и наследник, – ответила она.

– Не понимаю. При чём здесь это? Да ты садись. Садись, – начальственный тон ослабел, и в его голосе появились дружеские нотки.

Юста присела на самый дальний стул за длинным столом большого кабинета шефа. Шефа за глаза называли Наши-Ваши – то ли от фамилии Нашин, то ли от гибкости характера: умел Наши-Ваши всем угодить.

– Какое наследство? – спросил Наши-Ваши, когда она расположилась на дальнем стуле.

– Наследником генерала по завещанию является его внук Ньюка. Ньюка... – и она назвала известную в городе и не только фамилию.

– Ну и что? Мало ли случаев, когда внукам отписывают наследство?

– Да, такое случается, но внук-то шалопай страшный.

– Ну, вот тебе раз! Дед и шалопая должен любить. Такая судьбина дедов – любить внуков. – Наши-Ваши всё-таки несколько насторожился: – А почему шалопай? Хулиганит по молодости?

– Да так, по мелочам, – стараясь быть равнодушной, ответила она.

– Ну вот, тогда совсем тебя не понимаю. Объясни: что значит «по мелочам»?

– Был замечен в торговле наркотиками. Да и с мошенниками связался – пенсионеров облапошивал по схеме призо-

вых покупок. Генерал уже дважды его, как говорится, отмазывал.

– Так-так... – отреагировал Наши-Ваши. – А велико ли наследство?

– Точно неизвестно, но по косвенным данным, недвижимости полно, в том числе и за границей.

– А откуда у бывших боевых генералов такие богатства? – шеф внешне искренне удивился ее заявлению.

– Вы совсем забыли, кем является сын генерала? – она не поверила, что Наши-Ваши не знает сути дела.

– Да-да. Помню, помню. Кстати, он звонил нашему – интересовался ходом дела. Я доложил, что расследование находится в стадии завершения. Завершения ли?

Она по-деловому ответила:

– Мне необходимо еще две недели.

– Хорошо. Две недели у тебя есть.

Наши-Ваши вызвал секретаря – аудиенция закончилась.

После дня рождения время как-то ускорилося. В заботах дни мелькали гораздо быстрее, чем раньше. Вот и неделя уже пролетела. Она встречалась с бывшими и нынешними друзьями генерала. Мнения по этому случаю у всех были разные. Старые знакомые настороженно отнеслись к версии самоубийства. Новые болтали о чём угодно, но только не о де-

ле – после этих бесед все домыслы и сплетни об этой семье еле умещались в ее голове. Наши-Ваши держал слово и не беспокоил ее.

Она несколько раз делала попытку встретиться с сыном генерала, но из-за его постоянной занятости и командировок ей это никак не удавалось.

Ньюка после похорон деда вообще исчез, точнее, улетел куда-то далеко со своей компанией, и, соответственно, общаться с ним также не получалось. Юста уже начала сомневаться в том, что сможет завершить дело генерала за две недели, которые она сама себе и назначила.

– Вы еще очень молоды и нас... – он, наверное, хотел сказать «стариков», но, подумав, сказал: —... старшее поколение иногда не понимает. Это как в одной песне, – и он процитировал неизвестные ей строчки:

«Что молодость? В чём прелесть этих звуков?

Порыв, надежда, радость и любовь,

И сладостные грезы, даже муки,

И каждый день ты проживаешь вновь.

А старость? В чём ее заслуга?

Что нам сулит ее судьба?

Всё знаем мы, и наступает скука —

Прекрасная осенняя пора».

Он на минуту замолчал и, казалось, что-то вспомнил из того далекого, где-то там, в годы свои молодые. Глаза его чуточку оживились, какие-то озорные искорки появились в них. Потом, возвращаясь в действительность, он вздохнул и, немного стесняясь невольной созданной им паузы, заговорил снова:

– Наверное, и у вас бывает такое: казалось бы, невзначай, не к месту, что-то вспомнится из того, что было. А к чему вспомнится? И сам не можешь понять. Ассоциации, и более ничего... Так вы говорите, что она созналась во всём? Странно, весьма странно. Они уже давно не живут, то есть не жили вместе. – Он отпил глоток уже остывшего кофе, машинально поправил седую прядь волос. Почему-то оперся о ручку клюки, как будто собрался встать, и продолжил: – Я думаю, генерал не мог совершить над собою такое. Кто-то помог ему это сделать. Я боюсь, опасаясь высказывать предположения, но думаю, вы профессионал – знаете лучше меня, какие принципы здесь применить.

– Вы имеете в виду, кому это выгодно? – вежливо вставила она.

– Да, вот именно. Кому? Мы с генералом виделись почти месяц тому назад. Не могу сказать, что он был подавлен или как-то чрезмерно задумчив. Да, обстоятельства болезни, я думаю, его беспокоили, но он тщательно их маскировал за желанием шутить и мемуарничать. Мы служили долгое вре-

мя вместе. Так, в последний раз он вспомнил забавный случай, что произошел с нами в конце войны. Да, я вижу, вам это не интересно?

Он склонил голову набок, пристально посмотрел ей в глаза и слегка улыбнулся.

– Нет, что вы, мне интересно всё, – встрепенулась она, прогоняя какие-то свои мысли. – Простите, я, может быть, чуточку отвлеклась.

– Да-да, конечно, у вас сложная задача – раскрыть преступление, а я тут болтаю о ерунде какой-то.

– Еще чашечку кофе? – предложила она. – Ваша уже остыла.

– Нет, спасибо, мне этого зелья много нельзя. А рассказ мой, если позволите, будет не очень долгим:

Мы с генералом, тогда еще будучи капитанами, оказались в одной лодке со старшиной-хозяйственником. Переправлялись через речушку. Речушка-то тьфу – метров пятьдесят в ширину, – правда, с течением и под левым берегом глубока была. Суденышко наше утлое особого доверия не внушало, но другого под рукой ничего не нашлось. – Он неспешно оглядел почти пустое кафе, как будто хотел найти что-то похожее на ту лодочку из своих военных воспоминаний. – Я постараюсь рассказывать без «картинок». Я полагаю, вы понимаете, что военные диалоги машинально, как бы естественно, сопровождались специфическими словечками. Конечно, без них рассказ может быть бедным, но сейчас, я ду-

маю, эти штучки будут ни к чему.

Она кивнула головой в знак согласия.

– Плыдем мы, значит, потихоньку: два молодца и весьма грузный дядька. Тогда он нам казался уже почти стариком. У дядьки битком набитые чем-то два вещмешка, да и карманы гимнастерки выпирают, словно груди. Товарищ мой и спрашивает этого старшину: мол, что за ценности перевозим? Может, боеприпасы новейшего образца везем, так, мол, и так? Старшина молчит, только хмурится всё более – лодка водицей наполняться стала. Плыдем дальше, на середину с грехом пополам выбрались. Вместо весла какая-то дубинка, то есть что под руку попало. А вода уже почти сапоги заливает, борта еще торчат над водой, но перспектива плыть, так сказать, своим ходом, без судна уже налицо. Старшина заерзал, и голос его прорезался пугливый. Говорит: «Потопнем же! Ни за грош пропадем, туды твою растуды!» – «Не бойсь», – отвечаем мы, – «Выплывем с полречки-то», мол, – «Ерунда, раз эдак, осталась. Только боеприпасы свои тебе, дядька, бросить надо бы, а то, – говорим, – плохо тебе будет». – «Братцы, сынки родненькие! – завыл дядька, когда момент критический настал, лодка подлодкой оказалась. – Спасайте меня! А то так и так – потопну». А сам за мешки свои держится, словно круги спасательные у него по бокам. (Сейчас, когда я это рассказываю, забавно получается, а тогда нам не до смеха было.) Лодка, полная воды, где-то под нами, мы сидим по грудь в воде. Дядька орет не понять поче-

му, не барахтается, стараясь выплыть, – мешки свои держит. Тут серьезно всё выглядело. Спасаться самим надо и дядьку спасать надо. Кое-как оторвали мы его от мешков. Слова всякие ему говорили: «Мол, что же ты, батя, так, мол, раз эдак, от мешков еле отрываешься? Нехорошо, мол, ведешь себя! Эдак все утопнем с твоими боеприпасами». Барахтаемся что есть силы, дядьку тащим за собой тяжелого. К берегу прибились еле живы, запыхались ужас как...

Он остановился, словно хотел отдышаться, как тогда, на берегу безымянной речушки десятки лет тому назад.

Юста представила себе троих мужиков, лежащих у воды и, наверное, счастливых от сознания того, что спаслись все, все живы и что, наверное, скоро конец войне, и подумала:

– Они были безмерно счастливы. Все счастливы, кто выжил на той войне.

В кафе забрела небольшая компания – девица и три парня лет шестнадцати. Веселые, розовощекие, говорливые, они шумно разместились за соседним столиком, что-то заказали себе и не переставая громко общались между собою.

– Да, молодежь априори счастлива и весела, не обремененная жестоким опытом. Всё правильно – так и должно быть. Мы тогда были счастливы и молоды, как они, – он кивнул в сторону веселой компании, – и не имеет значения, в каких обстоятельствах эта молодость оказалась. Хотя обстоятельства бывают разными, – и он на минуту задумался, а затем продолжил: – Выползли мы повыше на берег, а дядька, смот-

рим, горюет по мешкам. Мы ему: «Батя, брось печалиться, ну их, мешки-то эти, раз их раз так! Выплыли – и слава богу!» А дядька никак не хочет развеселиться, горюет всё по мешкам. Тут уж и мы с товарищем запечалились. Видать, ценные мешки, а не дай бог что-то ответственное, секретное в них было – загубят батю нашего тогда органы! Сидим, потихоньку в себя приходим, воду из сапог сливаем. Соображаем, как бате нашему помочь. «Батя, а что там у тебя в мешках-то было?» – осторожноенько спрашиваем его. Батя расстегивает карман гимнастерки и достает оттуда наручные часы. Там их у него штук с десятков набито. – «Кхе, – говорим мы, – ну ты, батя, даешь, а мы-то думали... А оно вот как, часики трофейные! Эко добро?» А батя, наблюдаем, отходит от уныния потихоньку и возражает нам в ответ: – «Вы, сынки, молоды еще, многого не понимаете. Война скоро, видать, кончится, домой все вертаемся». – «А ты что ж, батя, торговать часиками после войны собрался?» – эдак язвительно, с извинениями спрашиваем его. Отвечает нам: «Зачем торговать? У нас село большое. До войны под пятьдесят дворов было. Всем, кто там натерпелся за лихолетье, подарки будут, как награда за терпеливость. Эх! – он крякнул и высыпал на песок все трофеи свои из карманов. – А теперь куды это всё годится? От воды заломалось всё». Мы с товарищем притихли, достали свои фирменные на цепочках часы и вручили дядьке.

Пора было прощаться. Она помогла ему встать и, прово-

жая до двери, спросила:

– А генерал был богатым человеком?

Он не сразу понял вопрос и переспросил:

– Богатым? Что вы имеете в виду: уж не часики ли трофейные?

– Нет, не часики, – ответила она. – Я имею в виду богатство в нынешнем его понимании.

– Он тяготился этим: не его это всё, не его... – и, опираясь на палку, он не торопясь двинулся прочь от кафе.

Он появился снова у редактора через несколько дней, уверенно уселся на место посетителя и с некоторой торжественностью выложил свою папку на стол.

– Вот доработанный вариант. Мне думается, что можно печатать.

– Вы хотите сказать «опубликовать»? – редактор с тревогой посмотрел на папку, и ему показалось, что ее пухлость увеличилась с прошлого раза вдвое.

– Да, публиковать, – поправился посетитель.

– Вы откорректировали «снующие ракеты»? – машинально спросил редактор без особой надежды в этот раз отвертеться от новоявленного автора.

– Да, теперь они летают, – ответил посетитель.

– Хорошо, оставьте рукопись, – редактор решил взять по-

следний тайм-аут.

– Дядя сказал, что вы можете напечатать в следующем номере, – посетитель не собирался уходить.

– Да? – несколько вопросительно ответил редактор.

– Я бы хотел знать: под какой рубрикой пойдет публикация? – спросил посетитель.

Редактор задумался.

– Я могу вам предложить на выбор несколько, – и он перечислил: – «Дебют», «Новые авторы», «Проба пера».

Теперь задумался посетитель:

– А вы сами мне что посоветуете?

Редактор потихоньку закипал изнутри, но держался.

– Для вас мы можем придумать что-нибудь пооригинальней, чем то, что я сейчас предложил. Ну, например... – редактор закатил глаза к потолку и выдавил из себя: – Ну, например... «Новизна дебютная».

Теперь пришла очередь закатить глаза к потолку посетителю. Он, прислушиваясь к собственному голосу, тихо повторил услышанное и спросил:

– Это будет новая рубрика?

– Да, – с глубоким кивком головы твердо ответил редактор.

– Хорошо, – нараспев согласился посетитель. – А можно, я приведу к вам приятеля? Он еще не литератор, но очень интересный человек.

– Нет уж, нет и нет! – взмолился редактор. – Мы уж с вами

как-нибудь вдвоем опубликуемся.

– Вы меня не поняли, – искренне удивился посетитель. – Он просто интересный человек. Оригинальный парень, мой товарищ. Шутник. Я думаю, вам, как редактору, надо знать нас – современную молодежь. Вы же молодежное издательство. И дядя говорит, что мне надо дружить с такими людьми. Это известная семья, – и он назвал фамилию генерала.

Редактор остолбенел и несколько секунд лихорадочно соображал: «Это тот генерал, про которого мне говорила Юста!»

– А как зовут вашего друга? – уже почти дружелюбно спросил он.

– Ньюка. Ньюка... – и посетитель повторил известную в городе фамилию.

– А чем занимается ваш друг? – редактор еще не верил такой удаче.

– Пока еще ничем. У них недавно умер дед. Ньюка сейчас отдыхает где-то от стресса.

– Приводите, приводите Ньюку обязательно! Когда это может произойти? – плохо скрывая нетерпение, спросил редактор.

– Он возвращается на следующей неделе – так я сразу же его и приведу, – ответил посетитель.

«Нормальный врач, нормальный человек. Боится за свое место – естественная реакция. Ничего подозрительного», – подумала Юста, когда мужчина средних лет в белом халате, расположившись перед ней на черном диване, отвечал на ее вопросы по этому делу.

– Зачем вы скрывали от пациента степень тяжести его заболевания?

Врач не сразу ответил – он тщательно обдумывал свои слова:

– Я обязан отвечать на этот вопрос?

– Здесь и сейчас – нет, не обязаны, но мы можем переговорить официально. Я вызову вас как свидетеля, – ответила она.

– Да какой же я свидетель? – несколько волнуясь и стараясь возмутиться, спросил он. – Я врач. В тот злополучный день, да, я действительно дежурил. Но то, что произошло с пациентом, мне стало известно только по истечении получаса. Медсестра оповестила меня, когда было уже поздно.

– С медсестрой я обязательно побеседую. А сейчас мы общаемся с вами, и вам решать, как мы продолжим беседу, – ответила она.

Он убрал руки с колен, положил ногу на ногу, проскрябал небольшую щетинистую бородку и, возможно, пригото-

вился защищаться. Юста много раз наблюдала такие закрытые позы и, не дожидаясь его дальнейших действий, прямо спросила:

– Вы боитесь раскрыть некоторую семейную тайну? Не бойтесь: мы беседуем без свидетелей и без записей. Я могу заверить вас, что своими действиями не причиню вам вольно или невольно какой-нибудь ущерб.

– Вы полагаете, я должен поверить вам на слово?

Она искренне улыбнулась и ответила:

– Вы думаете, что я очень коварная дамочка и мне нельзя верить?

Он немножко расслабился, хотя редкое покачивание ботинком выдавало некое движение мыслей и внутреннее напряжение.

– Не знаю, не знаю, – он включился в игру. – На вид вы внушаете доверие, но только на вид.

– Так вы опасаетесь меня? – спросила она снова. – Даже тогда, когда на первый взгляд вам ничто не угрожает?

Она почувствовала, что он пытается понять, какую линию поведения ему выбрать: замкнуться бирюком или подыграть ей, не зная, чем это может закончиться. Она уловила его растерянность и снова улыбнулась, давая понять, что догадывается о том, что он сейчас испытывает.

В дверь постучали. Они оба ответили: «Войдите». Это синхронное «войдите» сняло его напряжение, и она заметила это. В дверях появилась девушка в белом халате:

– Доктор, вас просят зайти к главному.

Он быстро ответил:

– Через пять минут буду, – и, посмотрев прямо Юсте в глаза, добавил: – Об этом просил его сын.

Она дважды кивнула головой, показывая, что это ее не удивило и что об этом она догадывалась с самого начала.

– Я могу идти? – спросил он.

– Да, конечно. Спасибо вам, – ответила она.

Лето было на исходе. По ночам появилась прохлада, но дневная жара еще не отпускала. По утрам холодная роса накрывала густую траву, и утренние туманы нередко висели над полями, яблоневыми садами, и только верхушки хаток и деревьев то там, то здесь виднелись над молочной пеленой.

Дед запрещал ей с подружкой ночевать в саду в шалашике. Он воспитывал их и журил:

– Застудитесь, девки! Ой, застудитесь! Ой, попадет мне от родителей!

Она потом, уже став взрослой, часто вспоминала те летние деньки и счастливые ночи в яблоневом саду деда. И вот сейчас, изучая материалы дела, она почему-то вспомнила, как грызла огромные яблоки в шалаше, а с неба падали крупные капли дождя от уходящей тучи, и вдали за пологими холмами уже сияло солнце.

Хатка деда располагалась на краю небольшой деревеньки и была, наверное, такая же древняя, как и сам дед, весь седой и морщинистый. Он щурился на солнце, и в такие минуты глаза его – щелки – излучали какое-то домашнее тепло. Даже когда дед сердился на них за проказы, они его совсем не боялись. Дед был добрый и мудрый.

Его хатка единственная в деревне была покрыта соломой, тогда как остальные соседи изладили кровли из дранки, железа, а у некоторых уже появился тогда еще новый материал – шифер.

Дед отказывался менять солому на что-то новое, приговаривая:

– Всё должно быть натуральным, а солома – она ведь почти живая. Она чует и дышает во время дождя – помнит, как в поле стояла.

Еще ей запомнились сумеречные посиделки в хате, когда дед после вечернего травяного чая с вареньем рассказывал им деревенские истории: иногда веселые, иногда страшные – про чертей и нечистую силу, которая в изобилии в те времена водилась в округе в глухих лесах и болотах.

Страшные истории им нравились больше всего, потому что щекотали нервы, но всегда имели счастливое окончание. Одну историю она помнила до сих пор. Утомленный чаепитием дед издали начал свой рассказ:

– Загуляла на деревне молодежь. Песни, хороводы, гармошка играет. До глубокой ночи шумела деревня. Осень.

Урожай собран. Праздник.

Утерев полотняной тряпкой лоб, дед продолжил:

– Я, как есть молодец, среди девок сную, веселуху играю, глазами стреляю, молодец забавляю. Уж звёзды высыпали. Глазами стреляю, молодец забавляю. Уж звёзды высыпали. Горят на небесах. «Пора бы, – думаю, – и к дому на хутор подаваться». В ту пору семья наша большая на хуторе хозяйствовала, версты за полторы от деревни. Крикнул я братишку: мол, до дому пора. А он разгулялся – молодой, впервой на такой веселухе оказался, – кричит в ответ: «Ты иди, я, значит, тебя догоню». Ну, я и пошел по тропочке через жнивье – так прямее было. Иду, ногами тропку щупаю, а как-то темно совсем стало. Видать, тучки надвинулись. Ничегошеньки не видно, хоть глаз коли. Чую, тропку потерял. Аж присел, руками стерню щупаю – нет тропки моей! «Эка – думаю, – попался паря, будешь до утра плутать в темноте». Стою, думаю: что делать? Так стоять до рассвета или шариться по полю – может, дорожку отыщу свою?

Прислушался – тишина, ни звука. Глаза растопырил, головой верчу – ничего... Запужался, конечно, маленько. А как же: мало ли чего в голом поле? Вдруг чую – тень, что ли, или еще чего, сажень в десяти от меня двигается. Обрадовался – думаю, братишка догнал меня, домой торопится. Крикнул я – не останавливается. Я за ним, полегонечку вроде приближаюсь, а догнать никак не могу. «Ну, – соображаю, – видать, задумался братишка после гулянки, не слышит ничего». Иду, стараюсь тень не потерять, уж думаю – хутор дол-

жон быть. Ан нет. Идем так с братишкой и идем. Чую – трава пошла. Ну, как видно, хутор недалече. Тута бах – дрызь, провалился я в яму. Жижа вокруг, треста, да вроде камыша еще что-то. Барахтаюсь, ничего не пойму с перепугу. «А-а-а...!» – завыл, тишина в ответ. Сел, где посуше, кумекаю: где это я оказался? Туды-сюды руками щупаю. Кажись, канава с болотиною. Тута просветление на меня нашло. Канава та, мужиками прорытая несколько годков тому для подсушки дороги, идет к нашей копани хуторской. «Вот оно как, – думаю, – эко я в сторону забрал с братишкой!» Поаукал я еще раз – не слышать его. Встал, да так по канаве к хутору и выбрался. На сеновале отлежался, а утром как родичам рассказал, как плутал, так старики сразу определили: чёрт водил меня. Да, слава богу, в болото не завел на погибель мою.

Дед откашлялся и, завершая свой рассказ, спросил:

– Ну, что, девоньки, в сад пойдете, а чертей не запужаетесь?

– Не запужаемся, дедушка, – ответили они дуэтом. Но спали эту ночь в шалашике тревожно, поджимая пятки, – вдруг черти щекотаться начнут.

С небольшой фотографии на нее смотрел юноша – внук генерала. Ньюка, наверное, снялся сразу после восемнадцатилетия. Она всматривалась в это лицо мальчика-юноши

и пыталась понять: кто он, этот отпрыск ветерана? Молодое, чуть худощавое лицо равнодушно смотрело в объектив. Ньюка совсем не был похож на деда.

«В мамину породу пошел мальчик», – подумала Юста.

Чуть суженные глаза, прямой нос и тонкие губы намекали на некоторую жесткость характера, хотя по физиономии такого возраста ничего не определишь, кем будет данная начинающая личность.

«Интересно: о чём он разговаривал с дедом? Он был предпоследним посетителем генерала, – спросила она себя и добавила: – Вот, уже с фотографией разговариваю! Пора поговорить с оригиналом».

Она дня за два успела побеседовать где-то основательно, где-то впопыхах с его учителями и бывшими одноклассниками – с теми, кто соглашался хоть что-то сказать о Ньюке. Картина вырисовывалась пестрая. Ньюка не был лидером в прямом смысле этого слова, скорее он подстраивался под других, но некоторые его поступки намекали, что лидерство было спрятано у него глубоко где-то внутри. Друзей особых, закадычных у него не было – так, приятели одни. Девчонки любили с ним оказаться в людном месте – где-нибудь в кафешке. Он угощал их вкусностями и мороженым. Карманные денежки у него завелись рано. Пацанам он ссуживал их под небольшой процент, и они особо дружить с ним не рвались, но и не чурались его. У него всегда можно было одолжить деньги для разных потреб. Учителя отзывались о нём

неплохо: учился хорошо, но в пятерочки не стремился. Зубрилой не был. Словесница души в нём не чаяла. Эдакая у нее странная любовь проявилась к ученику. Все высказывания о нём только в превосходной степени. Когда Юста с ней беседовала, ей даже показалась в этом обожании какая-то ненормальность. Говорить об ученике «мой любимый мальчик» – слышать это от дамочки за тридцать как-то, как показалось Юсте, странновато. Что бы ни сотворил этот любимый мальчик, всё было оправдано цельной натурой ищущего молодого человека. А когда Юста заикнулась о матери этой цельной натуры, словесница скривила розовые губки и ответила явно недружелюбно:

– Она не могла его правильно воспитать. И слава богу, мальчик был лишен этой вредной опеки.

– Вы думаете, воспитание без матери пошло ему на пользу? – спросила Юста.

– У мальчика прекрасный отец. Он сделал всё для сына. Всё, что может сделать современный состоявшийся мужчина.

– А дед? Дед воспитывал Ньюку, то есть он как-то влиял на него? – снова спросила Юста.

Словесница насторожилась и, подумав, ответила:

– Генерал... – она назвала его фамилию, – был человеком того прошлого, которое мы, конечно, чтим, но живем-то мы сейчас, сегодня. Вы, надеюсь, меня понимаете. Генерал жил прошлым, и я думаю, что мальчик понимал это. Прошлым

жить невозможно.

– Но без прошлого нет будущего. Так говорят мудрецы, – заметила Юста.

– Да-да, – спохватилась словесница, – мудрецы, конечно, правы. Ньюка мудрый мальчик. Он готовит себя к новой жизни. Тем более что у него есть такие возможности.

– Готовит к новой жизни? – переспросила Юста.

– Да, без комплексов, – ответила словесница. – Без этого романтизма, свойственного инфантильной личности. Чистый прагматизм.

– Вы собираетесь воспитывать одних прагматиков? – спросила Юста. Ей было интересно, как далеко заведет свои прагматические мысли эта учительница.

– Уж как получится, – ответила словесница. – Я веду их с пятого. Приходят несмышленыши разные. А жизни нужны прагматики. Вот и стараюсь научить жить. Брать, так сказать, от нее всё. Не нюни распускать, а брать не стесняясь, что кто-то что-то скажет.

– А отдавать вы их учите? – удивленно спросила Юста.

– Отдавать? Учу. Только сначала надо взять, а уж потом лишним можно и поделиться.

– А как же «Сам погибай, а товарища выручай»? – Юста не хотела ввязываться в спор и уже пожалела, что привела известное выражение.

Словесница, как бы изучая Юсту, прищурилась и, видимо, почувствовав, что со следователем спорить не стоит, сде-

лала, как ей самой показалось, дружескую улыбку:

– Да, классика всегда полезна. Классику надо знать, какая бы она ни была.

Они нарочито вежливо распрощались, и Юста в школе больше ни с кем не пообщалась.

– И что теперь ты намерена делать? Встретиться с Ньюкой у меня в кабинете никак нельзя! Нас с тобой сразу разоблачат.

Юста сидела в кресле, закутавшись в большой плед, и слушала его.

– Ты, конечно, можешь с ним столкнуться, как будто случайно, у входа или в наших коридорах. И что ты ему скажешь? «Здрасьте, я следователь по делу вашего деда. Прошу побеседовать». Смешно как-то получается. Судя по настрою твоего шефа, тебе заманить к себе Ньюку не удастся. Он просто проигнорирует твои повестки и просьбы.

– Конечно, ты прав, – сказала она, пожившись от вечерней прохлады.

Пора было идти в дом, но так не хотелось уходить с веранды в такой тихий вечер!

– Ты можешь разговорить его сам – ты же инженер человеческих душ.

– Разговорить, разговорить... – он несколько раз повторил

это слово, прохаживаясь вдоль открытых окон. – Он будет не один. С этим молодым дарованием от дяди. И что ты хочешь получить от Ньюки? Ты его подозреваешь?

– Я должна разобраться до конца. Это моя работа, – ответила она.

– Он может еще и не прийти, – сказал он. – Хотя ты, конечно, права. Воспользоваться таким случаем надо обязательно. Я постараюсь их разговорить. Сыграю с ними в литературную игру. По крайней мере, попытаюсь узнать, как он общался с дедом-генералом.

– Вот и правильно. Поиграй с ними, – согласилась она. – А что это за игра такая? Со мной ты ни разу не играл, – стараясь покапризничать, она продолжила: – Давно со мной ни во что не играешь, инженер литературный!

– Юстинка, видимся-то мы только ночью, когда спим. Ты стала страшно занятым человеком. А поиграть – да хоть сейчас!

Он вошел в дом и вернулся с толстой книгой в руках.

– Игра простая. Мы ее практиковали еще на первом курсе. Курьезные вещи получались. Я наугад открою страницу и прочту тебе кусочек классического текста из романа, а ты должна продолжить сюжет, как тебе это захочется. И эту процедуру мы повторим несколько раз. Бывали случаи – получались неплохие рассказы.

– Ты думаешь, что твои собеседники будут играть в это? – удивленно спросила она и добавила: – Это, наверное, очень

трудно.

– Да, трудно, если мозгов совсем нет, – согласился он. – Хочешь попробовать?

Она вяло усмехнулась и тихо ответила:

– Сейчас у меня точно мозгов нет. Просто почитай мне что-нибудь свое, а я отдохну.

Он положил толстую книгу на столик, достал небольшой блокнот и начал читать монотонно без выражения, как обычно читают авторы свои тексты:

– «Долгой зимней ночью что только не приснится деловому человеку, если он целыми днями крутится как белка в колесе, а дома вечером только и успевает, что проглотить ужин и донести себя до постели.

Вот и в тот вечер он ввалился домой поздно. Ребятишки уже спали, а полусонная супруга в каком-то древнем халате скоренько что-то там подогрела и поставила на стол пару тарелок и чай со словами:

– Я пойду, ты уж сам справишься. Посуду не мой – я завтра всё уберу.

Он разоблачился, скинул ненавистный галстук, который сегодня как-то неудачно забрызгал подливой в обед, и разместился за столом ужинать.

“Плохой день понедельник”, – подумал он и машинально разжевал кусок чего-то теплого.

Его сегодня дважды вызывали “на ковер”. И он, исполнительный работник с десятилетним стажем, отдувался за сво-

его молодого зама...»

Юста под монотонный текст задремала. Он остановился и посмотрел на нее, на это милое лицо и красивые каштановые волосы. Он не знал, как ей помочь развязаться с этим странным делом генерала.

Она открыла глаза:

– И чем закончилась эта история?

– Еще ничем, я только что начал ее описывать, – ответил он. – Наверное, надо перебраться в дом – уже поздно. Завтра рано вставать.

«Наскоро ополоснувшись, он плюхнулся в постель и сразу же заснул. Проснулся он среди ночи и сначала никак не мог понять, где он. Большой кабинет с красной ковровой дорожкой намекал ему, что он не у себя. Покрутив головой, он обнаружил его – того, что вчера сказал ему обидные слова:

– Мы с вами вряд ли сработаемся.

А он растерялся и не смог ничего ответить; руки как-то отвисли и стали как будто не свои. Он стоял, поверженный этой фразой. А этот, без году неделя появившийся в их начальственных кабинетах, наверное, наслаждался своей административной силой. Супруга окликнула его где-то сзади:

– Не перечь, не связывайся!

– Да, не буду, не буду, – мысленно ответил он и с удивле-

нием обнаружил, что стоит посреди этого административного антуража в ночной пижаме и тапочках.

“Ну вот, сейчас еще одно замечание сделает за ненадлежащий вид”, – подумал он и опустил глаза.

А этот “индюк надутый” как раз и заметил его домашний вид и с издевкой прошипел, не вставая из-за стола:

– Ну, вы совсем не соблюдаете! Ну не знаю, не знаю. Думается... – и он снова произнес эти обидные слова: – Мы с вами вряд ли сработаемся.

Что произошло дальше, он помнил плохо. Это было словно во сне, словно не с ним. К его удивлению, одежда его вдруг преобразилась: на нём красовались великолепный деловой костюм, идеальная белоснежная рубашка и его любимый галстук.

– А вы думаете, мне доставляет удовольствие работать с вами? – выпалил он, глядя прямо в глаза этому “индюку”, и добавил уже совсем спокойно: – Вы, – он намеренно не назвал “индюка” по имени, – неграмотный руководитель и, к сожалению, не понимаете это. Мне вас жаль.

“Индюк” вскочил из-за стола и что-то бормотал себе под нос. Стараясь выглядеть солидно, он несколько раз брался за папки с бумагами, но солидность не очень-то получалась. “Индюк” был молод, и навык бюрократической заскорузлости им еще не был освоен. От бормотания “индюка” он слышал только обрывки каких-то фраз:

– Самоубийца... Административный суицид... Сошел с

ума...

На фоне этих слов он развернулся и не спеша вышел из кабинета.

– Котик, ты кричал во сне, – растормошила его супруга, – тебе пора вставать.

Он догадался, что “индюка” он победил во сне. Несколько минут он с удовольствием вспоминал сон и подумал, что когда-нибудь потом он скажет эти слова. А впрочем, может, и не скажет».

Утром за чашкой кофе Крео ответил ей на вчерашний вечерний вопрос:

– Во вчерашней истории главный герой прямо без страха назвал своего начальника дураком.

– Такой смелый? – спросила она.

– Да, такой смелый – во сне, – ответил он.

Они оба заявили к редактору во второй половине дня. Старый знакомый – начинающий литератор от дяди – и его приятель Ньюка без особого стеснения расположились в гостевых креслах рядом с журнальным столиком.

– Это Ньюка, – литератор от дяди кивнул головой в сторону молодого человека, спокойно озирающего обстановку кабинета.

– Располагайтесь, – как можно любезней произнес редак-

тор. – Да вы, молодцы, без церемоний. Это правильно, – он встал из-за стола и, заняв свободное кресло, присоединился к гостям. – Ну-с, рассказывайте, как прошло время? Каковы творческие планы? Нам в редакции всё интересно знать о молодежи.

– Вот, думаю взяться после «Космодрома» за серьезный роман, – абсолютно уверенно ответил дядин племянник.

– А вы, Ньюка, тоже пишете? – спросил редактор.

– Нет, я не пишу, – равнодушно ответил Ньюка.

– Нет желания, или... – редактор осторожно подбирал слова, – или творите в какой-то другой области?

Ньюка пожал плечами и ответил:

– Я еще не выбрал, где творить. Буду пробовать в разных местах.

– А ваш приятель, думаю, уже опубликуется в следующем номере, – редактор пытался ненавязчиво разговорить гостя.

– Он талант. Он еще в школе писал и писал, – с еле заметной иронией, а может быть, и завистью произнес Ньюка, – и сейчас всё пишет и пишет. У меня так не получится.

– Этому можно легко научиться, – продолжил тему редактор.

Ньюка снова пожал плечами и ничего не ответил.

– Что же это мы без чая? Чай, кофе? – предложил редактор.

Гости согласились на кофе. Они молча наблюдали, пока редактор копошился возле бара.

– Секретаря-помощника нет – сам кручусь, – оправдывался редактор, выставляя на столик сладости и чашки со свежеприготовленным кофе из автомата.

Гости зашуршали обертками от конфет и приступили к кофепитию. Выждав небольшую паузу, редактор продолжил разговор:

– Так я и говорю: этому ремеслу можно легко научиться. Вот вы, – он обратился к племяннику, – не сразу стали писать относительно большие произведения. Начинали, наверное, с малого – так, вроде этюдов на тему?

Племянник, дожевывая очередную конфету, кивнул головой. Редактор удовлетворенно продолжил:

– Это совсем не плохое занятие – литераторствовать; по крайней мере, не хуже других. Можно заработать и интересно жить. Недаром писателей нынче хоть пруд пруди. Правда, супер – как вы, молодежь, выражаетесь, – немного, но ремесленников, в хорошем смысле этого слова, немало. Кто-то пишет, кто-то читает.

Ньюка уверенно возразил:

– Заработать способов много, а вот много заработать не у всех получается.

– Согласен с вами: писательский труд тяжелый, но результат может порадовать известность. Слава – это если стать популярным. А большие деньги в неизвестности как-то скучно – мне так кажется.

– Когда появятся большие деньги, можно кем угодно

стать, и писателем тоже, – подвел итог Ньюка.

Разговор в нужном направлении не клеился. Наступила пауза, которая могла перейти в нежелательное состояние напряженности, выход из которой мог быть непредсказуемым. Редактор обратился к племяннику:

– А могу я узнать тему или идею вашего будущего романа?

– Идей много, – ответил племянник. – Я еще не выбрал.

Что-нибудь о пришельцах.

– О пришельцах? Интересно! – редактор обрадовался новой теме в разговоре. – Сейчас об этом много говорят и пишут.

Если проанализировать всё, то вырисовываются две противоположные гипотезы. Нет, пожалуй, версии. Первая – пришельцы дружелюбные – и вторая – пришельцы враждебные. Вас какая более интересует?

– Конечно, враждебные, – не задумываясь ответил племянник. – С врагами сюжет может быть интереснее, чем с друзьями.

– Согласен. С врагами интереснее. Друзья предсказуемы, а врагов надо всё время разгадывать. Покоя от них нет, – подтвердил редактор. – Мы можем прямо сейчас на троих что-нибудь сочинить.

Предложение редактора их немного удивило, и несколько секунд гости молчали, не зная, как отреагировать. Первым заговорил племянник:

– Как это – на троих? Это что, игра такая? Вроде сорев-

нования – продолжи фразу?

– Вроде того, но гораздо проще, – ответил редактор. – Я наугад возьму из книги какую-нибудь фразу, а вы продолжите ее. И так, чередуясь, мы сконструируем рассказик.

– Но это же плагиат! – возразил племянник.

– Нет, не плагиат, а тренировка. Учеба, так сказать, – обучение писательскому ремеслу. Мы же не будем это публиковать, а так, для себя, как игра, как шутка, – ответил редактор.

Ньюка изобразил на лице сомнение в реальности того, что что-то получится, и произнес фразу, достойную мудреца:

– Попытаться можно. Если ничего не делать, ничего и не будет.

– Ну что ж, коллеги, начнем писательскую деятельность, – радостно объявил редактор.

Гости не возражали. Редактор достал со стеллажа книгу. Наугад открыл ее где-то посередине и торжественно прочел:

– «Он стоял и сжимал топор. Он был точно в бреду. Он готовился даже драться с ними, когда они войдут. Когда стучали и сговаривались, ему несколько раз вдруг приходила мысль кончить всё разом и крикнуть им из-за дверей».

Редактор остановился и спросил:

– Может быть, повторить?

Ньюка ответил:

– Если хотим что-то сочинить, так надо записывать.

Племянник подхватил эту мысль:

– Повторите, я запишу.

Редактор во второй раз прочел текст и остановился. Племянник уже что-то дописал. Он оторвался от листа бумаги и прочел продолжение:

– «Уходите, проклятые! – Пришельцы напирали. Их страшные, в пупырях, лица он видел сквозь щели. Их ядовитое дыхание проникало к нему. Ему было страшно и противно. Но он готов был стать героем, защищать землян от этой напасти. Только он один мог справиться с ними, и Центр недаром послал его сюда». Ну как, получается? – спросил племянник.

– Неплохо для начала, – ответил редактор. – А вы, Ньюка, как считаете?

Ньюка задумался и не очень уверенно ответил:

– Получается... Давайте дальше.

Редактор еще раз наугад открыл текст за серединой книги и продиктовал:

– «Они уже стояли перед последней лестницей, рядом с хозяйской дверью, и действительно заметно было снизу, что в каморке свет».

Племянник минуты две что-то шептал про себя, что-то писал, чиркал и, наконец, прочел:

– «Он включил все галогены, чтобы в ярком свете они видели, с кем имеют дело. Его защитный костюм отливал серебром и сверкал в лучах бластеров и лазерных мечей».

Редактор продиктовал следующий случайный отрывок:

– «"Ведь обыкновенно как говорят?" – бормотал он как бы

про себя, смотря в сторону и наклонив несколько голову. – «Они говорят: «Ты болен, стало быть, то, что тебе представляется, есть один только несуществующий бред»»».

Племянник старательно записал текст и задумался. Ньюка, глядя куда-то в сторону стеллажей с книгами, заметил:

– Какой-то плохой переход от лазерных мечей к какому-то бреду. Надо что-то вставить.

– Да-да, я сейчас, – заторопился племянник. – Последняя фраза в нашем предыдущем отрывке будет такая: «Он начал уставать от их давления».

– А что дальше? – спросил редактор.

– Можно мне? – спросил Ньюка. – Я продиктую.

Никто не возражал, и он монотонно под запись произнес:

– «Его меч рубил направо и налево. Он не щадил никого.

С диким ревом пришельцы падали к его ногам. Через час всё было кончено. Попутчик вернулся за ним. Одобрительно крикнув, он долго объяснял ему новое задание».

Едва племянник записал текст, как редактор, полистав книгу, сказал:

– Вот и конец хороший можно приделать. Я только эту вашу находку с «попутчиком» вставлю – послушайте: «Он давно уже не слушал. Поравнявшись со своим домом, он кивнул попутчику и повернул в подворотню. Попутчик очнулся, огляделся и побежал далее».

Они почти хором перечитали всё, что у них получилось, и Ньюка заметил:

– Что-то в начале топор ни к чему. Давайте заменим на меч. Так будет лучше.

– А вы, Ньюка, попробуйте писать – у вас должно получиться, – сказал редактор, убирая книгу на место. – Вы можете попробовать воспроизвести военные рассказы деда. Он ведь что-то вам рассказывал?

Ньюка посуровел.

– Нет, ничего не рассказывал.

– А учителя мне говорили, в школу приходил ваш покойный дедушка, встречался с ребятами...

– Я в этом не участвовал, – резко ответил Ньюка. – Нам пора, – он дернул за рукав племянника, который увлеченно что-то писал.

– Да, сейчас, сейчас, только прочту короткое стихотворение, четверостишие. Я думаю, к нашему рассказу это подойдет.

– Вы еще и стихи пишете? – искренне удивился редактор. – Пишу, когда получается, – ответил племянник и нараспев прочел:

«Он шел и напевал про себя гимн:

“Мы победили пришельцев,
Нет нам на свете преград.
Нам поручили важное дельце:
Всех разгромить их подряд”».

«Он долго музыку искал,
А звуки где-то обрывались,
А хаос был, не отступал,
Лады мелодий не давались.

Вот нотка скромно появилась,
Затем другая, и аккорд.
Он слушал, и ему приснилось:
Аллегро покатилося с гор.

Всё громче, явственней и чище
Альты гудели, славя звук.
Душа летела выше, выше,
Рояль всех избавлял от мук.

Куда-то занесло все мысли,
Обыденность пропала вдруг.
Ему открылось много смыслов,
И в каждом смысле – чистый звук.

Но сон прошел, как ночь проходит,
И быт уже к нему подходит,
И крепко за руку берёт —
Иди, иди скорей в народ».

– Ты будешь публиковать свои стихи? – спросила Юста, когда он закончил читать.

– У меня их очень мало, и все только для тебя, – ответил он.

– Только для меня, – повторила она. – Спасибо.

– Ньюка стихи не пишет. А жаль, – сказала она.

– Еще тот фрукт, – продолжил он.

Она возразила:

– Он не фрукт, он яблоко. Генеральское яблоко.

– Ты хочешь сказать, что яблоко от яблони недалеко падает? – спросил он.

– Нет, я так не думаю. От генерала Ньюка далеко расположился. Скорее он фрукт папочкин.

– Они с папой оба генеральские, – заключил он.

Тихий вечер опустился на дачный поселок. Где-то вдалеке залаяла собака. Ей ответили парочкой тьявканий на другой стороне улицы.

– Хорошо здесь, – сказала она. – Спокойно, и люди не мешают друг другу. В городе толкаются, спешат. Норовят опередить другого. От скорости жизни невежество процветает.

– Невежество связано со скоростью жизни? – спросил он.

Она ответила:

– Я так думаю. Мне так кажется.

– Может быть, может быть, – продолжил он. – Странно, мы сегодня совсем не говорим о твоём деле. Ты закончила

его?

– Осталось три дня, – ответила она, – и всё, время закончится.

Он зашел в дом и вернулся с подносом, на котором расположились чашки и всё, что нужно для чая.

– Повечерим? – спросил он.

Она усмехнулась и ответила:

– Да, повечерим. Ты что-то сейчас пишешь?

– Да, вот только что, созерцая соседский фонарь, набросал.

– Ты прочтешь? – спросила она.

Он ответил:

– Угу, – и медленно, вполголоса прочел:

«Пространство освещал фонарь,
То место, где никто не ходит.
Как будто драма происходит:
Не может осветить он даль.
Он только здесь, в локальном мире,
Ему недостает свечей,
Ему б немножечко пошире,
Хотя бы вот до тех дверей,
Где каждый вечер, чуть стемнеет,
Она проходит не спеша
И каждый раз чуть-чуть немеет,
Услышав шорох от куста.
Но нет, судьба его другая —
Вся в ожидании она.

Он ждет, как будто что-то зная,
Когда она придет одна».

Несколько минут они молча пили чай.

– Красивые стихи, – сказала она. – Это тоже для меня?

– Для тебя, – ответил он.

Она задумалась о чём-то и снова спросила:

– Как ты думаешь: стихи улучшают людей, общество?

– Что значит «улучшают»? – спросил он.

Она помешала ложечкой чай, потерла ладонью лоб и ответила: – Люди становятся менее агрессивными, злоба уходит. Общество хоть чуточку гуманизируется. Интересно: кто-нибудь проводил исследование зависимости степени гуманности общества от насыщенности его стихами?

Он усмехнулся и предложил:

– Интересная мысль: измерить количество стихотворных строк, приходящихся на одного жителя региона, и сопоставить с коэффициентом гуманности. Это что-нибудь из вашей криминальной жизни. Количество гадостей на душу населения.

– Да, интересно, что может получиться? – продолжила она.

– Думаю, некому это анализировать. Другие сейчас запросы – материально-потребительские, – ответил он. – Всё это из области наших фантазий, непрактичных умозаключений. Кстати, о твоей мысли о невежестве. Давеча ты кого-то

охарактеризовала интеллигентным невежей. Если ты имела в виду невежд, то это темная, несведущая личность, что-то вроде неуча, профана. Этих ребят у нас полно, и здесь я согласен с тобой. Темп жизни, всеобщее скоростное обучение увеличивает число этих недоучек.

– А невежа? Это что-то другое? – спросила она.

– Невежа – это грубый, невоспитанный человек. Охламонистая скотина этакая, – ответил он. – Правда, в шикарном костюме часто маскируется под интеллигента.

– А кто же Ньюка? Невежа или невежда? – задумалась она.

– Сложно сейчас определить, – ответил он. – Пока что не то и не другое. Молод еще, но задатки невежливого человека уже имеются.

По улице прогрохотали две мотоциклетки и, судя по звуку, выехали из поселка на шоссе. Еще с полминуты был слышен удаляющийся низкий звук этих тархтелок.

– Вот из невежливых: через час вернутся и перебудят весь поселок, – проворчал он.

– Вы не боретесь с ними? – удивилась она.

– Боремся – безрезультатно. Надо их поэзией накрыть, отстегать, так сказать, стихом по одному месту, – то ли шутя, то ли серьезно ответил он.

Она негромко засмеялась и поддержала эту идею:

– Стихотворное насилие – это прекрасно!

Сумерки сгустились окончательно. Они помолчали, наблюдая, как ночные мотыльки окружили настольную лампу.

– Как ты думаешь: Ньюка способен на решительный поступок, какой-нибудь необычный, экстраординарный? – спросила она.

Он задумался и около минуты не отвечал. Потом что-то пробубнил про себя. Она расслышала только два слова:

– Ньюка бука...

– Ты не ответил мне, – уже нетерпеливо она напомнила о себе.

Он, как бы спрашивая самого себя, ответил:

– Разве можно вот так, мало зная человека, сделать такое заключение? Конечно, если ты настаиваешь, я сделаю это, но мое мнение может быть ошибочным. Да наверняка будет ошибочным.

– Ньюка – последний, кто видел генерала живым, – сказала она. – Эта кухарка-мама не в счет. У меня такое ощущение, что она решила прикрыть сына. Взять всё на себя. Понимаешь? Поэтому я и прошу тебя хоть что-то сказать.

– Хорошо, я отвечаю, – он поднялся из кресла и, медленно прохаживаясь вдоль окон, заговорил: – Ньюка индивидуален. Я имею в виду не ту банальную индивидуальность, что, мол, все мы разные, а то, что он незаурядный юноша, значительно отличающийся от себе подобных. Судя по тому, что ты мне рассказала, да и впечатления от личной встречи с ним позволяют мне с некоторой долей вероятности сказать, что Ньюка способен на поступки, которые некоторые его сверстники вряд ли могли бы совершить в этом возрасте. Только

очень прошу тебя не считать меня истиной в последней инстанции.

Он замолчал и, продолжая свое неспешное движение, видимо, обдумывал сказанное. Она, стараясь не мешать ему, молча следила за ним в надежде на продолжение.

– Возможно, что поступки его будут хорошими, позитивными, но как знать, что будет в будущем? Его пока что не очень яркий эгоизм не приведет ли к появлению эгоцентрической личности? – он сделал паузу и, убедившись, что она внимательно его слушает, продолжил: – Эгоцентризм способен на заметные поступки, как со знаком плюс, так и со знаком минус. Обычно такая личность считает все свои деяния положительными и под личиной сотворения блага для всех в первую очередь творит блага для себя.

Он хотел еще что-то сказать, но, подумав, замолчал и в ожидании ее реакции сел в кресло.

– Значит, в центре всего, что он делает, находится его эго? – спросила она.

– Значит, так, – ответил он.

По улице с ревом промчались мотоциклетки; прошел ровно час с их шумного проезда на вечернее катание.

– Эти тоже эгоцентристы? – усмехнувшись, спросила она.

– Нет, это просто свиньи обормотистые, – ответил он и на ходу сочинил:

Мотиклетка тарахтит,

В ночь веселенько бежит.
Пусть все слышат – это я,
Идиотская свинья!

– Юста, Юста, что с тобой?

Она услышала эти слова и спросонья никак не могла сообразить, кто к ней обращается.

Он погладил ее по голове и прошептал:

– Совсем заработалась – уже ночью кричишь. Сон страшный, наверное, напугал?

– Пора вставать? – спросила она.

– Куда вставать? Спим. Сегодня воскресенье, еще очень рано, – ответил он.

Она повернулась на другой бок, и сон явился снова.

Серые стены коридора с редкими плакатами по бокам движутся навстречу ей всё быстрее и быстрее. Она уже не успевает прочитать, что там написано. Иногда черные буквы на белом фоне складываются в слова «профилактика», «симптоматика», «сердечно-сосудистые», которые она успевает разобрать, но темп движения нарастает, и буквы сливаются в длинные полоски. Коридору нет конца, только где-то далеко еле различим его темный конец, напоминающий черную точку, куда сходятся серые стены, белый потолок и

скользкий грязно-голубой пол. Коляска – инвалидная коляска, в которой она сидит, – разогналась так быстро, что скрип колес превратился в сплошное шуршание, как обычно шумит старый вентилятор.

Постепенно она догоняет генерала в коляске и Ньюку, который изо всех сил катит деда туда, в конец коридора. В голове у нее промелькнула мысль: «Пока не поздно, я могу их остановить».

Она просит кого-то сзади:

– Быстрее, быстрее, еще быстрее.

А он – тот, который сзади, – тормозит, и генерал с Ньюкой ускользают от нее. Они уже далеко, еле видны и почти сливаются с черной точкой в конце.

Она открыла глаза. Слабый молочно-серый рассвет только-только проявился за окнами. Он сладко спит и, наверное, тоже видит сны.

«Эх, поэт! Не помог мне, – думает она, глядя на его русую шевелюру. – Даже никакой стишок мне во сне не прочитал!»

Она, потягиваясь под одеялом, вспоминает, что сегодня никуда бежать не надо, и, улыбаясь, снова закрывает глаза.

Ньюка с пустой коляской движется ей навстречу. Они медленно, очень медленно (она даже успевает заметить капельки пота на его лице) проезжают мимо друг друга. Она хочет что-то ему сказать, что-то объяснить, машет руками, но он не замечает ее. Его лицо, строго сосредоточенное, обращено вперед. Широко раскрытые глаза не моргают, что-то

видят впереди, и он не хочет ни на что отвлекаться, обращать внимание. Она что есть силы пытается кричать, открывает рот, но звуков нет.

Он гладит ее лоб и держит за руку.

– Ты снова что-то пыталась кричать.

За окном утро. Вот-вот поднимется солнце и наступит новый день. Она смотрит ему в глаза. В глазах его тревога. Тревога за нее.

– Всё будет хорошо, – шепчет она. – Я не буду больше кричать, поцелуй меня...

Наши-Ваши сделал недовольное лицо.

– Ты считаешь, следует допросить Ньюку и провести следственный эксперимент с этой подозреваемой?

– Да, – ответила она.

Наши-Ваши поморщился, постучал указательным пальцем по столу и заявил:

– Ньюку они тебе не отдадут. Разве что с адвокатом по-пробовать. А эксперимент – это можно с этой... как ее... с Пуэлой. Я, конечно, тебя понимаю. Тебе хочется собрать всех в госпитале – так сказать, прямо на месте, – шеф на минутку задумался и продолжил: – Осталось два дня. Я им отвечаю, что формально мы обязаны провести эти следственные действия. Может, что-то и выгорит, а ты уж без меня всё это

провернешь.

– Спасибо, – сказала она и вышла из кабинета.

– Что-то не сходится у вас? – спросила Юста, не глядя на Пуэлу. – Передо мной копия выписки из журнала посещений. Вот здесь: вы вошли в госпиталь в восемнадцать тридцать, а Ньюка вышел в восемнадцать сорок, через десять минут. Вы должны были с ним встретиться. Странно, а в протоколе записано с ваших слов, что вы с сыном в тот день не встретились. Как вы это можете объяснить?

Пуэла молчала. Она опустила голову и, казалось, не слушала следователя или делала вид, что не слушает. Юста, выдержав паузу, снова спросила:

– Вы отказываетесь отвечать или вам нечего сказать?

Пуэла никак не отреагировала. Единственное, что заметила Юста, – это еле заметное покачивание головой.

– Тогда я запишу в протоколе: «Подследственная отказалась отвечать на этот вопрос».

– Я всё уже сказала, – прошептала Пуэла. – Мне нечего добавить.

– Вы генерала посещали в последнюю неделю каждый день. О чём вы говорили с ним?

Пуэла подняла голову, повернулась к зарешеченному окну – наверное, пытаясь вспомнить, о чём она беседовала с

бывшим свекром.

– Не могли же вы, находясь в палате, по часу молчать? Генерал вам что-то рассказывал еще, кроме этого эпизода с расстрелом дезертира?

Пуэла молчала. По ее скованной, скрюченной позе можно было понять, что сегодня, похоже, беседы не получится.

– Мне кажется, что вам истина не нужна, – сказала Юста. – Вас истина пугает, страшит своей безысходностью. Истина многих пугает, не только вас. Вот и генерала истина могла напугать. Ее от него скрывали, и вы тоже скрывали?

Пуэла вздрогнула и тихо, почти шепотом ответила:

– Доктор не велел. Они считали, что его не надо огорчать.

– Да, я знаю. Я говорила с врачом, – подтвердила Юста. – Но ведь кто-то мог проговориться. Например, Ньюка. Он неопытен, и дед мог на него надавить, как-то повлиять. В конце концов восемнадцать лет – это еще не мудрость.

– Нет-нет, – встрепенулась Пуэла, – не мог он это сделать. Дед его так любил, – и она заплакала, закрыла рот ладонью, пытаясь сдержать эмоции. Не удержалась – слёзы обильно проступили на ее глазах.

Юста налила ей стакан воды.

– Успокойтесь, расскажите всё, как было на самом деле. Вот, попейте водички.

Отпив пару глотков, Пуэла затихла, растерла влажные глаза, повернулась к окну и снова замолчала.

– Слушаю вас. Расскажите все по порядку? – Юста наде-

ялась, что эта женщина всё-таки заговорит, но Пуэла молчала. Успокоившись, она повторила несколько раз одну и ту же фразу:

– В протоколе всё есть.

Юста поняла, что сегодня беседы не получится, и отпустила подозреваемую.

Сегодня она поздно вернулась домой. Наши-Ваши задержал ее и долго внушал ей, что на него давят, что дело надо передать в суд, что зачем нам эта головная боль с генералом? Генерала уже не вернуть, а у нас (он имел в виду себя и Юсту) будут неприятности.

Она долго слушала его и думала: а действительно, зачем ей эта нервотрепка с Пуэлой? Да еще эта затея со следственным экспериментом. Послезавтра всё надо сделать, а ниче-гошеньки не готово. Ньюка со своим адвокатом не оповещены. Главврач предупрежден всего лишь по телефону. Персонал госпиталя наверняка не подготовлен. Завтра ожидается сумасшедший день.

Он встретил ее загадочной улыбкой, словно получил «Буккера» за свою последнюю книжку. Она сразу же заметила его радостно-возбужденное состояние и, едва раздевшись, спросила:

– У вас в редакции был пожар и сгорели все графоманские

рукописи?

Он, улыбнувшись ее шутке, ответил:

– Надо бы сжечь, но страшно: вдруг из непрочитанного найдется обалденно-гениальное? Жалко, если сгорит!

– Читайте, читайте, господин редактор, не всё же самому чиркать бумагу, надо и чужих посмотреть, – ехидно продолжила она. – А что же всё-таки случилось? У нас что, сегодня праздник?

Он, приготавливая легкий ужин, заговорщицки ответил:

– У нас сегодня культпоход в одно место.

– Нет, нет и еще раз нет, – устало ответила она и закапризничала: – Ни голова, ни ноги не слушаются. Умоляю: никаких походов, никакой культуры! Что-нибудь погрызть и на боковую. Завтра у меня чёрт-те что будет на весь день.

– Хорошо, хорошо, – как-то уж слишком быстро согласился он. – За ужином я тебе расскажу, от чего ты отказалась.

Они молча чаевничали уже минут пятнадцать, и Юста не стала тянуть, спросила:

– Ну, и чего я лишилась сегодня? Какая такая звезда залетела к нам и дает единственный концерт?

Слово «концерт» она произнесла с четкой артикуляцией, активно выделив букву «О».

Он, догрызая свое любимое печенье, спокойно и даже как-то равнодушно ответил:

– Я хотел пойти с тобой в ночной клуб.

– Ну и зачем это? Мы и в дневной-то не ходим, а ты пред-

лагаешь в ночной. Что там нам делать? Дрыгаться среди теней и идиотов? А утром с больной головой мчатся чёрт-те куда?

– Юстинка, это не простой клуб. Там мальчики специфические отдыхают, но дело даже не в них. Там сегодня мы сможем увидеть одного экземпляра, который тебя очень интересует по генеральскому делу.

– Фу, ну какой же ты противный литератор! Сразу не можешь объяснить, интригуешь, – ответила она. – Говори немедленно, что ты затеял, дуралей!

– Мы сегодня, то есть ты сегодня ночью сможешь увидеть твоего мальчика – Ньюку, – очень серьезно ответил он.

– Ну и слава богу, что не тень его деда! – выдохнула она. – Это интересно. Как это ты сподобился организовать?

– У нас, у противных литераторов, тоже есть свои приемчики и агентурная сеть. Не всё же вам, пинкертонам, хозяйничать. Нам тоже иногда хочется всё знать, да и побольше.

– Это что же – мы с тобой так прямо туда и ввалимся как есть, без маскировки? – удивленно спросила она. – Этот мальчик сразу тебя и меня узнает, расшифрует.

Он сразу ответил, как будто ждал этого вопроса:

– Мы, дорогая, конечно, замаскируемся. Что ж, у нас не найдется косметики и темных очков? И станем мы нетрадиционалами.

Через полчаса она, глядя в большое зеркало, иронично произнесла:

– Ну, ты, пожалуй, за голубого и сойдешь, а вот я – крашенная курица, хоть сейчас на панель.

– Ты будешь розовой кошечкой, попавшей к голубым мальчикам, а может, и трансвеститкой, – ответил он. – Едем, такси ждет.

Минут пять водитель крутился в промзоне, выруливая по сумрачным переулкам, пока не нашел указанный адрес. Машина остановилась у глухой стены из красного кирпича. Когда такси исчезло за поворотом, они огляделись. Здание без окон напоминало огромный склад или пакгауз с двумя одинаковыми железными дверьми по центру. В переулке, прижавшись к стенам, стояло множество машин разных марок. Ощущалось, что внутри здания кипела какая-то жизнь.

Он выбрал правую дверь и нажал кнопку. Через полминуты за дверью послышались некоторое движение и глухие звуки ритмичной музыки. Дверь распахнулась, и их впустили в слабо освещенный коридор. Крупный мужчина молча провел их до поворота, за которым их встретила пухленькая дамочка.

– Ну разве можно так опаздывать – являться к самому концу? Быстренько, быстренько идите за мной! Вас только двое? – и она, увлекая за собой, вывела их в большой зал, ярко расцвеченный прожекторами.

Гремела музыка. По стенкам стояли столы, загроможденные яствами и различным питьем. В центре зала торжествовал пляс – народ веселился как мог. Плотная толпа ритмич-

но дергалась под глухой ритм ударных. Лысоватый мужичок, видимо, разогретый веселыми напитками, перехватил их от дамочки и, легонько подталкивая, подвел к одному из пустых столиков.

– Немедленно штрафную, немедленно! – мужичок наполнил два емких бокала.

Сидящие за соседними столиками поддержали мужичка:

– Опоздавшим штрафную, штрафную обязательно!

Сухенькая дама обратилась к Юсте:

– Вы с чьей стороны будете?

Юста, пытаясь отбиться от штрафной, спросила его:

– Дорогой, мы с какой стороны: с левой или с правой? Я что-то не соображу!

Он наклонился к ее уху и, стараясь перекрыть дикий ритм музыки и шум веселящихся, произнес фразу, которая ее удивила:

– Кажется, мы не туда попали.

Она, тщетно пытаясь где-нибудь пристроить штрафной бокал, усиленно вертела головой, надеясь понять, что здесь происходит.

– Вы чьи гости? – вновь прокричала сухонькая дама.

Крео мотал головой, изображая человека, не понимающего вопрос.

– Очень шумно, просто невозможно говорить! – улыбаясь, прокричал он.

Сухонькая дама отстала от них – ее увлек весельчак, вы-

валившийся из пляшущей толпы. На некоторое время Крео и Юста остались за столом одни. Шумное веселье не утихло. Она громко сказала ему прямо в ухо:

– Ну, и что дальше? Это ночной клуб мальчиков? Что-то не похоже.

– Надо отсюда выбираться. Это не клуб, – ответил он.

Они встали из-за стола и сквозь дергающуюся толпу двинулись в угол зала – туда, где их на входе перехватила пухленькая дамочка. Как только они преодолели центр танцующих, в толпе возникло волнение. Музыка затихла, и откуда-то сверху голос накрыл всё празднество словами:

– Танцуют жених и невеста!

Их схватили за руки и встроили в хоровод, куда неожиданно проникла высокая сверкающая невеста не первой свежести с уже сбитой набок фатой. За невестой выпрыгнул изнемогающий от обожания худенький жених. Преклонив колена, он схватил ручку невесты, и она, всё убыстряя ход, помчалась вокруг жениха. Музыка явно не успевала за бегом невесты, да и жених после нескольких кругов бегуни перестал крутить головой. Хоровод, пытаясь не отстать от невесты, крутился по кругу. Минуты через две жених утомился и, пошатнувшись, упал на четвереньки. Невеста под всеобщее одобрение уселась ему на спину. Хоровод распался. Окружающие захлопали в ладоши, призывая жениха прокатить невесту.

Крео с Юстой, освободившись от хороводной хватки, ак-

тивно пятясь назад, пробились на периферию веселящейся толпы и, к счастью, оказались рядом со знакомой пухленькой дамочкой.

– Нам бы надо выйти, – вежливо обратился он к ней.

Дамочка, оторвавшись от зрелища, подозрительно посмотрела на них и строго произнесла:

– Вы же только что вошли!

– Нам надо назад. Мы ошиблись. Мы в клуб, а здесь свадьба, – пояснил он.

Сверху раздался тот же голос:

– Гостям опять горько!

Толпа вразнобой заорала:

– Горько! Горько!

Музыка – видимо, готовясь к традиционному действию, – затихла.

– А-а... – протянула строгая дамочка и с великим презрением оглядела парочку с ног до головы. – Вы к геем, – и тут же добавила неожиданно появившемуся крупному мужчине: – Выведи этих. Освободи помещение.

Крео с Юстой снова оказались на тротуаре у глухой стены и в нерешительности смотрели на левую дверь.

– Ну что, делаем вторую попытку? – спросил он.

Она, пожав плечами, ответила:

– На свадьбе уже побывали, теперь осталось похороны посетить.

– Похорон ночью не бывает, – возразил он.

– Ночью и свадьбы – редкость, – добавила она. – Ночью жених и невеста остаются наедине без гостей, а не катают друг друга на четвереньках при хороводе.

– Так ты уже отказываешься посетить клуб? – спросил он.

– А для чего я так вырядилась – зря, что ли? Жми на кнопку! – приказала она.

Он нажал на кнопку и почему-то вспомнил слова, слышанные им не раз: «Наше дело правое, победа будет за нами».

«Странно, – подумал он, – стоим у левой двери, а подумалось о правой».

С небольшими паузами он позвонил еще раза три, но ничего не происходило, за дверью признаков жизни не ощущалось. Весь переулок, слабо подсвеченный парой фонарей и заставленный легковушками, как будто затаился в ожидании хозяев и гостей пакгауза.

– Так... – недовольно сказала Юста. – На свадьбе повеселились, и хватит! Зря ушли – сейчас бы прыгали вокруг молодоженов в полном счастье.

– Терпение, еще раз терпение, – не очень уверенно ответил он, робко оглядываясь по сторонам. – Постучать, что ли, – может, звонок не фурычит?

Она, переминаясь с ноги на ногу, добавила:

– Может, весь клуб не фурычит? А может, у них принято стучать?

Он перебил ее и продолжил:

– Стучать у нас принято уже давно. Постучим и мы, – он аккуратно указательным пальцем стукнул три раза в дверь.

Она шепотом спросила:

– Мы кого-нибудь боимся? Так тихо стучишь – опасаясь их потревожить?

Он ответил:

– Могу и погромче, – и постучал кулаком в железное полотно.

Получилось громко. Глухие удары должны быть слышны изнутри, но положение не изменилось – дверь не открывали.

– Всё, – сказала она, – клубная ночь закончилась. Хочу домой.

– Домой? – переспросил он. – Можно и домой, только я позвоню ему.

Время шло. Он несколько раз набирал номер, но абонент не отвечал. Ночная темень еще более сгустилась, и, как назло, начал накрапывать мелкий дождь. Она, вся в нетерпении, прислонившись спиной к двери, пару раз саданула по ней острым каблуком.

– Подожди, подожди, меня вызывают! – он прислонил телефон к правому уху. – Да, это я, – ответил он неизвестному абоненту. – Да, мы уже давно здесь стоим. Вы подъезжаете? Сколько? Уже рядом?

– Они уже рядом, – пояснил он Юсте. – Сейчас всё образуется.

Из-за поворота показались огни машины. Поравнявшись

с дверью, авто остановилось, и из него вышли две персоны весьма оригинальной наружности. Первый – высокий и худой, явно за шестьдесят, с лицом то ли интеллигента, то ли дешевого музыканта, в ярко-красной жилетке, с голубой бабочкой вместо галстука. Второй – ростом ниже среднего, скромный молодой человек не старше двадцати, в голубых брюках и радужной футболке.

– Натерпелись, – первый незнакомец, радушно улыбаясь, обратился к Крео. – Сразу видно: творческий человек – не помните сигналы.

– Какие сигналы? – нетерпеливо спросил Крео.

– Сигналы звонка, – ответил незнакомец и обратил внимание на Юсту, застывшую в ожидании каких-либо действий со стороны незнакомцев.

– Разрешите представиться, – он, кивнув головой, произнес: – Отер.

– Прошу прощения, мы не познакомились, – засуетился Крео. – это моя подруга... – он запнулся и, заметив широко раскрытые глаза Юсты и ее желание остановить его, замолчал.

– Пуэла, – она представилась сама и протянула руку.

Отер легонько пожал руку Юсте и, обратившись к юноше, произнес:

– Звони. Время, время. Мы еще успеем на представление.

Через несколько минут компания оказалась в большом зале, напоминающем складской ангар. По краям располага-

лись столики, центр был пуст – видимо, оставлен для развлекательных мероприятий.

Крео с Юстой усадили за отдельный столик у стены – как оказалось, удобный для наблюдения за всем происходящим в зале. Появившемуся официанту, молодому человеку в черном костюме, они заказали спиртное и легкую закуску из фруктов. Юста осторожно, не спеша, оглядывала заведение и участников ночного процесса. Столики почти все были заняты. Изредка в разных углах еще можно было заметить свободные места, но постепенно, пока их обслуживал официант, зал заполнялся прибывающими гостями. На фоне приглушенных звуков фортепьяно гости (а скорее, постоянные клиенты) общались между собой. Неяркое освещение и мягкая разноцветная подсветка стен и потолка создавали некоторый уют и непринужденное настроение.

Неожиданно прожекторы высветили в центре яркий белый круг, и под звуки симфонической музыки началось представление. В освещенный круг на пуантах, изображая лебедей, выплыли танцоры в разноцветных пачках.

Юста с интересом наблюдала за действиями балетных и только изредка обращалась к Крео, шепотом комментируя происходящее:

– Сейчас лебедя уплывут и выскочит Зигфрид. Интересно: он будет мальчиком или девочкой?

– Почему он должен быть девочкой? – удивился он.

Она шепотом ответила:

- Лебедя все мальчики – кто-то должен быть девочкой?
- А Одиллия? – продолжил он, озираясь по сторонам.
- Одиллия тоже лебедь – значит, будет мальчиком, – ответила она.

Сухожилистые ноги в трико танцевали адажио. Судя по всему, классический сюжет адаптировали для ночного клуба, и действие стремительно двигалось к развязке.

– Ты увлеклась лебедами, – прошептал он. – Посмотри направо: пятый столик от нас.

Зигфрид с жадностью набросился на колдуна. Минуты три они изображали противостояние, затем умирающий колдун ретировался в темный угол ангара.

Она отвлеклась от лебедей и аккуратно посмотрела в указанную сторону. В полумраке за столиком, тесно прижавшись друг к другу, сидели двое: Ньюка и мужчина средних лет, в котором она с изумлением узнала главврача госпиталя. Госпиталя, где погиб генерал. Юста, чтобы не выдать себя, усилием воли отвела свой взгляд в сторону от предмета наблюдения.

Зигфрид не спеша умирал вслед за колдуном. Он страстно тянулся к солидарно гибнущей Одиллии. Сцена умирания двух влюбленных мужиков под красивую музыку будоражила зрителей.

- Что тебя так сильно удивило? – спросил он шепотом. – Я вижу, ты сильно взволновалась – не от лебедей же?
- От лебедей, но только от тех, что там сидят в обнимоч-

ку, – и она кивнула в сторону Ньюки и врача.

Представление закончилось. Все лебеди под бурные аплодисменты выскочили в освещенный круг. Зрителям представление понравилось – они продолжительными рукоплесканиями вызывали танцоров на поклон. Одиллия и Зигфрид выходили кланяться несколько раз. Юста и Крео хлопали в ладоши вместе со всеми.

– Вот и всё – ты довольна? – спросил он. – Если хочешь, в принципе можем уйти. Сейчас, наверное, будут танцы.

Приглушенное освещение сменилось на мелькающую разноцветную подсветку. Заиграла ритмичная музыка, и молодежь вырвалась на середину – начались танцы. Юста, стараясь быть незаметной, украдкой поглядывала на эту парочку и, подсев к Крео поближе, ответила:

– Давай просто посидим. Мне интересно, что будет дальше?

– Хорошо, – согласился он. – Дальше, наверное, будут продолжительные танцы и употребление горячительных напитков под музыку.

– А эти что будут делать? – спросила она.

– Эти, – он понял, что она говорит о Ньюке и его соседе, – эти... не знаю. Может быть, потанцуют, а может быть, будут просто общаться.

Она подумала: «Ньюка дружит с врачом. Ну и что? Что из этого следует? Они могли сговориться и загубить генерала. Зачем? Только ли из-за завещания?»

Посетители, разогретые напитками и громкой музыкой, веселились. Градус развлечения нарастал. Танцплац ритмично дергался и стремился к экстазу, но Ньюка и врач мило беседовали, не поднимаясь с мест. Она заметила, что говорит в основном главврач, а Ньюка кивает в знак согласия. Так продолжалось, пожалуй, около получаса. Крео заскучал и предложил ей:

– Может быть, подадимся к дому?

– Да, сейчас подадимся, – ответила она, понимая, что вряд ли что-то ее интересующее еще произойдет.

Танцы на пару минут прервались. Трясущаяся масса замерла в ожидании продолжения, и музыка проявилась вновь, но уже в медленном темпе. Объекты ее наблюдения встали и вышли в танцевальный круг. Теперь эту парочку она могла рассмотреть более подробно среди таких же раскачивающихся фигур. Ньюке, судя по его несколько скучноватой физиономии, не очень-то нравилось это качание на месте, а партнер, похоже, был доволен медленным танцем.

«Жаль, что я не умею читать по губам, – подумала она, – может быть, что-то и узнала бы полезное для дела». – А вслух сказала:

– Пора домой.

Молоденькая медсестра, совсем еще девочка по возрасту,

но не по поведению, пристально наблюдала за Юстой и совсем не собиралась долго с ней общаться.

– Вы зря решили со мной говорить об этом случае. Меня тогда не было в госпитале, – сказала она и приготовилась молча слушать.

Изображая равнодушие и абсолютное спокойствие, Юста спросила ее:

– Но эта история вам известна? Вам об этом кто-то рассказывал?

Медсестра нехотя ответила:

– Да, разговоров в госпитале было много. Вы уже всё знаете – мне к этому нечего добавить.

«Смазливая воображала, – подумала Юста. – Молодая, а цену себе уже знает».

– А что вы лично думаете об этом случае? – спросила Юста.

– Я? – удивленно переспросила медсестра. – Я ничего не думаю. Меня это совсем не касается.

– Есть такое мнение, точнее – многие не верят, что бывшая невестка могла такое сотворить. Вы тоже не верите? – спросила Юста.

Медсестра пожала плечами и ответила:

– Не знаю. Эту женщину бывшая семья не любила. Кто их там разберет?

Юста решила потревожить эту самоуверенную девицу и неожиданно, глядя ей прямо в глаза, спросила:

– А разве Ньюка не говорил вам, что в последнее время генерал любил общаться с этой женщиной?

Девушка, не выдержав взгляда Юсты, сделала вид, что поправляет белый халатик.

«Ага, испугалась, воображуля! – подумала Юста. – Знаешь, что вас с Ньюкой несколько раз видели вместе».

Медсестра, неумело скрывая волнение, ответила:

– Он мне ничего не рассказывал.

– Вы дружили или...? – Юста продолжила давление.

Самоуверенность девушки постепенно исчезала. Появилась какая-то напряженность в позе, в попытках приспособить беспокойные руки. Юста почувствовала, что ее вопросы раскачивают эту девчонку и, пожалуй, пора задавать самые главные вопросы.

– Мы не дружили, – процедила девушка. – Мы и встречались-то всего два раза.

– А в день смерти генерала это было во второй раз?

– Я не помню. Может быть, и второй, – уже довольно нервно ответила девушка.

– Очень странно, что вы умеете считать только до двух, – удивленно заметила Юста. – Вас несколько раз видели в кафе.

У меня есть свидетельства, что вас с Ньюкой там видели несколько раз. Вы отрицаете это?

Девушка сникла, опустила глаза и не знала, как себя вести дальше. Юста не дала ей времени справиться с волнением и

продолжила:

– Скажите: Ньюка знает о вашей беременности?

Медсестра вздрогнула, как-то всем телом дернулась и, готовая то ли разрыдаться, то ли сорваться и выскользнуть из сестринской комнатухи, выкрикнула:

– Как... как вы узнали?

Юста поняла, что попала в точку, и теперь надеялась, что воображая превратится в непрерывно говорящую девчонку. Но этого не произошло. Девчонка всё-таки, спохватившись, взяла себя в руки, сжала пальчики в кулачки и уже почти спокойно ответила:

– Он всё, что должен знать, знает.

Юста, почувствовав, что теряет инициативу, машинально спросила:

– Вы собираетесь оформить свои отношения?

– Он обещал, – безразлично ответила медсестра.

– Да, они всегда обещают, а потом... – Юста решила развить эту традиционную тему.

Девушка нахмурилась и, как ни странно, расслабилась. Кулачки разжались, и, поняв, что ее ошибка с признанием беременности уже произошла, выдавила из себя:

– Он твердо обещал, когда встанет на ноги.

– Когда встанет на ноги? – вопросительно повторила Юста. – То есть когда сможет обеспечить семью? Так надо вас понимать?

Девушка, без особого желания продолжать беседу, ответи-

ла:

– Так.

В дверь сестринской без стука заглянула пожилая женщина, почти старушка.

– Извините, но тебя... – она назвала девицу по имени, – просят зайти в десятую.

– Он подождет, – сухо ответила медсестра. – Посиди у него сама.

Старушка кивнула головой и ответила:

– Хорошо, – она хотела было уйти, но на секунду задержалась и спросила Юсту: – Я хотела бы с вами поговорить. Вы сможете?

– Да, конечно, только чуть попозже, – ответила Юста.

– Это кто такая? – спросила она у девицы, когда старушка исчезла.

Девица, отвлекаясь от каких-то собственных мыслей, ответила:

– Это санитарка. Старейшая в госпитале.

– Теперь Ньюка точно исполнит обещание, – равнодушно констатировала Юста. – Теперь он сможет обеспечить большую семью.

Девица никак не отреагировала – похоже, она посчитала, что беседа окончена. Юста, выдержав длинную паузу, решила задать последний вопрос:

– Вы после смерти генерала встречались?

– Нет, – последовал короткий ответ.

– А хотя бы общались по телефону?

– Нет, не общались, – ответила медсестра.

– Спасибо. До свидания, – вежливо произнесла Юста.

Девушка молча встала и исчезла за дверью.

«Наверное, зря я не спросила, откуда у Ньюки может появиться достаток для содержания семьи и знает ли она о наследстве? – подумала Юста и успокоила сама себя: – Эта девчонка всё равно ничего путного не сказала бы».

Старушка-санитарка оказалась интересной женщиной, с которой беседовать было приятно и в удовольствие. Нашла ее Юста на госпитальном складе, и там же, в закутке у окна выдачи белья, они расположились для разговора.

Немного рассказав о себе, санитарка приступила к главному.

– Вы, я знаю, следователь по этому трагическому случаю.

Юста внимательно слушала.

– Я должна передать вам вот это, – и санитарка достала из кармана халата небольшой блокнот. – Это вам просил передать генерал.

Юста, приняв блокнот, несколько растерянно спросила:

– Почему мне? Объясните!

Старушка, удовлетворившись, что Юста без сопротивления приняла блокнот, заговорила:

– Он... – она назвала генерала по имени и отчеству, – сказал мне, когда дня за два до этой трагедии вручил этот блокнот: «Передайте это тому, кто заинтересуется моим делом». Он так и сказал: «моим делом». Разве я тогда могла догадаться, что он имел в виду? – сама себя спросила санитарка и продолжила: – Я спросила его: «Это надо передать родственникам?» Он ответил: «Нет, ни в коем случае. Это не для них». «А для кого же?» – снова спросила я. Он ответил: «Пусть это будет абсолютно посторонний человек. Человек, которому будет интересна моя жизнь, моя судьба». – «А почему бы вам самому не сделать это?! – спросила я. «Сейчас еще рано», – ответил он.

Санитарка, ожидая вопросов от Юсты, замолчала.

– Что это за блокнот?

– Не знаю, – ответила санитарка. – Я постаралась туда не заглядывать, хотя соблазн был.

– Я могу это посмотреть? – спросила Юста.

– Да, теперь это ваша вещь, – грустно ответила старушка. – Так велел генерал. Я его просьбу выполнила.

Юста открыла блокнот.

– Это похоже на дневник – записи от руки, – сказала Юста. – Но мне всё равно непонятно всё это. Зачем генералу это было нужно? Может быть, вы что-то можете прояснить?

Старушка задумалась.

– Вы знаете, мы с ним в госпитале вроде как однополчанами стали. Он почти всю войну прошел, и я отсанитарила бо-

лее двух лет. Правда, на фронте мы не встречались – воевали, так сказать, рядом, – но воспоминания сдружили нас. Он ведь жил-то в основном только прошлым. Да и я, как видите, оставила всё там. Детей нет, мужа нет. Всех война прибрала.

– А у генерала есть сын и внук, – вставила Юста.

– Да, конечно, формально – семья, но откровенно говоря, он считал себя одиноким, – продолжила старушка. – Мы, бывало, часами разговаривали с ним. Много о себе он рассказывал. Сетовал на судьбу, а один случай в самом начале войны его беспокоил всю жизнь, как рок какой-то. К старости это его совсем замучило. Я уж ему говорю: «Мало ли ошибок бывает, страшных ошибок, но надо жить – нельзя себя поедом есть». А он никак не успокаивался – считал, что наказание ему за ту ошибку должно быть страшное.

– Вы имеете в виду расстрел предателя? – спросила Юста.

– Да, но он не считал того юношу предателем. А... как бы это сказать... трусом, что ли, но не вредным, а случайным. Все мы боимся чего-нибудь, но умеем преодолевать это, а тот юноша нуждался в помощи, но ее не получил. Вот генерал и корил себя за это.

Старушка замолчала. Окошко выдачи открылось, и хмурая личность, оглядев их и не увидев желаний общаться, исчезла.

– Скажите, а тот случай на войне мог повлиять на генерала так, чтобы довести его до самоубийства? – спросила Юста.

Старушка встрепенулась, освобождаясь от воспомина-

ний, и, неспешно подбирая нужные слова, ответила:

– Если бы вы спросили меня раньше, до его смерти, то я бы ответила абсолютно твердо: не мог он так поступить. А теперь, – санитарка сделала небольшую паузу, – а теперь я не уверена в этом. Хотя кто сейчас может быть в чём-то уверен? Всё так быстро меняется. Историю, прошлое и то меняют то так, то эдак. Как-то мы говорили с ним о победителях и побежденных. Я рассказала ему свой случай, когда мы спросили местную жительницу, освобожденную от наших врагов, когда им было лучше: при нас или в оккупации? Знаете, что она ответила на своем, родственном нашему, языке? «Всё едино». Мы прекрасно ее поняли, то есть ей и всем им и при врагах, и при нас одинаково было. Мы-то думали, что мы освободители, а нам в ответ: «Всё едино».

– А что на это ответил генерал? – спросила Юста.

– Он мудро ответил. Сказал, что всякие люди бывают. Одни приспособляются, другие борются. Одни становятся предателями, другие – героями. И еще он сказал: так бывает, что политики могут местами поменять героев и предателей.

– Да, – согласилась Юста, – со временем мифы то исчезают, то возникают снова. А главное, что плохо – это когда профессиональные историки тоже нередко занимаются мифотворче ством.

Санитарка в знак согласия кивнула головой и добавила:

– Нас, ветеранов, не надо обижать – тогда всё будет хорошо. Вот и генерал свои записки, наверное, этому посвятил.

В семье, думаю, у него отклика не было, и решил он довести свои мысли до чужого человека.

Разговор прервался. Юста почувствовала некоторое неудобство перед этой старой женщиной, воевавшей, хлебнувшей горя сполна и, наверное, до сих пор не устроенной в жизни, в быту. Она перевела разговор на другую тему и спросила:

– Скажите: внук часто посещал деда, и какие у них были отношения?

– Ньюка, – произнесла старушка. – Ньюка нечасто здесь появлялся. Молодежь – что ей здесь делать? Здесь скучно. Тяжелые больные. Помещения строгие, чистота, тишина. Ничего для молодого человека интересного нет. – Старушка грустно вздохнула. – Вот если бы он, Ньюка, выбрал профессию, связанную с медициной, тогда... А так непривлекательные мы.

– Но дед его очень любил, – заметила Юста.

– Да, любил, – ответила старушка, – и расстраивался по этому. Наверное, что-то чувствовал, видел, что внучок не в ту сторону развивается.

– Что значит «не в ту сторону»? – спросила Юста.

– Мне трудно ответить на этот вопрос. Вы понимаете, что оценку Ньюке я могу дать только со слов деда. А он, когда говорил о нём, был немногословен. Так – редкие, отдельные фразы. Мы в основном, когда касались Ньюки, сразу переходили к обсуждению молодежи, к современному поколению,

которое, как говорил генерал, не имеет прививки от войны.

– Прививки от войны? – удивилась Юста.

– Да, он так говорил, – ответила санитарка.

Юста на минуту задумалась и повторила слова генерала:

– «Не имеет прививки от войны». Интересное высказывание, означающее, что мы и современная молодежь забыли все ужасы того страшного времени или просто не хотим его помнить.

– Наверное, он это и имел в виду, – согласилась санитарка.

– Скажите: а Пуэла, которую подозревают в... – Юста попыталась смягчить обвинение в адрес этой женщины и продолжила: – Подозревают виновной в этой трагедии? Она, по вашему мнению, могла это совершить?

Старушка отрицательно покачала головой.

– Нет, не могла. Да и зачем ей это? Зачем?

Они разговаривали в каморке, пожалуй, уже более получаса. Юста поняла, что больше ничего нового она не узнает, и завершила беседу:

– Спасибо вам за этот разговор. Спасибо. Мне надо идти, извините, – и она, попрощавшись со старушкой, вышла в коридор.

Целый день Юсте не терпелось открыть блокнот генерала, но из-за суматохи по подготовке следственного эксперимен-

та это удалось сделать только поздно вечером. Отголоски сумасшедшего дня не давали сосредоточиться на записках генерала. Юста машинально перелистывала блокнот, обращала внимание на иногда попадающиеся заголовки. Читая их, она то улыбалась, то удивлялась темам, которые беспокоили автора, и ей никак не удавалось внимательно углубиться в незнакомый почерк. Вспоминая весь прошедший день, Юста переживала: всё ли получилось? Днем состоялась долгая беседа с главврачом – пришлось несколько раз разъяснять ему, кто и где должен завтра находиться. Она несколько часов провела в госпитале, обстоятельно планируя завтрашний день.

Наши-Ваши, как всегда поворчав немного, выделил ей двух помощников.

«И на том спасибо», – подумала она, выходя из управления.

Домой в этот вечер она добралась уже почти в полночь. Квартира была пуста – Крео задерживался в редакции. Не ужиная, она плюхнулась в кресло и открыла блокнот. Не спеша перелистывая странички, наткнулась на уже знакомый со слов санитарки заголовок – «Прививка от войны» – и заставила себя углубиться в чтение:

«Современные политики, не испытавшие на себе все тяготы войны, иногда позволяют себе произносить агрессивные слова по поводу явных и неявных врагов. Зачастую бывают случаи, что они, эти политики, пытаются искусственно со-

здать врага для активного влияния на общество».

Она остановилась и подумала: «Генерал излагает общеизвестные мысли, и пока ничего нового у него нет. Может быть, дальше будет поинтереснее?»

«А само общество, живущее в исторической мифологии, всегда готово откликнуться на воинственные призывы – победить врага, сплотиться и, как говорится, единым фронтом патриотически броситься в бой. Этот воинственный патриотизм моментально исчезает под звуки взрывов, свист пуль, на фоне льющейся крови, стонов раненых и множества смертей рядом с патриотом. Наступают трезвость и страх – страх не только за себя, но и за всех рядом трясущихся патриотов».

«Да, генерал, конечно прав», – подумала она. Ей уже однажды довелось испытать это чувство страха, когда в открытую, почти у нее на глазах, расстреляли ее старшего коллегу.

Она продолжила разбирать мелкий, убористый почерк:

«Сразу после войны, после победы, а может быть, и поражения оставшиеся в живых помнят ужасы военного времени, неестественное существование людей, и от этого в головах у них, кроме эйфории победителей или уныния и горя побежденных, твердо и надолго засели эпизоды страшных, бесчеловечных событий. А посему мыслей начать новую войну, новую бойню у них, кроме как у единичных идиотов, нет. Действует прививка от войны. Надолго ли? Вот у медиков – привили что-то от болезни, так она тебя уже

не тронет, а как привиться от войны надолго – разве что перебить друг друга до основания?»

Юста оторвалась от чтения и на несколько минут задумалась над словами генерала:

«Вряд ли мы все забыли войну, ее героев, но то, что она всё дальше и дальше уходит от нас, конечно, стирает жестокость ее, а для молодых, таких как Ньюка, война может представляться чем-то очень далеким и даже нереальным».

Наконец-то Крео вернулся из редакции! Застав Юсту за чтением, он спросил:

– Юстинка, ты еще не спишь? Замучаешь себя. Бросай всё и ложись, я вслед за тобой мигом.

Она ответила:

– Читаю дневник генерала.

– Ого! – отреагировал он. – Это интересно! Каким образом он тебе достался?

Часы в гостиной блямкнули час ночи. В соседних домах еще светились редкие окна. Она подумала: «О чём там думают люди? Кто и что там помнит о войне, о которой пишет генерал?»

– Ты, по-моему, уже спишь? – он подошел к Юсте, обнял ее сзади и поцеловал в щеку.

– Что мы помним о войне? – спросила она.

– А что случилось? – он удивился вопросу и добавил: – Что надо, то и помним.

– Достаточно для того, чтобы ненавидеть ее? – снова спросила она.

Он задумался, отошел от нее и расположился рядом в кресле.

– Об этом пишет генерал? – спросил он.

– Да, вот здесь читаю о прививке от войны.

– И всё-таки, как к тебе попали эти записки?

Юста отложила блокнот, подумала о чём-то и, очнувшись от внезапно пришедшей мысли, почти вскрикнула:

– Ты хотел бы их издать?

Крео моментально отреагировал:

– После такой трагедии опубликовать мемуары генерала – очень заманчивая идея. Но вот вопрос: кто имеет права на эти записки?

Юста задумалась. Она хотела сказать, что владелица блокнота теперь она, но, подумав, произнесла совсем другое:

– Пока этот блокнот ничейный.

– Такого не может быть, – возразил он. – Наверняка, если записки напечатать, будет скандал: родственники заявят на них свои права. Публиковать мемуары генерала под другим именем нет никакого смысла. Такой проект невыгоден – кто сейчас читает мемуары, если нет интриги?

– Интриги нет, – согласилась она. – Этот блокнот мне передала старая санитарка. Она ухаживала за генералом и подружилась с ним. – И Юста рассказала, как ей достались эти записки. На что Крео сделал заключение:

– О публикации под авторством генерала придется забыть. Если только – что маловероятно – родственники не дадут на то согласие.

– Не будем спешить с выводами, – ответила она. – Почитаем – увидим.

– А отдыхать мы сегодня будем? – спросил он.

– Ты отдыхай, а я почитаю. Завтра у меня последний день, так что дневник надо бы прочесть, – ответила она.

Он обнял ее и прошептал на ухо:

– Потом. Когда-нибудь потом
Мы станем лучше, чем мы были.
И может быть, тогда поймем,
Как мы сейчас недолюбили...

Крео, пытаясь заснуть, вспомнил посещение выставки молодых художников. Его странным образом удивил, даже скорее покоробил шутливо-ироничный стиль некоторых экспонатов, инсталляций на темы концентрационных лагерей и геноцида целых национальностей.

На его вопрос-замечание, что это неэтично, кураторша – молодая пухленькая девица – ответила:

– Этот стиль нам помогает справиться с травмами, остав-

ленными нам в наследство от войны.

Он надолго задумался над этим ответом и нашел хороший, с его точки зрения, аргумент против.

– У вас был дедушка? – спросил он у кураторши.

– Да, – ответила она и настороженно продолжила: – А при чём здесь мой дедушка?

Крео почувствовал, что сейчас самое время зацепить эту циничную дуру. Но что-то его останавливало. Он подумал:

«А может, она не дура? Может, ее еще не научили думать? Да и зачем ей думать?»

И всё же он вслух произнес:

– Отмучился, значит, ваш дедуля. Отжил, так сказать, свое. Ему можно позавидовать.

Кураторша еще более насторожилась и, не зная, как реагировать, наивно выпалила:

– Почему завидовать? Что вы хотите этим сказать?

Она уже хотела было отвязаться от прицепившегося редактора известного издания, но что-то ее удержало. То ли женское любопытство, то ли служебный долг удовлетворить такого посетителя, а он ответил ей, улыбаясь:

– То-то дедуля был бы рад, что не видит такую внучку!

Внучка не сразу сообразила, что означают эти слова, но через несколько секунд стало заметно, что она еле сдерживает себя, кипит вся изнутри. Стараясь сохранить дежурную улыбку, кураторша спросила:

– Если у вас нет больше вопросов, то я могу быть свобод-

на?

– Да, – еще раз улыбнувшись, ответил он.

Сон никак не приходил. Записки генерала заинтересовали его весьма сильно, а слова «прививка от войны» еще долго не давали заснуть.

«Я попытался поговорить с Ньюкой о войне – получил полное разочарование. Отсутствие какой-либо заинтересованности этой темой меня даже не удивило. Удивило другое, – писал генерал. – Удивила черствость к чужому горю. Кто виноват в этом? Виноват я сам».

Юста прочла эти строчки и взглянула на часы – часовая стрелка приблизилась к двум.

«Что мы делаем для того, чтобы новые поколения не выросли равнодушными, черствыми? Мы показываем героев войны, но делаем это как-то неумело, залакированно, совсем забывая страшные мелочи, из которых соткана вся мерзость войны».

Она вспомнила своего деда. Когда дед изрядно постарел и ему требовался постоянный уход, родители вывезли его из деревни, из его соломенной хатки. Деда – так его называли родители, – как правило, любил дремать в своем кресле, а то и почитывать газеты, цокая языком и кхекая, когда находил там описания каких-нибудь курьезов. Вот и в этот раз, после

обеда, полистав какую-то газетенку, он задремал. Круглые очки сползли на нос, и сладкое сопение распространилось по всей дединой комнатушке.

Деда воевал. В войну был артиллеристом и почему-то о войне почти ничего не рассказывал. Юста, уже будучи студенткой, не раз просила его что-нибудь рассказать героическое, но деда как-то уходил от героики, рассказывал в основном о смешных случаях и о впечатлениях от чужих городов и тамошних диковинах.

Она тихонько вошла к нему и, когда деда перестал сопеть, спросила:

– Дедуля, а ты убивал врагов на войне?

– Уничтожал... – не сразу ответил деда. – А что ты, Юстина, спрашиваешь? Просто из интереса или... – деда любил ее называть Юстиной, ему казалось, что так ее имя выглядит красивее.

– Мне, дедуля, интересно: сколько врагов ты поубивал? – ответила она.

Деда почесал лоб, нахмурил брови и не спеша начал свой рассказ:

– Был я в заряжающих. Снаряды наши ого-го – пупок надорвешь, пока в казенник втиснешь! Наводчик, значит, прицелится и хрясь – выстрел, грохот, по ушам бьет будьте-нате! А где взорвется, мы не видим. Корректировщики командиру докладывают. А сколько там этих вражьих гадов положишь от взрыва, так кто ж его знает? – Деда остановился передох-

нуть и, взглянув на свою Юстину, продолжил: – Видел я, что снаряды наши, да и не только наши, делают. Смотреть не на что. Всё в ключья. Вот, значит, как.

– Дедуля, а тебе страшно было на войне? – снова спросила она.

Деда задумался. Он прикрыл глаза рукой, как будто вспоминая и переживая свои страхи заново. Она тихонечко сидела рядом и ждала ответа. День клонился к вечеру. За окном сгущались молочные сумерки. В полумраке фигура деда казалась такой хрупкой, что Юста удивлялась: как это такой ее дедуля таскал тяжеленные заряды на войне? Деда протер ладонью старенькие глаза и ответил:

– Бывало и страшно. А как же без страха? Без него на войне никак. Бывало, так набоишься, что перестаешь о нём думать – как бы не замечаешь его. Вон он, страх-то, а как крепость силы смьньшится и усталость смертная возьмет, так и страха вроде нет. Страх – он и есть страх, на то он и даден нам для жизни, чтобы правильно жить, помнить... – Деда прищурился, как тогда в деревенской хатке, и предложил: – Я вот лучше расскажу тебе один случай, – он, видимо, для пущей важности сделал ударение на втором слоге и начал рассказывать: – Перебазировались мы, значит, в другое место. В вечер собрались и двинулись, когда затемнело, – маскировка должна быть. Тягач урчит, тянет нас помаленьку по пролескам. Дорога разбита. По косогорам вверх-вниз двигаемся, сидим на нашей родной железяке. Луна сбоку красная

сквозь дымку проступает. Тянется батарея, куда командиры указали. За час километров пяток с добавкой оттяпали. Наши задницы подустали от маневров таких, и тут тяга наша заглохла. Чих-чих – и встали.

Деда почесал затылок, вспоминая ту лунную ночь, и продолжил:

– Спустились наземь – размяться. Механик в мотор – что-то там копается в темноте. Командир сообщил передним, что, мол, заминка у нас. Нас ждать не стали. Остались мы на дороге одной командой с гаубицей своей и заглохшим тягачом. Отдыхаем. Луну облаками закрыло. Тепло. Разлеглись мы по обочине в траве, организму отдых дать. Уж полчаса как блаженствуем. Война еле слышится. Всю ночь так бы и лежать – курорт, одним словом! Механик втихую обругался в хлам на мотор свой. Молоденький, опыта нет, а слов крепких много. Затихло – нашел он там что-то, сопение одно идет. И тут курорт наш закончился. Слышим – издалека навстречу тархтят мотоциклы, всё ближе и ближе. Сосредоточились мы – машины-то не наши. Ну, как противник проник в ближний тыл к нам? Залегли мы на всякий случай. А те встречные нас тоже, видать, учуяли – остановились, моторы заглушили и притихли. Лежим так в изготовке. Командир соображает, как дальше быть. Сосед мой справа шепчет мне: мол, надо бы всем стрельнуть в них разом, нас-то почти отделение. А я ему резоню: «У них пулеметы на мотоциклах бывают – от нас в минуту одни дырки останутся». Минут с

пяток прошло. У нас аж руки занемели винтовки сжимать. А у них что ж – поди, автоматы у всех да пулеметы. Смекаешь, какая обстановка сложилась? – спросил дед; любил он обстоятельно свою мысль развивать и не терпел поспешности в своих рассказах.

– Смекаю, дедуля, смекаю, – ответила Юста.

– Вот, значит, как, – продолжил дед: – Командир, конечно, голова – свистнул этим с интересом: как, мол, отреагируют? А те тоже свистнули: дескать, слышим вас. И что же – обстановка никак не прояснилась. Я шепчу тихонечко: «Надо на ихнем языке чего-нибудь изобразить. Проверить: наши или нет?» Командир обрадовался: вот он, значит, выход-то – на ихнем языке что-нибудь сказать. Эдак проверит: кто там?

Деда остановился, будто вспоминал тот вражеский язык, на котором он вряд ли много общался. За окном основательно потемнело. Юста включила настольную лампу, и комнатка деда осветилась желтоватым светом. Деда возвратился в действительность из своих воспоминаний и недовольно проворчал.

– Зачем свет жечь? Вона там как цифирьки крутятся, деньги поедают.

У деда в деревне электричество провели в последнюю очередь – он долго сопротивлялся новациям и сдался последним. Не очень-то жаловал дед плоды цивилизации. Он твердо держался мнения, что все изобретения имеют и положительное, и отрицательное значение. Из всего нового, что его

окружало, самым вредным он считал телевизор, который, с его точки зрения, мешал разговаривать людям, мешал общаться, а самым полезным – телефон.

Дед продолжил свое повествование:

– Мы, дальняя артиллерия, как есть были самые неграмотные по ихнему языку – нам он совсем ни к чему. На передовой – другое дело, а у нас что? Стрельнул – и всё. Конечно, налетят самолеты, отбомбятся на нас или снарядами вражьи по нам грохнут, так всё без языка чужого происходит. Так вот, командир наш, да и мы все знали-то всего пару слов: «руки вверх» по-ихнему да «доброе утро». Это из довоенного кино все знали. Все смотрели ту комедию. Натужился наш-то и как гаркнет по-вражью: «Доброе утро», да наше словечко, как водится, добавил: так, мол, вас и раз так! Сам удивился, как это у него вылетело. Нервическая обстановка, видать, повлияла. А оттуда не сразу – там тоже соображали, что это от нас к ним передалось, – ответили: «Доброе утро», тоже по-вражьи и тоже с прибавкой: «Мать вашу, раз эдак!». Ну, уж тут и дураку ясно стало: наши там. Не могут вражьи гады наш родной язык так досконально знать! Разговор завязался уж по-нашему. Трофейщики оказались на ихних мотоциклах. Сошлись, обрадовались, покурили. Мотор наш помогли поправить, да и разошлись в разных направлениях.

Дед остановился, что-то про себя размышляя, и добавил:

– Полезно знать чужой язык, а наш-то еще полезней.

– Деда, – она решила задать вопрос, – ты мне страшные

истории о войне ни разу не рассказывал. И эта – курьезная, не страшная. В деревне истории страшные были о чертях и упырях, а почему о войне ничего?

Нахмурился дед и серьезно ответил:

– Мала ты была тогда для страха военного, да и сейчас мала. Вот еще маленько подрастешь – тогда, может быть, и поговорим об этом.

В одну из весен деда сильно затосковал по своей деревне; как-то простыл, заболел и затих – скончался под утро, уже когда снег сошел. Хоронили деда в плохую погоду – повалил мокрый снег, – и, когда гроб опускали в сырую могилу, она подумала, что теперь дед ей никогда не расскажет страшное о войне...

«Может быть, для прививки от войны у новых поколений каждому своя война нужна? – размышлял генерал. – Может быть, ужасы книжные и киношные на нас не действуют? Нам, то есть новым людям, надо самим всё понюхать и испытать, да так, чтобы до печенок отвращение к убийству въелось».

Она оторвалась от записок, взглянула на часы.

«Уже четвертый, надо бы лечь», – подумала она. Но в записях пока что не было даже намека на разгадку, почему это произошло с генералом.

«Надо читать дальше – может, что-то появится», – решила она.

Через несколько страниц она наткнулась на жесткую фразу: *«Ньюке нужны только деньги. Он уже знает, что деньги дают власть. Интересно, кто это ему внушил? Всё окружение и внушило».*

Она прочла эти строчки несколько раз и продолжила чтение:

«С неделю назад я прочел ему, как помнил наизусть, отрывок из рапорта одного ефрейтора их армии. Прочел страшные по сути слова. Хотел узнать реакцию внука. Привожу эту запись для понимания, с кем мы имели дело в той войне:

“... Потом я пошел с несколькими товарищами из оперативного отдела на место, расположенное примерно в 2-х километрах. Там я увидел толпу в количестве приблизительно 600 женщин и детей под охраной... Число 600 является не только моим подсчетом, но так высоко определялось число и другими солдатами оперативного отдела.

Из этой толпы непрерывно выводили по 5 женщин к находившемуся на расстоянии 200 метров противотанковому рву.

При этом женщинам завязывали глаза, и они должны были держаться за палку, с которой их подводили ко рву. Когда они подошли, они должны были раздеваться донага, за исключением нескольких старух, которые должны были об-

нажать только верхнюю часть тела.

Потом... сталкивали их в ров и сверху расстреливали их. Когда женщины услышали приказ раздеться, они очень кричали, потому что поняли, что они будут расстреляны... я оставался на месте экзекуции не более получаса, и за это время было расстреляно 30–50 женщин.

После расстрела одной группы женщин следующая группа сталкивалась на том же самом месте в ров, прямо на тех, которые только что были расстреляны.

Расстрела детей я лично не видел, но большое количество детей находилось в толпе.

Я категорически подтверждаю, что мои показания соответствуют истине...”

И что же я услышал в ответ? Стыдно и горько писать об этом. Он произнес только эти слова: “Это было давно – сейчас всё другое”.

Это ж насколько мы зачерствели, что боль и страдания человеческие уже не чувствуем? Привыкли, что ли, к жестокости? Все идеи братства, дружбы всеобщей куда-то исчезли, растворились в быстро сменяющейся современности.

Почему я, уже совсем старый человек, не могу забыть того взгляда мальчишки, который после моего выстрела неожиданно обернулся, и его удивленные и испуганные глаза, как мне тогда показалось, что-то хотели спросить, но не успели. Он упал скрючившись на землю и так застыл наве-

гда. Меня в том бою ранило, да и весь наш взвод практически загубили. Потом, после месяца госпитального лечения, отправили меня на север и дали роту. В атаки мы долгое время не ходили, оборонялись, и, наверное, я потому и выжил. Много всего было потом, но первого своего убитого я запомнил на всю жизнь. Убийца я – вот и вся правда. Первый бой и первый мой убитый из своих. Говорили мне: предатель он, руки поднял, сдаваться к врагу пошел, но мне от этого не легче – свой же человек, не чужой».

Она читала блокнот и думала:

«Генерал к старости стал очень чувствительным. Не должен быть таким боевой офицер, прошедший всю войну. А вот же стал. Это, наверное, старческая меланхолия его одолела, да семья его неуютной была».

А генерал писал и писал, как будто исповедовался:

«Зверства на войне от зверей и происходят. В зверских условиях нормальный человек грубеет, озлобляется и может зверем стать. И я стал жестоким. Не обращал внимания на наших чрезмерно буйствующих. Оправдывал: мстят ребята за зверства, учиненные у нас».

В очередной раз, когда зашла Пуэла, мы долго говорили о Ньюке. Она защищала его и как-то называла слишком нежно: «Наш мальчик».

««Наш мальчик» вырос эгоистом», – подумал я, а ей сказал, что «наш мальчик» интересуется наследством, которое ему достанется после нас. Я специально сказал: «После

нас”, но она прекрасно поняла, что я хотел сказать. Я заметил, как печально склонила она голову, – она догадалась: Ньюка ждет наследство от деда.

Теперь, через много лет, пока он рос, я понимаю, что без матери воспитание получилось скверное».

Юста устала разбирать мелкий почерк генерала и, преодолевая сон, стала просто пролистывать блокнот, обращая внимание только на те места, где речь шла о Ньюке.

«От меня скрывают истину о моей болезни, – писал генерал, – но я чувствую, что-то во мне не очень в порядке. Медперсонал как-то настороженно внимательно ко мне относится. Ньюка, похоже, что-то знает о моей болезни, но пока что держится, молчит. Я иногда вижу, что ему не терпится что-то мне сказать, но ему запретили. А вот Пуэла всегда весела, когда заходит речь обо мне, говорит, что госпиталь этот наилучший и что к весне меня уж точно выпустят.

К весне у меня закончится этот толстый блокнот и мысли все “ценные” закончатся. Сейчас осень. Мне эта пора нравится, а вот Ньюке подавай лето. “Наш мальчик” склонен к безделью, а жаль. Кого мне жаль? Себя или Ньюку? Жаль, конечно, его. Ему еще жить да жить с этим менталитетом потребителя. Разве это хорошо? Разве такими хотели мы, чтобы они стали? Разве за это...»

На этой незаконченной фразе текст записок генерала обрывался. Чистой оставалась еще почти половина блокнота.

«Что еще мог написать генерал, если бы...» – подумала она.

Часы в гостиной пробили четыре раза.

Утром Крео тихонечко будил ее:

– Поднимайся, труженица! Всю ночь просидела с генералом? Не выспалась?

Полусонная, она повернулась к нему и почти шепотом ответила:

– Да, до четырех, – и, кашлянув, спросила: – Который час?

– Уже девять, – ответил он. – Сегодня солнышко и, кажется, первый легкий морозец.

– Ой! – вскрикнула она. – Опаздываю! – и быстро выскочила из-под одеяла.

За завтраком он спросил ее, весь ли блокнот она прочла. Она ответила, что весь. Добывая свой любимый бутерброд, Крео заявил:

– Прошу прощения, но я заглянул в записки. Какой-то странный был генерал – генерал-пацифист. Это нынче большая редкость.

Она утвердительно угукнула в ответ и, заканчивая завтрак, спросила:

– Ты что-то мне вчера на ночь прочел. Можешь повторить? Только быстро, я тороплюсь.

– Могу и быстро, – ответил он и пробубнил весь текст:

Потом. Когда-нибудь потом
Мы станем лучше, чем мы были
И, может быть, тогда поймем,
Как мы сейчас недолюбили.

Потом. Когда-нибудь потом,
Когда прекрасные погоды
Придут, конечно, в каждый дом
И мы умнее станем моды.

Слова найдутся посильней,
Чем те, что ныне между нами.
Все погремушки в старом хламе
Забудутся в потоке дней.

– Хорошо, – сказала она. – Я побежала. Шеф с утра ждет.
Пока.

– Пока-пока, – скороговоркой ответил он.

Наши-Ваши с напускной строгостью поздоровался с Юс-
той и, делая вид, что изучает какую-то бумагу, спросил:

– Ну как? Всё готово?

Она ответила:

– Да, готово.

– У нас трудностей не убавляется, – недовольно проворчал Наши-Ваши. – Видела, у входа толпа? Уже полгорода шумит. Твою подопечную защищают.

Юста пожала плечами, но ничего не ответила.

– Что молчишь? – продолжил Наши-Ваши. – Теперь общественное мнение многое значит. Пока мы тут раскручиваем, они, – он кивнул в сторону окон, – уже всё решили: кто прав, кто виноват?

– И кто же виноват? – спросила она.

– Ты что, не следишь за прессой и телеком? – удивился Наши-Ваши. – Вчера вечером всё и началось. Вот, читай вечерние новости, – он достал из стола газету и прочел: – «Несправедливая справедливость». Это ж надо такие слова придумать! – и он снова прочел название статьи.

– Я вчера весь вечер работала и телевизор не включала, – ответила она.

– Не включала, – повторил он сердито. – Ты не включала, а город включал. Видишь – телефон молчит? А потому, что наш пресс-секретарь сейчас за всех отдувается. – Наши-Ваши постарался сдержать себя и уже спокойным тоном произнес: – Теперь, пока ты возилась с этим делом, Пуэла стала невинной жертвой злобных органов, а внучок с доктором – убийцами. Дело еще не закончено, а у них всё уже ясно. Если быть кратким, то дело выглядит так: доктор подговорил Ньюку ликвидировать деда, а наследство поделить. Тем

более что доктор и Ньюка дружили – их частенько видели в ночном клубе у геев. Вот как всё обернулось. Всё это журналюги раскопали, – он засунул газету обратно и спросил: – Когда сегодня у тебя начнется?

Она посмотрела на часы и ответила:

– Уже через два часа.

– Хорошо, – сказал Наши-Ваши. – К вечеру мы должны закруглиться с этим делом. Тебе всё понятно?

– К вечеру будет протокол, а завтра утром – оформленное дело, – ответила она.

– И всё-таки кто же виноват? – спросил он снова.

– Нам необходимо это знать сейчас? – отреагировала она.

– Да, сейчас, – раздражаясь, ответил Наши-Ваши. – Мы не обязаны быть толерантными. Зло терпеть нельзя, или ты не согласна?

– Я согласна, – ответила она.

– Так и что? Мне с утра разъяснили, что нетрадиционная ориентация еще не является признаком плохого человека и что толерантность к иным у нас сейчас должна доминировать.

– Я что-то не пойму: вы согласны с этой доктриной толерантности? – спросила она.

– Не надо меня пытаться, – криво улыбнувшись, ответил Наши-Ваши. – Я, как и все, толерантен. Ты наконец-то ответишь на мой вопрос?

Юста задумалась, посмотрела в окно и после паузы отве-

тила:

– Похоже, Пуэлу придется оправдать. А вот что дальше? Это может выясниться только к вечеру, после госпиталя.

– Ты подозреваешь Ньюку? – глядя ей в глаза, спросил Наши-Ваши. – Ты понимаешь, что доказательства должны быть железными, и то я не уверен, что это нам поможет? Нам не поможет, – повторил он, и Юста поняла, что он хотел сказать «тебе не поможет».

– Я очень прошу тебя, – продолжил Наши-Ваши, – если есть хоть малейшее сомнение, то пусть уж будет суицид. Это выход для всех.

Он неожиданно как-то сник и медленно произнес:

– «Свой» и «чужой» – древнее деление у людей. Мы для них не свои – чужие. Какая уж тут терпимость к чужим? Ты понимаешь меня?

– Да, понимаю. Мы чужие. Генерал тоже для них был чужим, – ответила она. – Иногда хочется быть своей, ан нет – не хотят нас принять в свои ряды.

– Не философствуй, – прервал он ее. – Нам это не к лицу, у нас только факты и всё.

– Только факты, – согласилась она. – Я могу идти?

– Да, – ответил он.

– А почему сегодня вы без своего друга? – спросил Крео

молодого литератора.

– Он сегодня в госпитале – там проведут следственный эксперимент, – последовал ответ.

– А-а... – протянул Крео, – понятно, а я чем вам обязан?

– Дядя сказал, что завтра будет публикация. Это так?

– Да, дядя звонил мне, – ответил Крео.

– Это очень хорошо. Вы знаете, я очень волнуюсь. Интересно: как примет публика мой «Космодром»?

Крео задумался – надо было как-то сформулировать ответ, и он попытался быть искренним и тактичным:

– Как правило, начинающий автор не может предугадать реакцию читателей, а уж критиков – тем более. В практике было много случаев исторических перевертышей, когда сначала произведение не принималось публикой, а потом с течением времени становилось шедевром и наоборот. Надо набраться терпения.

Юноша, внимательно выслушав Крео, заметил:

– Да, терпение, но очень хочется, – он на секунду остановился, подбирая дальнейшие слова, и произнес: – Хочется, чтобы было всё справедливо.

– Справедливо, – повторил Крео. – Это очень сложно, чтобы было всё справедливо.

Молодой литератор спросил:

– Вы сами-то часто бываете справедливым или... – видимо, он намеренно не закончил фразу, и Крео это немного насторожило. Он подумал: «Этот мальчик, может, не так и

прост, как кажется?» и решил ответить несколько неопределенно, одним словом:

– Или.

Юноша улыбнулся и продолжил:

– Вы извините, но мне кажется, со мной вы могли бы быть справедливым, если бы не дядя. Я угадал?

Эта фраза повергла Крео в глубокое замешательство. «Не может быть, чтобы этот горе-литератор так тонко сыграл со мной!» – подумал он и ответил весьма дипломатично:

– У каждого из нас есть свои дяди. У вас есть свой. У меня есть свои резоны и аргументы.

– Значит, я могу ожидать от вас справедливой оценки «Космодрома» – ведь вы опытный человек в издательском деле? Короче, этот «Космодром» успеха иметь не будет или может быть принят как курьез, как дурная шутка, смеха ради и только?

Крео остолбенел от такой наглости, в голове мелькнуло: «Меня хотят загнать в угол. Это племянник с дядей хотят меня унижить, показать мне, где мое место. Место, где говорят: “Чего изволите, господа?”».

Крео не менее минуты молча смотрел на спокойное лицо юноши и никак не мог до конца понять, что здесь происходит. То ли его испытывают на лояльность к этим «серьезным людям», от которых многое зависит и он сам в первую очередь, то ли этот пацан решил внаглую поиздеваться над ним, имея за спиной дядюшкино покровительство?

Крео впервые встретился с такой ситуацией. Ему много раз приходилось выкручиваться, но сейчас происходило что-то суперновое.

«Может быть, меня хотят уволить со скандалом из-за этого “Космодрома”? – подумал он и мысленно ответил себе: – Нет. Остановись, горе-редактор! Ты же с дядей обо всём договорился. Недаром ребята два дня трудились над производением. Эту галиматью превратили в стандартную жвачку, даже с некоторым юмором».

– Вы передумали печататься? – спросил он племянника. – К сожалению, уже поздно – вчера типография закончила свою работу.

Племянник решительно ответил:

– Нет, я не передумал, но я могу всё-таки услышать вашу оценку этой повести?

Крео ответил не сразу – он пытался успокоиться или хотя бы внешне выглядеть солидно, как подобает руководителю серьезной конторы:

– Ваш «Космодром» редакторам пришлось немного подправить, отредактировать. Теперь это для начинающего автора выглядит неплохо.

– Неплохо? – удивился племянник. – Это что – справедливая оценка? Похоже, Ньюка был прав: сила дяди победила вашу справедливость.

Крео догадался: эти два молодца решили его цинично испытать. Он, делая вид, что эта фраза его нисколько не заде-

ла, ответил:

– Вы хотели опубликовать свой труд. Завтра ваше желание исполнится. Я думаю, на этом мы беседу можем закончить.

Юноша встал. По его лицу было заметно, что он хотел бы еще что-то сказать, но какие-то важные слова ему никак не давались. Крео тоже встал из-за стола и, не глядя на племянника, произнес:

– Прощайте.

– Да, я ухожу, – нерешительно ответил юноша. – Ньюка победил нас обоих. Сила не в справедливости, а в... – он не знал, каким словом закончить эту фразу, и добавил: – Сила в дяде, в сильном дяде. Вся сила – в страхе перед дядями, – и он вышел из кабинета.

«Да, веселенькая жизнь наступила, – подумал Крео, – когда такие молодцы в такие игры играют! А как правдоподобно! “Актеры” высокого полета подросли за спинами генералов и солидных дядей. А я-то хорош – литератор, разнервничался...» – и он добавил пару нехороших словечек, из-за которых в его журнале развернулась бурная полемика: стоит ли их употреблять в литературных произведениях?

Впереди был целый рабочий день в текущих делах и заботах. Уже ближе к обеду его соединили с дядей племянника.

– Але, я вас слушаю, – произнес он в трубку.

Уверенный и суховатый голос пробасил:

– На вас жалуются. Один из ваших авторов вчера в интервью заявил: дело генерала замнут, и правды мы не узнаем.

Это неправильно. Вы, я надеюсь, правильно меня понимаете.

Крео даже не успел вставить слово, как разговор прекратился. Некоторое время он неподвижно сидел за столом.

«Вот и твори здесь! – подумал он. – Ну что они лезут, куда не надо? Пиши себе рассказы, романчики! Какое тебе дело до нашей тонкой политики?»

Он постучал ладонью по столу, как будто хотел укрепиться в своих намерениях, и набрал номер этого идиота-автора.

Грубый развязный голос протрубил:

– О! Дружище Крео... тебя, – именно этот автор «славился» ненормативной лексикой. – Давненько... тебя не слышал...

Крео сугубо формально и крайне вежливо поздоровался и, не обращая внимания на попытки прервать себя, спокойно произнес:

– Наше издательство и журнал всегда дорожили своей репутацией – репутацией высокохудожественного издания, не терпящего пошлости и лжи. Честное отношение к нашему литературному труду является нашим кредо.

– Крео, голуба ты... наша. Мы тебя так любим, ты что, заболел... что ли? – голос в трубке несколько смягчился. Абонент ждал ответа.

– Нет, я в порядке, – ответил Крео. – А вот у вас проблема.

– Проблема? Да иди ты... Если ты опять о моем лексиконе, так это... народное. Народ так говорит. А мы... с народом.

– Я не об этом, – ответил Крео. – Вы позволили себе комментировать дело генерала и исказили действительность. Это недопустимо.

В трубке некоторое время раздавалось смачное сопение, а затем баритон объявил:

– Ты, голуба... угрожаешь мне? Мне – народнику? Вы что... – он вставил более-менее приличное слово, – офинигели? Тетку невинную хотят засудить, а педерастов выгородить?

– Суда еще не было, – ответил Крео. – Я бы на вашем месте воздержался от комментариев, если, конечно, хотите продолжить сотрудничать с нами.

– Вона вы как? – собеседник перешел на «вы». – Сочувствуете этим неформалам? – говорящий, видимо, хотел вставить крепкое словцо, но воздержался и продолжил: – Я вас понял. Вы, вы... – он, похоже, готов был смачно обругать Крео, но не решился и закончил разговор простой фразой: – Я подумаю над вашим предложением.

Крео, положив трубку, вслух выругался в адрес этого народника, дяди и вообще своей роли в этой истории. Он встал, прошелся до двери и обратно, подумал: «Юсте сейчас тоже несладко», – и занялся разборкой накопившихся бумаг.

Когда она вошла в проходную и предъявила охране свое

удостоверение, солнце уже поднялось над вершинами деревьев старинного парка, окружавшего несколько строений госпиталя. Общий вид разноэтажных зданий, расположенных в парковой зоне, скорее походил на элитное жильё в старинном стиле, нежели на госпитальный комплекс. Мощные дорожки удобно соединяли здания и, изгибаясь, уходили в темные аллеи. То тут, то там на клумбах и ухоженном газонном пространстве яркими шапками виднелись последние осенние цветы. На старых кленах еще кое-где держались желто-красные листья. Березы, увешанные мелкими желтыми листочками, красовались в солнечных лучах. Вся осенняя красота сверкала капельками растаявшего к утру ночного инея, и только в темных, тенистых местах еще можно было заметить ярко-белую бахрому, оставшуюся от легкого морозца.

Юста прошла от ворот по главной аллее к самому большому пятиэтажному зданию. Несмотря на предстоящие заботы и тревоги последнего дня расследования, она любовалась этим осенним великолепием, когда холодный прозрачный воздух приятно бодрит, а разноцветные краски в лучах чистого солнца радуют глаз и поднимают настроение, несмотря на ожидание долгой и холодной зимы.

Главный корпус госпиталя, где генерал закончил свой жизненный путь, живописно проглядывал сквозь высокие стройные ели и желтые клены. Юста, созерцая это осеннее роскошество, решила обойти всё здание и еще раз осмотреть

место, где нашли тело генерала. Осторожно пробираясь по отмостке у цоколя здания, она завернула за угол и подошла к той клумбе, на которую упал генерал. Всё цветочное убранство привели в порядок. Низкая чугунная ограда была свежеразкрашена. Практически уже ничто не напоминало о трагедии.

Юста подняла голову вверх и поискала глазами тот балкончик, на котором в последний раз стоял генерал. Балкончик был пуст. Она еще раз представила, как падал вниз этот человек. Неоднократные просмотры фотофиксаций места происшествия каждый раз вызывали у нее один и тот же вопрос. Она не могла понять, почему генерал не упал на отмостку, а попал на клумбу. Для такого «полета» необходим был прыжок с балкона, а не простое переваливание через перила. В протоколе осмотра места гибели генерала эта тема вообще не была затронута.

Юста прошла вдоль стены метров пятьдесят и визуально еще раз сверилась: могло ли тело упасть на край клумбы и именно на эту чугунную оградку?

«Могло, – подумала она, – если только спрыгнуть вниз с перил или... – эта мысль не покидала ее уже более недели, – встать на стул, а с него на перила».

Но увы, стула на балконе не было. В палате он был, а на балконе при осмотре не был.

Она обошла здание вокруг. Казалось, госпиталь был пуст. Кроме охранника, у входа ей никто не встретился. Юста во-

шла

в вестибюль, посмотрела на часы – до начала работы ее группы оставалось пятнадцать минут.

«Надо бы поторопиться, проверить, все ли на месте» – подумала она.

Юста прошла мимо лифта и поднялась на второй этаж. В приемной главврача уже толпились ее помощники, понятые, две медсестры, тюремные охранники. Пуэла сидела в кресле в углу приемной и безразлично наблюдала за происходящим. Юста поздоровалась со всеми и, минуя секретаршу, вошла в кабинет.

В большом помещении за столом в белом халате сидел хо-зяин, рядом с ним за столом заседаний расположились двое: молодой парень, в котором она узнала Ньюку, и пожилой седой мужчина.

– А вот и наш обворожительный начальник, – вставая из-за стола, произнес главврач. – Прошу познакомиться. Это внук, – и он назвал генерала по имени и отчеству, – а это его адвокат.

Она поздоровалась кивком головы и, ожидая приглашения сесть, остановилась посередине кабинета.

– Проходите, проходите, – засуетился врач. – Присаживайтесь, прошу.

Юста села напротив Ньюки и пристально, стараясь не моргать, посмотрела ему в глаза. Ньюка выдержал ее взгляд, но чувствовалось: ему это дается трудно. Она не стала дальше

его испытывать и обратила внимание на адвоката.

– Порфирий Петрович, – не вставая, представился адвокат и, обращаясь к главврачу, произнес: – А, собственно, чего мы ждем? Все в сборе – можно начинать.

Юста кивнула головой, встала из-за стола и, обращаясь к главврачу, предложила:

– Я сейчас расставлю всех по местам, а вам я предлагаю оставаться в палате. Вы у нас сегодня побудете генералом.

– Я? – как-то беспокойно произнес главврач. – А впрочем, вам видней.

Все вышли из кабинета в приемную. Юста первой прошла вперед и попыталась незаметно понаблюдать, как реагирует

Ньюка на присутствие Пуэлы. Он мельком посмотрел в ее сторону и перевел взгляд на окна приемной, Пуэла же не отрываясь смотрела на него.

Минут двадцать Юста с помощниками расставляла всю команду, участвующую в эксперименте. Первым через проходную госпиталя прошел Ньюка с адвокатом. Помощники по минутам фиксировали его передвижение. Затем в соответствии с записью в журнале охраны вошла Пуэла. В длинном коридоре первого этажа она встретилась с Ньюкой и адвокатом.

Юста при свидетелях спросила Пуэлу:

– Вот видите – вы не могли не встретиться! На допросах вы говорили неправду. Зачем?

Пуэла молчала. Ньюка стоял в стороне у стены и делал

вид, что его этот вопрос не касается. Юста, не услышав ответ от Пуэлы, обратилась к нему:

– Вы также на предварительном следствии сообщили, что с Пуэлой не встретились. Вы подтверждаете свои первые показания или хотите их изменить?

Порфирий Петрович, до этого не проявлявший никакой активности, жестом руки как бы оградил Ньюку от Юсты и ответил за него:

– Сейчас это не имеет никакого значения, встретились они или нет. Молодой человек от волнения мог быть и неточным. Так что я не думаю, что это незначительное изменение, как вы выразились в показаниях, меняет суть дела.

Юста поняла, что этот Порфирий Петрович не даст Ньюке и слова сказать, но она сделала вид, что адвоката и не слышала.

– Ньюка, скажите: а где вы были почти полчаса после того, как покинули деда?

Ни адвокат, ни Ньюка не ожидали такого вопроса. Адвокат вопросительно посмотрел в сторону Ньюки и, поняв, что допустил промах, тут же четко заявил:

– Мой подшефный может и не отвечать на этот вопрос. Эти полчаса могут быть истрачены куда угодно. Молодой человек мог зайти в туалет. В задумчивости после свидания с дедом мог заблудиться в здании, тем более что он любил деда и желал ему скорейшего выздоровления, но, видя, что генерал пока что не идет на поправку, мог и расстроиться. Мы с

вами должны понимать, что значит тяжело больной человек в семье – родной, любимый человек, отдавший жизнь свою, положивший здоровье на алтарь будущего счастья своих детей и внуков. Мы же с вами, в конце концов, не черствые люди, не сухари какие-то. Мы живые, нормальные, не злобные функционеры, и должны видеть за поступками людей положительное начало, а не подозревать всех и вся. Молодой человек мог расстроиться? Конечно, мог.

Порфирий Петрович вошел в образ и говорил, и говорил. Юста заметила, что он, как профессиональный актер, умел держать аудиторию. Статный, высокий, худощавый, с прозрачными серыми глазами, он как будто и не обращал ни на кого внимания, но опытный наблюдатель смог бы увидеть, как эти серые глаза, отмечают всё, что происходит вокруг.

Длинную речь адвокат закончил уже не раз произнесенной фразой:

– Молодой человек мог расстроиться? Конечно, мог.

– Да, конечно, мог и расстроиться, – согласилась Юста, – тем более что внук успел за это время накоротке переговорить с главврачом.

– Пусть это подтвердит сам главврач, – предложил Порфирий Петрович.

– А ему незачем это подтверждать. Их видели вместе в коридоре возле палаты. Об этом в деле есть свидетельские показания. Именно поэтому Ньюка и встретился с Пуэлой – задержавшись из-за главврача.

Порфирий Петрович молчал. Юста подумала:

«Скорее всего, его слабо подготовили, проинформировали – и теперь ему на месте приходится как-то выкручиваться».

Она не дала компании расслабиться и тут же предложила.

– Пройдемте в палату. Сейчас там у нас будет много дел.

Порфирий Петрович, пожав плечами, но ничего не сказав, согласился на это предложение. Юста понимала, что если адвокат сейчас откажется от участия Ньюки в дальнейших мероприятиях, то это может быть воспринято не в его пользу.

«Серьезный дядька этот Порфирий, – подумала она. – Не опасается вопросов. Думает, что за ним такая железная поддержка, что в любом случае Ньюке ничто не грозит».

Просторная палата пустовала. Если бы не специальная кровать и инженерная разводка различных сетей к ней, можно было бы считать, что палата является уютным номером гостиницы. На одной из стен красовалась качественная копия одной из известных пейзажных картин прошлого века. Через просторные окна в помещение проникали лучи яркого осеннего солнца, и вся обстановка, несмотря на всеобщее совсем не радостное настроение, вселяла некоторое предчувствие хорошего окончания дела.

Вся группа как-то неуверенно расположилась вдоль стен; поначалу никто не решился разместиться на диване и в креслах. Юста прошла к балконной двери и обнаружила снаружи скучающего главврача. Опершись о перила, он, видимо, лю-

бовался осенним парком. Вид с четвертого этажа действительно был хорош. Весь госпитальный комплекс находился на небольшой возвышенности, и лесные дали, окрашенные в желто-красноватые цвета, приковывали взгляд.

Юста легонько постучала пальцем по стеклу. Главврач обернулся. На его лице она не обнаружила ни беспокойства, ни искусственного равнодушия. Лицо было просто задумчивое, как обычно бывает у людей, занятых какой-то мыслью и случайно застигнутых врасплох чем-то посторонним. Он наконец-то очнулся от чего-то своего сокровенного и, увидев Юсту, вяло улыбнулся, открыл дверь и вошел в палату. Один из помощников принес куклу и, судя по усилиям, с которыми он приспособил ее в одном из кресел, кукла весила немало. Присутствующие настороженно и даже с некоторой опаской наблюдали за этой процедурой. Внешне невозмутимый Порфирий Петрович уставился в сторону куклы, и чувствовалось, что это набитое ватой изделие, отдаленно напоминающее человека, ему неприятно.

– Ну что ж, приступим, – сказала Юста. – Прошу вас, – она обратилась к помощникам: – помогите подозреваемой показать, как она это сделала.

Через полминуты кукла-манекен оказалась на балкончике прижатой к перилам, а Пуэле предложили показать, как она сбросила генерала вниз.

Порфирий Петрович равнодушно увел Ньюку в угол и разместился с ним на диване. Делая вид, что манипуляции с

манекеном ему неинтересны, он что-то тихо говорил Ньюке. А на балконе разворачивались интересные события.

Понятые с большим интересом наблюдали через балконную дверь за неудачными попытками Пуэлы сбросить куклу вниз. Она, уже в третий раз приноравливаясь, дергала манекен то за руки, то за ногу, пытаясь приподнять его и перевалить через перила. Уже понимая, что не справляется с этой задачей, Пуэла обхватила куклу сзади за пояс, пытаясь рывком подбросить ее как можно выше. Но вес манекена был явно чрезмерно излишним для худенькой женщины.

Юста остановила эти попытки словами:

– Достаточно. Составьте протокол с описанием происшедшего, а вам, – она обратилась к понятым, – всё понятно? Не требуется дополнительных попыток?

Понятые кивнули головами и хором ответили:

– Всё и так ясно. Эта женщина не могла его сбросить вниз.

Когда все вернулись в палату, Юста обратилась к Ньюке, да так, чтобы ее слова слышали все:

– Прямо сейчас доказано, что последним, кто мог видеть генерала живым, могли быть вы.

– Не вижу в вашем предположении хотя бы малейшей вероятности, отличной от нуля, – встrepенулcя Порфирий Петрович. – Эта женщина не смогла поднять эту штуку – ну и что? Можно допустить, что она просто беседовала с генералом и уговорила его на это. На самоубийство. А мой подшефный, не застав генерала в палате, как раз и стал выяс-

нять, где его можно найти. Такая последовательность событий более логична, чем ваша. —

Порфирий Петрович поднялся с дивана и, потирая ладони, прошелся вдоль окон. — Допросите задержанную, спросите, что она говорила генералу. Почему он так решительно поступил? Вам известно, что генерал был смертельно болен?

— Да, — ответила Юста, — я воспользуюсь вашей рекомендацией. А пока, Ньюка, ответьте мне на такой вопрос: о чём вы разговаривали в коридоре с главврачом?

Порфирий Петрович снова вмешался в процесс:

— А какое это имеет значение? Они могли говорить о чём угодно — о погоде, например.

Последнюю фразу адвокат произнес громко — так, чтобы главврач ее расслышал.

— О погоде? — переспросила Юста. — Можно и о погоде. Ньюка, а какая погода была в тот день? Солнечно, сухо? Или слякоть и шел дождь?

Ньюка вопросительно посмотрел на Порфирия Петровича. Тот в ответ кивнул головой, и Юста впервые услышала несколько глуховатый баритон восемнадцатилетнего юноши:

— Дожливо было с утра. А потом... потом тоже слякотно было.

— Не правда ли, в такую погоду обычно настроение хорошим не бывает?

В разговор, как и ожидалось, включился адвокат:

— Это у нас, у стариков, в слякоть настроение ухудшается,

а у вас, у молодых, любая погода хороша.

– Ньюка, вы тоже так считаете? – спросила Юста.

Ньюка уже более раскованно ответил:

– Был проливной дождик. На улице торчать скучно.

– А к деду приехать было не скучно? – продолжила разговор Юста.

Порфирий Петрович насторожился. Он остановился у окна и внимательно посмотрел на Юсту. Она сделала вид, что не замечает его взгляда.

– Нет, не скучно, – ответил Ньюка.

Он, сделав паузу и не получив от адвоката никаких указаний, продолжил:

– Дед всё время вспоминал свою молодость, войну. Разве скучно слушать про войну?

Последнюю фразу Ньюка произнес как-то заученно – в его интонации опытный слушатель мог уловить неискренность и, может быть, даже некоторую иронию: мол, отвяжитесь от меня со своими рассказами о старине.

Порфирий Петрович уловил это и решительно вмешался:

– Да, совершенно правильно, что молодежи интересна наша история. Сейчас патриотическое воспитание очень актуально. Вот и молодой человек формируется как патриот, как человек, любящий свою родину, – и он впрямую обратился к Ньюке: – Вы, Ньюка, имея такого деда, я полагаю, цените подвиги наши в последней войне?

– Да, конечно, – сухо ответил Ньюка. – Мы всех победили,

и правильно сделали.

– Вот видите, – обращаясь к Юсте, произнес Порфирий Петрович, – наша молодежь получает правильное воспитание.

– Да, – согласилась Юста, – но мы отвлеклись от дела.

За окном потемнело, неожиданно набежали осенние тучи. Пошел сначала мелкий, а затем и сильный дождь. Помощники срочно убрали с балкона манекен и посадили его в свободное кресло. Наступила неожиданная пауза. Сидящие за круглым столом заканчивали оформление бумаг. Охранники стояли у двери и откровенно скучали. Пуэла в какой-то странной задумчивости стояла у балконной двери и смотрела на дождь. Юста вспомнила, как прошлой осенью Крео привез ее на родину деда – в ту деревеньку, где она много раз отдыхала в летние месяцы.

Внедорожник долго и натужно преодолевал совершенно заброшенную дорогу, на которую они съехали с более-менее нормальной грунтовки. Иногда казалось, что машина не выберется из очередной ямы, проточенной водными потоками. Последние три километра преодолевались не менее получаса. Юста не бывала в этих местах с тех пор, как родители вывезли деда в город.

Прошло уже почти десять лет. Дорога по краям заросла

молодой порослью, бывшие поля под натиском зелени превратились в большие поляны высокой травы. Лес наступал повсюду – некоторые места она узнавала с большим трудом.

– Вот справа сквозь заросли ольхи открылся холм заброшенного хутора, а вот там, в низине, блеснуло большое озеро, широкой дугой уходившее за лесной мыс.

Преодолев низкое болотистое место, машина выбралась на бугор, откуда раньше была видна вся дедова деревня. А сейчас Юста не увидела ничего, кроме двух старых лип, еще стороживших въезд на широкую деревенскую улицу. Липы постарели, одна из них болела: макушка совсем засохла, и жить ей осталось, наверное, недолго. Вторая еще держалась и раскидистой кроной закрывала вид на озеро.

Они проехали мимо, и через минуту машина остановилась у разрушенного палисадника деда. Хатки, похоже, уже давно не существовало. На ее месте рос высокий бурьян из иван-чая, да по краям еще виднелись плоские камни бывшего фундамента. Но сад – старый яблоневый сад, высаженный ее прадедом, – частично сохранился. Корявые, кое-где уже полусохшие яблони уходили по склону вниз к озеру, где когда-то стояла дедова банька. Банька топилась по-черному, и дед устраивал им помывки каждую субботу. Распаренные до елETERпения, они с подружкой голышом прыгали с мостков прямо в озеро, а потом сидели на скамеечке у теплой бревенчатой стены со стороны сада и с наслаждением грызли сочные яблоки.

Юста с Крео спустились через сад к озеру. Берег повсюду зарос высокой осокой – подойти к воде было невозможно. На месте баники из бурьяна торчала груда камней от печи. А когда-то отсюда они, завернувшись в полотняные простыни и повязав по-деревенски платки, поднимались в хатку, где до самых сумерек чаевничали. Дед по субботам готовил какой-то особенный чай с пахучими травами. К тому еще полагалось варенье разных видов из лесных ягод.

По субботам после бани ей с подружкой запрещалось ночевать в саду, в шалашике. После застолья они забирались на печку, устраивались там в тепле, где пахло грибами, яблоками и прочей вкуснятиной, которую дед заготавливал на зиму, и начиналась какая-нибудь новая дедова история. Обычно по субботам дед рассказывал особенно страшные истории. Он долго укладывался внизу на старой деревянной кровати, тихо кряхтел, удобно располагая болезненные суставы, и издалека начинал свой очередной рассказ:

– Давно это было. Это когда еще телефонов полезных не было, – неспешно развивал свою мысль дед. – А телевизоров – и подавно. Вот сосед... – и дед назвал имя хозяина крепкого дома напротив, – первым завел себе телевизор. Так и что ж? Набьются в хату в вечер с полдеревни – не продохнуть – и в стекло это смотрют не отрываясь. Эхе-хе! – покряхтел дед и продолжил: – А в старину соберутся бабы – и давай байки разные сказывать, смеются, гогочут до упаду. А мужики серьезно говорили про то, про сё. По субботам гармоника

играла. Девки песни как заведут – красота душевная вокруг наступала... – Вы там спите поди? – спрашивал дед.

– Нет, дедуля, мы слушаем, – отвечали они с полным ртом, занятым поглощением сушеной малины и черники.

– Осторожно там с ягодами-то! Как бы организму не повредить! – предупреждал дед и продолжал свой рассказ: – Этот случай мне отец сказывал, когда я пацаном еще был, а ему – его отец. Это было когда вокруг деревни хутора стояли и дороги крепче были. Вот там, от развилки слева, болотина начиналась, так и тянулась – версты четыре будет. Бабы с девками туда за ягодами бегали. Морошки полно. По краям черника да голубика. А там, где помокрее, – клюквы видимо-невидимо. Поодиночке не ходили – боязно. Так особо в чертей вроде и не верили, но на всякий случай гуртом бегали – мало ли чего, зверь какой выйдет. Старики говаривали, что жил когда-то на болоте старый леший. Вроде и добрый, но кто его знает, это болотное чудо? И видели его не раз, а может, и набрехали. Так подробно описывали, так это когда врут, не стесняясь.

Дед остановился передохнуть; слышно было, как он повернулся на скрипучей кровати, вздохнул, как будто собиравшись с силами, и продолжил:

– Будто глаза у него голубые, ласковые, а сам весь волосьями заросший, да с копытами. Так, вроде, и не трогал никого из деревенских и хуторских тож. Если кто заплутает на болотине – так он побухает, побухает пузырями, да и отстанет.

А была тогда на деревне отчаянная девка – оторва, как говаривали бабы. Ничего и никого не боялась. Парней без страха разнимала, когда на кулачках сойдутся. И ходила она на то болото одна-одинешенька, когда ей вздумается. Хоть с утра, хоть под вечер. В тот год ягод уродилось как никогда, вроде как нынче. Старики говаривали: зима лютая будет, а потому на болото молодежь бегала, как минутка свободная случится. А девка эта и в вечер повадилась за ягодой – день-то в августе еще длинный. Солнце поздно садится. Ушла один день и до утра пропала. Парни по краю болота пробегли, поукались уж когда темень наступила, а девка никак не отыскалась. Темно. Где ж искать-то?

Поутру, когда все в поле были, явилась красавица. Мокрая вся, да в болотной тине. Так это ничего – только сметется всё, не останавливается. Ребяшня родичей с поля кликнула. Родственники девку в порядок привели, а она как не своя вроде. «Гы-гы-гы» да «гы-гы-гы» – смех остановить не может. Как будто спортил кто. Дня два гоготала да затихла. Думали – слава Богу, направилась девка, ан нет, как потом оказалось... Слухаете или спать будете? – спросил дед.

– Слушаем, слушаем. Интересно: что дальше будет? – ответили подружки с печи.

– Так-так, – продолжил дед. – Уж поздно – может, завтра дорассказать?

– Нет, дедуля, сегодня хотим! – слышалось с печи.

Дед затих, как будто прислушивался к спящей деревне.

В тишине не проявился ни один звук. Только где-то далеко, наверное, в дальнем конце озера, что-то гукнуло: то ли птица хлопнула крыльями, то ли рыбища большая, поднявшись со дна, плеснула громадным хвостом. Когда-то деревенские промышляли рыбой. Дед сам по молодости с берега ловил на хлеб крупную плотву. Сейчас не ловит – сырости опасается, ноги болят.

Дед вздохнул и продолжил рассказ:

– Тихая девка стала. Родичи не нарадуются. Вся беспокойства пропала в ей. Хош сейчас замуж отдавай! И с подружками дела наладились. Ранее-то побаивались водиться с ей – шабутная больно. А теперь по вечерам с девками тихо сидит, шушукается. Чой-то меж собой у них происходит. Особенно с двумя особливо тихими сдружалась. Как вечер свободный – всё они втроем обретаются.

Дней сколько-то прошло – стали они вместе за ягодой бегать. Носют корзинами. Домашние довольны, заготовки к зиме делают. Да только девки, как вернутся с болота, смеются всё. Отхохочутся с несколько времени и снова затихнут, до следующих ягод. По деревне слух пошел: портит девок кто-то на болоте, ухохатывает. Сами-то они молчат, слова не вытянешь. Никак нечистая в болоте балуется! И батюшку уж приглашали, и в церкву водили. Всё едино, отхохочутся и тихо до поры... Не спите, а? – спросил дед.

– Не-а, – послышалось сверху. – Дедуля, а сейчас на то болото ходят за ягодами? Не боятся?

Дед чуточку кашлянул и ответил:

– А уж и болота-то толком нет. Как новую канаву к озеру прорыли, подсохло всё. Ягода-то еще осталась, а мокроты почти что нет. Лесом всё зарастает. Рассказывать дальше, что ли?

– Да, дедуля, пожалуйста, рассказывай, – ответили подруги.

– Ладно, слушайте, полуночницы. И решил один паренек из их дальней родни проследить за ними. Разузнать там на болоте, что да как. Никому ничего не сказал, незаметно под вечер увязался за девками. Они-то уж вернулись на заходе, а его всё нет. Деревня не сразу спохватилась: лето, тепло – мало ли парня занести может? Но как к утру не обнаружили – забеспокоились. А как же? Работать надо, а рук не хватает! А как и где искать? Кто знает?

День без него прошел, и только под вечер, как сумерки спустились, заявился он к дому. Худой, словно неделю не ел. Весь в болотине. А как мать взглянула на него, запричитала вся: поседел, вся голова белая – аж светится! А главное – молчит, глазами как-то испуганно смотрит безучастно. Отец попытал его маленько, и только через день-два паря рассказал, что с ним на болоте случилось. Пошел он за девками, скрытно двигался, чтоб не увидели. А девки по кочкам, по кочкам углубляются, в самую центру забрались. Паря наш, как девки остановились, залег за кочкой в дурман-траву, наблюдает. Солнце ему в спину светит, и девок ему хорошо ви-

дать. Встали они в кружок, корзинки на траву склали и давай аукать и покрикивать: «Ягод дай, ягод дай! Повеселим тебя. Ау, ау!»

Чудно ему стало, думает: «Кому это девки так кричат? Неужто с ума сходят?» Лежит паря, удивляется, и тут тень рядом появилась – сзади кто-то встал и сопит. Хотел было наш паренек оглянуться, да и посмотреть, кто это сзади. А не может – вроде как онемение в теле наступило. Да еще дух такой пошел, как будто псина кака гнилая рядом, аж дурман-траву заглушило всю. Лежит наш паря не шелохнется. По спине, пониже шеи, словно капли росы холодной ощущаться стали. Тень рядом колыхается, дух дурной всё заполонил, да сопение и хрюканье сзади слышно. Тут еще одна напасть приключилась: кто-то по спине ему шершавым чем-то водит, да давить сильно стал. Тело всё в кочку вгоняет, всё глубже да глубже. Вот уж и живот до мокроты дошел, а сверху давление не убавляется. Подумал паря, что конец ему пришел, глаза зажмурил и не дышит уж почти... Ну как, девоньки, не запужал я вас? – делая паузу, спросил дед.

– Нет, дедуля, – ответили девоньки, – нам интересно! А тот леший, может, и сейчас там живет? Нам бы посмотреть на него!

– Кхе-кхе, – прокашлялся дед. – Нетути сейчас никаких лешаев. Как электричество завели, столбов понаставили, так эта вся живность нечистая ушла. Нечем теперь молодежь пугать, воспитывать. Только и остались сказы эти от стариков.

Да и молодежь вся разбежалась по городам. Одни мы трухлявые в деревне остались.

– Дедуля, а чем эта-то история закончилась?

– А этот случай вот как завершился, – и дед продолжил: – Лежит, значит, наш парнишка и чует, что давить-то его перестали – легче ему стало. Дух вредный вроде как рассеялся, и страх маленько проходить стал у него. Слышит он – девки песню веселую завели:

Ягоду в бору собрала,
Дроле ягоду снесу.
Я любви еще не знала,
Для нее я здесь пою.

Не судите меня строго,
Забавляться мне пора.
Ягод будет очень много,
Здесь судьбинушка моя.

«Чудная песня, – думает паря. – Кому это девки так распелись?» – Голову из моха приподнял, глаза маленько потеряла, мать чесная – девки голые по кочкам прыгают, под песню свою вроде как пляшут. А какая-то чудища косматая с корзинами вокруг копошится, ягоды собирает, да так скоренько работает, что ягоды так и сыплются в те корзины. Смотрит – а уж корзины почти полные. А чудища в его сторону рожу-то свою повортила, ягоды собирать бросила и на пар-

нишку пошла. Он с силой собрался, от кочки оторвался и бежать что есть мочи. Несколько пробёг, да и в тину провалился, по пояс завяз. Ползет, из сил выбивается. Обернулся – тихо вокруг. Солнце садится, уж кромкой мелколесье на краю болота зацепило. Ни девок, ни чудища. Лег он в изнемоге – так в трясине и пролежал до следующего дня. Спасся, значит, от смерти убиения на болоте. Ну, вот и конец сказу моему, – добавил дед.

– Как конец? – затараторили подружки. – А что дальше-то с ними было? Расскажи, дедуля, пожалуйста?

– Дальше-то всё просто было, – ответил дед. – Девочек этих отправили к дальним родственникам в деревню верст за тридцать отсюда будет. Парнишка выправился. Здоровье поправил, работал как все, только седина никуда не делась. Его парни иногда лунем звали, да он не обижался. А деревня вся решила на то болото более не ходить, и долго не ходили, пока случай не забылся.

– А вот здесь наш шалашик был, – Юста указала на полянку меж двух яблонь. – Одичало всё, – добавила она, срывая яблоко. Откусила небольшой кусочек. Горько-сладковатая мякоть на вкус была неприятна. – Одичал сад, – повторила она.

Крео в знак согласия кивнул головой:

– Всё дичает, если не ухаживать.

– Некому ухаживать, – вздохнула Юста. – Нет деревни, одни камни от фундаментов остались. Лешие и черти ушли, а за ними и люди.

– Это как в сказке? – удивился Крео.

– Дедуля мой говорил, что нечистая сила от электричества ушла, а теперь вот и людей нет.

– Интересно, – ответил Крео и после паузы добавил: – Не живут люди без сказок и легенд. Не получается так жить. Скучно. Без прошлого скучно. Вот, послушай, – и он прочел:

Туда не надо возвращаться,
Туда, где молодость была.
Нам надо с нею попрощаться —
Сегодня есть у нас дела.

Но что-то тянет нас обратно,
Где слышен смех и громкий плач.
Как будто что-то непонятно
Нам здесь, где мало неудач.

Там каждый день ломают копыя,
Бурлят идеи без границ,
Сражаются с врагами в клочья
И не щадят ни тел, ни лиц.

И снова мы туда приходим —
Без прошлого нам здесь не жить.

И мысленно с собой уводим
Всех тех, кому сейчас не быть.

– Да, без прошлого скучно, но с прошлым иногда так грустно, – сказала Юста. – Мне иногда кажется, что молодые грустными не бывают. Всё им смешно. Я себя вспоминаю в том возрасте: всё-таки мы были хоть чуточку не такими.

– Брось ты это сравнивать! – ответил Крео. – Всё повторяется по кругу. Мы по молодости были веселыми – веселуха повсюду была. Так же сейчас и у новых молодых. Вот ты вспоминаешь деда. Так он, я думаю, веселым был даже в возрасте.

– Да, ты прав. Он даже о войне одни курьезы рассказывал, – ответила она.

– Всё движется по кругу. Мы уходим и возвращаемся и бесконечно что-то ищем, находим, и снова теряем, и опять ищем...

Они прошлись по еле заметной тропке посередине бывшей деревенской улицы, ненадолго задерживаясь у тех мест, где когда-то стояли дома. Юста вспоминала деда, соседей, подружку, с которой когда-то бежала вниз к озеру. В полуденную жару они бросались в прохладную воду. Плыли, фыркая, подальше от берега и останавливались на глубине. Работая руками, висели столбиками в прозрачной воде и любовались зеленью леса, вплотную поступившей к зеркалу большого озера.

Он спросил ее:

– О чём ты думаешь?

– О прошлом, – ответила она.

– О прошлом, – повторил он. – Да, о прошлом думать хорошо, но оно уже ушло.

– Да, ушло, – согласилась она.

Некоторое время они шли молча. Тропинка совсем потерялась. Пора было возвращаться.

– Заросло всё, – сказал он.

– Да, – ответила она. – А когда-то жили люди. Шумели, веселились. Теперь тишина и покой. Нет домов, нет людей. Вечный покой.

– Может быть, и вечный, – согласился он и спросил: – Может, назад пойдём?

– Сейчас постоим и пойдём, – ответила она. – Как тихо. Ты слышишь?

– Что? – спросил он.

– Ты слышишь тишину?

– Да, слышу, – ответил он.

– Почитай мне что-нибудь свое, – попросила она.

Он обнял ее за плечи, наклонился к самому уху и тихонько, почти шепотом, прочел:

Потом. Когда-нибудь потом
Все наши прошлые невзгоды,
Как будто древние породы,
Все зарастут былым быльем.

Удачи, подвиги, победы,
Как будто пышные обеды,
Пройдут за давностью времен,
Как исчезает чемпион
На фоне бьющихся рекордов.
И будут новые аккорды
Стирать ушедший тихий звук.

Но память что же нам оставит?
Возможно всё ей уместить?
Быть может, что-то нам подправит,
Почистит что-то, заместит,
Загладит промахи и беды,
Подправит неприятный звук
И наши прошлые победы
Очистит от великих мук.

Потом. Когда-нибудь потом
Пусть будут эти перемены.
А что сейчас? Вернемся в дом,
Где помогают даже стены.
И тихо выдохнем: мы здесь.
Какое счастье – дома снова!
И слава Богу, мы здесь есть,
«Дом» – замечательное слово!

Юста повернулась к Пуэле и, нарушив неожиданно наступившую тишину, спросила:

– Пуэла, вы сейчас способны отвечать на вопросы?

Пуэла, не поворачиваясь, опустила голову и, как показалось, еле заметно кивнула.

Юста спросила:

– Когда вы вошли в палату, генерала там уже не было? Вы подтверждаете это?

Пуэла молчала; внимательный взгляд мог заметить, что руки ее немного дрожат и плечи как-то согнулись, опустились. Вся она сгорбилась, и это состояние могло перейти во что угодно. В обморок, в истерику и что-то еще, пока что неизвестное.

Юста не стала ждать развития негативных событий и предложила:

– Давайте я за вас буду отвечать, а вы будете соглашаться или...

– Ни в коем случае! Протестую, – заявил Порфирий Петрович. – Вы не имеете права подсказывать ответы подозреваемой. Я делаю вам официальное заявление, протест. Прошу учесть это!

Порфирий Петрович подошел к Пуэле и уже более спокойно продолжил:

– А вы не обязаны отвечать на вопросы без адвоката. Почему вы здесь находитесь без адвоката? Это неправильно. Откажитесь от участия в этом... – Порфирий Петрович несколько замялся – возможно, хотел сказать какое-то уничижительное слово в адрес Юсты, но спохватился и сказал: —...в этом мероприятии.

Юста, не вступая с ним в полемику, моментально отреагировала:

– А вы, пожалуй, правы. В таком случае вы можете взять на себя роль адвоката Пуэлы, а формальности мы учтем. Я обещаю: документы будут подготовлены надлежащим образом.

Порфирий Петрович сначала пожал плечами, потом, разместившись в одном из кресел, произнес:

– Это всё не есть хорошо. Вы действуете незаконно. Я буду жаловаться.

– Так вы отказываетесь быть адвокатом Пуэлы? – спросила Юста.

– Решительно отказываюсь, – ответил Порфирий Петрович, – и уж совсем равнодушно добавил: – Вы, как выразился наш доктор, обворожительная начальница, сделали большую глупость, взявшись за это дело. Кто-то из классиков сказал: «Ничто так дорого не ценится, как собственная глупость».

Порфирий Петрович хотел еще что-то сказать, но сдержался и, картинно облокотившись о ручку кресла и подперев лоб ладонью, затих.

Юста подошла к Пуэле и тихо спросила:

– Продолжим?

Пуэла кивнула головой и хрипло, чуть слышно, произнесла:

– Его уже не было.

– Вы утверждаете, что когда вы вошли в палату, генерала там уже не было?

– Да, – тихо ответила Пуэла.

Она повернулась в сторону Ньюки, затем осмотрела палату, словно впервые попала сюда, и взгляд ее вновь остановился на закрытой балконной двери.

Дождь прекратился, остатки рваных туч уходили за горизонт, и временами проглядывало солнце.

Кто-то из присутствующих заметил:

– Вот погодка-то: уж, было, подморозило ночью, а теперь опять слякоть. Хорошо, что еще солнышко проглядывает.

– Да, – ответили ему, – поздняя нынче осень. Интересно: какая зима будет? Прошлая почти без снега была. Ох! Плохо это для природы. Не любит природа аномалий.

– Это мы не любим аномалий. А природа – она как есть природа, – ответил кто-то из охранников.

Разговор затих сам собой. Пуэла подошла к балконной двери, открыла ее и снова тихо повторила:

– Его уже не было.

Юста дала ей возможность успокоиться и продолжила:

– Пуэла, когда вы вышли на балкон, то подобрали пугови-

цу и перенесли стул в палату. Это было именно так?

– Да, – снова ответила Пуэла.

– А когда вы узнали, что генерала уже нет в живых?

Ответа не последовало.

Порфирий Петрович, до того делавший вид, что он считает все действия Юсты незаконными и посему не желает в них участвовать, кашлянул и произнес:

– Какая-то белиберда творится, – и, обращаясь ко всем присутствующим, добавил: – Я полагаю, что наше присутствие с юношей здесь уже ни к чему. Достаточно будет этой женщины.

Он встал и всем своим видом показал, что собирается покинуть помещение.

Юста, не обращая внимания на Порфирия Петровича, спросила Пуэлу:

– Вы испугались, что Ньюка мог это сделать? У вас на то были основания?

Пуэла молчала. Иногда казалось, что она просто не слышит вопросов. Вот и сейчас она снова безучастно смотрела в окно. Порфирий Петрович поднял Ньюку и в нерешительности остановился. Он явно ждал реакции Пуэлы, но она продолжала молчать. Пауза затянулась. Первым заговорил адвокат. Он обратился к Юсте со словами:

– Мне кажется, что вам следовало бы освидетельствовать подозреваемую у психоневролога. Возможно, женщина, судя по ее поведению, находится в невменяемом состоянии и, на-

верное, находилась в нём в тот злополучный день, и потому мы с вами здесь просто зря теряем время.

«Хитрый этот Порфирий, – подумала Юста, – правильную тактику избрал! Затянуть, а там и время всё выйдет. Пуэла молчит. Как ее разговорить, вызвать на откровенность? Жалеет она своего Ньюку. Да какой же он ей свой? Отлучили ее от ребенка. Чужой он ей!»

Юста посмотрела на Ньюку – тот стоял рядом с Порфирием.

«Хорош, – подумала она, – статен, видна генеральская порода! А ты, обворожительная начальница, детей-то не имеешь, а рассуждаешь. Вот заведешь своих, тогда... А может, и вправду пора?»

– Пора, – повторила она вслух.

Пуэла, как ни странно, очнулась от этого слова и тихо, даже как-то жалобно, произнесла:

– Пуговичку я хотела на место пришить, когда он вернется.

– Вот видите, – Юста обратилась к Порфирию Петровичу, – всё прояснилось. И как стул переместился в палату с балкончика, и как пуговица в кармане оказалась? А вы говорите: «Невменяемая».

– Стул? Не понимаю его роли! – буркнул в ответ Порфирий Петрович. – Ну, стоял стул, потом дождь пошел – женщина и убрала его, чтобы не намок.

– Но ведь кто-то этот стул поставил на балкон? – продол-

жила Юста. – Как вы думаете, Ньюка: кому понадобился стул на балконе, да еще в сырую погоду? Вы застали деда на балконе или в палате?

Ньюка, давно не участвующий в разговоре, явно не ожидал вопроса. Он как-то дернулся, посмотрел на балкон и что-то хотел ответить, но Порфирий Петрович его опередил:

– Молодой человек застал своего дедушку где положено и ни к какому стулу отношения не имеет.

– А я не настаиваю по поводу стула, – возразила Юста. – Наверняка внук застал деда в палате – погода была мерзкая. Вы, Ньюка, сами же сказали: «Дождливо было». На балконе в дождь неуютно. Не правда ли?

Ньюка кивнул головой. Порфирий Петрович, видимо, решил остаться и сел в кресло. Жестом он велел Ньюке сесть рядом на диван.

– Таким образом, нам всем ясно, что стул на балкон поставил либо сам генерал, либо еще кто-то. Вы согласитесь со мной, уважаемый Порфирий Петрович? – Юста впервые назвала адвоката по имени и отчеству.

– Я повторяю: мне эта тема со стулом непонятна. Допустим, генерал захотел подышать свежим воздухом. Открыл балкон и поставил стул – ему захотелось там посидеть. Это же в госпитале не запрещено? – Порфирий Петрович обратился к главврачу:

– У вас здесь можно дышать на балконе?

Главврач, до этого тихо наблюдавший за происходящими

событиями, не сразу сообразил, что адвокат обращается к нему. Он приподнялся с дивана, потом снова присел и только тогда ответил:

– У нас дышать можно везде.

– Но не вываливаться с балкона, – добавила Юста и спросила: – А вы, уважаемый доктор, зачем заходили в палату, когда там появился Ньюка?

Доктор сначала никак не отреагировал на вопрос. Он сделал вид, что не очень расслышал его, и после паузы, несколько поморщившись, ответил:

– Я могу заходить куда угодно и к кому угодно. Это моя обязанность.

– Да, конечно, – согласилась Юста. – Но этот случай необычный: пациент мертв не по показаниям болезни. Может быть, вы всё-таки объясните, зачем вы зашли в палату?

– Я зашел для того, чтобы справиться о здоровье пациента. Вас такой ответ удовлетворяет? – ответил доктор.

– Удовлетворяет, – ответила Юста. – То есть вы, Ньюка и генерал некоторое время находились в палате втроем. Не так ли?

Ответа не последовало. Главврач внимательно ожидал продолжения в рассуждениях Юсты. Порфирий Петрович, хотя внешне выглядел спокойным, но по повороту головы можно было догадаться, что он тоже был начеку и готов был вмешаться в монолог Юсты в любой момент. А Юста, не прерываясь, продолжала:

– Это означает только одно: что вы были последними, кто видел пациента живым. Если это так – а это именно так, – то остается выяснить, что или кто был вольной или невольной причиной дальнейших событий.

– Вы что же – подозреваете нас в том, что произошло с пациентом? – возмущенно спросил доктор.

– Это моя обязанность – подозревать и расследовать, – парировала Юста.

– Но у вас нет никаких доказательств, – несколько успокоившись, произнес доктор.

– Да, прямых пока нет, но и у вас нет железного алиби, – ответила Юста.

Наступила напряженная тишина. Участники мероприятия почувствовали, что вот-вот наступит кульминация всех событий. Противостояние следователя и подозреваемых было налицо. Порфирий Петрович первым нарушил общее молчание.

– Я думаю, что у нас пока что действует правило презумпции невиновности. Вам не стоит, – он обратился к Юсте, – обвинять без доказательств и тем самым унижать уважаемого человека и совершенно невинного юношу. У этих подозреваемых, как вы их обозначили, совершенно не было никаких мотивов для совершения такого деяния. А подозревать доктора – это просто смешно. Я боюсь быть несколько циничным, но полагаю, что у якобы злонамеренного доктора было бы множество вариантов, чтобы скрытно загубить

пациента, а не выбрасывать его с балкона. – А ваш пресловутый стул, – продолжил Порфирий Петрович, – он вообще не вписывается в картину преднамеренных действий подготавливаемых. Зачем им стул при сбрасывании генерала вниз? Это даже не смешно, если только можно говорить так об этой трагедии, а весьма глупо.

Порфирий Петрович осмотрел всех присутствующих и, как будто ожидая аплодисментов, замолчал.

– Да, уважаемый Порфирий Петрович, вы весьма логичны, – ответила Юста. – Но есть у нас – вы это знаете лучше меня – такое понятие, как доведение до самоубийства, да и мотивы к тому были.

– Странно, очень странно, – Порфирий Петрович не спеша продолжил свое выступление, – не ожидал. Вот уж не ожидал, что у нас в следственных органах такие фантазеры завелись! Новые времена, новые люди. В мое время основывались на фактах, а теперь сплошные иллюзии. Цирк, одним словом. Нет профессионалов. Есть симпатичные фантазерки, – он в этот раз говорил очень медленно, делая для большей убедительности паузы после каждого предложения. – Допустим, что доктор поймел такую глупую мысль: довести пациента до суицида. Вопрос: чем же он мог так запугать генерала – бывшего фронтовика? Болезненными процедурами, что ли? Это просто несерьезно. А о внуке я уж совсем не говорю. Вы, наша обворожительная начальница, усложняете – прямо-таки роман у вас получается о злодеях, решив-

ших загубить хорошего человека. Наивно, очень наивно, голубушка! Фантазии хороши для развлечений, для искусства, а не для серьезных дел. Да и в искусстве нынче модно иметь художественную правду. Не верят, не хотят люди верить в вымысел. А впрочем, прошу прощения: это не моя область, не компетентен я в искусстве.

Юста внимательно слушала Порфирия Петровича и думала:

«Вот ведь вроде умный, опытный человек, а притворяется демагогом. Самому, наверное, противно от собственных рассуждений. А может, я и не права? Может, ему нравится быть таким, за словами скрывать истину. Это его профессия. Вот генерал ничего не скрывал. Ему уже нечего было скрывать – он доверил свои записки неизвестному читателю, понимая, что всё это будет потом...»

Она вспомнила генеральскую строку: «...и что к чему. Дальнейшее молчание». Где-то она слышала эти слова, но вспомнить никак не могла. Генерал писал:

«Бывают такие вдохновенные минуты, когда ощущаешь себя причастным к чему-то великому, вечному, большему, чем все вместе заботы и мировая суета всех и вся на белом свете. Это ощущение причастности случается нечасто, скорее очень редко посещает нас. Посещает случайно, неожиданно, и в этой случайности есть великий смысл. Надо быть всегда готовым к таким случайностям.

Вот как сейчас помню: лежим мы на дне окопа. Сухо, теп-

ло, августовская ночь темна до ощущения полной пустоты. Лежим, смотрим на звездное небо. Тишина, только изредка на фланге, вдалеке ракета редкая всколыхнет – и снова темнота. Сосед спрашивает:

– Там где-нибудь, может, тоже война идет?

Я не сразу понял, о чём он. Переспросил:

– Где “там”?

В ответ:

– Там, далеко, где звёзды.

– Не знаю, – отвечаю я. – Там много чего, наверное, есть.

Может, и война есть.

Сосед продолжает:

– Если там есть люди – значит, и война там есть.

Я молчу, жду – может, сосед еще что-то скажет, – и слышу:

– После этой войны надолго ли утихомиримся?

– Надолго, – отвечаю я. – Сколько всего натворили. Народища загублено. Да и еще продолжаем бить. Не побили мы их еще.

– Побьем, – утвердительно шепчет сосед. – Недолго осталось. Гоним эту гадость и выгоним. А вот надолго ли утихомиримся? Не знаю. С прошлой сколько лет прошло?

Я мысленно подсчитал – лет двадцать получается. Сосед тяжело вздохнул и заметил:

– Ничему не научила нас прошлая война, и там, за звездами, никто ничему не научится. Не можем мы в примире-

нии жить, и они не могут.

– Кто “они”? – спросил я.

– Да все, кто живет сейчас, и кто будет жить после нас, и кто здесь живет, и кто там, за звездами. Мы все одинаковы.

– Как это одинаковы? – возразил я.

– А вот так и одинаковы, – подтвердил сосед. – Если есть свои и чужие, то война будет обязательно. А свои и чужие будут всегда.

– Но можно же договориться, без войны обойтись, – попытался я снова возразить.

– Можно, – ответил сосед, – но не навсегда.

“Да, – подумал я, – пока надолго договориться не получалось”, – а вслух сказал:

– Закончим войну – будем всем говорить, что всё, конец. Никаких больше войн не надо.

– Может, и будем говорить, а может, и нет, – ответил сосед. – Кому охота плохое вспоминать? Вспоминается хорошее, плохое хочется забыть.

– Нам его нельзя забывать, – сказал я.

Сосед ответил:

– Да я понимаю, что нельзя. А жизнь новая возьмет свое – людям захочется радости. Вот и получится так, что горюшко будет постепенно забываться. Задвинут его, это горюшко, куда-нибудь в архивы, и будет оно там без толку пылиться.

– Не может такого быть. Найдутся понимающие, помнящие люди, – сказал я.

– Может, и найдутся, но мало их будет. Скучные они будут и неудобные для радостей жизни.

“А что такое «радостная жизнь»? – подумал я. – Может, это и есть те промежутки между нерадостями? Вот как сейчас. Смотри на звездную россыпь. Грандиозное и радостное зрелище. Удивление и спокойствие наступает от этой огромности. Все мысли мелкие уходят. Что остается? Что-то сокровенное и очень важное”.

– Как хороша жизнь! – вздохнул сосед. – И смотришь в эту глубину, и умирать не страшно, но рассказать о войне надо. Потом, когда закончится, а то снова воевать пойдем. Надо сказать, как было на самом деле, без грохота оркестров.

Сосед замолчал – видимо, обдумывал следующие слова. А я добавил свое:

– И под оркестры иногда надо рассказывать, чтобы помнили, и что к чему. Дальнейшее молчание.

После этих слов мы оба надолго притихли. Каждый думал о чём-то своем. О войне, о мире. Доживем ли мы до него? И если что, то кто без нас расскажет, что к чему? А мы? Тогда про нас скажут: “Они сражались за родину” – и будет для нас дальнейшее молчание».

Юста подумала: «Вот и наступило для генерала дальнейшее молчание, только ровные строчки его записок не молчат».

Порфирий Петрович закончил свое выступление. Присутствующие молча переваривали его речь. Юста заметила, что доктор, похоже, немного нервничает. Она подумала:

«Нервничает – нет у него такого адвоката, как у Ньюки, да и вообще такой защиты, как у внука, не имеется. Работаем уже более двух часов – может, сделать перерыв?» – она отвергла эту мысль и решила дожать этих молодцов, озвучив фразу, от которой несколько заскучавшие понятия встрепнулись.

– Да, конечно, мы не такие профи, как некоторые, но хочется узнать, – она обратилась к доктору, – кто последним вышел из палаты: вы или Ньюка?

Главврач ответил:

– Я сейчас не очень хорошо помню – было, как всегда, много дел. Кажется, я вышел раньше.

– А вы, Ньюка, хорошо помните тот день? Например, помните, как вы утром общались с медсестрой?

Ньюка посмотрел на Порфирия Петровича и ждал указаний. Адвокат молчал.

«Ага! Не знают они, как ответить, – подумала Юста. – Ой,

как им хочется эту тему закрыть! Не знают, как это сделать?»

Наконец Порфирий Петрович решился что-то сказать. Он, не глядя на Юсту, произнес:

– Вы опять задаете вопросы не по существу. Это что же получается? Молодой человек ни с кем не может встретиться? Это, знаете ли, нонсенс!

– Молодому человеку не запрещено встречаться, с кем ему нравится, – ответила Юста. – Но очень хочется надеяться, что у молодого человека память отличная. Так вы встречались со своей подружкой утром или нет? – Юста ждала ответа.

Ньюка опустил глаза и тихо ответил:

– Да.

– Вот теперь я удовлетворена, – сказала Юста. – Вижу, что память у вас хорошая. Нам интересно, о чём вы говорили со своей подружкой. Она, наверное, сказала что-то важное?

– Кому это «нам»? – возмутился Порфирий Петрович. – Вы, голубушка, вышли за рамки своих полномочий. Я считаю, что юноша имеет полное право не отвечать на такие вопросы.

– Да, конечно, можно и не отвечать, можно и ничего не помнить. Только имейте в виду, что присутствующие здесь могут сделать неприятные для вас выводы, – Юста весьма спокойно произнесла эту фразу и хотела продолжить, но Порфирий Петрович перебил ее:

– Что вы имеете в виду? Кто здесь может сделать непри-

ятные выводы?

Юста, не давая Порфирию Петровичу развить эту тему, ответила:

– Выводы очень просты. Если некто ничего не помнит и не отвечает на вопросы, то он либо болен, либо что-то скрывает. Скрывает что-то важное, неудобное для него. Вот и спрашивается вывод. Что же такое скрывает свидетель? Чего он боится? Может быть, он боится перейти в другую категорию, учитывая то обстоятельство, что ранее подозреваемая оказалась неспособной совершить это криминальное деяние.

После таких слов Юсты Ньюка несколько растерялся. Он что-то прошептал на ухо адвокату. Порфирий Петрович, уже не скрывая раздражения, отстранился от него, соорудив такую гримасу на лице, от которой Ньюка плотно вжался в спинку дивана и, ни на кого не глядя, замер.

Порфирий Петрович подавил раздражение; лицо его разгладилось, и Юсте даже показалось, что он чуть улыбнулся. Адвокат встал и, заложив руки за спину, медленно двигаясь по палате, заговорил:

– Уважаемые присутствующие, позвольте вам заметить, что мы с вами не в суде. Здесь нет подсудимых, нет защитников, нет прокуроров. Здесь наш уважаемый следователь пытается найти истину. Найти истину путем иногда незаконным, но понятным. Нашему обворожительному следователю хочется скорее завершить это странное дело. А нам с вами

важно не совершить роковую ошибку – обвинить невиновного, – он остановился около Пуэлы и продолжил: – Вот перед вами женщина, которая пыталась взять вину на себя. В этом случае мы нашли истину. Эта женщина не может быть виновной. Если бы вы были присяжными, я полагаю, что вы однозначно признали бы ее невиновной. Но разве из этого следует, что некто другой автоматически становится виновным? Нет. Таким образом, сделав одно доброе, справедливое дело – сняв подозрения с этой несчастной женщины, – мы не должны сотворить зло.

Порфирий Петрович медленно прошел к дивану и аккуратно разместился на своем прежнем месте. Юста взглянула на понятых. Они молча переваривали только что услышанное, и по их лицам трудно было определить, как они восприняли слова адвоката.

– Мы не будем творить зло, мы попытаемся найти истину, – сказала Юста и обратилась к доктору: – Вы вошли в палату после Ньюки и вышли раньше него? Это так?

– Да, – односложно ответил доктор.

Юста заметила, что он перестал нервничать и как-то загрустил.

– А зачем вы появились в палате у пациента, когда там находился посетитель?

Доктор несколько замялся, но всё же ответил:

– Меня вызвал пациент.

– Зачем? – снова спросила Юста.

– Зачем? – повторил вопрос главврач и как бы сам себе ответил: – Я успокоил его. Ему важно было знать, как долго он будет жить.

Юста изобразила удивленное лицо и спросила:

– Разве генерал находился в неведении о состоянии своего здоровья?

– Да. Нам такие требования установили родственники.

– Кто именно?

– Его сын, – ответил главврач.

Юста, еще раз убедившись, что разговор ее с присутствующими записывается, продолжила:

– Скажите: а кто же мог нарушить это условие?

Доктор посмотрел на Ньюку, отвел глаза в сторону и ответил:

– Мне это неизвестно.

– Значит, когда вы о чём-то разговаривали с Ньюкой в коридоре, пациент уже знал, что его болезнь смертельна?

Доктор неуверенно ответил:

– Скорее всего, знал: мои попытки убедить его в обратном, похоже, его не удовлетворили.

Юста обратилась к Ньюке:

– А вы что можете сказать по этому поводу?

Ньюка, не глядя в сторону Юсты, пожал плечами и ответил:

– Ничего не могу сказать. Я ему об этом ничего не говорил.

– А с главврачом вы разговаривали об этом или еще о чём-

то? – спросила Юста.

– И об этом, – ответил Ньюка.

– Доктор, вы подтверждаете, что с Ньюкой вы говорили и о здоровье пациента, и о том, что пациент откуда-то узнал о своей смертельной болезни? Это так?

– Да, – ответил главврач.

– А еще вы говорили о чём-то личном? О вашей... – Юста подобрала, с ее точки зрения, нейтральное слово, – о вашей дружбе?

Доктор молчал. Ньюка сделал вид, что не слышал вопроса. Порфирий Петрович что-то хмыкнул про себя и заявил:

– Коллеги, мне кажется, пора сделать перерыв. Не можем же мы торчать здесь без обеда, без, так сказать, хотя бы малого отдыха? Я лично проголодался ужасно. Доктор, я знаю, что у вас при госпитале имеется приятная кафешка.

– Да, – несколько рассеянно ответил доктор. – Но здесь я не хозяин. – Он обернулся в сторону понятых и помощников Юсты. – Но если это будет общим желанием, мы могли бы переместиться туда. Я распоряжусь, чтобы нам обеспечили продолжение работы прямо там.

– Великолепная идея! – восторженно воскликнул Порфирий Петрович. – Вы, наша очаровательная начальница, можете спасти нас от голода. Сделать, так сказать, общее доброе дело. Ждем от вас положительного ответа.

– Ну что ж, если все умирают от голода, я не вправе творить зло, – ответила Юста. – Перебираемся в кафе. Ведите

нас, наш доктор.

Через пятнадцать минут вся компания активно потребляла легкие закуски. На столах появились чай и кофе. Разговор о деле не клеился. Порфирий Петрович перебивал всех, удачно вставляя шуточные реплики, и не переставая рассказывал забавные истории из своего богатого юридического опыта.

– Молодой я был, – начал очередную байку Порфирий Петрович, – только-только на завод пришел юрисконсульт. Заводишко-то маленький какую-то химию выпускал. Я весь из себя стройный, красивый, в радостном возрасте, и воображал я себя суперумным. Пригнал снабженец на завод цистерну спирта – что-то новое они собрались производить. А спирт по тем временам, да и сейчас, – вещь очень востребованная. Директор вызвал снабженца, главного охранника и меня, задачу поставил: спирт сохранить до запуска технологии, чтоб местные умельцы не попользовали его для личных нужд. Покумекали местные мужи и ничего более оригинального не придумали, как часовых выставить – спирт охранять. Стали соображать, кого поставить.

Думали-думали, а выходит всё скверно. Что тетки, что мужики заводские ненадежные по охране спирта. Начнут потихонечку потреблять – не остановишь. Хоть городишко небольшой, а народу на цистерну хватит. Меня спрашивают: мол, что может молодость предложить? А я почесал затылок (а как же – первое производственное задание), да и

предложил, – Порфирий Петрович отпил глоток кофе, убедился, что присутствующие заинтригованы его историей, и продолжил рассказ: – предложил отравить кого-нибудь этим спиртом, чтобы остальные даже близко к цистерне побоялись подходить.

Понятые недоверчиво улыбнулись, а Порфирий Петрович, заметив это, сказал:

– Вот и директор, покрутив пальцем у виска, сказал, что я полный дурак и ничего в производстве не понимаю. Обиделся я. Стою молчу, а директор эмоции убрал, смотрит на меня с удивлением, просит: «Будьте любезны, изложите свою идею с отравлением?» Ну, я им и изложил: «Надо не вправду, а понарошку кого-то отравить. Так, чтобы все знали, что отравленный: хлебнул из цистерны – и умер скоропостижно. Конечно, лучше бы всего его и похоронить для убедительности, но...» Директор тут прямо обалдел от моих слов, выпучил на меня глаза и с нервной ехидцей говорит: «А потом откапаем через месяц якобы отравленного. Мы как раз через месяц, не раньше, израсходуем цистерну. Откапаем его и вручим грамоту за выполнение особо важного задания». – «Нет, – говорю я, – закапывать не будем. А премию за фиктивное смертельное отравление можно и выписать». «– На кого премию будем выписывать?» – оглядев всех, спросил директор. Снабженец сначала было хихикнул на это предложение, да и затих, а охранник, видимо, как-то испугался. Молчит, и лицо без реакции. Наверное, боится,

что его отравят понарошку.

Порфирий Петрович взял паузу, чтобы кофе допить. А один из охраняющих Пуэлу заметил:

– Ерунда какая-то получается. Можно же было на цистерне написать «Яд» и череп с костями добавить. Затеяли какую-то дурь!

– Конечно, вы правы, – ответил Порфирий Петрович. – Так и сделали, но время было такое, что всяких надписей для сохранности чего-нибудь было недостаточно. Нужны были более серьезные меры. Вот возьмите у нас: чего только не напишут, а соблюдается это всё? Не всегда.

– Так как же вы справились с этой проблемой? – спросил второй охранник.

– А вот так, как я предложил, и справились, – ответил Порфирий Петрович. – Уговорили главного охранника симулировать отравление, благо одинокий был человек. Медсестру заводскую пришлось посвятить в это тайное дело. Охранника на глазах у нескольких рабочих склада почти мертвым увезли. Потом слух распространили, что тело его дальние родственники забрали. Появился он на заводе как раз недели через три – жив и здоров. Пришлось ему потом байки рассказывать, как врачи чудо совершили – его с того света возвратили. Директор ему премию выписал, а спиртом всё-таки немного попользовались в незначительных объемах: снабженец с особо доверенными лицами это сделал тайно и аккуратно.

Порфирий Петрович закончил свой рассказ. Компания молчала в ожидании дальнейших указаний Юсты. А Юста подумала:

«Стоит ли возвращаться в палату? Здесь всё дело и завершить...»

Порфирий Петрович как будто угадал ее мысли – улыбнулся и спросил:

– Может, мы переговорим вдвоем, без окружающего народа? Пусть они от нас отдохнут.

Юста оглядела всю компанию, подумала и ответила:

– Да, пожалуй, нам пора объясниться.

– Тогда, может быть, поднимемся в кабинет к главврачу?

Не запретит же он нам воспользоваться его рабочим местом?

– Не должен, – с некоторым сарказмом ответила Юста.

Когда они поднялись в кабинет и расположились друг напротив друга за большим столом, Юста спросила:

– Признайтесь: историю со спиртом вы придумали, чтобы развлечь компанию?

– Признаваться? – ответил Порфирий Петрович, – ни в коем случае! Мне мой папа еще давно в назидание говорил: «Порфиша, никогда ни в чём не признавайся!» С тех пор и не признаюсь. Знаете ли, признание – слово с двойным смыслом. Тебя признают – это действие снаружи, и влиять на это тебе сложно. Иногда почти невозможно. А когда сам признаёшься, это – изнутри. Можешь как-то это регулировать. Это, по крайней мере, более оптимистично, чем воздействие на

тебя со стороны.

– Может быть, приступим к делу? – предложила Юста.

– Да, конечно, – согласился Порфирий Петрович. Лицо его посерьезнело, и он спросил:

– Я надеюсь, что доктора мы можем исключить из вашего процесса дознания. Вы молчите – значит, согласны?

Юста ответила:

– Скорее да, чем нет. Вы считаете, что доктору не было смысла раскрывать генералу врачебную тайну?

– Вот именно. Он, конечно, понимал, что если это раскроется, то высокие покровители пациента лишат его этого места. Кроме того, мы должны помнить, кем является сын пациента.

– Тогда у нас остаются только две личности, – подхватила эту мысль Юста. – Внук и его девушка.

Порфирий Петрович задумался, еще раз осмотрел кабинет – видимо, решая, как продолжить беседу, – и ответил:

– Я думаю, этих, как вы выразились, личностей могло быть и трое. Третий нам вообще неизвестен.

– Да, – согласилась Юста. – но меня сейчас беспокоит одна мысль: почему я – следователь – вошла в сговор со стороной защиты, то есть с вами? Это, по большому счёту, никуда не годится.

– Ах, вот что вас смущает! – ответил Порфирий Петрович. – Я-то сижу и вижу, как вы зажаты, напряжены. Если вы полагаете, что мне поставили задачу дискредитировать вас,

то смею вас уверить: это не так! Мне дали указание договориться – разрешить, так сказать, это дело мирным путем.

– И каков же ваш мирный путь? – спросила Юста.

– О! Если позволите, речь моя не будет короткой, – ответил Порфирий Петрович.

– Позволяю вашей речи быть длинной, – сказала Юста.

Порфирий Петрович встал из-за стола, прошелся вдоль стены с портретами выдающихся врачей, ранее работавших в госпитале, и произнес:

– Прошу прощения, но, знаете ли, нужен моцион, не могу долго сидеть – позвонки не любят эдакой долгой позиции. – И он, заложив руки за спину, начал свою речь. – Во-первых, прошу учесть, что молодой человек, на мой взгляд, не способен совершить такой свинский поступок по отношению к деду. Да, характеристика внука не ахти какая, но я думаю, не настолько плохая, чтобы совсем не жалеть деда. Во-вторых, вы никогда не сможете доказать, что Ньюка виноват в гибели генерала. Можно, конечно, попробовать, но без его признания сделать его виновным – это сплошная утопия. Таким образом, молодого человека по имени Ньюка мы с вами тоже можем исключить из вашего списка. Что у нас остается, как говорят химики, в сухом остатке? Только эта девица. – Порфирий Петрович остановился у окна. – Прекрасный парк, и место для ансамбля выбрано великолепно! Умели же наши предки строиться, элегантно вписаться в природу.

Порфирий Петрович с минуту молчал, разглядывая лес-

ные дали.

– Только эта девица, – повторил он. – И что же мы, точнее – вы можете с ней совершить? Девица знает, что ей нужно, и, наверное, добьется своего. Этот мальчик от нее не отвернется. Может, это и хорошо: оторвется от своих нетрадиционных друзей. Вот вам и «в-третьих»: нет смысла искать эту личность, которая сообщила правду нашему генералу. По крайней мере, генералу это уже не поможет. Семье это тоже не нужно. Вот и весь сказ.

Порфирий Петрович закончил равномерное движение по пространству кабинета, разместился за столом и, уперев подбородок о тыльные стороны ладоней, застыл в ожидании реакции Юсты, а она подумала: «Умеет говорить и убеждать этот Порфиша!»

– Ну, что же, – произнесла она вслух, – предположим, что девушка не рассказала пациенту о его состоянии. Предположим, она не захотела давить на Ньюку, закрепить, так сказать, свои права на него, поэтому она не сообщила деду о своих отношениях с его внуком. Из этого разве следует, что мы, то есть я должна так и закончить дело безрезультатно, не найдя виновных?

– Так-так, – пробормотал Порфирий Петрович. – Вы словно епитимью на себя возложили, наказали себя этим делом за какие-то грехи. Зачем?

– Зачем? – повторила Юста. – Это мой долг – довести дело до конца. А наказание? Не за что мне себя наказывать.

– Было бы наказание, а грехи найдутся, – заметил Порфирий Петрович и добавил: – Зря вы так сказали: «...закончить дело безрезультатно». Вы сделали огромное благо – сняли обвинение с этой женщины. Вот вам и результат. Вы, молодые, иногда пробегаете мимо, не замечая, что *о* вокруг происходит. Остановитесь, посмотрите вокруг. Насладитесь тем, что есть. – Порфирий Петрович неожиданно загрустил и произнес: – Вот, послушайте старого человека: я прочту вам стихи. Знаете ли, иногда тянет на философскую грусть:

«Когда закончится житьё,
Нас остановят у порога.
Мы сбросим старое хламьё
И встретим, может быть, и Бога.
С врагами мы поговорим
Без ругани, не пряча лица,
И с другом мы договорим
До самой точки, без амбиций.
Всё в прошлом. Суета ушла,
Все, кто был с нами, снова рядом.
И не вернется уж тоска,
И не уйдет с печальным взглядом.
Но что-то беспокоит нас:
Не то, не так мы сотворили.
Не в тот ходили, может, храм,
А может, и совсем не жили.
Кто нас рассудит? Кто поймет?
Кто принесет нам всем свободу?»

От нас, быть может, не уйдет,
В любую страшную погоду?
Обнимет тихо и без слов,
Простит за всё, что сотворили,
За то, что было много снов,
За то, что просто тихо жили».

Они некоторое время сидели молча. Юста никак не ожидала услышать такого от Порфирия Петровича.

– Вы еще и поэзией увлекаетесь? – осторожно спросила она.

– Очень редко. Почитываю. А это, что прочел, для меня очень трогательное, – ответил он. – Кстати, нашел я это стихотворение в журнале вашего Крео – кажется, он и автор.

– Ого! – ответила Юста. – Вы много знаете обо мне. Гораздо больше, чем я о вас. Это меня настораживает.

– Это не удивительно, – ответил Порфирий Петрович. – Я готовился к встрече с вами – так сказать, фору имел, – а у вас преимущества не было.

– Это весьма логично, – сказала Юста. – Преступление всегда имеет преимущество, но только в самом начале.

Порфирий Петрович от этих слов поморщился, как-то криво улыбнулся и произнес:

– Надеюсь, я еще не попал в ваш список преступников?

– Нет, что вы! Не попали. Прошу прощения за неудачную шутку, – ответила Юста. – Предлагаю завершить посиделки, а то наши подопечные внизу измаялись, ожидая нас.

– Да, совершенно с вами согласен. Правда, хотелось бы узнать: всё-таки, каково ваше решение? Согласны ли вы мирно закончить это дело?

В кабинет неожиданно заглянула секретарша – сухая женщина невнятного возраста.

– Извините. Желаете ли чего-нибудь: чай, кофе? Может быть, что-то выпить?

Порфирий Петрович вопросительно взглянул на Юсту, а та в ответ произнесла:

– Мы уже попили или мы еще что-то хотим?

– Мы уже ничего не хотим. Спасибо, – ответил за двоих Порфирий Петрович.

Секретарша бесшумно исчезла за двойной дверью. Юста встала из-за стола, обошла кабинет и, как бы размышляя вслух, медленно произнесла:

– Невинные оправданы, виновных нет, а генерала не вернешь. Вот и мирный конец. Я полагаю, что правильно вас поняла?

– Абсолютно правильно. Квинтэссенция истины, – ответил Порфирий Петрович.

За окнами вновь заморосил осенний дождь.

– Мне сегодня читали твои стихи, – Юста, вся мокрая после дождя, ввалилась в квартиру.

– Ой-ой-ой! Мокрая до нитки! Срочно сушиться и греться! Остальное всё потом, – ответил Крео.

Через полчаса они уютно расположились в креслах и с удовольствием потребляли с чаем маленькие вкусности, хаотично расположенные на небольшом низком столике. Крео заговорил первым:

– Надеюсь, завтра ты отдыхаешь? Положенный всем выходной распространяется на тебя?

– Распространяется, – с облегчением ответила Юста. – Всё. Дело закончено. Завтра полный расслабон. Какое счастье быть дома!

Юста с ногами забралась в кресло, закуталась в большой плед и закрыла глаза.

– Какое счастье быть дома! – повторила она.

– Да, счастье, – согласился Крео.

Несколько минут они наслаждались тишиной и теплом уютной гостиной.

– А почему ты не спрашиваешь, кто читал мне стихи? – не открывая глаз, спросила она.

– Так кто же читал тебе стихи? Что это за креативная личность? Неужели это твой Наши-Ваши, растроганный окончанием твоего дела?

– Ты не угадал, – улыбнулась она. – Это был адвокат. Вот, послушай:

«Когда закончится житьё,

Нас остановят у порога.
Мы сбросим старое хламьё...»

– Ты помнишь это?

Крео ответил:

– Помню, но это не мое. Мы это опубликовали в последнем номере. Появился новый автор – ветеран. Сегодня еще одну вещь принес. Я прочту?

– Прочти, – согласилась она.

– «Войну не помнили солдаты —
Хотелось ужасы забыть.
Минуты жизни смертью сжаты,
Мелькают – быть или не быть?»

Войну не знали те мальчишки,
Что нынче внуками живут.
Они читали что-то в книжках —
Мы думали: потом поймут.

Потом, когда войны не будет,
Потом, когда наш страх пройдет
И, может быть, поймут все люди,
Что мы и есть один народ...»

– А знаешь? Мы своим внукам всю правду правильно объясним, – Юста открыла глаза. – У нас не будет таких, как Ньюка.

Крео усмехнулся и ответил:

– У нас для начала должны быть дети, а уж потом внуки.

Наоборот не получится.

– Правильно, сначала мы поженимся, – она сладко потянулась в кресле, – потом у нас будет свадьба. Мы можем устроить свадьбу? – спросила она.

– Можем, – ответил он. – Когда ты хочешь свадьбу?

– Я хочу свадьбу прямо сейчас, – улыбнулась она. – А потом у нас будет много детей. Ты согласен?

– Да, – ответил он.

– А у наших детей будут свои дети. И у всех будут свадьбы, – продолжила она. – А если у всех будут свадьбы, то это означает, что будут счастливые окончания всех дел. Все счастливые истории заканчиваются свадьбами.

– А твое дело закончилось счастливо? – спросил он.

– Да, наверное, счастливо, – ответила она. – Все довольны, одна только истина осталась недовольной. Не понравились мы ей.

– Я для тебя сочинил кое-что про истину. Хочешь послушать? – спросил он.

– Да, конечно, я люблю, когда ты читаешь мне стихи, – ответила она и закрыла глаза.

Он, как всегда, почти без выражения, монотонно прочел:

– Светлый день. Была весна.

Истина пришла одна,

Тихо села у окна
И сказала: «Вот и я».

Здесь ее, конечно, ждали.
Среди мифов и печалей
Не терпелось всем узнать,
Сколько им до счастья ждать.

Истина сидела молча,
Словно с детства сирота.
С аппетитом, будто волчьим,
Грызла глупые слова.

Враки, домыслы и шутки
Растворялись от нее.
Всё, что называлось уткой,
Улетало вмиг в окно.

Заскучали постояльцы,
Краски все исчезли вдруг.
Добродетелей по пальцам
Насчитал притихший круг.

И тихонько, чуть стыдливо,
Отвернулись от нее.
Истина не так красива,
Без нее живем давно.

Пусть уходит. Здесь не место

Этой, что в глаза глядит.
Всем про всё уже известно —
Пусть уходит иль молчит.

21.09.2014 – 15.04.2015

И здесь, и там

Армейские этюды

Дорогие друзья!

Посылаю вам вслед за «Генеральским яблоком» еще одну повесть, которую недавно нацарапал своим дрянным почерком. За что заранее прошу прощения.

Очень хотелось бы, чтобы вы набросали некое предисловие для издательства. Я высоко ценю ваши критические замечания и всегда буду рад их снова услышать от вас. Кроме того, разрешите мне дать некоторые пояснения к тексту, который вы, я надеюсь, разберете.

Эту повесть я первоначально хотел связать воедино с «Генеральским яблоком», сделав одного из героев первой повести главным героем второй. Я даже хотел во второй повести обозначить его имя как «Крео», но не сделал этого по довольно простой причине. Большой промежуток времени между событиями первой и второй повести (в первой Крео – еще молодой энергичный мужчина, а во второй он уже довольно пожилой человек) потребовал бы от меня серьезных объяснений, как это могло произойти. А как вы знаете, из-за моей некоторой лени я не донес до читателя историю

превращения энергичного человека в застенчивого и какого-то не приспособленного к жизни индивидуалиста. Но всё же, как мне кажется, такой исход в судьбе человека мог бы быть. И думается, что читатель с фантазией мог бы сам умозрительно достроить историю превращения Крео в несуразного одинокого рифмовщика из второй повести.

Мой первый любимый читатель – моя дражайшая супруга – настоятельно рекомендовала мне для лучшего понимания объяснить структуру повествования «И здесь, и там». Что я с удовольствием и делаю.

Текущие эпизоды повести, описывающие повседневную жизнь героя, чередуются со спонтанными, хаотичными его воспоминаниями о службе в армии. Все текущие эпизоды, как правило, начинаются словами: «А здесь...», а армейские воспоминания – словами: «А там...». Отсюда, как вы можете догадаться, и появилось название «И здесь, и там». Я полагаю, что это пояснение может помочь и вам, и будущим читателям успешно добраться до финиша сей повести, не бросив сложный текст недочитанным где-то посередине.

Я думаю, что вы напишете честный отзыв на мою «писанину», а я обещаю вам опубликовать ваши критические и полезные для меня замечания.

Заранее благодарю. С уважением, автор.

Дорогой автор!

Представляем вашему вниманию несколько соображений по поводу вашей последней повести. О «Генеральском яблоке» мы уже высказались. А теперь посылаем наш отзыв на вторую повесть.

Итак, зря вы, дорогой друг, не изложили читателю историю превращения энергичного Крео в одинокого старика. В первой повести и намек не было на то, что герой станет одиноким и, как вы выразились, несуразным старым человеком. По нынешним временам читатель с такой неумемной фантазией, позволяющей за автора додумывать сюжет, не водится. Ныне авторам надобно кое-что разжевать читающей публике, дабы мозги не трескали от ваших авторских загогулин. Впрочем, вы автор и, как говорится, вам видней. Уговорили же вы нас в первой повести поместить ваше стихотворное произведение в самое что ни на есть начало.

Извините, дорогой друг, но конец повести уж совсем не вытекает из всей логики сюжета. Герой становится знаменитым, можно сказать, успешным человеком – и вдруг ни с того ни с сего остается в своих грезах. Это, как нам представляется, банальный штамп многих авторов, пытающихся сразу получить популярность без детальной проработки психологии героя. Это, знаете ли, слишком просто: завести героя на вершину славы и с бухты-барахты сбросить в бездну. Это

уже много раз повторялось в нашей, да и не только в нашей литературе, что стало некоторым образом даже не интересно нашему среднему читателю.

И последнее, чтобы хотелось сказать. Второй повести вы дали, на наш взгляд, странный подзаголовок: «Армейские этюды». Думается, дорогой друг, это лишнее. Об армии – мы подсчитали – текста меньше, чем обо всём остальном, так что «Армейские этюды» здесь ни при чём.

Засим кланяемся вам и вашей мудрой супруге.

С уважением, ваши друзья и почитатели.

P.S. У нас здесь некоторые читают вашу первую книгу. Разговоры о ней самые разнообразные. Когда соизволите быть у нас, мы непременноим образом об этом с вами поговорим.

*Горизонт так близок И так далёк.
Как мне думать о нём?
(из подражаний)*

Пролог

Встаньте в строй, товарищ рядовой!
Если ростом вышли, то на правый.
Единицей стали боевой —
Заслужили нынче это право.
Встаньте в строй, товарищ рядовой!

Встаньте в строй, товарищ рядовой!
Защищать вам землю поручили —
Не лужайку, не участок свой,
Вам судьбу отечества вручили.
Встаньте в строй, товарищ рядовой!

Встаньте в строй, товарищ рядовой!
Вы теперь на страже, а не просто.
Вы теперь товарищ боевой,
Даже если вы не вышли ростом.
Встаньте в строй, товарищ рядовой!

Встаньте в строй, товарищ рядовой!
Вы в смертельной схватке победите,
Хоть какой противник будет злой,
Вы его, конечно, перебдите.
Встаньте в строй, товарищ рядовой!

Встаньте в строй, товарищ рядовой!
Мы на вас надежду возлагаем,
С вами укрепится этот строй,
Вы – солдат, с тем вас и поздравляем!
Встаньте в строй, товарищ рядовой!

А здесь ему стало неуютно. Администратор долго извинялся, оправдывался, обещал загладить свою вину. Он даже вернул ему тридцать благ за нанесенные неудобства.

Температуру они всё-таки повысили на один градус и убрали эту совсем ненужную утреннюю влажность. Администратор пытался уговорить его, что они растут при такой влажности гораздо быстрее, и эти недостающие три миллиметра – совсем незначительное отступление от контракта. Но на него эти слова практически не действовали – условия должны быть соблюдены.

Он стоял и темно-коричневой шляпкой привлек его внимание как-то сразу. Ему не пришлось, как в прошлый раз, рыскать глазами под тремя сосенками, указанными в проспекте. Он недолго любовался этим даром природы. По усло-

виям, на каждый объект отводилось не более трех минут. За эти три минуты он успел набросать несколько строк:

Лес уснул, трава притихла,
Гриб проклюнулся – растет.
Не буди грибное лихо —
Набежит грибной народ.
Понатопчут здесь тропинок,
Гриб безжалостно сорвут,
И траву прижмет ботинок,
Муравьи под ним умрут...

Приятный зуммер прервал его творчество – пора было возвращаться. Поход за грибами подходил к концу. Лаборанты освободили его от сенсоров. Администратор – сама вежливость – заискивающе спросил:

– Как сегодня? Всё ли было хорошо?

Он, освободившись от датчиков, буркнул:

– Нормально, – и, наскоро попрощавшись, вышел из конторы.

Вечерний город был полон спешащих, говорящих и празднующих жителей. Окунувшись в людской поток, он вспомнил, как было там.

А там он на час стал штукатуром. Некто, умеющий штука-

турить, чем-то провинился перед старшиной. И не мудрено. Этот провинившийся прослыл большим оригиналом. Однажды, сильно, до крови, натерев ноги, он снял обувь и шел по лыжне босиком, чем удивил не только старшего наряда, но и весь армейский коллектив. На следующий день наряд, обнаружив на лыжне цепочку босых следов, мягко говоря, обалдел. Пограницы никак не ожидали в этих местах встретить следы «снежного человека» и некоторое время напряженно соображали:

– Это ж какая зараза босиком здесь протопала, и как об этом доложить начальству?

Доложил. Потом разобрались, что к чему. Этому провинившемуся ничего не сделали. А что сделаешь? Он ничего не нарушил. Службу нес надлежащим образом. А то, что километр протопал босиком зимой по снегу и не повредил свое здоровье, – так и молодец.

Эксцентричен был этот провинившийся. Однажды его застали за поеданием хлеба, крошенного в тарелку с водой. Но особо удивило наблюдающего за эдакой трапезой то обстоятельство, что в тарелке вместо воды оказалась водка. Зритель этого процесса не смог долго наблюдать за хлебанием ложкой водки с хлебом – его чуть не стошнило. Слабый воин оказался, хотя водку уже пробовал, правда, хлебом ее занюхивал по традиции – так все делали когда-то. Так что, наверное, было за что маленько, по-армейски, повоспитывать этого провинившегося.

А какое воспитание на заставе? Вариантов – раз, два и обчелся. Тяжелые и грязные хозяйственные работы или изнурительная служба. Выбор не богат. Начальники решили этого провинившегося пешим дозором на фланг отправить, по-воспитывать.

Километров двадцать пусть отпёхает – мысли вредные, службу портящие, враз улетучатся. А уж если и погода соизволит дурная напасть, холод или мокрица какая, то уж воспитание получится, можно сказать, идеальное.

Когда назначили провинившегося в дозор, так и выбрал старшина другого штукатура. Назвал его фамилию и приказал заштукатурить место для заряжания оружия. Что-то там из неровностей старшине не понравилось. Назначенный штукатуром было вякнул осторожно – мол, не обучен он штукатурному делу. На что от старшины получил строгий ответ, что наш отечественный солдат, если прикажут, всё исполнить может, не то что стенку поправить в заряжалке.

Новый штукатур инструмент покорно забрал из каптёрки. Да, инструмент-то простецкий: ведро, мастерок и равнялка деревянная. Вот и наборчик весь. Назначенный штукатурщиком что-то, конечно, про штукатурку слышал и мельком даже видел процесс, но боязно всё же ему было – ну как с ответственным заданием не справится! Приготовил как сумел раствор цементный. Приволок штукатурное хозяйство к месту заряжания и крепко задумался: как всё ровненько и гладенько сделать?

И вот бывает же – повезло ему: этот провинившийся рядом оказался, не успел еще в дозор уйти. Посмотрел провинившийся на растерянность нового «мастера» и, не говоря ни слова, взялся за дело, да так ловко, что минут через двадцать стеночка как новенькая стала, ровенькая – аж залюбуешься, смотреть приятно! Сложил провинившийся инструмент в ведро и молча удалился – пора ему было в дозор снаряжаться. Тут и старшина объявился. По-деловому оглядел он штукатурную работу, хмыкнул в усищи, да и сказал:

– А я что говорил! Наш солдат всё сможет, – и, довольный, удалился.

А здесь он с утра появился в конторе.

– Ой! Давненько, давненько к нам не заходили! Общество гудит – обсуждает грибную поэму. Ох, как хороша получилась! А вот это место, – администратор процитировал:

«Вы, грибы, неправильно растете —
Скорость ваша, в общем, ни к чему.
Как-то очень мало вы живете.
Для чего живете – не пойму!»

– Очень глубокая мысль. А как тонко – уж и слов не подобрать...

– А что же тонко-то? – не очень дружелюбно спросил он.

– Как же, как же? – расплылся в подобострастной улыбке администратор. – Всем же известно: грибной продукт по незнанию опасным может быть. Эти неправильные грибы – для чего они? Нам неизвестно...

Администратор задумался, как будто сам себе задавая этот вопрос: «Для чего растут неправильные грибы?»

– Тонкость – в том, что отсутствие целесообразности не соответствует потребности в быстром росте.

– Да, конечно, отсутствие целесообразности – это большое упущение, – угрюмо заметил он.

– Вот именно, – подхватил администратор. – Вот в этом-то и тонкость мысли! Не все ее могут понять. Но мы-то здесь понимаем. Мы, как говорится, сопричастны к этому событию, к грибной поэме.

– Как это – сопричастны? – он резко перебил администратора. – Кто это «мы»?

Администратор стусеивался. Улыбка на мгновение исчезла с его лица. Глаза испуганно округлились, но не надолго. Он быстро сориентировался.

– Сегодня продолжите с грибами? – услужливо спросил администратор. – Или что-нибудь новенькое?

– Что-нибудь новенькое, – ответил он.

– Вот, можем предложить на выбор, только что завезли, то есть поставили комплекс. Называется «Рыбье отдохновение». Если желаете, то можем зарядить морской или озер-

ный варианты.

– Да... – задумчиво ответил он.

– Вы, я чувствую, сомневаетесь? – спросил администратор. – Я, конечно, ой как вас понимаю! Творческие люди не должны выбирать с бухты-барахты. Нам... извините, то есть вам, нужны дополнительные эмоции или данные. Вот море. Но здесь мы имеем зыбь. Какое же море без зыби? Нас клиенты не поймут, если не будет зыби. Но она, эта зыбь, может и укачать. Могут быть нежелательные случаи. А вот – озеро. Благодать. Тихо. Прекрасная погода. Но рыбка, конечно, не та, не морская. Я бы для начала посоветовал озеро и, может быть, леща эдак на полтора килограмма. Процесс спокойный, не изнурительный, а удовольствие поимеете.

– Леща, – согласился он и поставил свою подпись на бланке.

Солнечные лучи играли на водной глади и зайчиками переливались на широких листьях деревьев, свисающих с берега. Поплавок, как вкопанный, стоял не шелохнувшись в воде. Большая стрекоза уселась на его кончик и блаженствовала в лучах полуденного солнца.

«Тепло, – подумал он. – Зачем я заказал дневную? Может быть, стоило утреннюю – рыба клевала бы активнее. Ай, всё равно! В договоре написано: “полтора килограмма” – значит, будет полтора. Будем ждать».

Он поудобнее расположился на сиденье в лодке. Осмотрел дальний берег, где высокая трава торчала сплошной стеной

из воды и тихо покачивалась от легкого движения теплого воздуха. Сами собой пришли новые строчки:

Тишина на водной глади,
И под гладью тишина.
И чего это мы ради
Здесь торчим сейчас с ранья?
На рыбалке мы коллеги —
Ловим рыбу не спеша.
Мы, конечно, не калеки,
Но такая уж душа,
Что не может без рыбалки
Обойтись она совсем.
И, конечно, без смекалки
Ты наловишь дребедень.
А смекалку как применишь —
Рыбку словишь с полкило.
Наше счастье не измеришь.
Кто-то скажет: «Повезло».
Мы на это не в обиде —
Трудно рыбака понять.
Нас нечасто можно видеть,
Можно только угадать!

Поплавок медленно повалился набок. Стрекоза до самого последнего не покидала его до того мгновения, пока поплавок полностью не лег на воду.

А там он стоял в шеренге таких же призывников. На небольшой площадке у входа в райвоенкомат образовалось неровное каре из восемнадцатилетних пацанов, окаймленное толпой родственников, провожающих своих мальчишек в армию.

Откуда-то неожиданно появился старый дядька в военной форме. Дядька обосновался в середине пространства, образованного каре, откашлялся и заговорил, стараясь возвысить свой глухой и хриплый голос над гулом толпы.

– Сынки! – крикнул дядька. – Вы идете служить! Родина призвала вас! Надо послужить! Надо!

А он стоял и думал:

«Мы призывники. Кто нас призвал? Никто нас не звал. Принесли повестку на дом – бумажку, на которой сухой текст излагал требование явиться сюда, а если не явишься, то плохо тебе будет. Там же, в бумажке, ответственность была указана со ссылкой на закон».

А дядька громко говорил, почти кричал:

– Тяжело, но надо!

Эту фразу он повторил раза три, как будто вспоминал какую-то свою тяжелую службу.

«Наверное, у дядьки служба уж такая тяжелая была, – подумал он, – что он эту тяжесть так хорошо и запомнил».

Дядька удалился, и всех призывников на автобусах доставили на большой сборный пункт. Потом было длиннущее путешествие на поезде. Одиннадцать суток призывников везли через всю страну. Из вагонов никого не выпускали, но это, наверное, еще не была тяжелая служба.

«Зачем так далеко перевозить будущих воинов?» – задавал он себе этот вопрос и только потом, гораздо позже, получил хоть какой-то ответ: «Наш солдат служит лучше, когда находится далеко от дома».

Поезд всё дальше и дальше стремился на восток. За окнами проплывали лесные и полевые пейзажи. Проскочили степные просторы, и прочие места, и всё, всё, чем богата была страна.

Он лежал на верхней полке и пытался представить: как оно там будет? Но ничего конкретного представить себе не смог.

«Наверное, там будет тяжелее, чем в этом длинном поезде».

А здесь поплавок чуть дернулся в сторону и сначала медленно, а затем понемногу ускоряясь, поплыл вбок и в глубину. Слева на фоне воды появились слова:

«Не торопитесь. Так клюет лещ. Подсечку необходимо совершить, когда поплавок уйдет под воду на один-два санти-

метра. Ждите сигнала».

Через несколько секунд рыба была извлечена из глубины. Он внимательно рассмотрел крупного леща в лотке. Рыба некоторое время похватила ртом воздух. Пару раз сильно дернулась и, ударив хвостом о дно лотка, потихоньку затихла.

«Красивая рыба», – подумал он, разглядывая серебристую чешую. Перегнувшись через борт, ополоснул руки в теплой воде озера и несколько минут наблюдал подводный мир.

Водоросли напоминали какой-то диковинный лес. Рыбья мелочь, сверкнув на солнце чешуей, сновала среди подводной зеленой роскоши. Он не очень-то понимал заядлых рыбаков, по описаниям часами ожидавших поклевки хороших рыб. Но отдых у берега тихого лесного озера ему нравился. Такой тихий уголок природы располагал к творчеству, и он сочинил несколько строк:

Рыба в глубине живет.
Жизнь ее нам неизвестна.
Вот жила б наоборот —
Здесь, где воздух повсеместно.
Кислорода хватит всем:
Птицам, рыбам, человекам.
Рыбий голос просто нем,
Он молчит уже от века.
Не понять нам глубины —

Мысли под водой немеют.
Там есть царство тишины,
Здесь пир звуков мы имеем.
Рыба, ты поговори,
Расскажи, о чём мечтаешь,
Что там под водой вдали,
Почему ты не летаешь?
Нет ответа. А зачем
Отвечать нам, человекам?
Что мы видим? Только тень,
Что была здесь прошлым летом.
Здесь когда-нибудь давно
Было что-то иль не было?
Нам, конечно, всё равно —
Рыбка уж давно уплыла.

Он закрыл глаза и почувствовал, как его извлекают из кона. Сразу несколько рук аккуратно отсоединяли датчики и вынимали его тело из обволакивающего кресла. Он услышал голос администратора.

– Осмелюсь спросить вас: вы не дождались сигнала на подсечку? Это неправильно.

– Да, – грустно ответил он, – но я его поймал.

– Конечно, поймали. Но, видите ли, программе пришлось работать в экстремуме.

– Да-да. Прошу прощения. Я что-то расслабился. Там у вас так спокойно и красиво. А всё-таки я далее сделал всё правильно по тексту, – и он наизусть прочитал: – «Вытащи-

те объект на поверхность и, не давая ему уйти на глубину, подтягивайте его по воде...»

– Да, дальше вы действовали правильно, – решительно перебил его администратор. – Вы оплатили очень дорогую услугу и чуть было себе же не испортили всё удовольствие. – Администратор в разговоре всё более волновался. Его нарочито вежливый стиль сменился на несколько обиженный и иногда даже сердитый. – Установка могла зависнуть – и что тогда? Вы понимаете, что тогда?

– Я еще раз приношу свои извинения, – ответил он. – Готов понести заслуженную кару в виде дополнительной оплаты. Сколько с меня приходится?

Администратор, услышав такой вопрос, сразу же замолчал. Лицо его основательно посерьезнело, и он как-то неуверенно ответил:

– Ну, я думаю... Учитывая, что вы у нас постоянный клиент... – по физиономии администратора виделось, что он лихорадочно соображает, сколько же можно получить дополнительных благ. – Я предлагаю... то есть это вам обойдется в сто благ, – администратор затаился, ожидая ответа.

– Я согласен, – ответил он и заплатил означенную сумму.

А там наступил ответственный момент: он первый раз отправился по-настоящему служить.

Дежурный офицер зачитал им приказ:

– «Приказываю выступить на охрану...» – и кратко изложил суть: где, когда и как охранять.

Ему в первый свой наряд сильно повезло.

Во-первых, старшим наряда у него оказался «дед», то есть старослужащий третьего года службы. Это был крупный, можно сказать, почти мужик с добродушным лицом, и к тому же его тезка. Так что служба обещала быть для него, молодого бойца, полезной и не натужной.

Во-вторых, наряд, по его мнению, был несложным – секрет. Это означало, что они – молодой и старый (так иногда несколько официально называли в быту салагу и деда) – должны были затаиться, замаскироваться там, где указано приказом, и караулить. «Караулить кого-нибудь, чтобы не нарушил чего-нибудь», – эту мысль молодой еще не очень четко себе представлял, а поэтому это его пока что мало беспокоило.

А в-третьих, ему повезло с погодой. В начале осени в этих местах еще тепло, только по ночам иногда становится зябко, но на то были бушлаты. Небо с вечера хоть и затянуло плотными облаками, но по местным приметам дождя не ожидалось. А самое главное – из-за ночной прохлады комары, бич всех ночных летних нарядов, исчезли.

На заставу их, новую партию молодых, после трехмесячной учебки доставили только прошлой ночью, так что он практически только сейчас в первом своем наряде и познако-

мился со своим старшим. Их «газиком» отвезли за несколько километров и оставили на грунтовой дороге. Машина, мигнув задними фонарями, скрылась в темноте, и двое пограничников остались одни.

Молодой попытался привыкнуть к нагрянувшей темноте, широко открыл глаза, но крошечная тьма вокруг оказалась такая, что хоть глаз коли.

– Ну, тезка, давай располагаться, – услышал он сбоку.

– Ага, – растерянно ответил он.

– Ты меня видишь? – спросил старший.

– Что-то не очень, – робко ответил он.

– Не дрейфь, молодой, иди на голос. Вот там мы и притулимся.

– Где это «там»? – подумал он и, осторожно ощупывая ногами дорогу, небольшими шажками двинулся на голос.

Достигнув каких-то кустов, он на ощупь по подсказке «деда» плюхнулся в траву, осторожно поерзал, поудобнее размещая ноги, и уселся рядом.

– Дорогу видишь? – спросил «дед».

– Да, – неуверенно ответил молодой. Глаза, как ему показалось, стали что-то различать, и вроде бы какое-то менее черное, чем всё остальное, марево над дорогой ему развиднелось.

– Нормально, – удовлетворенно отреагировал «дед» и, прощуршав чем-то со своей стороны, продолжил: – Самое главное, молодой, в нашей службе – не уснуть. Как уснешь –

так это последнее дело. Сон, ядри его в батон, погубить враз может. Что зимой, что летом. Хоть где.

– Ага, – согласился он со словами «деда».

А «дед» тихим голосом продолжал:

– Слушать – это хорошо. Слух на службе очень полезен, но если глаза закрыл, то и слух не поможет. А бывает вот как сейчас: сидишь без движения – это ко сну располагает. Чуть слабину дал – и уже спишь. Молодой, ты не спишь?

– Нет, не сплю, – ответил молодой.

– А что сейчас делаешь? – снова спросил «дед».

– Смотрю, – последовал ответ.

– Ты вот что, тезка: чем-нибудь двигай, пальцем, щипли себя за что-нибудь, только не сиди без шевеления.

– Ага, – ответил молодой. Он во все глаза смотрел в сторону дороги. Непроглядная темень обволакивала всё вокруг. Мысли его витали в голове, сменяя одна другую. Думалось совсем не о службе, а о доме – там, наверное, еще вечер. В траве что-то зашуршало – может быть, это мышь готовит себе припасы на зиму, а может...

– Тезка, машину видел? – спросил «дед». – Это председатель проехал.

– Машину? – переспросил молодой.

– Ну, салабон, заснул, что ли?

Салабон молчал и сильно удивлялся: как это он широко открытыми глазами смотрел и смотрел, а машину проглядел? Не только проглядел, но даже не услышал!

– Тезка, – смягчил тон старший наряда. – Не спи. Запомни, что скажу, – и «дед» прочитал краткую лекцию о борьбе со сном во время службы. Последние слова «деда» ему запомнились надолго: – Растопыренные в темноту глаза только кажется, что смотрят. Отвлекся чуть – и уже спишь. Научишься не спать, где не положено, – служба легкая будет.

А здесь он тихо сидел за приставным столом и ждал, пока начальник оторвется от бумаг. В этом небольшом кабинете он не был уже почти неделю. Ему никак не удавалось завершить эти дурацкие рекламные строчки. Вот и сегодня он не был уверен, что работу его примут.

Начальник – молодой человек обычной наружности, аккуратно одетый, – по-деловому заглядывая в папки, что-то поправлял на экране. Он несколько раз равнодушно взглянул на посетителя и, увлеченно занимаясь своим делом, казалось, не замечал седого старого мужчину, молча и почти незаметно сидящего рядом. Молодой начальник изображал из себя хозяина – не очень большого, но и немалого: по крайней мере, в роли хозяина кабинета он чувствовал себя уютно.

Посетитель не возражал, что его не замечают. Он никуда не торопился. Он уже давно бросил это пустое занятие – торопиться.

В кабинет тихо, стараясь не мешать деятельности хозяи-

на, вошла секретарша. Она аккуратно приблизилась к столу и, как-то изящно нагнувшись, положила на стол всего лишь один листок бумаги. Хозяин, мельком взглянув на неожиданно появившийся новый предмет, кивнул головой. Секретарша, не глядя на посетителя, беззвучно удалилась, оставив после себя шлейф какого-то незнакомого ему запаха.

Минуты через три хозяин кабинета оторвался от дел, нарочито и, кажется, искренне улыбнулся, потер ладонью лоб и произнес:

– Прошу прощения. Дела, дела... – и, сделав небольшую паузу, уже с серьезным лицом спросил: – Ну, как сегодня – получилось? Чем-нибудь порадуете?

– Да, – ответил он. Достал из старой, тонкой папки исписанный листок и протянул его хозяину кабинета.

Хозяин взглянул на лист, вздохнул, покачал головой, словно ему предстояла тяжелая и нудная работа, и молча углубился в чтение текста. Дочитав до середины, он что-то попытался сказать, но передумал. Потом, как бы про себя, шевеля губами, еще раз прочел текст, поднял голову и, не глядя на посетителя, устремил свой взор в сторону входной двери.

– Надо бы уже и печатать, – несколько укоризненно сказал он и в то же время, стараясь не обидеть старика, улыбнулся.

А посетитель молчал, и было непонятно, расслышал ли он слова хозяина.

– Я говорю, что напечатанный текст читается лучше, – по-

вторил хозяин. – Ну да ладно, суть не в этом. Вот это место, – и он прочел вслух:

«Покупайте наши нитки —
Вы не будете в убытке!»

– Это, может, и пойдет. А дальше, – и он продолжил:

«Никогда их не порвете,
Если даже прогрызете».

– Думается, что это «прогрызете» – не совсем то, что нужно. Заказчик требует четкого отсыла, обращения к покупателю. Наш покупатель нынче привередлив. Вы понимаете меня?

Посетитель повернул голову в сторону хозяина и, не глядя на него, чуть заметно кивнул головой.

– Вот у вас в последней... Как это? – хозяин посмотрел куда-то вверх, в угол кабинета, и прочел:

«Рыба в глубине живет,
Вот жила б наоборот...»

– Вот же, посыл ясен! А здесь зачем «грызть»? Непонятно. Посетитель опустил голову и тихо сказал:

– Там есть еще варианты.

Хозяин несколько раз бегло пробежал глазами весь текст

и прочел:

«Покупайте наши нитки —
Вы не будете в убытке.
Держим марку высоко —
Вам порвать их нелегко».

– Вот, уже почти хорошо. Покупателю понятно: нитки крепкие. А что с пуговицами?

Посетитель нехотя буркнул:

– Посмотрите на обороте.

Хозяин перевернул лист.

– Ах, да! Простите. Сейчас посмотрим.

Прочитав текст, он заговорил:

– Так-так... Но первая строчка несколько корявая: «Пуговиц огромно здесь», – и он еще раз, но уже вслух прочел:

«Пуговиц огромно здесь —
Всех их точно и не счесть.
Выбирайте, что хотите,
К нам скорее приходите!»

Посетитель как бы очнулся и, кашлянув, предложил:

– Первые две строчки можно изменить, послушайте, – и он сухо прочел:

Пуговиц у нас не счесть —
Их число огромно есть...

– А можно и так, – и он добавил:

Пуговиц у нас не счесть —
Покупайте, Ваша честь!

Хозяин задумался. Он еще раз внимательно прочитал текст. Мечтательно посмотрел в окно. Ему, видимо, трудно было выбрать окончательный вариант, и, вернувшись к теме, он произнес:

– А знаете, что мы с вами сделаем? Мы им предложим всё. Пусть сами выбирают. Вы, я думаю, согласитесь?

Посетитель молча кивнул головой.

– Ах, да? – спохватился хозяин. – А где иголки?

Посетитель, чуть сторбившись, суетливо достал из папки еще один листок и, привстав, аккуратно положил его на стол.

– Вот здесь иголки. Но как-то уж не знаю: понравится ли?

Хозяин, взглянув на лист, предложил:

– Может, вы сами прочтете? Видите ли, хочется услышать ритм строчек от автора. Вас это не затруднит?

– Не затруднит, – ответил посетитель и приступил к чтению:

Вот иголка. Вот ушко —
Нитка здесь пройдет легко.
Покупайте-ка иголки,
Как игрушечки на елку!

В доме радость и веселье,
Где иголки – нет безделья.
Шить и штопать бесконечно —
Жизнь покажется беспечной.
Всей семье нужны иголки
Аккуратней с ними – колки...

В этом месте хозяин сделал удивленное лицо, но посетитель, не обращая на него внимания, словно с ходу рифмовал:

... Не забудьте малым детям
Не давать иголки эти.
Только тем, кто соображает,
Вечерами вышивает.
Шьет прекрасную одежду
И вселяет в нас надежду,
Что красивыми мы будем,
Потому что мы все люди...

Хозяин попытался свериться с текстом, но не успевал за автором, который с закрытыми глазами читал и читал:

... И иголки покупаем,
Нитки к ним не забываем,
Всё в шкатулках размещаем.
Покупайте, покупайте
И соседей привлекайте!
Пусть они свои иголки
Разместят на разных полках,

Где шитьё лежит красиво, —
Там иголкам не уныло.
Вам бы всем шитью отдаться —
Иглы наши не тупятся,
Не ржавеют и не гнутся,
И на них не стоит дуться,
Если ваш стежок не ровен
Или шов не так устроен...

Хозяин кабинета, вымученно улыбаясь, поднял руки вверх и, словно сдаваясь, запричитал:

– Всё, всё! Достаточно! Умоляю: остановитесь!

Автор открыл глаза и остановился. В наступившей тишине слышался, где-то совсем рядом, скрежет какого-то механизма. Хозяин встал, подошел к окну и, пытаясь что-то разглядеть в наступивших сумерках, задумчиво произнес:

– Опять ремонт – теперь будут гремять всю ночь. – Он сел на место и спросил: – И что вы предлагаете? Всё это иголочное повествование вручить заказчику?

Посетитель молчал, а хозяин, сдерживая эмоции, продолжал: – Вы, я понимаю, увлеклись. Да, конечно, творчество затягивает, но... – и он назвал старика по имени и отчеству, – и нас надо понять. Максимум четыре строчки. Ну, может быть, в крайнем случае, пять. А здесь, – он с карандашом пробежал по тексту, – сорок шесть строк. Да и с гонораром у нас с вами будут проблемы. Мы можем в расчет принять только условия контракта, а что прикажете делать с лишним

материалом?

– Вы можете выбрать сами, – неуверенно ответил старик, – или, как скажете, могу и я.

Хозяин вопросительно взглянул на посетителя, глубоко вздохнул и примирительно, немного растягивая слова, произнес:

– Поскольку у нас сейчас, кажется, стагнация, то мы поступим так... – и он сделал паузу.

– Может быть, рецессия? – возразил автор.

– Что? – вопросительно отреагировал хозяин. – Ах, да. Простите, стагнация была в прошлый раз, – он взглянул на экран. – Вот же, вы совершенно правы: сегодня у нас рецессия. Сделаем так: четыре строчки из каждого заказа – по тридцать, а остальные, уж извините, – по пять. Итого... – начальник углубился в расчеты. – Итого у нас будет пятьсот тридцать пять благ. Вы, надеюсь, не возражаете?

Автор кивнул головой.

– Ну, вот и хорошо. Я распоряжусь – можете завтра же получить в кассе.

Автор снова кивнул головой и спросил:

– Я могу идти?

– Да, конечно, – ответил хозяин. – Ой! Извините, минутку, – он достал из стола красную папку, открыл ее. – Вам еще одно предложение. Магазин женского белья просит что-то о бюстгальтерах. Возьметесь?

– Да, – не раздумывая ответил автор.

Хозяин удовлетворенно закрыл папку и произнес:

– Бюстгальтер... Интересно, что за рифму здесь можно подобрать?

– «Бухгалтер», – ответил посетитель и продолжил:

«Удобный нужен мне бюстгальтер», —

Сказал задумчивый бухгалтер.

– А почему задумчивый? – удивленно спросил хозяин.

– Не знаю, – ответил автор, – так получилось. Я могу идти?

– Да, конечно, – ответил молодой хозяин кабинета. – Кстати, у вас сегодня заканчивается лицензия. Вот мне справочку положили, – и он ткнул пальцем в бумажку, принесенную секретаршей. – Завтра уже рифмовать вам нельзя. Так что обеспокойтесь.

– Я обеспокоюсь, – вставая, ответил посетитель и, не прощаясь, вышел из кабинета.

За окном грохотала какая-то железяка.

А там в середине дня поезд наконец-то прибыл к месту назначения.

Начало июля – жара прилично прокалила железнодорожный состав с новобранцами, который загнали в тупик подальше от города. И вот великое счастье наступило: их выпустили из вагонов. Слабо организованная толпа заскучавших пацанов, оглядывая незнакомые окрестности, вывалилась на

щебеночную отсыпку насыпи. Видочек будущих воинов никоим образом не соответствовал тому, что в скором времени должно было получиться из восемнадцатилетних парней. Большинство ребят обреза́ли, оборвали брюки, пыта́ясь сде́лать из них шорты. Но в дороге портняжные работы проведены́ были грубо, и впечатление складывалось такое, что предмет, когда-то бывший брюками, подвергся нападению злобных собак. Разнообразие причесок у прибывшей молодежи удивляло сочетанием ретро- и неостилей, попадались и уникальные образцы под вождя мирового пролетариата – с явным намеком, откуда прибыл поезд.

Общее ощущение предстоящих резких перемен – от гражданской вольницы к армейской дисциплине – как-то не давало разгуляться толпе, которую порциями на открытых грузовиках отвозили от места высадки.

Он оказался со своими знакомцами по вагону в одной из таких машин. Военное авто промчалось по пыльной грунтовой дороге мимо полей со зреющими к середине лета сельскохозяйственными продуктами, и уже через полчаса их высадили на окраине города. Место, хотя и освещалось полуденным солнцем, но темно-коричневые стены каких-то старых строений прибывших не радовали. Новобранцы притихли в ожидании будущих неизвестных событий. А события развивались стремительно. Казалось, что теперь от вчерашних пацанов ничегошеньки не зависело.

Они по команде разделись донага. Одежду, конечно, пред-

ложили по желанию отправить домой, но после вагонной эксплуатации вид ее представлял жалкое зрелище, и практически все понимали, что после трех лет службы ни обувь, ни эти тряпки уже не понадобятся.

Он бросил всё, что снял с себя, в железный контейнер, в который безликий солдат периодически лопатой подбрасывал белый порошок.

«Прощай, старая жизнь!» – подумал он, увидев, как его когда-то модная куртка скрылась под белой крошкой.

Обнаженных прямо на улице подстригли под ноль и, по указанию сержантов, направили в помещение, называемое баней. Баня внутри впечатляла каким-то странным для лета контрастом бледно-белых тел и мрачной внутренней обстановкой: маленькие, под потолком, замазанные краской окна; голые бетонные стены; старые обшарпанные лавки. Этот антураж не создавал не то что уюта, но даже элементарного желания вымыться с дороги.

Черные чугунные полки для наполнения водой железных тазиков, древние бронзовые краны с длинными деревянными ручками, а также открытая разводка потемневших от времени труб создавали впечатление, что человек находится внутри какого-то огромного водопроводного аппарата.

Мылись уж как придется – без мочалок, с применением коричнево-черных кусков хозяйственного мыла. К тому же весь этот несколько тягостный помывочный процесс осуществлялся в скоростном режиме и практически без горячей

воды – из кранов текла еле тепленькая жидкость.

Думать и размышлять о чём-либо совершенно не хотелось. Практически всем участвующим в помывке наверняка хотелось побыстрее пройти этот первый армейский экзамен. Скорее всего, у большинства в голове болталась одна-единственная мысль: какая-то, пока что еще неведомая, сила давит на них и пытается создать из индивидуальных разгильдяев зарегулированную машину, где каждый из них в кратчайшее время должен найти свое место.

Одинаково одетые, условно помытые, со стандартной причёской они стояли во дворе бани и с трудом узнавали друг друга. Даже их лица, бывшие в поезде несколько унылыми, но разнообразными, после помывки стали одинаково-сосредоточенными. И только редкие, немного удивленные улыбки узнавания друг друга появились на их стандартных физиономиях.

Он стоял и наблюдал за выходящими из помещения и вспомнил слова военного дядьки: «Тяжело, но надо». Но тяжесть, как ему казалось, была еще впереди.

– Вы слышали новость? – администратор с озабоченным лицом встретил его. – Они хотят ввести налог на иллюзию.

– Нет, – ответил он и остановился у стойки.

– Как же, как же? Теперь эти все наши штучки обложат-

ся каждая по-разному. Вот ваша прошлая рыбалка теперь обойдется в... – администратор назвал довольно приличную сумму. – Вы понимаете, директория одобрила это – и кому теперь жаловаться?

– Я сегодня рыбачить не буду, – ответил он.

– Да, я понимаю, это большие блага. Кстати, я сам не очень одобряю это занятие, – администратор наконец-то улыбнулся и продолжил свою мысль: – Знаете ли? Это ожидание, когда клюнет, – неприятное чувство. Ждешь, когда тебе или когда тебя. Ожидание чего-то напрягает, не дает расслабления, отдыха. А если услуга не дает отдыха, то это не услуга, а мучение какое-то.

Администратор неожиданно спросил:

– Чем сегодня хотите помучиться? – и сам же сдержанно рассмеялся от своей шутки.

– Сегодня у меня охота, – ответил он, и его угрюмое лицо на шутку никак не отреагировало.

Администратор посерьезнел.

– Да-да. Сейчас подготовим. Прошу располагаться. Одну минуточку. Охота так охота. Сегодня могу предложить великое многообразие. – Администратор закатил глаза к потолку. – А давайте-ка присядем, и я, так сказать, обрисую вам весь спектр.

Они разместились в мягких креслах, и администратор продолжил свое повествование:

– Для начала мы должны определиться: групповушка или

моно? И то и другое интересно и крайне чувствительно. У нас замечено: творческие люди обожают групповушки. Можно, конечно, смешанный вариант. То есть едут группой, гуртом, со скарбом и с собачками. Размещаются, ставят народ на номера и гонят отдельные экземпляры на номера, то есть на ваш номер. Получается вроде групповушка, а на номерах вы сугубо одиношенек. А абсолютный моно – так это один ходишь и грустишь оплаченное время. Конечно, выходишь на заказанного зверя, но этот «моноскучай» будет уж без пикника, без окончательного веселья. Любите собачек, песиков разных? Тогда можно с животным – веселей будет. Животное можно подобрать. Выбор есть. Я вот лично не охотник. Люблю, знаете ли, чтоб тихо. Можно собачку сделать без звука – рядом не разговаривая ходить будет.

Он прервал администратора и объявил:

– Мне «моно», без песиков и без выстрелов.

– Как? – удивился администратор. – Без ружья, что ли?

– Нет, с ружьем, но без выстрелов, – ответил он.

Администратор задумчиво покачал головой.

– Это у нас первый случай, – и тут же, улыбнувшись, ответил: – Это можно. Это мы сейчас оформим, но цена будет как с выстрелом. Рады бы для вас сделать скидку, но таков прейскурант. Руководство не разрешит. Мы можем зверья побольше вывести на вас – так, чтобы уравновесить, так сказать, отсутствие выстрела.

– Хорошо, только можно зверя не выводить? – ответил он.

– Без зверья? – растерялся администратор. – Охота без зверья? – администратор от изумления почесал ухо. – У вас что-то произошло? Без зверья – это уже что-то совсем... – администратор пытался подобрать нужное слово, но, ошеломленный предложением, нужного слова не нашел. Наконец-то он выдал из себя: – Без зверья. Тихая охота. Интересно! Будем развивать. Есть заказ – значит, есть потребность. Но сейчас программу изменить не можем – хотя бы одну какую зверушку надо вам показать. Предлагаю лось. Зверь большой, красивый, глаза тоже, да и рога. Понаблюдаете, удовольствие получите. Можем только для вас близко сделать, почти рядом.

– Хорошо, пусть будет лось, – согласился он.

Солнце еще не встало. Над макушками могучих сосен порозовело. Лесная тишина дышала, шуршала множеством еле уловимых звуков. Редкий подлесок разнообразил темные стволы деревьев. Где-то совсем рядом гукнула ночная птица и, хлопая крыльями, исчезла в лесной чаще. Прохладный чистый воздух был насыщен давно забытыми запахами. Он вдохнул полной грудью, пытаясь насытиться утренним ароматом соснового леса, поправил на плече двустволку и не спеша двинулся по намеченному маршруту.

Пройдя с километр, он подумал:

«Лось подсунут где-нибудь дальше, где лиственный подлесок станет плотнее. А здесь видимость хорошая – негде лосю укрыться».

С восточной стороны, наверное, не дальше полукилометра кукукнуло.

– Ну вот, можно посчитать, сколько осталось! – прошептал он и остановился.

Кукушка прокуковала восемь раз и на последнем девятом недокуковала – он услышал только: «Ку».

«Восемь с половиной. Неплохо», – подумал он.

Первые лучи солнца осветили крону большой сосны. Справа на юге снова послышалось «Ку-ку». На этот раз птица с небольшим перерывом насчитала десять.

«Надо бы выбрать, – улыбнувшись, подумал он. – Обе хороши», – и двинулся на просвет между молодыми елями.

Справа сверху появилась надпись: «Внимание! Через сто метров вас ждет объект».

По косогору он спустился вниз в сумрачный ельник. Здесь было сыровато и грустно. Он, не останавливаясь, выбрался наружу, на край болота и остановился от неожиданности. Впереди, метрах в двадцати на кочке сидел серо-коричневый заяц и одним глазом следил за ним.

«Что-то новенькое? – подумал он. – Зайца я не заказывал».

Заяц не двигался. В прозрачном воздухе его фигурка, словно статуэтка, красовалась на фоне огромного болота, уходившего к дальнему лесу.

– Ну, что, друг? Сидишь, наслаждаешься рассветом? – обратился он к зайцу.

Заяц неожиданно прыгнул в сторону и по большой дуге помчался по краю болота.

«Ушел по делам», – подумал он.

Справа он прочитал новую надпись: «Осталось десять минут. Продвигайтесь к контрольной точке».

– Продвигаюсь, – ответил он и, не спеша обходя кочки с ягодниками, последовал вслед за зайцем.

– Эх, заяц! – вздохнул он. – Не знаешь ты настоящей охоты!

В голову ему лезли, мешая друг другу, «охотничьи» рифмы: «охота – длиннота, охота – дремота...» Внезапно придумалась строчка:

– Мне охота на охоту.

А затем другая:

– Погулять и пострелять.

Он подумал:

– Мне нельзя рифмовать – лицензия кончилась. А здесь, в лесу кто мне это запретит? Убежавший заяц? – и он на ходу рифмовал и рифмовал:

Нам охота на охоту —
Погулять и пострелять.
Наберется нас с полроты,
Чтобы зайчика поймать.

Братцы-зайцы, берегитесь!
Затаитесь по кустам.

От меня скорей бегите —
Счастья вам теперь не дам.

Я охотник. Цель такая —
Жертву здесь мне подавай,
А у вас она другая —
Берегись и не зевай.

Цели наши несовместны —
Без борьбы им не сойтись.
Я, конечно, здесь не местный,
Но и ты поберегись!

Администратор вопросительно заглянул ему в глаза. Он только что открыл их после возвращения. Его ноги еще не освободили от имитаторов.

– Как вам наша премия? Исключительно только для вас, постоянного клиента! Это подарок от фирмы. Понравилось?

– Какой подарок? – спросил он, еще не совсем возвратившись оттуда.

– Как? – удивился администратор. – Разве вы не заметили? Мы его отгенерировали прямо перед вами, на болотной кочке.

Поддерживаемый лаборантом, он встал.

– Вы имеете в виду зайца?

– Да, конечно, зайчика. Прекрасный экземпляр, не правда ли?

– Да, – ответил он. – Я про него... – он осекся, вспомнив про лицензию. – Я про него потом что-нибудь напишу.

– О, да! Конечно, поэму! Как о грибах, – обрадовался администратор. – Мы всегда рады, когда после нас творят. Вот как о рыбалке, – и он прочел наизусть:

– «Рыба, ты поговори!
Расскажи, о чём мечтаешь?
Нам хоть что-то сотвори,
Без тебя здесь скучно. Знаешь?»

Он поморщился от последних двух строк и поправил администратора:

– ...Что там под водой, вдали?
Почему ты не летаешь?

– Ах, простите! Извиняюсь, немного спутал. Такая работа, что некогда учить стихи. Голова забита не тем. Еще раз извините. Я исправлюсь, выучу наизусть. Вот увидите... Еще раз прошу прощения. – Администратор прекратил извинения и равнодушно произнес: – С вас сто пятьдесят. Премимальный заяц бесплатно.

Он расплатился и вышел наружу. Легкий морозец охладил лицо, и ему показалось, что под вечер воздух стал чище и суше. Дневная слякоть исчезла. Осень подходила к концу. Голые деревья уже совсем не напоминали о прошедшей осе-

ни. Он твердо решил, что завтра с утра он займется этой дурацкой лицензией.

А там была крепкая зима. Большую реку напрочь заморозило, заторосило и замело. Обстановка, по сравнению с летом и осенью, изменилась. По реке стало можно ходить, ездить, и это тревожило. Граница не проходной двор – нечего здесь шляться кому не лень! Правда, следы на снегу виднелись хорошо, так что это небольшое облегчение давало надежду, что граница, бесспорно, будет на замке.

Так думал и он ежедневно – то ночью, то в светлое время суток, топя по насту, наметенному ветром.

А еще, кроме всего прочего, думалось о сложной обстановке в этот год: почему-то она обострилась донельзя.

Жили две страны рядом. По-разному жили: то дружили, то не очень. Было время – навек подружились, а потом что-то вожди друг другу не понравились. Соседний вождь активизировал молодежь на борьбу с отклонениями, а наш на это смотрел иронично: мол, ерундой занимаются. И так, потихоньку вожди недружественность проявляли. Тот, что за границей, считал, что наш от основ так сильно отклонился, что народонаселение их и наше стали уже не совсем друзьями.

Этой зимой их пограничники повадились по середине реки на

санях с лошадкой ездить, и почти каждый день. У нас считалось, что не должны они ездить по середине реки, ибо граница ближе к их берегу проходила. Это когда вечная дружба была, почему-то четко не определились, где граница должна быть: есть большая река – и достаточно. А бывшие друзья дожили до того, что, наверное, стали считать, что граница ближе к нашему берегу проходит.

Вот и образовалось политическое недоразумение.

«Как быть? – кумекали начальники и раскумекали: – Надо этих нарушителей выдворять аккуратненько, без эксцессов, указывать им, уже не друзьям, свое место на реке – пусть знают».

День выдался прекрасный. Морозец не прихватывающий, солнце сверкает, снег искрится, ветра нет – благодать! Служи да служи потихоньку – ан нет! Поехали те на санях своих. Наш «вышкарь» их еще за километры обнаружил, как положено доложил. Образовалась у нас команда с дежурным офицером. Выдвинулись мы с упреждением на ожидаемое место встречи с нарушителями. Встали на их пути и всем видом своим показываем, что нельзя вам ездить здесь. Правда, автоматы за спиной держим – приказ такой был: оружие ни в коем случае не применять.

Встретились; те остановились – тоже недоумевают, что это мы хотим от них. Штук пять их было. Старший из саней выскользнул и что-то по-ихнему разговаривает, волнуется – наверное, сильно ехать хочет. А наш старший не промах –

несмотря на то, что язык недружественный не знает, всё же заявил ему знаком руки, что им надо ближе к своему берегу держаться. А тот то же самое делает. Стоят они напротив друг друга и решительные протесты руками заявляют. Наш-то докумекал более ясно показать, какие они нехорошие нарушители: на снегу ногами нарисовал две черты, руками показал, что это их и наш берег реки, и уж совсем выразительно (ну, уж тут любому станет ясно) указал, где они должны быть.

Эту нашу карту на снегу тот старший своими недружественными обувками стер и давай свою рисовать, где наше место уж совсем к нашему берегу близко было. Их старший и наш этот спор ногами долго не могли закончить. Спорщики утихли только тогда, когда произошло иссякание аргументов: весь снег вокруг утоптали – негде карты рисовать. А эти в санях песню завели всемирно известную, революционную, только на своем недружественном языке. А наши эту песню петь-то не могут – полкуплета знали, не больше. Наш старший сразу уловил воспитательную недоработку, посетовал: мол, что же вы, пограницы, изобразить как бы против ничего не можете? Наши натужились, изобразили полтора куплета про девицу, которая на берег выходила, и затихли. Те еще что-то свое спели и тоже замолчали, закурили сигареты с фильтром. Наши тоже было хотели закурить, да как-то неудобно стало самокрутки на глазах у бывших друзей раскуривать. Гонца послал старший. Туда-сюда быстро смотал-

ся он в сельский магазин, ящик папирос притащил. Закурили. Эти пальцами в наши папиросы тыкают, объясняют, что у нас табака мало, а в их сигаретах много, – обижают нас, так сказать, политически. А наши им в ответ показывают на их сигареты и сено в саях. Так сказать, адекватный ход сделали, то есть на руках показали, что их табак есть барахло сенное, а наш гораздо лучше.

Еще маленько постояли. Начальство решило: да ну их – и бросило это дело по выдворению. После того случая велено было вообще их не трогать во избежание эксцессов. Но, к сожалению, позже эксцессы случались. А по этому случаю ему поручили листовку политически верную сделать. Так впервые он стал штатным рисовальщиком – стал стенгазеты делать и плакаты малевать. К тому времени он уж «фазаном» был, что означало второй год службы. Про них, про «фазанов», говорили: «Веселые ребята», намекая на то, что теперь они опыта набрались, служить научились. До дома еще далеко. Думы в голове должны быть веселые, не то что у молодых салаг, которых окрестили как «Без вины виноватые». Все хозработы непрестижные на них были. А «деды» всегда были в уважении и почете. «Дед» есть «дед». До дембеля, то есть демобилизации уж дни считает. Морально и материально готовит себя к отправке домой. Чемодан дембельный готовит, и лозунг у «дедов» был такой: «У них есть Родина». Так что у всех свой художественный образ был от произведений разных: «Без вины виноватые», «Веселые ребята», «У

них есть Родина».

Служить ему оставалось полтора года.

Вахтер-охранник сначала его не узнал.

– Вы по записи?

– Нет, – ответил он.

– Без записи не положено, – вахтер перегородил ему дорогу.

– А где можно записаться? – спросил он.

– Не могу знать, – сурово ответил вахтер.

– А кто может знать? – спросил он.

– Кто может знать, не могу знать, – в том же тоне ответил вахтер.

Он вышел наружу и еще раз осмотрел надпись на стене. Бронзовая доска гласила: «Центр лицензирования искусств».

«Так, – подумал он, – год назад удалось сюда проникнуть беспрепятственно, а теперь у них там что-то изменилось».

Он снова, преодолев две массивные двери, остановился у вахтера.

– Вы меня помните? – спросил он.

Вахтер насупился – ему явно не хотелось препираться с очередным посетителем.

– Я... – и он назвал свой творческий псевдоним.

У вахтера что-то в голове щелкнуло – он изменил выражение лица с недовольного на любопытствующее.

– А, это вы, – как бы что-то вспоминая, произнес вахтер. – Да, что-то припоминаю. Но вы без записи. Без записи не положено.

«Опять двадцать пять! – подумал он. – Надо что-то сделать».

Он напрягся и с выражением прочел:

Вас опять не пропускают —
Ваш талант не помогает.
Не спешите уходить —
Это надо пережить.
Обрести покой и мудрость
И не делать больше глупость,
Не ходить туда, где вам
Пропуск будет и не дан.
Вы опять не записались
И, конечно, оплошали.
Вы попали в плохиши —
Тут уж пой или пляши,
Ничего уж не поможет,
И пора уже итожить:
Неудачник вы такой —
Лузер вы такой-сякой!

– Слагаете, значить, – уже более дружелюбно произнес вахтер. – Но всё равно без записи нельзя.

– Так что же мне делать? – уныло спросил он. – Читать стихи до вечера?

– Зачем читать? – удивился вахтер. – Вот там внизу телефон – наберите номер секретаря.

– А какой у него номер? – спросил он.

– Там должна быть бумажка. На ней всё написано, – ответил вахтер и снова сделал деловое лицо.

На помятом листке с грязновато-загнутыми краями он с трудом нашел номер секретаря. К его огорчению, посетители, бывшие здесь ранее, около этого номера хаотично начиркали еще несколько номеров, и это обстоятельство сулило ему серьезную аналитическую работу – найти нужную запись.

И он начал этот изнурительный процесс. Первые три номера молчали, и ему подумалось, что там, наверное, уже все телефоны сняли вместе с проводами. Только на пятом ему ответили:

– Слушаю вас внимательно, – молодой женский голос внушал доверие.

Выдохнув, он неожиданно выпалил:

– Мне нужна запись – я хочу записаться.

– Нет проблем, записываю, – ответили в трубке.

Он разборчиво продиктовал свою фамилию, имя и отчество, творческий псевдоним и почему-то добавил к этому дату своего рождения. Трубка молчала. Он после нескольких секунд паузы алёкнул. На том конце ответили вопросом:

– Всё?

Он подтвердил:

– Да, всё.

В трубке послышались частые гудки – абонент отключился. Он снова набрал тот же номер – ответа не последовало. Поразмышляв не более полминуты, он направился к вахтеру и, приблизившись к нему на довольно малое расстояние, уверенно произнес:

– Я записался.

– Проходите, – безразлично ответил вахтер.

В приемной руководителя центра, кроме секретаря, в дальнем углу на небольшом диванчике уютно расположился сухонький старичок. Он явно скучал, перелистывая какой-то журнальчик. Во всём помещении как-то необычно царила тишина. Секретарша, откинувшись в кресле, мечтательно уже, видимо, в тысячный раз разглядывала массивную дверь начальника. Старичок вообще был неслышен, и его маленькая фигурка на фоне дивана была малозаметна.

Несколько неуверенными шагами он приблизился к столу секретарши и кашлянул для того, чтобы на него обратили внимание. Секретарша – дамочка средних лет, активно молодящаяся при помощи яркой косметики и краски для волос, – перевела вялый взгляд с дверей на посетителя и без особого энтузиазма посмотрела на него. Он аккуратно поздоровался и изложил свое дело.

– Вы по записи? – спросила секретарша.

– Да, – ответил он. – Меня записали.

– Ждите, – подозрительно спокойно произнесла секретарша.

Повертев головой, он удостоверился, что кроме диванчика со старикашкой, более, где расположиться, места не было, и пристроился рядом. Старикашка отложил в сторону журнал, пробормотал про себя что-то вроде «Сколько же можно ждать?», вздохнул и, уставившись на посетителя, явно хотел как-то выразиться, но промолчал. Наступила неопределенная пауза, когда два сидящих рядом человека, ничем не занятые, может быть, и хотели бы, но никак не решались заговорить.

– Простите, вы тоже по записи? – спросил он старикашку.

– Наверное, – дружелюбно ответил старикашка.

– Вы не уверены в своей записи? – удивился он.

– Теперь уже не уверен, – ответил старикашка и спросил: –

А вы уверены, что сделаете то, что хотите?

Посетитель посмотрел на часы. Со времени разбирательства с вахтером прошло уже более получаса.

– Я думаю, что за день я получу ее, – ответил он.

Старикашка саркастически улыбнулся и произнес:

– Я хожу сюда уже третий день, но ничего еще не добился.

Бумаги сдал, а ответа нет.

– Позвольте узнать: в какой области вы работаете? – спросил он у старикашки.

– Я художник-оформитель, – ответил тот. – А вы, я думаю,

по литературной части?

– Пытаюсь поэтизировать, – ответил он.

В приемную ввалилась толпа – человек пять, шумных, поделовому одетых молодых людей. Секретарша стремительно выскочила из-за стола, радостно заулыбалась, засуетилась, здороваясь со всеми:

– Здравсьте, здравсьте. Ждет, ждет с утра.

Она, нажав кнопку переговорника и обратившись к начальнику по имени и отчеству, произнесла:

– Дизайнеры в приемной.

Ей что-то неразборчиво ответили, и она пригласила вошедших пройти за ней, открыла массивную дверь и пропустила толпу в кабинет.

– Они все по записи? – тихо спросил он старикашку.

– Видите ли, сударь, вы, наверное, давно не бывали в присутственных местах. Это мы с вами по записи, а они везде без записи, – старикашка раздраженно бросил журнал на стол. – Советовали мне в обход – давно бы дома был.

– Как это – «в обход»? – спросил он старикашку.

– А вот так: звонишь по телефончику, договариваешься о встрече – и полный порядок. А так, сидючи здесь... – старикашка вздохнул и добавил: – Брошу всю эту рисовальную ерунду, в маляры подамся.

Они посидели молча несколько минут. Старикашка закрыл глаза, затих и, казалось, собрался ждать на этом маленьком диванчике целую вечность.

В отличие от старикашки, отсиживаться на диване не входило в его планы. Он решительно направился к вновь заскучившей секретарше.

– Извините, я могу узнать, когда меня примут?

– А вы по какому вопросу? – изумилась секретарша, как будто увидела его в первый раз.

– Я по записи на лицензию, – уверенно ответил он.

Секретарша покопалась в ящике стола, полистала какую-то толстую, похожую на журнал, книжку и произнесла:

– Что-то вас нигде не найду. Еще раз: как ваша фамилия?

Он полностью представился – точно так же, как по телефону.

– Нет, что-то вас не вижу.

– Как? – занервничал он. – Я же час тому назад записался.

– Вы не волнуйтесь. Сейчас всё выясним, – ответила секретарша. Она куда-то позвонила:

– Дорогуша, я что-то не найду... – и она назвала его фамилию. Там ее о чем-то спросили.

– Идет по поэзии, – ответила она.

– Ну как же, он по поэзии, – повторила секретарша. – Странно, странно. Вы, дорогуша, поищите в танцах – их иногда путают... Бывает, бывает... Рифмы, рифмы... – секретарша улыбнулась ему и кивнула головой: – Они там напутали... Секундочку, сейчас всё уточним. – Да-да... Конечно, надо исправить, – ответила она в трубку. – Да, конечно, самому, чтобы надежно... Да, я понимаю... Благодарю. – И

мило улыбаясь, она обратилась к нему: – Ну вот. Всё улажено. Вы можете пройти в отдел записи и перезаписаться.

– А где я найду этот отдел? – уныло спросил он.

– Ах, да... Виновата, – секретарша убрала милую улыбку и, повернув голову в сторону, словно этот незнакомый ему отдел находится в углу приемной, стала вспоминать вслух:

– Да-да... Неделю назад он у нас был... Так, где же он у нас был? – сама себя спросила секретарша. Она перевела взгляд на старикашку. – Был на первом, потом был ремонт... Потом его реорганизовали и... – она на несколько секунд задумалась.

Из кабинета с шумом вышла толпа дизайнеров. Они оживленно о чем-то спорили. Точнее, спорили двое, остальные пытались подсказывать то тому, то другому какие-то нужные слова.

– Тише, тише, господа! – строго сказала секретарша. – Не мешайте работать.

Дизайнеры поутихли, но спорить не прекратили. До него доносились четкие слова и фразы:

– Левая сторона тяжеловата.

– Ну что вы, коллега, как раз наоборот! Я бы даже сказал, непростительно легка!

Кто-то сзади возразил:

– Вы говорите «легка»? А шеф одобрил. Ему эта легкость, так сказать, легла на душу. А вот задник – ну совсем поганый. Мрачен до ужаса.

– Мрачен! Вы говорите «мрачен». А смета? Смета не позволяет...

Старикашка открыл глаза и с любопытством наблюдал за дизайнерами. Секретарша, недовольная шумной компанией, поморщилась и скороговоркой произнесла:

– Он теперь на третьем. Там найдете.

– Это вы мне? – спросил он.

– Да, вам, а кому же еще? – уже совсем раздраженно ответила секретарша.

Он еще некоторое время постоял в приемной, затем вышел в длинный коридор и поднялся на третий этаж. Весь этаж подозрительно пустовал, словно здесь давненько никто не появлялся. Расположенные по обеим сторонам ряды одинаковых дверей с табличками всё же подавали надежду, что он сможет что-то найти. Но надежды его рухнули, как только он приблизился к первой из дверей. На табличке красовались только фамилия и инициалы.

– Так, – подумал он. – Надо выбрать какую-нибудь эффективную тактику поиска.

Возвращаться к секретарше ему не хотелось.

«Попробую войти в первую попавшуюся дверь и спрошу: “Где находится отдел...?” – но он засомневался, точно ли он знает название этого отдела. – Придется объяснять всё сначала», – подумал он и аккуратно приоткрыл первую дверь.

Отдел работал. Более половины служащих корпели над бумагами, остальные мечтательно раздумывали над чем-то.

Помещение практически полностью было заставлено столами. Узкие пространства между ними оставляли мало места для продвижения кого-либо. Столы, заваленные стопками бумаг, произвели на него неприятное впечатление. Он представил себе, что, быть может, где-то среди этого скопища бумаг лежит и его затерянная старая лицензия, которую он оформлял год тому назад.

Порыскав глазами по сторонам, он попытался определить, кто здесь главный. Все столы были одинаковыми. Тогда он выбрал нестарую и немолодую женщину, как ему показалось, с простым добрым лицом. Он вежливо обратился к ней:

– Извините, что отрываю вас от работы. Не могли бы вы мне помочь? Я не отниму у вас много времени.

Добрая женщина, видимо, расслышав только последние его слова, оторвалась от пухлой папки со старыми, уже потрепанными листочками и машинально посмотрела на него.

– Ах, да, – вздохнула она и спросила: – Вы к нам? По какому вопросу?

Он бодро объяснил ей, что ему нужна лицензия, что он неправильно записался, что ему надо записаться правильно и что его послали на этот этаж в отдел, а он найти его не может, поэтому он зашел к ним сюда.

– Да? – удивилась добрая женщина и устало добавила: – Слушаю вас.

Он повторил всё сначала, но уже с меньшим энтузиазмом.

– Да? – еще раз удивилась добрая женщина и спросила: –

Так вы к нам?

«Тяжелый случай», – подумал он. Сказал «Спасибо» и вышел в коридор.

Издалека, с печатью глубокой озабоченности на лице, двигалась деловая личность. Казалось, что личность ничего не видит и не слышит, и, наверное, подходить к ней не имело никакого смысла, но он всё же решился – как-то неловко пересек трассу ее движения и громко поздоровался:

– Здравствуйте. Вы не могли бы мне подсказать?

Личность сделала вид, что не заметила его маневра, ловко увернулась и продолжила движение по центру коридора.

«Пропал! Я пропал без лицензии, – подумал он, глядя вслед удаляющемуся объекту. – “Бюстгальтер” через три дня надо принести, а я болтаюсь здесь без толку уже почти полдня».

Настроение у него понизилось до критического уровня. Очень хотелось плюнуть на всю эту контору, но он вспомнил слова старикашки: «Звоните по телефончику – и полный порядок».

Старикашка сидел на том же месте и, казалось, сидя спал. Шумные дизайнеры исчезли, не оставив следа. Секретарша по-прежнему скучала. Он аккуратно подсел к старикашке и крайне учтиво обратился:

– Вы знаете, там у них на этаже все невменяемые. Сложно что-нибудь выяснить.

Старикашка, не меняя позы и не открывая глаз, однослож-

но ответил:

– Я знаю.

– Вы говорили, что можно по телефону? – спросил он старикашку.

– Да, говорил, – ответил тот.

– А позволено будет мне узнать, как это можно сделать? – спросил он снова.

– Да, позволено, – последовал ответ.

В приемную ввалилась та же толпа дизайнеров. Теперь они выглядели притихшими. Старший из них обратился к секретарше:

– Извините, нас примут сейчас?

– Подождите, – ответила секретарша.

Дизайнеры, несколько волнуясь, сгруппировались в углу и молча разглядывали пустые стены приемной. Секретарша нажала кнопку переговорника и спросила:

– Примете дизайнеров?

В переговорнике что-то щелкнуло и кто-то неразборчиво ответил. Секретарша объявила:

– Занят, ждите.

– Так я могу получить инструкции? – спросил он старикашку.

– Можете, – последовал ответ.

– Когда? – спросил он.

– Сейчас, – ответил старикашка и открыл глаза. – Записывайте или запоминайте, – он продиктовал номер телефона

и добавил: – Спросите тетю, скажите, что от дяди.

Он поблагодарил старикашку, сказал всем «До свидания» и вышел из приемной.

Тетя долго не отвечала – он уже хотел положить трубку, как вдруг услышал молодой женский голос:

– Алё!

– Простите, мне нужна тетя, – сказал он.

– Здравсьте. Тетя слушает, – ответили ему.

– Я от дяди, – вежливо произнес он.

– Ага, – подтвердил молодой голос. – Предлагаю встретиться в пять в сквере у вокзала. Я буду в черном, а вы?

– Я тоже, – ответил он.

Четко придерживаясь договоренностей он надел всё черное и без десяти пять уже был на месте. Она явилась в назначенное время и на фоне разноцветных случайных посетителей сквера выглядела несколько странно: вся в черном, и к тому же широкополая шляпа с черным пером закрывала ее лицо от последних лучей вечернего солнца.

Она подошла к нему, поздоровалась и предложила устроиться на свободной скамейке. Когда они разместились под большим деревом и голые, без листьев, ветки немного прикрыли осеннее солнце, он разглядел ее лицо – лицо молодой женщины с большими печальными глазами, и если бы

не несколько тонкие губы, то он точно мог бы сказать, что лицо ее представляло собой эталон женской красоты.

– Вам нужна поэтическая лицензия? – спросила она.

– Да, и срочно, – подтвердил он.

– Вы поэт? – снова спросила она.

Он подумал и ответил:

– Нет, я, пожалуй, скорее рифмовщик.

– Рифмовщик? – переспросила она.

– Да, – утвердительно ответил он.

– Тогда прошу объяснить: чем отличается рифмовщик от поэта?

Он надолго задумался. Она не торопила его и терпеливо ждала ответа.

– Если быть кратким, то я думаю, что могу ответить так: «Поэт следует за сюжетом, рифмуя слова, а рифмовщик следует за рифмами, составляя сюжет».

– У нас условие, – сказала она. – Оплата натурой.

– Как это? – удивился он.

– Оплата стихами. Ваша «годовая» будет стоить пятнадцать строк. Можете предложить прямо сейчас. Сегодня оплата – завтра документ. Вас это устраивает?

– Устраивает, – ответил он и прочел:

Добро и зло. Как отличить вас друг от друга?

А мы бежим, бежим по кругу,

Не понимая, кто и что.

Сегодня к нам явилось зло.

Оно тихонько притаилось,
И мы подумали – добро.
То зло не сразу нам открылось.
Кричали ложные мужи:
«Добро! Смотрите – это рядом!»
Поверили красивой лжи:
Удобно – доставлялась на дом.
Удобно – думать нам не надо,
За нас продумано давно.
Всё под рукой, всё близко, рядом
Чужое и свое оно.

Она, выслушав всё до конца, помотала головой и сказала:
– Нет, это не годится. Это очень мужское. Надо что-ни-
будь женское.

Он уже не удивился и ответил:

– Я не писал женское.

– Так вы отказываетесь? – спросила она.

– Нет, что вы! Я попробую, – и он начал рифмовать:

– Тишина. Мне слышен шепот (179),

Кто-то шепчет: «Я люблю».

За стеною детский топот —

Это сон иль наяву?

За окном фонарь туманный —

Это вечер или ночь?

За дверями гость незванный —

Будет сын, а может, дочь.
Будет лето или осень,
Будет, может быть, зима.
Может, любит, может, бросит,
Может, я уйду сама.

Рядом он иль я одна?
Где-то слышу тихий шорох,
И в окно глядит луна.

Когда он закончил читать, она не сразу ответила – вздохнула, как будто мысленно возвратилась откуда-то издалека, и сказала:

- Это я возьму.
- Мне записать? – спросил он.
- Нет, я запомнила.

Разговор прервался, и он подумал:

«Надо бы спросить, когда прийти за лицензией?»

Но он не решился сразу потревожить эту загадочную женщину, а она, видимо, почувствовала его нетерпение и сказала:

– Завтра здесь же, но только что-нибудь должно быть красное.

Она поднялась со скамьи и, не прощаясь, направилась к вокзалу. Он еще некоторое время следил за ней, пока ее стройная фигура не скрылась в арке центрального входа.

В этот вечер он ничего не рифмовал, пытаясь разгадать

тайну этой странной женщины. Ночью он плохо спал, и снились ему сны про то, как он был там.

А там старшина после вечернего построения прохаживался перед строем и произносил свои любимые слова:

– Это ж, понимаете, какой разгильдяй! Так разгильдяйствовать! Это ж, понимаете?

Сзади него неотступно следовал дежурный из «дедов» и осторожно нес что-то мелкое на листе бумаги.

– Это ж какой размер? – продолжал старшина. – Разгильдяйство форменное!

Стоящие в строю пограницы, только что выслушавшие суточный график охраны границы, пока что не очень понимали, в чём дело. Но точно знали: по пустякам разгильдяйские слова старшина не говорит.

Пару раз пройдя вдоль строя, старшина остановился и приказал всем снять сапоги. Тут уж понятка хоть какая-то среди бойцов появилась – старшина ищет в ногах или в портянках какое-то нарушение устава и, осмотрев босые ноги стоящих в строю, он объявил:

– Это ж до какого разгильдяйства надо докатиться, чтобы образовался ноготь такого размера? – и он тыкнул пальцем в лист бумаги, который держал стоявший рядом дежурный.

– Товарищи! – продолжил речь старшина. – Сегодня днем

при приборке помещений рядовой... – он назвал фамилию одного из салаг, – обнаружил вот это разгильдяйство. Если это повторится, мы босиком будем стоять здесь каждый вечер. Всем понятно?

– Понятно... – нестройным хором зашумели бойцы.

– Вольно! Разойдись! – скомандовал старшина.

Старшину побаивались, но не сильно. Все его наставления воспринимались как-то незлобно, по-отечески. По строю прошел даже хохоток, обозначивший полное взаимопонимание.

Такое взаимопонимание погранцов и старшины при исправлении недостатков в службе и наведении должного порядка в хозяйстве заставы сложилось давно. Особенно рьяно старшина следил за чистотой помещений и территории заставы. Неправильно выброшенный окурок нарочито-торжественно коллективно захоранивался, что воспитывало всех и сразу весьма эффективно.

Вспоминая эти случаи, он подумал:

«Может, было бы неплохо завести такого старшину в центре лицензирования и по жалобам посетителей воспитывать местных разгильдяев? Проявил равнодушие – пробежал кросс три километра в противогазе, и равнодушие уменьшится».

Проснулся он только к обеду и, нехотя поделав домашние дела, стал готовиться к встрече с незнакомкой.

Незнакомка, вся в черном, уже издалека была видна в сквере, и ее красные туфельки ярко выделялись на фоне серой песчаной дорожки.

– Почему вы без красного? – не здороваясь, спросила она. – Мы же договорились.

Он извинился, достал ярко-красный платок и втиснул его в карман пиджака.

– Сядем, – предложила она. – Вот ваша лицензия.

Она достала из черной папки заламинированный яркий лист и вручила ему. Это была лицензия – он сразу узнал ее. Вид документа был похож на старую прошлогоднюю бумагу, только в этот раз яркие голограммы придавали ей радостный и несколько помпезный вид.

– Благодарю, – сказал он.

Говорить больше было не о чем, и наступила неловкая пауза, когда каждая из сторон, не зная, что сказать, выжидает, что же предложит собеседник.

– Ну, я пойду, – сказал он. – Еще раз благодарю, вы просто спасли меня!

– Да, я спасла вас, – кивнула она головой. – Но и вы мне помогли.

– Вы имеете в виду эти женские стихи? – полюбопытствовал он.

– Да, – ответила она.

– Позвольте мне узнать их дальнейшую судьбу? – спросил он снова.

Она задумалась, несколько раз взглянула на него – видимо, пытаясь понять, стоит ли с ним продолжать беседу, – и неожиданно спросила:

– Вы надежный человек?

Он несколько смутился от такого вопроса и, стараясь подобрать точные слова, ответил:

– Если нет криминала, то я могу быть надежным. Только мне нужно пояснить, что означает «надежный человек».

– Надежный – это значит, что не подведет, не откажет и не предаст, – довольно жестко ответила она.

– Я постараюсь, – ответил он.

Солнце ушло, серые сплошные тучи закрыли небо, и начал накрапывать уже порядком надоевший дождь. Она встала.

– Мне пора идти, – сказала она. – Может быть, мы еще когда-нибудь встретимся. Прощайте.

Он долго смотрел ей вслед, пока дождь не усилился, и ему стало грустно и неудобно в пустом сквере.

«Она так и не сказала, зачем ей нужны мои стихи», – подумал он.

На этот раз молодой начальник встретил его очень радушно.

– Здравсьте, здравсьте. Очень рад, очень рад! – он встал из-за стола, чем сильно удивил посетителя, подал ему руку и усадил не за приставной стол, как обычно, а в кресло в углу кабинета, и сам расположился рядом. – Извините. Чай, кофе? – предложил хозяин. – Я распоряжусь.

– Нет, спасибо, – отказался он и раскрыл папку. – Вот, я принес для магазина.

– Это очень хорошо. Просто чудесно! – еще более обрадовался молодой хозяин. Он сначала бегло осмотрел исписанный неровным почерком листок бумаги. Затем медленно, размахивая правой ладонью в ритм строчкам, прочел текст второй раз. Несколько раз сдержанно улыбнулся и, пытаясь скрыть свои эмоции, уже сухо спросил:

– А как у нас с лицензией?

Посетитель, подражая хозяину кабинета, так же сухо ответил:

– У нас с лицензией порядок.

– Хорошо, хорошо. Верю, что порядок, – поднимаясь с места, произнес хозяин кабинета. Он вернулся к столу и набрал чей-то номер.

– Приветствую вас категорически, – бодро поздоровался

он с кем-то. – Да, всё готово. Даже больше, чем мы ожидали... Что? По телефону? Всё прочесть? – Он прикрыл ладонью трубку и, недовольно скривившись, произнес: – Хотят всё и сразу. Будете сами читать или... – он выразительно посмотрел на посетителя, который, вздрогнув, несколько раз отрицательно помотал головой.

– Хорошо. Сам прочту, – заявил хозяин и приступил к декламированию:

«В магазин к нам заходите —
Здесь бюстгальтер продают.
Быть красивой захотите
И создать себе уют —
Наш бюстгальтер вы купите,
Изобилье встретив тут...»

Хозяин прервал свое монотонное чтение, ожидая реакции слушателя.

– Что? Читать? Читаю, – и он продолжил:

«...Перси разные бывают —
Наш бюстгальтер нужен всем.
Покупать не забывает
И рабочий, и спортсмен.»

Хозяин снова сделал паузу. Видимо, ему что-то сказали, и он ответил:

– Это старинное название. Что? Читаю дальше:

«...Наш бюстгальтер вам полезен
На работе и в быту.
Продавец наш так любезен —
Всё продаст вам на лету!..»

– Что? Прочесть еще раз? – спросил хозяин. – Да, есть еще два куплета. Читать? Читаю:

«...Наш бюстгальтер облегчает,
Вас, бесспорно, украшает,
Всех в округе завлекает
И в работе не мешает.
Покупайте, покупайте!
Наш бюстгальтер лучше всех!
Заходите к нам и знайте:
Наш бюстгальтер – ваш успех!»

– Это всё, – закончив чтение, произнес хозяин. – Берёте всё? Хорошо... Курьером? Высылайте акт. Ждем. – Хозяин кабинета положил трубку и обратился к автору: – Странные ребята, берут всё. Итак, у вас двадцать две строки. Четыре – по тридцать и восемнадцать – по пять. Как в прошлый раз. Согласны?

Автор ответил не сразу. Он вспомнил прошлый расчет и спросил:

– А что у нас сегодня: стагнация или рецессия?

Хозяин задумался.

– В прошлый раз была рецессия, точно рецессия. А что сейчас? Уточним, – и он взглянул на экран. – Странно, но сегодня у нас инфляция. Так это дело не меняет. Ну что ж, согласны?

Автор насупился и хмуро изрек:

– Вы сказали, что заказчик берёт всё, все двадцать две. Если это так, то и расчет другой.

– Другой расчет? – возмутился хозяин. – Вы хотите изменить условия контракта?

Автор несколько растерялся, но всё же заявил:

– Если заказчику нужны все двадцать две строки, то они в оплате все равны, я так думаю.

– Так-с, так-с, – хозяин постучал пальцем по столу. – Тогда мы обязаны проверить вашу лицензию – будьте любезны ее предъявить.

Автор молча достал из папки лицензию и положил ее на стол. Хозяин вызвал секретаршу.

– Это надо посмотреть, – сказал он секретарше. Та взяла документ и удалилась.

За окном что-то зашумело, послышались глухие удары о землю. Хозяин встал, подошел к окну и задумчиво произнес:

– Мало ли чего бывает? Вот опять что-то затеяли. Место, что ли, здесь такое неудачное? Всё время ремонт. Как заколдовал кто-то эти трубы и до сих пор не могут расколдовать. А как вы думаете: могут у нас навести порядок? – обратился

он к автору.

Автор пожал плечами.

– Не знаете, – продолжил хозяин. – Никто не знает, – ответил он сам себе. – Так что мы будем делать с вами? Сколько же вы хотите за строчку?

Автор ответил:

– По двадцать.

– Это больше, чем обычно... – хозяин сосчитал в уме и назвал цифру: – Это больше на триста двадцать благ... Чёрт с вами, быть по-вашему, но вот что хочу вам сказать, дорогой автор, – хозяин нахмурился и, сделав серьезное лицо, продолжил: – Стишки ваши несколько грубоваты, и вряд ли у дамочек будут популярны. Я думаю, надо бы элегантнее, но заказчик согласился – я не возражаю.

– Поэлегантнее? – встрепенулся автор. – Пожалуйста, – и прочел:

Ваша грудь достойна славы,
И восторгов, и любви.
Наш бюстгальтер – как оправа
Бриллиантовой груди.

– Что это? – удивился хозяин. – И сколько вы за это хотите?

– Отдаю бесплатно, – ответил автор.

Хозяин саркастически улыбнулся и вызвал секретаршу:

– Переоформите контракт, как желает автор.

Сегодня автор впервые настоял на своем – как тогда там, где ему так мало предлагали за соленую рыбу.

А там его в составе большого наряда из пяти человек отправили на неделю на пикет.

Середина зимы. Снега подсели, уплотнились. К морозам приспособились, как будто всю жизнь с ними существовали. А лето? А лето осталось в памяти как что-то далекое, почти как мираж среди холодов и сугробов.

Пикет представлял собой неказистую бревенчатую избушку на горе за двадцать километров от заставы. Охранять этот участок границы приходилось вот такими сменными бригадами человек по пять – больше коек в избушке не помещалось.

Старшина выдал им со склада провиант на всю неделю. Наряд получил приказ, и на «газике» отвезли погранцов к подножию холма, где на высоте стояла пикетная избушка. Весь скарб пикетчики наверх дотащили, в помещении разместились, печь растопили, морозец снаружи изрядный наблюдался. В общем, расположились для несения службы.

Старший наряда указания всем раздал: где, когда, кому дежурить и что охранять. Само собой, образовался вопрос: кто еду на всех будет готовить? На одних консервах и хлебе неделю можно продержаться, но уж больно скучным мог-

ло оказаться это занятие. Тем более что в наличии имелись картошка, мука, масло, крупа, мелочь всякая и соленая рыба, которой почему-то зимой на заставе было изобилие.

Красная рыба хранилась у старшины на продскладе в больших бочках, и только к лету это рыбное изобилие заканчивалось. А если многократно потреблять рыбу, то какой бы ты рыбный гурман ни был, к середине зимы гурманство превращалось в отвращение.

Старший почесал затылок, задумчиво осмотрел пикетное хозяйство и погранцов, отогретых у печки, и назначил его поваром. Какие у старшего к тому были соображения, осталось тайной. Можно было только догадываться, что назначенный повар своим худым интеллигентским видом создавал впечатление человека, способного на кулинарный подвиг – прокормить целую неделю ораву из пяти мужиков.

Кто-то завалился отдыхать, готовясь в ночь идти дежурить, кто-то отправился на небольшую вышку наблюдать за пограничной обстановкой, а он расположился у разогретой печки с плитой и глубоко задумался о предстоящей поварской деятельности: «Перво-наперво нужен горячий суп. Это обязательно. На заставе всем ночным нарядам устраивали ночной ужин, который состоял из горячего супа. Придешь с мороза, так где-то после полуночи горяченького супчика навернешь – и организм отмерзший в порядок приходит, и сон крепкий становится.

Суп-то он делать мог: невелика сложность. Кипяток, кар-

тофель, мясная консерва да паста томатная. Главное – не пересолить. Надо бы еще заправку придумать – что-нибудь с мукой и жиром поджарить. Лук подойдет.

Работа двигалась, и минут через сорок супец, довольно сносный, благоухал в большой кастрюле на плите. Второе блюдо вызвало серьезные проблемы. Приготовление каши – дело тонкое, специфическое. Тем более что каша была по-народному называемая «картечь» или «шрапнель», то есть перловка или пшеничка какая-то серо-белая.

Пришлось приноровиться, и он чисто по интуиции сварил мало-мальски пригодную для поедания кашенцию, которую без энтузиазма потребляли пограницы. С чаем вообще без проблем: заваривай и сахар подавай по норме, а то за раз поедят всё.

Первые два дня пикетчики едой были довольны, а затем заскучали: «суп да каша – еда наша» – такая еда, без разнообразия, не радовала. На третий день он сварганил блины из муки – хоть и не очень, без молока, но, как новинка, прошли на ура. И вот наступил момент, можно сказать, переломный: подавать красную рыбу или погодить? И решил он поменять рыбу в селе на что-нибудь новенькое: «Не может же селянин однообразно питаться! У него и коровы, и свиньи, и прочая живность имеется. Продукты от них к обмену вполне пригодные».

Завернул он три большие рыбины в тряпицу и с мыслями о том, что в селе красную рыбу не ловили – холодное течение

от притока мешало, – направился вниз, в село.

Надумал он дворы сельские обходить методично, то есть не абы как, а по плану – слева направо, ни одного дома не пропуская.

Торговля – процесс сложный, и психологии в ней много. Не улыбнешься вовремя или неуверенность какую-нибудь проявишь, тем более в натуральном обмене, – прогадать можешь запросто.

В первом доме его встретили не очень дружелюбно. Не хотели они рыбы соленой – а почему? Ему было непонятно. Может быть, потому, как он потом догадался, что у первого дома ночные наряды потихоньку дрова из поленницы брали, – свои дрова наверху у избушки очень уж сырые были.

Во втором доме тоже скептики рыбные обретались: предложили кружку молока за три рыбины. Обмен явно не эквивалентный, а когда он встречное предложение усилил – сало запросил, – так ему отказали. Он подумал:

«Куркули да жлобы, что ли, здесь живут? Защитников от закордонных недругов не уважают. Кружка молока за три большие рыбины – стыдно сказать кому!»

В следующих двух домах торговая обстановка не изменилась. Тут уж сомнения у него закрались: то ли он торговать не умеет, то ли сплошные вредины ему попались – не вникают в пищевые нужды погранцов местных. А может, одни древние буржуи тут остались и всю вкуснятину сами поели давно?

Наконец-то в пятом дворе тетка сочувственная попалась – большую кружку молока сразу налила и приличный шматок сала в марлечке вынесла из погреба. Молоко он сам выпил, рыбу отдал и вежливо поблагодарил нежадную тетку.

Вечером каждый пикетчик хороший кусок сала с хлебом получил. Вот и оказалось, что может наш солдат и бартером успешно заняться, если терпение и кое-какие продукты имеются.

Администратор, широко улыбаясь, лично сам проводил его в гостевую.

– Новые опции установили. Возрадуетесь, удовольствие великое получите. Вот, к примеру, сканируем ваши думки – и нате, вы уже там, – он засуетился, раскладывая разноцветные проспекты. – Вот: «Отрочество желанное». Это от двенадцати до шестнадцати. А здесь, – он указал на сине-зеленую бумажку, – «Далекое детство». Желаете окунуться в детский сад? Будьте любезны!

Клиент молчал. Он с любопытством разглядывал проспекты, а администратор не унимался:

– Можно постарше, но пока это в наладке. Бывает, заедает – и клиенты недовольны. Входят в свое тридцатилетие и – бах-трах – скатываются в детский сад. Мы это пока временно приостановили. Знаете ли, психологически человек не готов

прыгать во времени туда-сюда – клиент нервничает.

– Я, пожалуй, опустился бы в детство, – неуверенно сказал он и продолжил: – Вот только опасаясь, что сканируете какую-нибудь детскую обиду, которую я уже и подзабыл. Не хочется снова обижаться.

Администратор убрал улыбку и серьезно ответил:

– Да, это проблема, технически еще не решенная. Но наши умники предусмотрели страховку, то есть срочное возвращение. Так что риски снижены.

– А как они узнают, что мне надо срочно вернуться? – спросил он.

– Так вы сигнал подадите, и всё... – ответил администратор.

– Если всё, то наконец-то, – пошутил он.

Администратор насторожился, но уже через секунду дежурная улыбка появилась у него на лице.

– Так что? Будем заказывать или традиционно – экскурсия и, может, поход какой-нибудь?

Он несколько секунд раздумывал, а затем решительно объявил:

– Давайте детство, лет эдак в шесть.

Она сидела и смотрела на воду. Она так делала уже последние несколько недель. Просто уходила из дома, садилась

на старую, обшарпанную скамейку и не отрываясь смотрела на воду в любую погоду, даже когда шел дождь. За ней приходили родственники и забирали ее домой.

Когда они с ребятами приходили на пруд, он наблюдал за ней и никак не мог понять: зачем эта женщина, уже совсем старушка, так долго смотрит на воду? Что там можно разглядеть?

Он с мальчишками, быстро окунувшись, мчался во двор большого дома, где они, занятые играми, проводили всё свободное время.

– Ну что, пацан, будешь играть? – долговязый в упор смотрел на него сверху вниз.

Он, стараясь быть уверенным, громко ответил:

– Да, буду.

– А копеечка у тебя имеется? – снова спросил долговязый.

Он разжал кулак и показал ему на ладони монету в десять копеек.

– О! – удовлетворенно прогудел долговязый. – Да ты богатенький! Тогда начинай.

Он как можно сильней ударил ребром монеты о стенку. Монета взвилась и, отлетев на метр от стены, упала плашмя на асфальт.

– Ништяк! – гыкнул долговязый. – Теперь я.

Он долго примеривался – как ударить своей монетой, чтобы достать до его лежащего на асфальте гривенника. Он даже высунул кончик языка и наконец-то решился и ударил

монетой о стенку. Монета отлетела и упала ребром рядом с лежащей, покатилась и застыла невдалеке.

Долговязый довольно хмыкнул, снисходительно посмотрел на него, подошел к монетам и долго смотрел на них сверху, пытаясь понять, дотянется ли он до его монеты. Затем как можно шире растопырил правую ладонь – так, чтобы большой палец и мизинец могли соединить обе монеты. Примерился, опустился на колени и постарался хотя бы кончиком мизинца достать до его монеты. Он пыхтел, прижимая ладонь к асфальту, второй рукой давил на нее, стараясь побольше ее растянуть, но всё равно ему не хватало совсем немножко – каких-то два-три миллиметра.

– Не дотянуться, – сказал он долговязому, когда тот попытался большим пальцем подвинуть свою монету поближе. – Теперь моя очередь.

Долговязый встал с колен, отряхнул изрядно поношенные брюки и недовольно процедил:

– Ладно... Давай, пацан.

Он поднял свою монету, с размаху ударил ею о стенку, и эта попытка оказалась неудачной. Гривенник пролетел вдоль стены и упал рядом, всего в нескольких сантиметрах от нее. Дотянуться до монеты долговязого было уж никак нельзя.

– Ага, – сказал долговязый. – Всё путем, – и, сосредоточенно сопя, присел у стены, рассчитывая сделать удачную попытку. Он легонько ударил своей монетой так, чтобы она недалеко отлетела от стены. Монета упала рядом с гривен-

ником, да так близко, что долговязый сразу, не примериваясь, всего лишь большим и указательным пальцами соединил обе монеты. Он забрал обе монеты и с чувством победителя произнес:

– Еще играть будешь?

Ему играть расхотелось, да и монет у него больше не было. К тому же он понимал, что играет долговязый нечестно. У того руки были больше и пальцы длиннее – какая же здесь могла быть справедливая игра в пристенок?

Он послонялся один – все остальные пацаны на выходные разъехались кто куда, – вернулся домой и уселся у окна наблюдать за двором. Из соседнего подъезда двое мужчин вынесли кого-то, завернутого в белую простыню. Наутро он узнал, что та старая женщина умерла. Ему стало ее очень жаль, и он подал сигнал срочного возвращения.

– Возникли нежелательные эмоции? – настороженно спросил администратор.

– Всё в порядке, – ответил он.

– Что-то вы очень быстро! Всего двадцать минут, – заметил администратор.

– Быстро? – удивился он. – Мне показалось, что я провел там почти два дня.

– Это эффект такой – мысли быстрее времени. Наши ум-

ники назвали эту услугу «Сентенционное существование», – ответил администратор. – А как вам сам процесс? Понравилось?

– Сам процесс понравился, – ответил он, расплатился и, стараясь ни о чём не думать, вышел наружу.

Город встретил его мелким назойливым дождем. Редкие прохожие обходили его, стараясь быстрее добраться до сухих, теплых мест.

«У них у каждого есть своя сентенция», – подумал он и ускорил шаг.

Ночью ему приснились строчки. Он вскочил, еще не понимая, пора ли вставать, и наскоро записал:

На деньги мальчишки играли.
Азартна та была игра.
Тогда они еще не знали:
Наступит жесткая пора,

Когда игра – на самом деле,
Судьба поставлена на кон.
А что сейчас? Обида еле
Коснется и уходит вон.

Как ночь уходит, утро пробуждая,
И новый день сулит победу прямо здесь.
Живем, как будто бы играя,
И счастье где-то рядом есть...

Откинувшись в кресле, он подумал:

«Интересно: можно ли там остаться? И что будет, если не подавать сигнал?»

Молодой начальник, хозяин кабинета, насупившись, уже в который раз перечитывал текст.

Эту срочную работу для громадного магазина бытовой техники автор выполнил за одну ночь. Он торопился и, конечно, как всегда, не очень был доволен результатом, но времени что-то поправить уже не было.

За эту рекламу ему обещали заплатить вдвойне. Он утром набросал текст и вот сейчас внимательно следил за поведением хозяина. А тот читал и, закатывая глаза к потолку, что-то шептал сам себе наизусть. Казалось, он пробует слова на слух, но этот текст пока что не вызывал у него положительных эмоций.

Наконец-то хозяин обратил на него внимание.

– Хочется услышать авторское чтение. Мы можем это совершить?

– Можем, – ответил он и заунывно прочел:

– Супер! Супермагазин!

Вы такого не видали!

Можем рассказать в деталях —

Нам скрываться нет причин.
Если всё мы перечислим,
Нам не хватит лет пяток.
Моем, гладим, бреем, чистим —
Каждый день у нас поток.
Если вам взгрустнется где-то,
То не наша в том вина.
Если вдруг случилось это,
Заходите к нам сюда.
Настроение поднимем
На такую высоту!
Может, даже порчу снимем
И дурацкую тоску!

Автор, закончив чтение, замолчал и ждал, что скажет хозяин. Тот машинально поправил прическу и спросил:

– Скажите: а как вы сами оцениваете это... – он не знал, как назвать только что прочитанное, и добавил: – Это рекламное произведение?

Автор пожал плечами и ответил:

– Мне сложно оценивать себя. Тем более что заказ был срочным, а скорость не есть залог успеха.

– И что же мы представим заказчику? – с сомнением спросил хозяин.

За окном опять что-то заскрежетало. Хозяин раздраженно отреагировал:

– Опять! Хоть бомбу над ними взрывай – никогда не оста-

новятся! – Он вызвал секретаршу. – Вы можете наконец-то узнать, когда они закончат?

Секретарша обиженно ответила:

– Уже узнавала. Сказали: по мере готовности, – и молча удалилась из кабинета.

Хозяин вопросительно взглянул на автора, а тот без предупреждения выпалил новый вариант:

– Тысяча полезностей в магазине есть.

Всё что пожелаете, вы найдете здесь.

Не купить не сможете, в магазин зайдя, —

Свой комфорт умножите, к нам зайдя не зря.

Хозяин покачал головой. Было не совсем понятно, одобряет он последний текст или нет. Он иронично улыбнулся, сощурился и произнес:

– «Зайдя» – это, наверно, сильно сказано, а «зайдя не зря» – можно сказать, шедевр!

Автор поежился от этих «зайдя» и скороговоркой протаторил:

– Мы для вас работаем,

Вы для нас – закон.

Окружим заботой

Ваш уютный дом.

Скрежет за окном усилился, словно какая-то огромная

железяка ритмично почесывала свое пустое нутро.

– Наверное, придется перебраться в другое место. Здесь просто невозможно работать. Будьте любезны, прочтите последнее еще раз!

Автор без выражения пробубнил четверостишие. Хозяин громко, стараясь пересилить скрежет, произнес:

– Хорошо. Последнее сойдет. Гонорар завтра в кассе и – имейте в виду – через неделю получите большой заказ. Сейчас уточняем условия. Там будет что-то связано с медициной, – и, усмехнувшись, добавил: – Изучайте болезни и лекарства – может пригодится.

Вечером он позвонил тете. Опять, как в прошлый раз, там долго не отвечали. Он уже подумал, что не стоит беспокоить эту загадочную даму, но в трубке слышалось:

– Алё, я слушаю.

– Я от дяди, – машинально ответил он и замолчал. Ему вдруг стало как-то неудобно обманывать – ему совсем не нужна лицензия, – но любопытство пересилило.

– Тетя слушает, говорите, – услышал он знакомый голос.

– Я про лицензию.

– Хорошо, – ответила она. – Завтра в пять вечера в сквере у вокзала. Все должны быть в черном.

В трубке раздались короткие гудки.

А там они уже третий день рыли окопы, строили укрепрайон на всякий военный случай. Мало ли что может быть? Вдруг те, с того берега, чего-то захотят сделать нехорошее – тогда вся застава переберется в укрепрайон и будет биться до подхода помощи.

Рытьё окопов, если никто не подгоняет, – занятие элитарное: копай да копай себе. Не то что мытьё посуды или полов – работа не престижная, слабо квалифицированная. От рытья окопов, если к делу с умом подойти, можно и удовольствие получить. Сначала заглубляешься на штык лопаты, потом всё глубже – процесс идет своим чередом, труд свой видишь сразу. Не надо что-то ждать, когда поспеет, высохнет или сварится, или детали все к сборке готовы, или того хуже: моешь, моешь, а оно опять грязным становится.

Рытьё окопа – другое дело. Здесь сразу всё видно: копнул – и земли в окопе на одну лопату меньше стало. Конечно, если грунт тяжелый, то попотеть придется, а если земля прямо ждала, когда ее разроют, то тогда одно удовольствие получается.

Отрыли они окопчики, укрепили стенки досками, а командир (не самый главный) решил благоустроить инженерное сооружение – устроить крышу над окопом. Подумалось ему, что воевать так удобнее будет плюс маскировка.

Приказ есть приказ. Заложили окопы сверху досками, дерна поверх натаскали. Туннели темные с амбразурами получились. Работу закончили – отдыхают бойцы, труд великий сотворив, ждут машину на заставу ехать, уж вечер наступил.

Пришла машина, а с ней и главный начальник прибыл работу принимать. Обозрел он окопное производство и нахмурился, рассуждает вслух:

– Как по туннелям этим лазить в темноте? А если сверху заряд жажнет – засыплет окоп и бойца основательно.

Проаживается он поверх окопов и выводы делает:

– Оно и так: если жажнет, то засыплет. А у вас и досками сверху накроет, словно гробиком недоделанным.

Стоят бойцы, слушают. Им-то что – приказы исполнять. Вот он и приказал: раскрыть окопчики, крыши разобрать. Конечно, ломать свое же производство – это не очень хорошо, не душевно. Разобрали они всё это хозяйство довольно быстро – к ужину хотелось добраться вовремя. Завершили всё по-быстрому и на ужин успели. После того случая стимулы творить новизну у всех поубавились.

А всё-таки окопы копать – это вам не ерундой заниматься; работа ясная, если с умом ее делать.

Он уже минут десять стоял в центре сквера. Дама в черном не появлялась. Он задал себе вопрос:

«Зачем я сюда пришел? – и ответил сам себе: – Любопытен ты, брат-рифмовщик. Хочешь узнать, для чего понадо-

бились твои женские стихи? Только ли это тебя сюда привело? Небось эмоцию хочешь подхватить для вдохновения, чтобы рифмовать эдак», – и он прошептал:

Любопытство – не порок.
Знаний набираться впрок
Всем алкающим полезно,
В знанье сила – всем известно.

Дама появилась неожиданно и, не говоря ни слова, удивленно посмотрела на него. Она ждала объяснений.

– Добрый вечер, – вежливо поздоровался он. – Извините, но вы в прошлый раз не ответили на мой вопрос.

– Вы меня вызвали только за этим? – спросила она.

Он не знал, что ответить, – стоял и просто молчал.

– Как же я могу доверять вам, если вы обманули меня? – посетовала она.

– Еще раз простите, – сказал он. – Я могу прочитать еще одно женское стихотворение.

На лице у нее появились сомнения: стоит ли его слушать или уйти? А он решительно, стараясь опередить ее возможный отказ, принялся читать:

– Одиночество мое,
Не бросай мое жильё
Без тебя я пропаду,
Без тебя кого найду?

В горе, в счастье ты придешь,
Ты меня не подведешь.
Ты меня не предаешь?
Что ответишь? Ты скажи,
Честно, прямо доложи:
Я права иль неправа?
Остальное – трын-трава...

Он замолчал. Она опустила голову и слушала.

– Может быть, присядем? – сказал он.

Она вскинула голову и повторила вопрос:

– Может быть, присядем? – и добавила: – Очень сыро и ветер. У вас всё?

– Нет, – ответил он и продолжил чтение:

Одиночество молчит.
Тихо-тихо – не кричит,
Не тревожит. Не стучит
Сердца пульс в моих висках.
Одиночество – не страх.
Не перечит мне оно —
С ним всегда я заодно.
Что ж, пусть будет это так:
Мне не нужен здесь чужак.
Одиночество мое
Мне милей чужих давно.
Почему же я молчу
И ему я не кричу?

А зачем? Не знаю я —
Такова судьба моя...

– Спасибо, – сказала она. – Сегодня очень холодно. Мне пора.

– Я могу еще раз позвонить? – спросил он.

– Да, только не говорите, что вы от дяди. Скажите просто: «Рифмовщик».

– Вам что-нибудь еще зарифмовать? – спросил он.

– Если хотите... Может быть, что-нибудь оптимистичное, – ответила она.

– Я постараюсь, – сказал он.

– Прощайте, – сказала она и торопливо удалилась тем же путем, что и в прошлый раз. Он смотрел ей вслед, пока ее фигура не скрылась в вокзальной арке.

«Действительно холодно, – подумал он, кутаясь в теплый шарф. – Вот-вот наступит зима, и здесь встречаться станет неудобно. А будем ли мы встречаться?»

Ответа у него он было.

Весь столик был заставлен аптечными склянками, коробками с лекарствами и прочей лечебной мелочью. Он полос-

кал воспаленное горло и про себя рифмовал:

«Горло у меня болит.
Я пока не инвалид.
Вот была б больна нога —
То тогда была б беда.

Горло не дает мне жить —
Как мне это пережить?
Больно мне глотать еду,
Никуда я не пойду.

Горло буду я лечить,
Ткань больную всю мочить,
То есть полоскать ее,
Чтоб скорее повезло:
Перестало там першить
И дало хоть как-то жить...»
Заверещал телефон.

— Кто сделал такой противный звук? — спросил он сам себя и вспомнил, что вчера сам же изменил вызов с мелодичного колокольчика, под который он умудрялся засыпать, на эту визжал-ку. — Алё! — прохрипел он в трубку.

— Слава богу, вы дома, — донесся до него встревоженный молодой голос хозяина. — Срочный заказ, ответственный! Вы слышите меня?

— Да, слышу, — откашлявшись, ответил он.

– Вы что, больны? – спросил хозяин.

– Да, – выдавил он из себя. – Горло.

– Ну, голова-то работать может? – услышал он в ответ.

– Может, – снова прохрипел он.

– Для медицинского центра нужны рифмы без ограничения количества.

– Оплата? – хрипло спросил он.

– Какие вы, поэты, меркантильные! – недовольно ответил хозяин. – Не беспокойтесь: как обычно, повышенный тариф.

– Сколько? – спросил он снова.

– Хорошо, хорошо. По тридцать вас устроит? – ответил хозяин.

Он с трудом просипел:

– Тридцать пять.

– М-да, вы цените себя! – ответил хозяин.

Автор молчал. Хозяин тоже держал паузу, а затем сухо произнес:

– Согласен. Завтра с утра жду вас, – и прервал разговор.

«Срочно лечиться!» – подумал он и зарядил аэрозольку.

Целый день он полоскал горло, чем-то дышал, глотал таблетки и сосал лечебные карамельки. К вечеру голос совсем пропал. Издаваемые из большого горла звуки походили на жалобные стоны охрипшей собаки. Он дал «обет молчания» и улегся спать.

Ночью спал он плохо, медицинские рифмы то возникали, то исчезали, путались друг с другом: «касторка – каморка»,

«таблетка – банкетка», «процедура – дура» и еще множество ассоциаций, которые к утру стерлись из памяти и осталось только одно чувство – чувство саднящего горла и жалостливый хрип.

Утром, при полном параде, в черном костюме, белой рубашке с бабочкой он сидел в кабинете хозяина и слушал, как тот читает его текст:

– «Мы не станем вас пугать,
Вам без нас несдобровать.
Без болезней чтоб прожить,
К нам вам стоит походить».

Хозяин прокомментировал:

– Текст веселенький, и даже с элементами юмора. На мой взгляд, обывателя тронет.

Автор молча слушал.

– «Как самим без нас узнать,
Что вам стоит принимать?
А незнание – ой-ой-ой!
Что-то съел и в раз – больной!..»

Неплохо, неплохо, – пробурчал хозяин и продолжил:

«Мы не станем вас пугать —
Вам лечение предлагать.
Вам самим решиться надо:

Выживать, не выживать...»

– Несколько жестковато, но с первым куплетом пойдет, – произнес хозяин и без паузы прочел:

«.. Здесь избавят от болезней,
Здесь подскажут, что полезней,
И лекарства подберут —
Правду скажут, не соврут!»

Хозяин еще раз молча просмотрел весь текст и с довольным лицом обратился к автору:

– Ну что ж, вполне! Не знаю, как этим медикам, а мне... – он хотел положительно оценить работу, но спохватился и решил высказаться более нейтрально: – Будем считать, что заказ исполнен. Всего пятьсот шестьдесят благ. Хорошая сумма – теперь можно и полечиться.

Автор кивнул головой. За окном послышался треск отбойных молотков.

– Работа кипит! – с сарказмом заметил хозяин. – Интересно: как им платят? За трескотню или за результат?

Автор пожал плечами и встал из-за стола. Прощаясь, он вежливо наклонил голову и направился к двери. Отбойные молотки не унимались.

А там он серьезно заболел. Простыл, поднялась темпера-

тура. Он лежал и весь горел. Еле встал в туалет и упал в коридоре. Из села привезли фельдшерицу, она дала ему какую-то таблетку – к утру температура спала, но заложило уши. Он стал плохо слышать, звуки слабо воспринимались через какой-то постоянный шум. Начальство решило отправить его долечиваться в районную больницу за тридцать километров от села.

Небольшая больничка – деревянное прямоугольное строение в один этаж – встретила его каким-то гражданским уютом. Две палаты для мужчин и женщин плюс маленькая палата на четверых тяжелых больных, длинный коридор с окнами, выходящими в сад, подсобки и крохотные кабинеты – вот и всё основное больничное содержание.

Устроили его в большой палате (коек на двадцать), одели в больничную пижаму непонятного серо-коричневого цвета и стали потихоньку лечить таблетками и порошками. Палата веселая досталась – с парой местных дедов с бородами, один из которых шутник оказался великий. Он, наверное, не нагулялся по молодости с девчонками, так как у него все байки про любовь получались. К тому же ради красоты подвирал он изрядно. Посмеивались над ним, но сказки его про молодость свою слушали с вниманием. Скука без него была бы смертельная.

Рассказывал он, как все девки сохли по нему и как он долго не мог решиться выбрать себе подружку. Обозлились как-то девицы за это невнимание к себе, сговорились и решили

ему позорище устроить.

– Обструкцию, значит, – рассказывал дед. – Пустили по селу слух, что я, тогда еще молодец-красавец, завел себе на заимке тетку-яриху. И хожу, мол, я, к ней почти что через ночь, а потому она попортила меня и девки мне не интересны стали.

Дивлюсь – фыркают надо мной. Да и старшие косо смотрят. Мама с отцом – и те следить стали: не шастаю ли я по ночам куда-то? Ну, думаю, как бы бобылем не остаться или из села бежать! Говорю мамане и папане:

«Наговорили всё это на меня. Девки-злыдни слух на меня специально напустили». А они: «Сам виноват – давно бы невесту выбрал! Она сколько кралей на селе, а ты, дубинушка, чураешься».

А как старухи шептаться вслед стали, тут уж, думаю, пора и меры решительные принимать. Подловил я самую что ни есть красавицу ввечеру да за амбаром к стене прижал. Жаром своим, обаянием значит, притиснул и давай в любви клясться. Все знакомые и незнакомые слова перебрал. А она посопротивлялась маленько, да и сама поцелуйчик такой мне сделала, что хоть завтра сватов засылай. Обалдел я трошки, до дома добрёл ошарашенный, мамане и папане сказал, что срочно жениться хочу на этой красавице и что она наверняка согласная. На следующий день меня из порченных вычеркнули и в женихи записали.

Рассказал дед эту историю с выражением и чувством.

Смотрели все на него – неказистого, мелкого, росточком ниже среднего – и сомневались в правдивости дедовых событий, и жалели его, а некоторые, может быть, и грустили, что не было в их молодости страстей таких.

В соседней мужской палате всего четыре койки стояло, и лечили там, видимо, тяжелых. Один из них запомнился ему. Маленький, пухленький, лет под тридцать будет. Жена к нему вечером каждый день приходила, тоже ростом небольшая и вся в веснушках. Животик у нее виднелся – рожать собралась, – а муж ее болел чем-то серьезным. Живот его непомерно большой был, и откачивали из него какую-то жидкость. Он сам по вечерам жене так и говорил: «Сегодня целый литр откачали».

Занятий каких-либо, кроме лечения, в больничке не было. Лежишь на койке, посидишь немного, послоняешься по коридору, в окошко морозное поглядишь – вот и все развлечения.

Зима за окном. Всё белым-бело. Тетки по коридору в халатах снуют туда-сюда. Однообразие и скука. Но ему эта обстановка вполне годилась: кормят, спать дают, в мороз в наряд не посылают – курорт, а не служба! Вот только шум в ушах не исчезал – ну, да к нему он уже привыкать стал.

Через неделю поселили в соседнюю палату чернявого мужика с глазами бегающими. Что за болезнь у него, толком никто сказать не мог. Мужик этот какой-то беспокойный был: в палате мало находился, по коридору ходил туда-сюда,

словно арестант на прогулке.

Он столкнулся с чернявым в коридоре в первый же день.

– Смотри, – сказал чернявый. – Вот они все тут, – и показал обшлаг своей пижамы.

Он не понял, что чернявый показать ему хочет, растерялся и внимание к чернявому проявил. А чернявый не унимается, обшлаг куртки отворачивает и тычет пальцем туда:

– Вот они, вот они, заразы! Все тут сидят.

Посмотрел он в отворот рукава чернявого и ничегошеньки не увидел – и наконец-то дошло до него, что чернявый – тихо помешанный на чём-то, и с испугу кивнул он головой, что, мол, согласен он с чернявым: сидят там эти заразы, и тихо отошел от него и решил для себя: не будет у него диалога с чернявым.

Как-то днем стало тому тяжелому, у которого жена в веснушках, совсем плохо. Тяжело и часто дышать он стал. Медсестра с доктором забежали, подушку кислородную принесли, суетятся около него, а ему всё хуже и хуже, и уже сознания не стало у него. Минут двадцать он еще учащенно дышал, да и затих. Сестра носилки принесла, простыней его накрыла, и вместе с врачом вынесли они его из палаты. А к вечеру его жена пришла. Идет тревожная, усталая – наверное, с работы – и смотрит вопросительно на него, и вроде спросить хочет: «Как там муж мой?» А он отвернулся и сделал вид, что знать ничего не знает про мужа ее.

Потом через две недели перевели его в военный госпиталь

– еще несколько недель уши долечивать. Вернулся он на заставу, уже когда морозы спали и дело к весне повернулось.

– Алё! Это рифмовщик. У меня есть кое-что оптимистичное.

Она не сразу ответила. Сначала послышался какой-то шорох. Потом прозвучал ее голос:

– Да. Я помню. Вы хотите встретиться?

– Да. То есть нет. Если вам не хочется, то не надо, – ответил он. – Я могу прочесть по телефону.

Она молчала – наверное, обдумывала, как поступить. Он не торопил ее, он тоже молчал. Через несколько секунд она сказала:

– Я сейчас занята – может быть, завтра?

– Хорошо, – ответил он. – Опять там и опять в черном?

Она усмехнулась и ответила:

– Можно и не в черном. Погода плохая – можно и не там.

– Тогда где-нибудь в кафе? – спросил он.

– Я согласна, – ответила она.

Эту забегаловку он посещал в основном летом. Осенью

народ туда не очень стремился. В углу парка в плохую погоду гуляющих за день можно было и не встретить. Но почему-то кафешка работала до самых холодов.

Она всё-таки пришла в черном, только красный шарф ярким пятном выделялся на фоне темной фигуры.

– Куда мы пойдем? – увидев его, спросила она.

– В кафе, вы же согласились, – ответил он.

– Только, пожалуйста, где не очень шумно.

– Мы, возможно, там будем одни, – ответил он.

Кафешка действительно была пуста. Знакомая продавщица за стойкой откровенно бездельничала. Она что-то увлеченно читала и не сразу обратила на них внимание, и только когда они подошли к стойке, оторвалась от чтения.

– А... Это вы. Здравсьте, – сказала она и с неприкрытым любопытством уставилась на его спутницу.

– Нам по чашечке... – и он спросил: – Может быть, кофе?

– Да, – согласилась незнакомка.

Они расположились за столиком в углу, где стеклянные стены заведения позволяли наблюдать за этим уголком парка. Мокрые голые деревья уныло стояли вдоль пустых дорожек, и только парочка роскошных елей скрашивала этот грустный пейзаж.

– Вы обещали что-нибудь оптимистичное, – сказала она, отпивая кофе мелкими глотками.

– Да, конечно, я прочту, – сказал он. – А если хотите, просто передам вам текст.

– Лучше прочтите, – улыбнулась она и приготовилась слушать.

Он негромко, стараясь не привлекать внимание продавщицы, прочитал:

– Я смотрю на облака.
Вы откуда и куда?
Пролетите надо мною,
Не оставите следа.

Что там в небе вы творите?
Тучу черную с грозой?
Ничего не говорите,
Растворяетесь порой.
Я смотрю на облака —
Может, мне туда пора?
Будто там я в вышине
Полечу, как бы во сне...

Она слушала закрыв глаза, а он продолжал:

Захочу лететь – лечу,
Захочу молчать — молчу.
Я свободна. Всё хочу
И лечу, лечу, лечу...

Я смотрю на облака,
Что плывут туда-сюда.

Плывать в небе высоко,
Улететь бы далеко,
Где другие будут все,
Где грустить не надо мне.
Я гляжу на облака —
Вы откуда и куда?

Он закончил читать. Она сидела неподвижно и молчала.

– Вам понравилось? – спросил он.

– А где же оптимизм? – улыбнулась она.

– Оптимизм... Там, в облаках, – ответил он.

Они несколько минут помолчали, допили кофе, и она сказала:

– Спасибо. Рифмы хорошие – ей понравятся.

– Мне пора, – она встала первой.

– Я провожу вас, – предложил он.

– Нет-нет. Я сама. Не беспокойтесь, – и заторопившись, она выбежала из кафешки.

Около минуты он видел ее через толстое стекло – как она шла по аллее и свернула в сторону ближайших домов.

Радужный администратор встретил его вопросом:

– Как пишется? Что-то давненько не печатались! Мы понимаем: творить – тяжелое занятие. Тут, мы думаем, эмо-

ция сильная нужна. А нынче где возьмешь эту сильную эмоцию? – Он говорил и улыбался, аккуратно сопровождая его по коридору и указывая путь рукой. – Вот видите, немного расширились. Там, где были раньше, тесновато было. Посетителей прибавилось – все, знаете ли, хотят услугу, а здесь у нас простор появился, эмоций много можно разместить... Хотите импровизацию или что-нибудь из старенького?

– Что-нибудь из старенького, – ответил он.

– Из старенького, я припоминаю, у вас много было. Подождите, подождите, кажется, прогулку на лодочке вы еще не пробовали.

Он подумал:

«А действительно, на лодках в этой конторе я еще не плавал, администратор помнит всё», – а вслух произнес:

– На лодках как-то не довелось.

– Чудненько, чудненько! Это мы сейчас организуем, а пока присаживайтесь. Я пришлю вам нашего менеджера.

Администратор исчез за массивной дверью, а он остался в одиночестве ждать менеджера.

«Наверное, везде так: со временем всё портится и угасает. Контора расширяется, теперь придется еще кого-то ждать», – подумал он и принялся перелистывать разложенные на столе проспекты.

Менеджер появился минут через десять. Дежурная улыбка, обнажая выбеленные зубы, простиралась на его лице.

– Будем плавать? – спросил он.

– Будем, – согласился он.

– Что мы желаем? Тихое озеро или бурную речку? – заинтересованно спросил менеджер.

– Что-нибудь потише, – ответил он.

– Отличненько, отличненько! – обрадовался менеджер. –

С приключениями или без?

Услышав такой вопрос, он задумался и спросил:

– А приключения – это что?

– Да-да, сейчас мы всё с вами уточним, – менеджер убрал улыбку – наверное, устал ее держать на лице – и быстро-быстро заговорил: – Это легкий ветерок, можно и порыв. Еще – волна. На воде можно чуточку покачать. Можно сильно. Дождичек так, для эмоции, подпустить. Свежим ветерком прибить, так сказать, плавсредство аккуратненько к острову без людей. Озеро большое, а можно маленькое... Ассортимент широкий. Мы рады всегда оказать вам качественную услугу.

Менеджер выдохся и опять надел на лицо улыбочку.

Клиент, подумав, ответил:

– Мне штиль и небольшой остров. Могу я сам к нему прибиться, без свежего ветерка?

– Желание клиента для нас – закон, – заученно произнес менеджер.

Клиента провели по коридорам в операторскую, облачили в имитатор, предупредили об ответственности, вручили тревожную кнопку и поместили в капсулу услуги.

Он сидел в небольшой деревянной лодочке и пытался выгрести от заросшего высокой травой берега. Лодчонка чувствовала каждое, даже незначительное, движение вёсел. Волны от неумелых гребков расходились по всей водной глади аж до противоположного берега озерца. На том берегу красовались стройные высокие сосны, освещенные ярким солнцем. Солнечные зайчики играли на воде мириадами пронзительных лучиков.

Через минуту он освоил нехитрую технологию гребли, и лодка уверенно двинулась к середине озера, где живописно виднелся небольшой остров с пологим травяным берегом, постепенно переходившим в небольшой холм. Одинокая корявая сосна, как маяк, возвышалась там.

Он осторожно подвел лодку к берегу. Нос лодки с шуршанием уткнулся в траву. Потревоженная поверхность воды некоторое время успокаивалась, затем озерная гладь почти затихла, только слабые колебания воды еще несколько минут виднелись на зеркале лесного озерца.

Он вышел на берег, поднялся на пригорок и остановился у сосны. По солнечной стороне ствола стекала смола. Он принюхался – запаха не почувствовалось.

«Надо бы им сделать замечание», – подумал он и стал рассматривать сверху всё озеро.

Дальний берег был невысок и постепенно поднимался к полю, укрытому ковром разнообразных цветов. Отсюда он не мог различить, что за цветы распустились там, но по цвету пятен на зеленом фоне можно было догадаться о некоторых видах. Ближайший берег, круто ухотивший вверх, только отдельными площадками, был прикрыт, судя по темной зелени, скорее всего, ягодником. Редкие стройные сосны тянулись вверх, и на самом верху плоский пяточок, прогретый солнечными лучами, выделялся ярко-зеленым пятном на фоне светло-коричневых стволов. Всеобщая тишина изредка нарушалась жужжанием озабоченного шмеля, да где-то в лесу долбил дятел.

Он стоял и думал:

«Долго ли можно прожить одному в лесу? Летом, наверное, житьё может быть и сносным – ягоды да грибы есть, – а зимой без жилья, без еды сутки протянешь, не более. Да и ягоды и грибы ближе к осени появляются, а так хоть кору грызи...»

Две бабочки, то ли играя, то ли совершая неведомый ему ритуал, кружились в рваном хороводе, пропорхали рядом и исчезли в густой траве. Солнце поднялось выше, и теплый сухой воздух окутал его. Спокойствие и благодать царили во круг.

Справа над водой он прочел надпись:

«Внимание! Надвигается гроза. Просим занять точку возврата».

Он повертел головой и разглядел вдали за полем цветов черноту, которая, если смотреть на нее долго, заметно росла. Он постоял еще минут пять и спустился к лодке. Оттолкнувшись от берега, вскочил в свое суденышко, которое, покачиваясь сначала быстро, а затем всё замедляя ход, удалялось от берега. Когда он сел за вёсла, в воздухе почувствовалась предгрозовая духота и наступило глухое затишье, как будто всё живое попряталось и затаилось перед ненастьем. Раскаты далекого грома дошли до него, когда он был почти на месте.

Худенькая лаборантка в ярко-зеленом фирменном костюме освободила его от имитатора и, как положено по инструкции, без эмоций спросила:

– Как прошел сеанс?

Он, подражая ей, монотонно ответил:

– Сеанс прошел нормально, но грозу я не заказывал. Я буду жаловаться.

Лаборантка оживилась.

– Не волнуйтесь. Мы сейчас разберемся.

Она вызвала менеджера. Менеджер с озабоченным лицом объявился буквально через несколько секунд.

– Не волнуйтесь. Мы всё сейчас исправим. Слушаю вас.

Он повторил только что сказанные слова:

– Я грозу не заказывал. Я буду жаловаться.

– Грозу? – повторил менеджер. – Сейчас, сейчас. Один момент, – и исчез в боковом проходе.

Когда его повели к выходу, сзади он услышал знакомый

голос администратора:

– Мы всегда рады вам помочь. Такой клиент, такой клиент... – администратор догнал его и, поравнявшись, придерживая за локоть, буквально остановил. – Гроза – это эмоция. Мы-то с вами понимаем: без эмоций нет творчества. Гроза с громом – это сильная эмоция. Мы включили ее как премиальную опцию, специально для креативных клиентов. По условиям контракта, если клиент доволен, то мы имеем право на такие добавки. По времени процедуры у вас нет претензий?

Он, несколько утомленный напором администратора, ответил:

– Нет.

– Вот и чудненько! А гроза удачно вписалась? – снова спросил администратор.

– Да, – ответил он.

– Значит, все довольны. Претензий нет?

– Нет, – согласился он.

– А там с менеджером, я полагаю, вы пошутили?

– Да, пошутил, – ответил он.

– Вот и чудненько! – администратор проводил его до выхода и сдержанно попрощался.

Вечером он несколько раз пытался зарифмовать свое плавание на лодочке. Вспомнил грозу, но ничего хорошего в голову не пришло. Он даже немного испугался, сможет ли он после женских стихов что-то написать от себя, и подумал:

«Эти эксперименты с женским содержанием до добра не доведут – так и заказы можно потерять».

С твердой мыслью больше не рифмовать для этой дамы в черном он уснул.

А там наступил новый год. Начало января. Он уже полгода как «фазан», то есть перебрался в категорию «веселых ребят». Половина срока службы пролетела. Прошли тревоги и ожидания лишений и трудностей, осталась в прошлом саляжья суэта первого года службы. Появились кое-какой опыт и что-то вроде беззаботного существования в рамках армейской дисциплины. Его уже несколько раз назначали старшим наряда, и он уже сам учил молодых уму-разуму пограничной службы.

Сегодня с вечера мороз изрядно прихватил окрестности. Белёсый прозрачный туман проявился над намертво замерзшей рекой. Его и молодого назначили часовыми границы сразу после отбоя. Энергично поужинав и продумав, что наденет в наряд, он на своей табуретке разместился в коридоре казармы. Сегодня была суббота, и после бани и ужина показывали кино. Свободные от службы погранцы приготовились к просмотру. Киномеханик включил кинопроектор.

Это кино он смотрел уже в третий раз: первый – еще пацаном на гражданке и здесь второй. Черно-белые кадры мель-

кали на экране, где главный герой объяснял подчиненному, где должен быть командир в бою.

Фильм, как всегда, закончился трагично – главный герой погиб, – но оптимистичный артиллерийский обстрел врага вселял надежду на скорейшую победу наших. Кино закончилось. Коридор казармы опустел – пора было собираться в наряд.

Через несколько минут на нём, кроме нижнего белья и полевой армейской формы, оказались двое ватных штанов, бушлат и длиннющая шуба, аккуратно втиснутая в маскировочные белые штаны и накидку. Ноги обустроились в валенках на два размера больше, где поместились, помимо ног, домашние теплые носки плюс простые, обмотанные портянками. Всё это одежное сооружение оканчивалось шапкой-ушанкой и меховыми рукавицами.

Часовой границы – пожалуй, самая скучная служба. Ходишь себе туда и сюда по длинной тропочке с километр и бдишь, чтобы границу никто не нарушал. За шесть или восемь часов ноги обтопчешь о ту тропинку, поэтому для экономии организма устраивали наряды лежки. Местечко удобное определишь и лежишь себе, наблюдаешь за обстановкой. Летом-то хорошо, тепло, только комарьё дикое одолевает, а зимой холод угнетает изрядно.

Вышел он с младшим на тропинку, по льду проложенную. Прошлись они маленько после теплого помещения и залегли за льдинкой небольшой. После такого одевания жара в теле

большая образовалась – отдышаться необходимо было. Лежат они, а тепло постепенно уходит, и пора бы встать, пройтись, да нет желания по холодрыге лютой бродить: апатия подкрадывается вредная, перемерзнуть можно запросто.

Первым делом мороз по рукам проходится – пальцы болят, деваться некуда, встаешь и машешь руками, словно мельница крыльями, пока кровь в пальцы не проникнет и тепло из центра организма к ним не проскользнет. А уж как ноги примерзнут, то беда. Ходить и ходить надо по тропе, может, даже бегом заняться, если только движение в раскачку бегом назвать можно. После такой «физкультуры» вместе с разогревом усталость приходит – опять полежать требуется. А красота вокруг разворачивается.

Луна полная в небе сверкает. Окрест белая пустыня с ледяными торосами, и только не наш далекий берег чернеет, но и наш родной косогором к селу поднимается. Небо черно, черно со звездами, и под сиянием лунным пейзаж какой-то фантастический, завораживающий видится, словно и не на земле ты, а где-то на другой планете, и собственный вид твой во всём белом космонавта напоминает в скафандре. Видимость прекрасная – почти весь охраняемый участок виден, и пока вторично не замерз, наслаждаешься красотой такой службы.

Второе замерзание часа через два наступает. Оно гораздо серьезнее первого. Некоторая тоска по возвращению в тепло в голове крутится, а служить еще ого сколько осталось!

Это психологическое неудобство не подвигает организм на «физкультурные подвиги», а разогреваться как-то надо, движения включать, а настроение уже не то, не такое теплое, как в самом начале. Уже думается: «Может, дотянешь до конца и без этих изнурений тела и мышц?»

– Не дотянешь, – сам себе отвечаешь и за работу принимаешься, то есть движениями стараешься согреться.

Среди погранцов бытовало такое соображение о степени замерзания: первая степень – это когда мизинец с большим пальцем не свести; вторая – это уж когда указательный к большому с трудом подводишь, а по третьей степени считалось, что весь организм промерз и только еще один мозг работает и слегка соображает, как бы окончательно не окочуриться.

Вот так наслужишься – и такая радость наступает, когда последние четверть часа остаются и можно к заставе двинуться! Мороз уже не страшен – знаешь, что сейчас отогреться и ночной ужин ждет тебя перед сном, который в армии почему-то отдыхом называется.

На берег поднялся, оружие разрядил, доложил, что положено, и в раздевалку ввалился – и вот оно, счастье! С удовольствием скидываешь с себя всё, что ранее, несколько часов тому назад, напялил. Правда, руки вначале мерзлые не очень слушаются, да это явление крайне короткое. Тишина и тепло, застава спит, за исключением других нарядов, и ждет тебя не дождетя ночной ужин. Черпаешь на кухне супчика

горяченького, а если вернулся до трех ночи и более ранние едоки мясо не выловили из большой кастрюли, то и мясца кусок достанется. Ублажаешь еще не совсем замерзшее тело – и тепло разливается, и в благолепии пребываешь, потому как впереди положен тебе заслуженный отдых.

Стали жаловаться ночные наряды: последним мясо не достается. Повару эти претензии надоели, и решил он проблему кардинально. Мясо супное через мясорубку пропустил и назад в кастрюлю вернул. Сколько ни черпай – всю мясную взвесь не вычерпаешь, более-менее справедливость получилась. Повар свое новшество не обнародовал, решил испытания своей новации в реальных условиях провести. Явился первый ночной наряд на ужин, к кастрюле сунулся, черпаком гремит, не унимается, а повар сидит на кухне и эдак ехидно улыбается – ждет реакции страждущих свой кусок мяса найти. Оторвался старший наряда от кастрюли и спрашивает серьезно повара:

– Слушай... – фамилию повара называет, – ... у тебя «скафандра» есть?

Не ожидал повар такого вопроса, с ходу не сообразил, что на шуточку нарвался, и вопросом отвечает:

– А зачем тебе «скафандра»?

А в ответ:

– Чтобы твое мясо в кастрюле выловить.

Шутку оценили. Объяснил повар, что мясо в супе равномерно распределено путем мясорубочной обработки. Но не

прижилось новшество. Вернулись к традиции: кто раньше пришел, тому и мясо. Это уж как судьба распорядится: как в наряд отправят – такая и судьба у тебя мясная будет.

А здесь утро выдалось свежее, с порывистым ветром. К обеду облака разогнало, появилось блестящее солнце поздней осени. К вечеру легкий морозец окончательно подсушил всю слякотную обстановку предзимья.

Настроение у него сложилось весьма неплохое. В контору он уже с неделю не заявлялся. Рекламные дела его не тревожили, а женские рифмы он постарался выбросить из головы. Только одно обстоятельство его немного беспокоило: он не рифмовал.

«Это пройдет, – так он говорил сам себе. – Надо переключиться на что-нибудь другое, других почитать, наконец-то, не дергаться – и всё наладится».

Он бесцельно бродил по знакомым местам, зашел в кафешку, где последний раз общался с этой дамой в черном. Продавщица узнала его, приготовила, как всегда, чашку кофе и грустно заметила:

– Вы удачно зашли: сегодня последний день. Закрываемся до весны.

– Да, – ответил он. – Пора, зима на носу.

Он расположился за тем же столом, когда был здесь в по-

следний раз. Попивая мелкими глотками кофе, наблюдал за качающимися на ветру темными, без листьев, деревьями и подумал:

«Эх, зима! Длинная ты у нас. Наступишь, холодом обдашь – где согреться? Забегу к администратору, закажу себе лето ребячье с купаниями, беготней и загаром до облезания кожи на плечах».

– А ваша дама заходила раза два сюда, – произнесла продавщица, когда он собрался уходить. – Спрашивала, как можно вас найти.

– Да? – удивился он.

– Я ей ничего не сказала. Мы своих клиентов без разрешения не отслеживаем и не выдаем.

– Правильно, конечно, – согласился он и спросил: – А что она хотела?

– Не знаю. Хотела узнать, как вас найти, и всё, – ответила продавщица.

Он, попрощавшись, вышел в сумерки и вернулся домой, когда было уже темно.

Ночью его разбудил телефон.

«Опять я забыл отключить его, – подумал он, протягивая руку к трубке. – Может быть, не отвечать – и там успокоятся».

Но вызов – этот противный визг – не утихал.

– Ну наконец-то, где вы пропадаете? – голос в трубке был свеж и возмутительно напорист.

Он включил настольную лампу и посмотрел на часы.

«Двенадцать ночи! Это кто же такой ”умный“ орет мне в трубку?» – подумал он и ответил:

– Алё.

– Не алё, а добрый вечер! – напирал абонент. – Почему вы к нам не заходите? Столько заказов – голова кругом идет.

И только по этой фразе он узнал голос молодого хозяина.

– Сейчас ночь. Двенадцать. Мы могли бы отложить разговор до утра? – ответил он.

– Ни в коем случае! – заволновался хозяин. – Текст нужен к утру.

– Вы сумасшедший, – вырвалось у него, но он тут же поправился. – То есть я хотел сказать, что это нереально. Дайте хотя бы полдня!

– Вы поэт или как...? – снова возопил хозяин. – У вас вся ночь впереди. Великие за ночь целые поэмы писали, а тут всего лишь несколько строк о памперсах! – Он замолчал, ожидая ответа автора.

– Я не в форме, – буркнул автор.

– Нет, нет и нет! – хозяин перешел на крик. – Считайте, что я этого не слышал! Вы на работе и должны всегда быть в форме!

– На работе в двенадцать часов ночи? – возмутился автор.

– Да, именно в двенадцать! В двенадцать самое творчество и начинается! – настаивал хозяин.

– А что, больше исполнителей в окрестностях нет? Пе-

ремерли от поэтического напряжения? – пытался сопротивляться автор.

– Предлагаю завершить прения. Спрашиваю в последний раз: беретесь? – зло спросил хозяин.

– Оплата? – спросил автор.

– Коэффициент два с половиной, – ответил хозяин и замолчал в ожидании ответа.

– Хорошо, – согласился автор. – В девять я буду у вас, – и положил трубку.

Несколько минут он лежал не двигаясь, пытаясь дисциплинировать мысли о памперсах. Потом закрыл глаза и медленно начал рифмовать:

Мочимся мы с первых дней:
Кто потише, кто сильней —
Всё зависит от здоровья мочевого пузыря.
Заходите к нам скорее – памперс купите не зря.

Жидкость в нём не протекает,
Деньги трачены – не в счет.
Вы получите удобство,
Без него – наоборот.

Ночью, днем ли – беспокойство
И сплошные вам расстройства,
Мокрота во всех местах,
Постоянный нервный страх.

Памперс будет вашим другом:
Вас нигде он не предаст,
Попрощаетесь с испугом —
Он спокойствие вам даст.

Он записал текст на листе бумаги, еще некоторое время пытался найти рифму к слову «памперс», подумал:

«Вроде бы рифмы восстанавливаются», – и с этой мыслью уснул.

Утром в девять он сидел за приставным столом в кабинете у хозяина и ждал оценки своего памперсного произведения.

Хозяин по мере вчитывания в текст всё более и более хмурился. Минуты через две растерянное лицо его вызвало у автора некоторую жалость к нему и одновременно – опасение возможного последующего взрыва начальственно-го гнева. Хозяин нервно встал из-за стола, раза два прошелся вдоль окна. Что-то буркнул про себя, кивая на оставленные за окном рвы и ямы, и наконец-то его голос прорезался откуда-то из самых сокровенных глубин сознания:

– Это никуда не годится! Ни-ку-да... – последнее слово он произнес по слогам, как будто вбивал эти звуки во что-то твердое. – Ни-ку-да... – он повторил этот эмоциональный приемчик. – Небось всю ночь продряхли, а это, – он кинул взгляд на текст, – за пять минут накропали?

Автор молча пожал плечами.

– Вы хоть понимаете, что этот ваш болезненный мочевой пузырь вызывает неприятные ассоциации? А где радость ро-

дителей? Где сухая попка ребенка? Где комфорт, наконец?

Автор молча во второй раз пожал плечами и, чуть сгорбившись, опустил голову.

– Вы просто нас зарезали! Просто зарезали наповал! – хозяин посмотрел на часы. – Сейчас, вот сейчас начнутся звонки. Что мы им предоставим? Мочевой пузырь?

Вошла секретарша.

– Они называют каждые пять минут. Что им сказать?

– Скажите, что автор стоит в пробке.

– Им кто-то сказал, что автор уже здесь, – ответила секретарша.

– Безобразие! – взорвался хозяин. – Немедленно уволить! Немедленно! Кто это сделал? Ренегат паршивый! Выяснили, кто нас предал?

– Выясняем, – спокойно ответила секретарша.

– Вот-вот. Выясните и ко мне срочно.

– А что же мне им ответить? – спросила секретарша.

– Скажите им... – хозяин заметался по кабинету. – Скажите же что-нибудь... Скажите, что у автора диарея, что он внезапно заболел и сидит в туалете.

Секретарша удалилась.

– Всё, хватит эмоций, – хозяин сел за стол. – Будем работать вместе. – Он почесал лоб и выдал из себя первую строчку:

– В комфорте будет ваш ребенок...

Он повторил несколько раз эту фразу и почти крикнул:
– Не сидите же сиднем! Помогайте!

Автор ожил и произнес:

– В комфорте будет ваш ребенок —
Наш памперс нужен вам с пеленок.
Сухая попка – идеал...

Он задумался, подбирая рифму. Хозяин не выдержал и рявкнул:

– Купите, чёрт бы вас побрал! – и тут же уже примирительно добавил: – Извините, вырвалось. Продолжайте, продолжайте.

Дверь приоткрылась, и испуганная голова секретарши произнесла:

– Сам на связи. По красному. Обеспокоен, – и шепотом добавила: – Будете говорить?

– Да, – раздраженно ответил хозяин и взял трубку. – Да-да. Работаем... Шлифуем текст... Что вы говорите?.. Черновик? Да-да... Мой секретарь продиктует.

Хозяин положил трубку и обратился к секретарше:

– Продиктуйте ему это, только как можно медленнее. Ссылайтесь на непонятный почерк. Там, где мочевого пузыря, пропустите.

Секретарша подхватила листок и скрылась за дверью.

– Всё. Отступать больше некуда. Работайте! – хозяин гроз-

но посмотрел на автора.

Тот заерзал на стуле и скороговоркой изрек:

– Ребенок с попкою сухой —
Мечта родителя любого.
Подскажем выход вам простой:
Пусть памперс будет вам обновой.

– Хорошо, хорошо. Продолжайте, – энергично произнес хозяин.

Автор увел взгляд куда-то в угол кабинета и, чуть раскачиваясь в рифму, прочел:

Наш памперс вам комфорт доставит,
Ребенку вашему – уют,
От плача вечного избавит —
Купите памперс прямо тут!

Хозяин от последней строчки немного поморщился, но усилием воли изобразил на лице доброжелательную улыбку.

– Совсем хорошо! Еще одно усилие, еще один рывок – и мы у цели, а потом будет большой отдых и гонорар. Вперед к успеху! Дерзайте, поэт! – последние несколько слов он произнес торжественно, словно с трибуны большого собрания.

Автор закрыл глаза и нараспев продекламировал:

– В комфорте будет ваш ребенок,
Какое счастье – без пеленок!

Купите памперс здесь, у нас,
Сухая попка – просто класс!

– Великолепно! – обрадованно вскрикнул хозяин. – Ведь можете, когда захотите! Какие же вы вредные, поэты! Какие-то страсти вам нужны для вдохновения? Без стрессов творить не можете! Ну вот... – его слова прервала ворвавшаяся в кабинет секретарша:

– Они берут всё! Говорят, им подходит.

– Что им подходит? – растерянно спросил хозяин.

– Всё-всё, и мочевого пузыря тоже.

– То есть они довольны? – еще не веря ее словам, переспросил хозяин.

– Они говорят, что гениально. Извините, но они настаивали, и я прочла всё.

– Так что, мы здесь зря? – хозяин в недоумении посмотрел на автора.

Секретарша, подражая хозяину, перевела взгляд на автора, а он, скрестив руки на груди, сделал вид, что с любопытством осматривает потолок кабинета, словно впервые попал сюда.

– Спасибо, – сухо произнес хозяин секретарше и добавил: – Вы свободны.

Когда секретарша удалилась, они еще несколько минут сидели молча. Первым заговорил хозяин:

– Сегодня первый день, как не гремят. Разрыли всё. Хо-

дим по жердочкам. Говорят, что так с канавами оставят в зиму.

Автор молча кивнул головой.

– Устали? – сочувственно спросил хозяин.

Автор пожал плечами и, кашлянув, ответил:

– Странно: зачем они разрыли?

– Да, странно, – уныло согласился хозяин и добавил: –

Кстати, недельки через три, не раньше, тема одна может появиться.

– Интересно, – произнес автор.

– Что-то о похудании, то есть вечная борьба с излишним весом.

– При помощи таблеток? – спросил автор.

– Наверное, по-разному, – ответил хозяин. – Так что в случае чего будьте готовы заранее.

– Вы опять позвоните в двенадцать ночи? – иронично спросил автор.

– Нет, что вы! Я же предупредил вас заранее.

– Ну да, – согласился автор.

Они снова замолчали, как будто прислушиваясь: не захочет ли что-либо там, снаружи?

– Хорошо, будем подводить итоги, – хозяин встал из-за стола.

Автор кивнул головой.

– Итак, первый вариант у нас имеется, – хозяин сосредоточился. – Имеем шестнадцать строк. Умножаем на коэффи-

циент, получаем, – он в уме сосчитал и произнес: – Получаем сорок на двадцать – восемьсот благ. Так вы согласны? – обратился он к автору.

Автор молчал, как будто не услышал хозяина.

– Так как? Восемьсот благ – хорошая сумма. Как договаривались. Вы слышите меня?

– Да, – произнес автор. – Но мы же еще работали. Нарботали три куплета по четыре строки, и один куплет из-за вас пошел в брак. Итого: трижды четыре – двенадцать, плюс три строки из брака. Всего пятнадцать строк. Если, как договаривались, то еще... – автор посчитал: – Пятнадцать на двадцать, на два с половиной, получается семьсот пятьдесят благ. Тогда с вас всего тысяча пятьсот пятьдесят благ.

– Ну, это вы уж слишком! – изумился хозяин. – Полторы тысячи за... – он попытался подобрать какое-нибудь пустячное определение и произнес: – За эти рифмочки? Нет, так дела не делаются. Предлагаю эти пятнадцать строк взять без коэффициента, по двадцать. Итого: плюс триста, да за первые – восемьсот. Всего тысяча сто благ. Это справедливая цена. Тем более что вы работали прямо у меня в кабинете – так сказать, под моим патронажем. Я понимаю: вы творец, но чувство меры мы же должны иметь! Текст в корзину – для меня в убыток.

Автор покачал головой и тактично заметил:

– Раз вы считаете мою дополнительную работу под вашим патронажем, тогда предлагаю семьсот пятьдесят поде-

лить пополам. Триста семьдесят пять благ вам, остальное мне. Тогда с вас всего тысяча сто семьдесят пять, и не будем спорить о каких-то семидесяти пяти благах.

– Чёрт с вами, – подвел итог хозяин. – Завтра в кассе извольте получить. Но это еще не всё. Я обязан вас предупредить, что с пятнадцатого центр меняет форму лицензии. Так что «похудательный» заказ вы еще успеете выполнить, а вот о следующих придется позаботиться. Имейте это в виду.

Автор встал и равнодушно ответил:

– Буду иметь, – и на прощание неожиданно произнес загадочную фразу: – Не стоит торопиться, когда не видно света. Прощайте, – и тихо удалился из кабинета.

Когда он оказался снаружи, уже наступил полдень.

«Где-то надо перекусить и обдумать эту случайную фразу, – подумал он. – Что это на меня нашло? Хотел, наверное, выглядеть чересчур умным».

Город суетился. Предзимье располагало к ускорению всех процессов. Что-то следовало доделать, ранее отложенное из-за городского, ленивого жаркого лета и вялотекущей осени. Что-то успеть начать и закончить до новогодних праздников, к тому же похолодание не давало расслабиться на городских улицах. В такие дни казалось, что время ускорилося, и как-то незаметно быстро и неотвратно приближался Новый год.

«Зима зимою, а лицензию надо поменять, – от этой мысли ему стало неуютно и противно. – Опять надо идти в этот дурацкий центр или... Никаких “или”, – решил он. – Стиснем

зубы и завтра же, не откладывая это дело, в центр».

Поздно ночью его снова разбудил знакомый телефонный визг. Он ответил:

– Алё.

– Ты не спишь, добрый друг? – услышал он в трубке.

– Это кто говорит? – спросонья он плохо соображал.

– Друг, который тоже не спит, – услышал он в ответ.

– Какой друг? – спросил он и пожалел, что ввязался в разговор.

– Ваш незнакомый друг. У вас же мало друзей, раз вы со мной заговорили.

– У меня много друзей, – грубо возразил он.

– Только не бросайте трубку, – незнакомый голос задрожал.

Ему показалось, что человек, там где-то, страдает.

– Я слушаю, – ответил он, а про себя подумал: «Я полный идиот! Неизвестно ради чего я с ним заговорил!»

– Разве вам не хочется иногда кому-нибудь выговориться? – спросил голос.

Он подумал и ответил:

– Иногда хочется, но не ночью.

– Извините, я не хотел, – голос успокоился. – Но с вечера вы единственный, кто мне нормально ответил.

– Что у вас стряслось? – спросил он, желая поскорее закончить разговор.

Голос, усмехнувшись, повторил вопрос:

– Стряслось? Можно сказать и так. Стряслось...

Возникла неожиданная пауза. Он зажег настольную лампу

– стрелки на часах совпали ровно на двенадцати.

«Это какая-то мистика,! – подумал он. – Вторая подряд ночь с полуночными сюрпризами!»

– Так что же у вас произошло?

– Я потерял цель, – услышал он в ответ.

– А где вы ее хранили? – спросил он.

– Хранили? – переспросил голос.

– Ну да, хранили, – повторил он. – Я вот недавно потерял вдохновение, два дня искал, еле нашел.

– Вы шутите? – обидчиво спросил голос.

– Нет, – твердо ответил он. – Я действительно его потерял, а потом случайно нашел.

– Вы не поняли меня. Я потерял не вещь. Я потерял... как бы вам это объяснить? – голос задумался. – Я потерял не материальный предмет. Вы понимаете меня?

– Я прекрасно вас понял: вы потеряли цель. Так я и спросил вас: где вы ее хранили?

Голос около минуты молчал.

– Теперь я понял вас. Вы хотели спросить, в каком месте, то есть уголке сознания находилась моя цель?

– Что-то вроде того, – подтвердил он.

– Но разве могу я это знать? Мозг – очень сложная штука. Разве вы знаете, где находится ваше вдохновение?

– Знаю, – ответил он. – По крайней мере, мне точно из-

вестно, что там лежит рядом.

– Да? – удивился голос.

– А как же вы думали? Так должно быть у всех, если они... – он хотел сказать «нормальные», но сказал: – Если они думающие люди.

– Вы думаете, что я недумающий? – тревожно спросил голос.

Он ответил:

– Я этого не говорил. Вот, послушайте: у меня рядом с вдохновением лежат эмоции – малые и большие. Я покопался среди них, вытащил самую сильную – глядь, а под ней вдохновение валяется без дела.

Голос молчал.

– Вы замолчали. Почему? – спросил он.

Голос ответил:

– Пытаюсь определиться с сопутствующими цели предметами.

– Что-нибудь нашли?

– Кажется, да...

– И что же, если не секрет?

– Вот, рядом со средствами, трудолюбием, настойчивостью...

– Да, так вы и без меня до цели доберетесь, – ответил он.

– Да, – согласился голос.

– Значит, теперь всё в порядке? – спросил он.

– Я думаю, да, – еще с некоторыми сомнениями ответил

голос.

– Тогда до свидания, – сказал он. – Только не спрашивайте себя зачем.

– Обещаю, – сказал голос и добавил: – Спасибо.

Он положил трубку и взглянул на часы. Ночная беседа длилась ровно десять минут. Он снова вспомнил эту странную фразу: «Не стоит торопиться, когда не видно света», – и подумал, что надо ее чуть изменить: «Не стоит торопиться, когда в конце не видно света».

– А что дальше? – спросил он сам себя и ответил: – Дальше надо сменить бланк лицензии. Во что бы то ни стало добить этот поганый центр!

А там он ползал по-пластунски с отделением таких же будущих погранцов, и каждый раз сержант заставлял их выровнять цепь, если кто-то вырывался вперед и застывал в пожухлой траве по команде «стой!».

Ему надоело каждый раз подползать вперед на метр-полтора, чтобы быть вровень с передним. При очередном ползанье он рванул вперед и застыл метрах в двух впереди всех остальных. Идея его была проста: нечего было кому-то показывать свою прыть. Пусть теперь выравниваются по нему.

Но сержант не оценил его замысла и скомандовал:

– Рядовой такой-то, выровняться по-пластунски!

Пришлось, тихо поругивая себя, ползти назад к остальным.

Эти «маневры» назывались тактическими занятиями. Когда им объявили в первый раз, что у них будут тактические занятия, он подумал:

«Это хорошо: в классе посидеть за картой местности».

Но он ошибся. Тактика оказалась полевой. Пришлось бегать, ползать, окапываться, занимать рубежи, надевать противогаз и специальную одежду химической защиты. Муторной вещью оказалась эта тактика, и к тому же грязной.

Строевая подготовка – еще ничего: топай, ногу тяни, повороты правильно исполняй и строй соблюдай. Это гораздо легче, чем ползать и окапываться. А самым любимым занятием оказалась стрельба. Он сразу усвоил: стрелять надобно как следует. Для начала им дали стрельнуть из карабина. Он с первого выстрела угодил в ростовую мишень. Ему это понравилось, и навык спокойного, плавного движения указательного пальца правой руки ему пригодился на весь срок службы. В дальнейшем на заставе за стрельбу у него одни отличные оценки получались. Некоторые товарищи считали, что его оружие лучше пристреляно, чем свое, и брали его автомат на стрельбище, как бы «напрокат». За это из благодарности его оружие иногда чистили, а он отдыхал.

А сейчас он полз и думал: «Сколько надо проползти, чтобы стать настоящим солдатом?»

Кто-то из его сотоварищей был другого мнения – считал,

что это занятие совершенно бесполезное, потому как, если случится настоящее дело и пули вокруг свистеть будут, поневоле сам, как змея, не поднимая головы, ползать начнешь. Сержант придерживался других установок и тренировал молодежь почти каждый день.

После первых трех выстрелов из карабина им довелось пострелять из автомата. Это совсем другая стрельба. Учили их стрелять короткими очередями – не более двух патронов. Объяснили, что вторая пуля из-за этой штуки – «дери-вации» – в цель не летит, и получалось, что учили экономной стрельбе. Не все это принимали, считали дурью отсекаль спусковым крючком два выстрела, когда можно автомат поставить в режим одиночной стрельбы. Только потом он сам додумал, что в реальном бою некогда думать о переключателе режимов. Там кто первый – тот и победитель.

На заставе стреляли много и по-разному. Ночью тренировались с подсветкой при помощи ракеты и с ночным прицелом.

Днем по разным мишеням стреляли, в том числе по движущимся. Так что после трех лет службы стреляльщик из него получился отличный. После такой практики он с большим недоверием посматривал на кинобоевики, где «асы» стрельбы без прицеливания попадали в мух или еще в какие-то мелкие предметы. Не очень-то этому верилось.

А на втором году службы его автоматом уже никто, кроме него, не пользовался. Молодежь стрелять неплохо научи-

лась, а новые салаги ни у «дедов», ни у «фазанов» автоматы на стрельбище не просили – стеснялись, наверное.

Автомат наш считался одним из лучших в мировом масштабе: безотказный, простой в обращении и стрелял отлично. Ходить с ним на службу было приятно: чувствуешь себя с оружием значительной личностью – и серьезность с ответственностью у вчерашних пацанов появляются. Еще он, автомат, и смелости прибавлял, когда в ночную темень по тропе движешься: видимость паршивая, чуть где хрустнет – останавливаешься, прислушиваешься, какое-то напряжение возникает нервное. А когда автомат рядом, страхи исчезают. Автомат – оружие серьезное, и отношение к нему должно быть уважительное. Это он усвоил с первого знакомства с этим изделием: не любит оружие балаболов разных, которых потом, гораздо позже, вокруг автомата развелось видимо-невидимо. Стреляют как попало и куда попало – одна видимость и никакой серьезности.

А сейчас он учился окапываться, лежа окопчик рыл саперной лопаткой. Дерн отковырял кое-как, заглубился на штык, не больше, огляделся – остальные в том же темпе в земле роются. Сержант по цепочке прохаживается, наблюдает и подсказывает, как действовать надо.

Он дерн вперед уложил аккуратно, щель для стрельбы организовал. Сержант похвалил: молодец, мол, рядовой такой-то! А рядовой чуть было в ответ не крикнул лежа: «Служу, мол...» – но подумал: «Может, лежа так не делают?» –

и не ответил.

Новобранцы в первую же неделю военные словечки освоили: «так точно», «никак нет», «разрешите обратиться». У него эта словесная простота как-то с трудом ото рта отскакивала. Что-то некомфортно получалось вместо «нет» «никак нет» произносить. Это неудобство он испытывал до самого конца учебки, и еще многого не понимал. Например, не понимал, зачем погранцу иметь четкий строевой шаг, поэтому когда серьезный седой майор спросил его, желает ли он попасть в школу сержантов, он категорически отказался. Удивленный майор спросил его как-то не по-военному:

– Почему?

Он четко сформулировал ответ:

– Не могу командовать людьми.

Майор махнул рукой и спросил, уже обращаясь на «вы»:

– А куда же вы хотите, рядовой, попасть после учебной роты?

– На заставу, – ответил он.

– Будет тебе заставка, – услышал он в ответ.

На заставу их доставили ночью на барже. Поселили – то есть распределили по койкам, – и тревожная радость разлилась в сердце его. Кончилось неудобство учебной роты – жизнь в палатках с утренними пробежками, борьбой с дерном при помощи саперной лопатки, шаганием по размеченным квадратам, – и, как представлялось ему, начиналась новая жизнь – настоящие пограничные будни.

На заставе они, салаги, обнаружили тишину и какой-то домашний уют. В деревянном одноэтажном здании фактически не было огромной казармы. Пограницы размещались в небольших комнатках с печным отоплением. Там, где его поселили, коек всего-то было штук десять, три из которых были заняты спящими, остальные свободны и заправлены по уставу. Утром, проснувшись, он обнаружил ту же картину, только спящие наблюдались уже на других местах. А вечером он пошел в первый свой наряд, и ему сильно повезло: старшим наряда у него оказался «дед», его тезка, и наряд был несложный – секрет, – да и погода осенняя еще не была мокрой и холодной.

А здесь центр лицензирования искусств встретил его скучной тишиной. Он, конечно, понимал, что скучная тишина – это всего лишь его субъективная эмоция: на самом деле в здании полно чиновников и что-то здесь делается, крутится, готовятся бумаги и решаются проблемы творческих людей, в том числе и таких как он.

В вестибюле успели оборудовать проходную с турникетом, и строгая тетка в полувоенной форме равнодушно следила за входящими. Он дождался, когда возле проходной образовалась пустота, хотел двинуться вперед, но странная робость охватила его, словно кто-то насильно подталкивал его сзади, а в голове мелькнула мысль: может, не ходить туда?

«Вот уж не первый раз иду сюда, а никак не привыкну», – подумал он, заставил себя улыбнуться и бодрым шагом под-

рулил к тетке.

Он вспомнил, что каждый раз делал одну и ту же ошибку – здоровался и спрашивал, можно ли пройти. Теперь он решил действовать иначе. Он сделал серьезное, почти угрюмое лицо, сделал его сосредоточенным никак не меньше, чем, на мировых проблемах, и, не глядя на тетку, уверенным движением руки повернул турникет.

– Дедуля, вы куда? А пропуск? – услышал он грозный голос тетки.

Не обращая на нее внимания и не замедляя темпа движения, он прошел первое препятствие и энергично поднялся по лестнице на второй этаж. Краем глаза заметил растерянные, суетливые попытки тетки организовать погоню. Она что-то дергала у турникета и явно готовилась броситься за ним. Он не стал испытывать судьбу и стремглав рванул вправо по коридору. Мельком разглядев табличку с надписью «туалет», ворвался туда и спрятался в кабинке. Сердце прыгало в груди, и ему пришлось с минуту восстанавливать нормальное дыхание, затем он услышал торопливые шаги и голоса.

– Фу, это невозможно – так долго совещаться... Ужас!

– Эдак здоровье можно повредить.

В кабинках синхронно хлопнули двери.

– «Усилить работу с клиентами». Ты слышала это? – первый голос вышел из кабинки.

Друг за другом сработали сливы.

– Да, – подтвердил второй голос. – Они думают, что мы

сидим без дела.

– Сами же затеяли замену форм.

Кто-то открыл кран. В раковинах зашумела вода.

– Твой вообще... Продлить работу отделов до восьми.

Псих ненормальный!

Шум воды прекратился. Он затаился и стоял не шелохнувшись.

– Слава богу! Сократ – голова. А то бы до сих пор сидели!

– Да, умница этот Сократ! Ведь так просто – новые образцы вводить по мере обращения.

Он скорее почувствовал, чем понял, что речь идет о лицензиях, и машинально переступил с ноги на ногу.

– Там кто-то есть, – шепотом произнес один из голосов.

Он почти перестал дышать.

– Тс-с... – прошипел второй голос.

– Кнопка, это ты, что ли?

Он решил стоять насмерть.

– Да ну, никого там нет.

Снаружи ручку его кабинки дернули два раза.

– Закрыто изнутри, – услышал он шепот.

Некоторое время он еще слышал какие-то шорохи, затем хлопнула входная дверь и всё затихло. Минуты две он выждал, тихонько открыл дверь и выскользнул в коридор. Обернувшись, он увидел женский знак, выругался про себя и наобум двинулся по коридору.

Он шел, читал таблички с незнакомыми фамилиями, ли-

хорадожно пытаюсь вспомнить, где здесь находится приемная. Ему очень хотелось убедиться в правоте своей догадки: ему не надо менять бланк лицензии, но, даже еще не убедившись в этом, он уже был частично счастлив.

– Ой! – неожиданно из дверей вылетела пожилая дама с круглым веселым лицом. – Ой! – повторила она, случайно загородив ему дорогу. – Ой! А я вас узнала.

Он испуганно отшатнулся от нее.

– Вы поэт... – она назвала его имя. – Мне надо срочно поговорить с вами. – Она оттеснила его к стене и заговорщицки продолжила: – Я пишу. Пишу тайно. Я знаю: только вы сможете мне дать правильный совет!

Он попытался что-то возразить, но было уже поздно: дама, уцепившись пальчиками правой руки за его черную пуговицу на пальто, активно ее покручивала и шепотом продекламировала:

– Осень краски распустила —
Хочет нас порадовать.
Но и лето не забыло
Зеленью поглядывать.
Ей не стоит нас смущать —
Лето будет погибать...

Он начал опасаться за свою пуговицу, но сзади была стена и отступить было некуда. А дама с придыханием шептала следующие строчки:

– Уходить подальше будет —
Осень лето не забудет.
И глядишь – уже зима
Из ветвей глядит сама.

Дама прекратила крутить пуговицу, и он немного успокоился.

– Ну как? – спросила она.

– Хорошо, – сразу ответил он.

– В смысле поэзии? – переспросила дама.

– Во всех смыслах, – ответил он.

– Я имею в виду чувства! – не унималась дама.

– Да, и чувства хорошие, – ответил он и неожиданно спросил: – Вы знаете Сократа?

– Странно. Вы не знаете Сократа? – удивилась дама. – Это такой... Такой древний диссидент. Он там как-то против был... – она хотела еще что-то вспомнить о Сократе, но он перебил ее:

– Простите, я имел в виду вашего, местного Сократа.

– Ой! Это вы про Сократика... Да вот он идет-вышагивает, – и она показала на одинокую фигуру в дальнем конце коридора.

«Мне сегодня везет как никогда», – подумал он и решительно выскользнул из-за дамы.

Сократ не спеша приближался. Лицо его было полно размышлений. Серый невзрачный свитер и слегка помятые тем-

ные брюки говорили о том, что «философ» пренебрегает административным аккуратизмом и его следует брать нахрапом, без предварительной подготовки.

Когда «философ» приблизился настолько, что можно было начать маневр, его пронзила обескураживающая мысль. Он не знает, как зовут этого Сократа! Он обернулся и, не обнаружив местной поэтессы, остался один на один со странной личностью.

– Скажите: где здесь туалет? – задал он стандартный вопрос, и Сократ положительно на него отреагировал.

Во-первых, он остановился. Это было большой удачей – остановить в административном коридоре местного жителя. Во-вторых, Сократ стал вертеть головой, определяя на местности, где он находится. Заставить административного работника вертеть головой – это суперудача! А в-третьих, Сократ хотя бы мельком обратил внимание на спрашивающего, что является великим достижением посетителя.

– Туалет? – рассеянно повторил вопрос «философ».

– Да, кстати, вы не знаете: надо ли менять лицензию, если она еще не закончилась?

– Лицензию? – переспросил «философ», забыв про туалет. Он наконец-то сосредоточился на посетителе, и лицо его приняло деловой вид. – Лицензию, – «философ» снова повторил это слово и добавил: – Вам надо обратиться в канцелярию. Так, где же у нас канцелярия?

Он с ужасом понял, что, задав вопрос о лицензии, совер-

шил грубейшую ошибку и что сейчас его пошлют.

– Нет-нет, канцелярия мне не нужна, – резко возразил он. – Мне сказали, что вы наилучший знаток тенденций лицензирования в обозримой перспективе. Вас мне рекомендовал профессор... – и он назвал первое пришедшее в голову имя.

«Философ» насторожился. Он, видимо, перебирал в памяти знакомых профессоров и, не найдя произнесенного имени, растерялся, но, не подавая вида, спросил:

– Вас интересуют тенденции рецессионные или стагнирующие?

Посетитель в ответ выпалил:

– И то и другое.

– Вы знаете... Впрочем, что же мы здесь, в коридоре? Может быть, пройдем ко мне?

– С большим удовольствием, – ответил он.

– Покорнейше прошу, – «философ» увлек его за собой. – А, собственно, с кем имею честь...? – Сократ шагал рядом, стараясь держаться несколько сбоку и сзади.

– Литератор... – он назвал свою фамилию и специально добавил: – Редакционная коллегия поручила уточнить кое-какие детали.

– Понимаю, понимаю. Писательский труд сложен и важен, – «философ» размышлял. – Но, я полагаю, и лицензирование творческого процесса – не менее важное занятие и явно сродни литературному поприщу.

– Да, – согласился он. – Поприщ много, и лицензиат креативничать просто обязан и быть всегда в форме.

– Вы совершенно правы, – поддержал эту мысль «философ». Творить добро среди искусств – это великая миссия.

Не прерывая размеренную беседу, они добрались до двери в конце коридора.

– Прошу, – «философ» жестом пригласил его войти.

Малюсенький кабинет Сократа напоминал склад документов, который, как могло показаться, находился в процессе постоянного переезда. Как Сократ ориентировался в этих разрозненных пачках бумаг, понять постороннему человеку было сложно.

«Философ» протиснулся к столу, на котором бумажный хаос вызывал одновременно и удивление, и недоумение, – только в самом центре оставался маленький свободный островок, не заваленный стопками бумаг вперемешку с картонными папками.

Сократ предложил ему старый, потертый стул у края стола.

– Вот говорят, что лицензионная работа полна формализма, – начал свою лекцию «философ». – А мы отвечаем вам: «Нет, вы глубоко заблуждаетесь!» Вот вы, например, напишите под вдохновение, – и «философ» с выражением прочел: «Как дышится мне рано поутру». – А имеете ли вы право такую мысль фиксировать?

– Без лицензии не имею, – быстренько отреагировал по-

сетитель.

– Вот именно, – подтвердил «философ». – Нам важно разобраться, понять, так сказать, тенденции уменьшения или прекращения процесса.

– Процесса чего? – машинально спросил он, постоянно соображая, как бы этого Сократа направить на нужную для себя тему.

– Конечно, процесса творчества, – уверенно ответил «философ». Он на секунду задумался, что позволило посетителю задать нужный ему вопрос:

– А если лицензия не кончилась, можно ли фиксировать мысль?

– Банальный вопрос! Несомненно, можно.

Посетитель решил «добить» Сократа и снова спросил:

– А если старую форму лицензии решили заменить на новую, то старая будет действовать до конца срока?

Сократ насупился.

– Ах, вот вы о чём! Уже литераторам известно, – он недоверчиво взглянул на посетителя и спросил: – Вас только это интересует?

– Нет, что вы! И рецессия, и стагнация тоже, – испугался посетитель.

– Да, – как-то грустно продолжил Сократ. – Серьезные проблемы вряд ли вам будут интересны.

– Нет, уверяю вас, ради серьезных проблем я здесь и нахожусь, – спохватился он, чувствуя, что «философ» теряет к

нему интерес.

– Да-да. Все так говорят в самом начале, – «философ» окончательно загрузил. – А потом... – он встал, обернулся к окну и тоскливо добавил: – А потом выясняется: им нужна только бумажка, а мысль, вдохновение, творческий полёт? Куда прикажите девать это?

Наступило неловкое молчание. «Философ» в задумчивости наблюдал, как за окном раскачиваются голые ветки деревьев. Порывы ветра то усиливались, то утихали. Синее прозрачное небо, как будто вымытое осенними дождями, сияло на солнце.

– А вы не бойтесь, – не оборачиваясь произнес Сократ. – Всё, что выдано, отобрано быть не может. Ваша старая лицензия будет действовать до срока ее окончания.

«Философ» не отрываясь смотрел куда-то, а посетитель не знал, как поступить: то ли попрощаться и уйти, то ли поблагодарить и ждать дальнейших событий? Всё выходило как-то невежливо, и он продолжал сидеть на обшарпанном стуле.

Сократ, похоже, почувствовал его неловкость и прочитал несколько строк:

«Как дышится вам рано поутру?
Вы новый день встречаете с испугом
И ждете встречи с закадычным другом,
А прочих вам встречать не по нутру...»

– Прощайте, – не оборачиваясь, произнес «философ».

Посетитель тихо встал, пробрался к двери и, сказав «спасибо», вышел в длинный коридор.

А там он собрался в дозор на правый фланг. Предстояло пройти на лыжах около двадцати километров вдоль берега реки. Ему этот поход не казался трудным. На лыжах он бегал сносно, даже имел юношеский разряд. Бегал на соревнованиях и пять, и десять километров, так что пройти без спешки двадцать, да еще имея возможность самому себе задавать темп, ему казалось не ахти какой сложной задачей.

К середине декабря снег в этих краях устанавливался основательно. Ветер наметал сугробы в тихих местах и слизывал снег на полях. Морозец от десяти до двадцати с лишним был еще не столь жесток, как в январе, и низкая влажность не давала воспринимать его как болезненную кусачку.

Они вышли на рассвете. Утренняя заря только-только занялась. Старший наряда – из «дедов» – шел впереди, а он первые десять километров практически не отставал и держался за старшим на расстоянии не более пятидесяти метров. Лыжню от предыдущего, вчерашнего наряда еще не замело. Идти было приятно.

Справа на высоком, обрывистом берегу шумел на легком ветру низкий дубовый лес, который осенью не сбрасывал засохшие листья до самой весны. Пограницы использовали ду-

бовые ветки с листьями для банной парилки. По субботам вся застава мылась в сельской бане, которая работала по пятницам и субботам раздельно для женщин и мужчин. Вторая половина дня субботы предоставлялась для помывки бойцов. Главным банщиком трудился маленький худенький мужичок национальности той сопредельной стороны. Он когда-то давно перебрался к нам, женился на нашей, да так и обосновался в этом селе. Про него из поколения в поколение пограничников передавалась легенда о его храбрости. Когда-то по молодости он ходил в разведку на ту сторону к врагам и выполнял особо важные задания наших спецслужб. Теперь он отвечал за баню, за ее исправную работу по графику, помывки местного населения и пограничников. Среди рядового и сержантского состава ходила такая шутка: «Жена банщика зовет его чай пить, а он отвечает: “чай-ча-за”».

Он шел по лыжне и вспомнил, как однажды старшина поручил двум «фазанам», и ему в том числе, в субботний день разгрузить машину цемента. Цемент в кузове находился россыпью, и им пришлось совковыми лопатами сбрасывать его сверху в деревянный бункер на складе. Цементная пылища стояла жуткая – приходилось делать частые перерывы для того, чтобы хоть немного пыль улеглась и можно было продолжить работу. В итоге они настолько пропитались цементной пылью, что вокруг глаз, рта и носа образовались темно-серые круги, но впереди были помывка и возможность очистить организм от этого стройматериала. В бане они тер-

лись, фыркали и блаженно радовались не только теплу и воде, но и окончанию цементной *муки* и тихо надеялись, что в вечерний наряд после такого ударного труда их не пошлют. Но реальность оказалась иной: их послали часовыми с восьми часов вечера.

Он шёл по лыжне за старшим и начал отставать. Через час ноги в валенках стали плохо слушаться. Движение замедлилось – хотелось упасть в снег рядом с лыжней и замереть на несколько минут. Старший останавливался, поджидая его, и всякий раз по мере его приближения метров на пятьдесят снова устремлялся вперед до следующей остановки.

Они прошли вдоль кривой протоки и вышли на прямой, длинный участок реки, где окончание их пути еле виднелось на горизонте узкой полоской низкорослого леса на месте слияния двух рек. Белая пустыня простиралась впереди и не вселяла никакой надежды на скорейшее окончание их похода.

Слева за рекой тянулся унылый берег сопредельной стороны с дальними сопками, покрытыми заснеженным лесом. Ориентироваться на ту сторону, отмеряя пройденный путь, было совсем неэффективно. С правой стороны метрах в ста виднелся наш берег, монотонная картинка которого слишком медленно менялась по мере продвижения наряда.

Он уже несколько раз падал набок в снег и минуты две-три отлеживался, глядя на удаляющуюся фигуру старшего. Тот, обернувшись, останавливался и ждал, пока он не вста-

нет на лыжню и не двинется вперед. По всему было видно, что старший не собирался замедлять темп, и только долгие и частые лежания младшего наряда заставляли его прерывать движение и ждать.

Последний километр, когда стали явственно видны береговые ивы, он шел не чувствуя ног, и только мысль о том, что дошел, не давала ему упасть в снег. Они поднялись на берег, зашли в первый же дом на краю села, старший попросил воды, немного отпил и подал кружку ему со словами: «Много не пей – ноги откажут». А он не смог удержаться и выпил всю кружку. Потом еле забрался в кузов машины, которая пришла за ними, и лежал там наверху, не чувствуя ног. Когда машина остановилась во дворе заставы, ему помогли выгрузиться, и он подумал:

«Вот почему лошадям не дают много пить после скачек, но я не лошадь...»

А здесь он несколько дней бездельничал, не выходил из дома. Да и что там, на улице, делать? То мороз, то оттепель – не знаешь, как одеться и на какую погоду настроиться.

– Конечно, надо бы что-то зарифмовать о похудании, – думал он, но тема как-то не складывалась в голове, и он оттягивал тот последний, решительный шаг, когда отступать будет некуда.

Он часто вспоминал того «философа» из центра и его прощальное четверостишие.

«Интересно? – подумал он. – Какое продолжение могло быть у этого стиха? Или эти четыре строчки – это и есть вся его мысль?»

Он пытался продолжить мысль «философа», но получилось поверхностно и скучно.

«Не надо трогать чужое», – решил он и прекратил бесплодные попытки.

Ему уже давно никто не звонил. Старые друзья разбежались каждый по своим норкам, а новых он старался не заводить. Правда, были у него хорошие знакомые, которые не надоедали, умели слушать, и он старался отвечать им тем же. Они обладали с его точки зрения ценнейшим качеством – не надоедать.

Он бесцельно побродил по квартире, машинально перебрал бумаги на столе, обнаружил набросок старого стишка. Он уже даже не помнил, когда исчиркал этот клочок блокнотного листа, и застыл в изумлении – первые две строчки звучали так:

Вы новый день встречаете с испугом,
Не ждете никого уже давно...

Вторые две строчки он разобрал с трудом – много слов было зачеркнуто. Сверху и снизу наслаивались неразборчи-

вые исправления. Внимательно рассмотрев текст, он прочел всё целиком:

Вы новый день встречаете с испугом,
Не ждете никого уже давно.
Давно не виделись вы с закадычным другом,
И жив ли он? Вам стало всё равно.

«Не может быть. Это мистика какая-то! Такое совпадение!» – он потер рукой лоб, отошел от стола и снова вернулся к старому, помятому листку бумаги.

– Может, я это где-то опубликовал? – спросил он сам себя. Он не помнил. Этот текст напрочь вылетел у него из головы. Ему захотелось срочно встретиться с Сократом, но, лишь стоило вспомнить строгую тетку на проходной, желание это как-то растворилось в других эмоциях.

«Это же надо! Одна и та же мысль пришла в две разные головы! Так бывает, – думал он. – Но чтобы так совпали слова – это редчайший случай! – и он решил: – Вот что я сделаю. Я сегодня же пойду в центр и выслежу этого Сократа на выходе после работы».

За полчаса до окончания рабочего дня он стоял недалеко от входа, заняв удобную позицию для наблюдения. Ровно в означенный час чиновники всех мастей сплошным потоком начали вываливаться из дверей и делиться на небольшие рукава, которые затем растворялись в сумраке городских улиц. Минут через десять он забеспокоился, не пропустил ли он

«философа», и переместился ближе к выходу.

Она узнала его издалека и уверенными шагами направилась прямо в его сторону.

– Ой! Как я рада, что вы опять здесь!

Деваться было некуда – не бежать же ему, солидному человеку, от нее по тротуару на глазах у административной публики! Он не очень приветливо ответил:

– Здрасьте вам.

– Я могу вам еще немножко прочесть? – заговорщицки произнесла она.

– Извините, но я жду, – ответил он, стараясь не упустить из вида выходящий поток.

– Ой! Что вы, это недолго! Всего четыре строчки.

– Да-да, – машинально ответил он, пристально вглядываясь в лица выходящих.

Она вплотную приблизилась к нему. Он инстинктивно прикрыл правой рукой свою центральную пуговицу, но она нашла способ прикоснуться к нему, прихватив его за краешек воротника. Вырваться было бесполезно – он только чуть сдвинулся в сторону, чтобы лучше видеть выход.

– Вы не представляете, как вы мне помогли! У меня открылось вдохновение! Это такое счастье... – она говорила и говорила, а он уже пожалел, что пришел сюда.

– Бесполезное занятие, – подумал он и вслух прервал ее бесконечный поток слов: – Читайте, я слушаю.

– Ой! Простите! – сказала она и прочла:

Как хочется кого-то полюбить —
Страдать и счастье получать одновременно!
И думать, что на верном я пути.
И цели я добьюсь здесь несомненно.
Вот этот или тот – мой милый друг,
Тебя обожествляю я смиренно.
Готова испытать я сей недуг,
На ласки отвечаю я мгновенно.

– Вы прочли более четырех строк, – мрачно заметил он.

– Ой! Простите, машинально вырвалось! – Она немного смутилась и, потупив взгляд, спросила: – Вам понравилось?

– Да, – лаконично ответил он.

– Ой! И это всё? – удивилась она.

– Вы хотите подробностей? – он решил взять инициативу в свои руки.

– Да, – немного волнуясь, ответила она и отпустила его воротник.

– Пишите. Для вас это лучше, чем не писать. А остальное – рифмы, смысл, динамика, экспрессия и прочее – всё это чепуха. Пишите...

Он заметил, что уже более минуты из дверей никто не выходит. Она стояла рядом и молчала – наверное, обдумывала сказанное. Он почувствовал, что зря теряет время, и неожиданно спросил:

– Скажите: а как мне встретиться с Сократом?

Она очнулась от размышлений и спросила в ответ:

– Ой! Я могу надеяться на следующую встречу с вами?

– Можете, – быстро ответил он и снова спросил о «фило-софе».

– Сократик? Так он несколько дней тому назад уволился.

Теперь он здесь не работает.

– Как уволился? – огорчился он.

– Ой! Да так – как-то тихо и уволился. Говорят, в конфликте был с руководством по поводу лицензий – не приняли его предложения по обмену старых форм на новые. Странный был человек. Не такой как все. Одевался не так, разговаривал, и вообще. На наших женщин не обращал внимания.

– Так что же, лицензии надо всем менять? – настороженно спросил он.

– Да, это несложно. Приходите к нам и за неделю всё оформите, – ответила она. – Приходите, я буду ждать.

– Спасибо, – прервал он ее. – А где сейчас этот Сократ, где можно его найти?

– Ой! Так это в кадрах надо спросить, – ответила она. – Приходите к нам завтра, я буду вас ждать, – и она, опустив глаза, шепотом спросила: – Придете?

– Я постараюсь, – ответил он. – До свидания, – и, решительно повернувшись, заторопился уйти от своей новой знакомой.

Он монотонно читал текст:

Вы хотите похудеть
Безболезненно и быстро?
И, конечно, не потеть,
Чтоб вокруг всё было чисто?
Чтоб фигуру сохранить
И в скелет не превратиться,
Чтоб с диетой не шутить
И с едою подружиться?
Мы методику дадим —
Наслаждайтесь, сколько нужно!
Мы здоровье защитим —
Заходите к нам все дружно!

Когда он закончил читать, хозяин встал из-за стола и несколько раз прошелся вдоль окна.

За окном была зима. Она пришла вчера. Всю ночь шел снег. К утру город встал. Уборщики не успевали расчистить улицы от пушистого, абсолютно белого и какого-то легкого снега.

— Вы совсем перестали производить краткие тексты, — хозяин остановился у окна. — Какая красота сегодня! — вздохнул он. — Длинные тексты сложно воспринимаются. Вы со-

гласны со мной?

Автор кивнул головой.

– Вы можете рифмовать короче? – спросил хозяин.

– Да, – тихо ответил автор и зарифмовал:

Если похудеть хотите,
К нам скорее приходите.
Мы методику дадим
И здоровье сохраним.

– Так-так, – оживился хозяин. – Неплохо. Можно повторить?

Автор повторил:

– Без издевок над здоровьем
Похудеете у нас.
Вы не будете коровой,
Наше средство – просто класс!

– Вы опять хотите мне устроить «веселенькую» жизнь? – не отрываясь от зимнего пейзажа, произнес хозяин.

Автор пожал плечами и ничего не ответил.

– Вы рифмуете прямо на ходу – а кто будет выбирать? Не хотите ли поработать в нашем штате? Вознаграждение, я обещаю, будет не хуже, чем сейчас.

– Я должен сразу ответить? – спросил автор.

– Можете подумать. А впрочем, что думать-то? Постоян-

ная работа. Постоянное вознаграждение. Я бы на вашем месте согласился.

Автор повернулся к окну и заметил:

– Так рифмовать любой может, даже ваша секретарша. Вот, например, так:

Худейте с нами на здоровье,
Как в сказке, где-то в лукоморье!
От нас красивыми уйдете,
С методой нашей оживете.

– Вы шутите, – грустно сказал хозяин. – Вы поэт, а мы здесь прозаики, – он вернулся к столу. – Скоро Новый год, заказы посыплются – будет много работы.

– Да, – согласился автор.

– Оплата, как обычно, – сухо сказал хозяин. – За все двадцать четыре строчки по двадцать за каждую. Всего четыреста восемьдесят благ.

В вестибюле конторы его никто не встретил. Он по указателям добрался до регистратуры и заглянул в одно из окошек. Миловидная девушка, не отрываясь от экрана, спросила его:

– Что желаете?

– А что у вас сегодня есть? – спросил он.

– У нас сегодня есть всё. Можете просмотреть проспекты в зале.

– Я могу переговорить с администратором? – спросил он.

– Он занят, – не поворачивая головы, ответила девица.

Ему стало скучно, но, пересилив себя он побрел в зал. Несколько клиентов в тишине внимательно изучали проспекты. Он занял кресло подальше от всех и взял первую попавшуюся на глаза раскладку. Контора предлагала увлекательный поход в горы. Реки, водопады, красивые виды дальних и ближних гор его не увлекли, и он взял следующую картинку. Мокрый песчаный пляж длинной косой уходил в абсолютно голубое море. Закатное солнце изящно касалось морского горизонта. Проспект предлагал очутиться в этом просторе и пробыть там не менее часа.

«Что делать на пустынном пляже целый час? – подумал он. – Целый час смотреть, как садится в море солнце?»

Он положил проспект на место и рассеянно перебрал остальные. В зале появился энергичный молодой человек и обратился к присутствующим:

– Кто готов, может пройти со мной.

Он поднял руку. Молодой человек подошел к нему.

– Пройдемте со мной.

Они прошли несколько коридоров и оказались снова в регистратуре. Молодой человек подвел его к той же девице и скороговоркой произнес:

– Клиент готов. Оформи его.

– Ваш номер? – спросила девица.

Он ответил:

– Тихое место на закате. Средняя полоса.

– Вы не определились? – переспросила девица.

– Совершеннейше определился, – ответил он.

Молодой человек обратился к девице:

– Ну, вы здесь уточняйтесь, а я побежал, – и он скоренько удалился.

– Вы должны назвать номер своей услуги, – настойчиво повторила девица. – Без номера я не могу вас оформить.

– Так я вам и говорю: тихое место на закате, средняя полоса. А номер, будьте любезны, подберите сами, – ответил он.

– Это не входит в мои обязанности, – отпарировала девица.

– Тогда пригласите администратора, – строго произнес он.

– Администратор занят, – услышал он в ответ.

«Ах так? Так ты сейчас узнаешь, что такое гневный посетитель!» – подумал он, а вслух, четко выговаривая каждое слово, каждую букву, произнес:

– Я буду жаловаться. Я буду так жаловаться, что вашей конторе не поздоровится. Я напишу памфлет о вашем заведении! Вы лично точно потеряете работу, а ваш администратор будет долго жалеть о том, что не соизволил встретиться с... – и он назвал свое имя.

Девица удивленно посмотрела на него и даже приоткрыла

рот, а он не останавливался.

– Я брошу всё и займусь только вами! Вы наконец-то запомните мое имя... – он снова повторил свой псевдоним.

– Хорошо, хорошо, – испуганно ответила девица. – Я сейчас доложу о вас.

Она куда-то позвонила. Через несколько секунд рядом с ним образовались две массивные фигуры в темной форме.

– В чём дело? – спросил один из них.

– Я хочу встретиться с администратором, – ответил он уже не так решительно.

– Администратор занят, – почти хором ответили ему.

– Передайте ему, что с ним хотел бы встретиться... – и он в третий раз назвал свое имя.

– Позвони в приемную, – приказал один из массивных.

Девица засуетилась.

– Да... У нас проблема... Хотят видеть администратора...

Он говорит, что он... – она обратилась к посетителю: – Извините, как ваша фамилия?

Он недовольно буркнул:

– Запоминайте... – и в четвертый раз назвал себя.

Девица повторила в трубку его фамилию.

– Хорошо. Вас примут, – ответила она и добавила: – Пройдите с товарищами.

Товарищи проводили его в приемную. Дверь кабинета распахнулась, и улыбающийся администратор вышел к нему навстречу.

– Боже мой! Боже мой! Сколько лет, сколько зим! Вы нас совсем забыли. Не появляетесь. Избегаете старых друзей. Это совсем нехорошо.

Администратор широко расставил руки, как будто хотел его обнять, а он настолько опешил от этих слов, что промямлил что-то вроде «да, я вот зашел, я хотел...»

– Да, мы понимаем, творите на своем поприще. А мы всегда рады. Присядем? – предложил администратор.

Он указал на два кресла в углу приемной, и они расположились в них. Администратор убрал улыбку и спросил:

– Чем интересуетесь?

– Тихое место на закате. Средняя полоса, – ответил он.

– Отлично! Прямо в точку! Прямо для вас – тридцать пятый номер. Река, лес, закат. Середина лета. Следующие породы: береза, ива, дуб, немного кустарника... – он хотел еще что-то добавить, но неожиданно снова открылись двери кабинета и два солидных дяди в деловых костюмах появились в приемной.

– Мы вас ждем, – обратился один из них к администратору, а второй добавил:

– Пора бы заканчивать.

Администратор резко поднялся, вытянулся, словно хотел встать по стойке смирно, и отрапортовал:

– Одну минутку. Сейчас разберусь с консультантом. Может быть, чай, кофе?

Деловые решительно ответили: «Чай» и вернулись в ка-

бинет.

Администратор распорядился по поводу чая и, озабоченный, уселся рядом с ним.

– Вы знаете, у нас комиссия. Задержали ужасно. – Он поправил прическу и как-то тихо, как будто их подслушивают, сказал: – У нас ЧП: клиент не вернулся.

– Начинаю догадываться, – отреагировал он. – Поэтому я и стал консультантом?

– Да, они бы возмутились тем, что я их бросил ради клиента, – пояснил администратор. – Может быть, зайдете завтра, когда их не будет?

– Да, можно и завтра. А как это – клиент не вернулся? Он у вас в кабинете сидит?

– Нет, что вы, маэстро, – шепотом ответил администратор. – Из модуля мы его извлекли. Сейчас в госпитале находится. А вот мозги не вернулись, точнее – сознание. Что-то с головой произошло. Теперь вы понимаете, как это серьезно. Они могут нас временно приостановить. А это – конец. Убытки огромные.

– Да, это серьезно, когда убытки, – согласился он. – А клиент, наверное, сам виноват?

– Да, конечно, сам. А как же? Не там и не то нажал, а система запуталась. Так попробуй докажи, что он идиот, – администратор разволновался. – Вот, маэстро, всё для клиента делаем, а клиент что сделал для нас? Одни только требования.

– Я напишу о вас хорошие стихи, если хотите, – вырвалось у него.

– Стихи? – удивился администратор. – Пожалуй, это хорошо. Мы их в рамочку при входе – пусть знают, кто у нас бывает.

– А я могу его увидеть? – спросил он.

– Кого? – переспросил администратор.

– Клиента, – ответил он.

– Этого идиота? – уточнил администратор.

– Да, невозвращенца, – подтвердил он.

– Если пустят, то можно, – ответил администратор и назвал адрес госпиталя.

Госпиталь шумел. Машины то и дело подвозили на пандус тяжелых больных. Санитары через специальные двери увозили их на каталках в глубину четырехэтажного здания.

У главного входа толпились посетители. Одни из них с пакетами входили внутрь, другие, опустошенные, кто с удовлетворенным, кто с печальным, озабоченным лицом выходили наружу.

Он проскользнул внутрь и остановился в нерешительности. В гардеробе суетился народ. У турникетов, отделяющих гардеробное пространство от внутренней части госпиталя, стояла местная охрана и равнодушно наблюдала за происхо-

дящим.

Он сдал пальто и направился к охране.

– Скажите, пожалуйста, как мне найти больного? – спросил он.

– Там, в справочном, – охрана махнула рукой куда-то влево, и он побрел по коридору, на стенах которого теснились стрелочки с надписями. Одна из них гласила: «Справочное».

– Добрый день, – поздоровался он со справочной женщиной, утомленной сидением в каморке. – Мне нужно найти больного.

– Фамилия? – спросила справочная.

– Я не знаю фамилии. Я знаю, что его привезли из... – и он произнес название конторы администратора.

– А кто он вам? – спросила справочная.

– Знакомый, – ответил он.

– Так как же я вам его найду? Знакомого без фамилии? – скучно спросила справочная.

– Да, я понимаю, что сложно, – ответил он, – но мне очень нужно.

Справочная тяжело вздохнула и спросила:

– А чем он хоть болен, вы знаете?

– У него не работает голова, то есть мозг, – ответил он и, подумав, добавил: – Он как будто без сознания.

– Без сознания... Значит, в реанимации, – определила справочная. – Сейчас уточним.

Она куда-то позвонила, буквально с полминуты погово-

рила и, повернувшись к нему, покачала головой.

– Там таких нет.

Сзади очередь из трех человек занервничала:

– Не знает, что нужно, и всех задерживает!

– Да не трогайте вы его, а то до утра здесь стоять будем!

– Почему до утра? Госпиталь в шесть для посетителей закрывается.

– Значит, он находится где-то в другом месте, – просительно произнес он.

– Подождите, – ответила справочная. – Мы сейчас попробуем по-другому.

Она не больше минуты еще раз с кем-то поговорила и удовлетворенно произнесла:

– В нейрохирургии ваш бессознательный. Второй этаж по центральной лестнице.

В коридоре второго этажа медсестра загородила ему дорогу:

– Без халата никак нельзя! Как же вы... – она замахала руками. – Немедленно покиньте отделение!

– Нет уж, ни за что! – подумал он, достал крупную купюру, сунул ее в нагрудный карман халатика медсестры и заявил: – Я арендую ваш халат – мне это крайне необходимо.

Медсестра, немного смутившись, ответила:

– А как же я?

– Вы местная – вам легко. Кстати, а где здесь у вас больничная контора?

Медсестра, смирившись с арендой халата, спросила:

– После иллюзии?

– Да, после нее, – ответил он.

– Я вас провожу, – предложила она.

Он сразу узнал его. Это был Сократ, только немного исхудавший и обросший. Лицо его с закрытыми глазами выражало полное удовлетворение. Временами он еле заметно улыбался, словно видел приятные сны. На голове его он заметил несколько датчиков, очень похожих на те, что прикреплялись в конторе.

– Он спит? – спросил он.

– Нет, – ответила медсестра. – Он там что-то видит, а может быть, и делает.

– А как узнать что? – снова спросил он.

Медсестра ответила:

– Нам известно, что у него там «тихий уголок». Там он, наверное, и находится. Давайте уйдем. Мне попадет, если нас здесь застанет доктор.

– Да, тихое место на закате, – сказал он, глядя на Сократа.

– Что вы сказали? – тревожно оглядываясь на дверь, спросила она.

– Пойдемте, – ответил он. – А то действительно доктор может появиться, – и добавил: – Средняя полоса.

А там дежурный, ворвавшись в казарму, истошно заорал:
– Застава, в ружьё!

К третьему году службы этих «в ружьё» он наслушался достаточно, но каждый раз при этом мелькала одна и та же мысль: «Это в самом деле или учебная суматоха?» В этот раз, похоже, было «в самом деле». Только-только застава «отбилась», то есть те, кому положено, улеглись спать. Еще не все задремали крепким пограничным сном, как *на* тебе: «В ружьё!».

Пока вскакивали с постелей, привычно ныряли в форму и валенки, хватали оружие и патроны, по суматохе сборов прошел слух: эти, что на той стороне, границу перешли и, наверное, уже угнетают наш ночной наряд. Кто как и кто в чём погрузились в машину. Ввиду скорости сборов еще не всё обмундирование было в порядке.

Машина рванула со двора – одеваемся в кузове, готовимся к делам серьезным. Тут уточнилось, что наш наряд обнаружил этих, с сопредельной территории, вооруженными и, похоже, открыто стремящимися захватить наши исконные рубежи.

Мчимся в ночь. Морозно. Доводим снаряжение до полного порядка – как-никак, может, и воевать придется. Напряженно как-то в кузове стало. По селу в минуту промчались,

за село выскочили, сгрузились и к берегу вниз рванули за командиром. Вылетаем на заснеженную отмель. Там где-то в снегу наш ночной наряд должен был находиться – тот, что сообщил на заставу о нарушителях, а встречаем другой наряд из пяти наших. Свои, слава богу! Расспрашиваем, что да как. Наши никаких нарушителей не видели. Загадочка получается! Командир упрямо допытывается:

– А где же тот наряд, что тревогу такую закатил?

Оглядываемся вокруг – недалеко, метрах в пятидесяти, за сугробом наряд ночной обнаружили. Затаились они там – видеть, вдвоем воевать с противником собрались. Старший наряда, как положено, доложил командиру, что наряд такой-то, в таком-то составе несет службу там-то и что обнаружил вооруженную группу с чужой стороны и поэтому доложил по связи на заставу.

Командир – опытный офицер – вьедливо эдак спрашивает старшего: а не обознался ли он? Этих пятерых за не наших принял?

– Нет, – отвечает старший. – Те в шубах косматых были, гурьбой шли, руками в сторону нашей родины махали, а главное – говорили не по-нашему. Точно не наши были.

Озадачился командир, приказал всё осмотреть внимательно и по тропе еще раз пройти: если и были нарушения, то следы на снегу остаться должны. На том и операция почти закончилась.

Его послали с этим большим нарядом из пяти погранцов

пешком к заставе следы чужие проверить – так, на всякий случай.

Только наутро он узнал, что там ночью за селом произошло. Земляк из того большого наряда из пяти человек тайну ему открыл.

А сейчас, возвратившись к своей койке, он подумал: «К какому случаю отнести это “в ружьё”? Настоящая или учебная суматоха? Нарушителей не обнаружили – да, похоже, их и не было. Получается, что это срочное мероприятие можно отнести к учебным. И какой же коварный этот старший наряда – такую учебную суматоху совершил, все сначала подумали, что “в ружьё” настоящее! К тому же еще и большое начальство ночью подняли – успел дежурный по заставе наверх по инстанции доложить про этих мифических нарушителей».

Засыпая, он вспомнил настоящее «в ружьё», когда еще «фазаном» был. «Фазанья» служба легкая и простая. Ходи туда-сюда, исполняй, что прикажут, и делай, что положено. Всё уже знаешь, соображаешь, как себя вести. До демобилизации, то есть до дембеля еще далеко. Он, этот дембель, еще грусть по дому в голове не культивирует. Спокойствие и порядок в такой службе. Красота, да и только!

Тот случай тоже зимой произошел. Как-то в вечер, еще не отбились, часовой заставы с испугом докладывает дежурному, а по сути криком кричит:

– Стрельба на границе! Стреляют...

Тут уж шуточки в сторону. «Застава, в ружьё!» – орет дежурный. Хорошо, что одетые все были, – вскорости собрались. Высыпали на берег. Где, что? Понять невозможно. Вроде войны нет. Отлегло у бойцов. Один наряд из двух человек стоит и несколько взволнованно объясняет обстановку. Старший говорит:

– Вышли мы на лед, а там следы свежие на снегу ведут прямо на сопредельную территорию.

Всё сразу понятно стало: нехорошее событие – нарушитель от нас ушел, а мы прозевали. Спрашиваем нервно:

– А стрелял-то кто и зачем?

Старший отвечает:

– Так я и стрелял в воздух, чтобы тревогу объявить.

Потом мы узнали, что старший от нервного возбуждения ракетницей не сумел воспользоваться – опыта не хватило. Неспециалистом он был по пограничным делам – служба его на радиостанции проходила.

А сейчас нечего рассуждать – нарушителя изловить требуется. Рванул сержант с младшим по следу. Реку след пересек, загогулину сделал и метрах в ста от первого места в село возвратился, а там уж и затерялся в сельских тропках и дорожках. Хотели было с собакой пройтись, да мороз сильный – жалко животину, да она по холоду такому вряд ли сработала бы. Потом начальство расследовало: какая это зараза бдительность нашу проверяла? Профилактику с этой заразой провели, и дело тем и закончилось.

А про тот случай с якобы вооруженным вторжением тайна быстро раскрылась: наряд из пяти человек притворился нарушителями и так «шутил» над всеми, кто в этот вечер служил вдоль села. Опытные ребята их шутку быстро распознали, а последний наряд шутки не понял – и произошло великое благо: не стрельнули в них свои же.

Служба шла своим чередом. Поймали нарушителя – неожиданно высокого роста оказался. Понаслышке знали мы, что у них на той стороне все низенькие и похожи друг на друга, а тут гигант какой-то попался. Посадили его в курилке и охрану приставили.

В те времена было такое правило: передавать нарушителей назад – туда, откуда пришли, – и этого гиганта готовили отправить, ждали из города оказию пограничную. А пока повели его в столовку покормить – не держать же голодным нарушителя! Он рис съел – похоже, знакомая ему еда оказалась, – а пограничную порцию масла не тронул. Удивились мы, наблюдающие: у нас бы масло нетронутым не осталось!

А здесь он пытался рифмовать для администратора. Хотелось что-нибудь душевное, лирическое и красивое. Но рифма не шла – мешали впечатления от встречи с Сократом. Он зажег настольную лампу, положил чистый лист на стол и неровным, плохо разбираемым почерком написал:

«Философ, что ты скажешь мне?

Такое, что еще не знаю.

Я здесь в покорной тишине

Былые рифмы забываю.

Мне сразу всё не говори —

Мне много не понять вначале.

Как будто карты до игры

Еще не ведают печали...»

Он прочел текст несколько раз и сам себе сказал:

– Какой-то сплошной депресняк. – Скомкал бумагу и бросил в урну под стол. Там таких комков с осени накопилось немало. Он набрал номер тети и прислонил трубку к уху. Через несколько секунд молодой женский голос произнес:

– Алё, я вас слушаю.

– Алё, – ответил он и спросил: – Вы знаете Сократа?

Трубка молчала. Он снова повторил вопрос:

– Вы слышите меня? Вы знаете Сократа?

Тот же голос спросил:

– Это вы, рифмовщик?

– Да, это я, – ответил он. – Вы меня узнали. Вы меня еще помните?

– Да, – ответила она и тут же спросила: – А при чём здесь Сократ?

– Сократ здесь ни при чём, – ответил он. – Вам еще нужны

женские стихи?

– Нет, – ответила она.

– Да, теперь стихи нужны только под заказ, – согласился он.

– Вам скучно? – спросила она.

– Да, – сознался он и спросил: – А вам?

Она не сразу ответила:

– Иногда бывает.

– Как сейчас? – снова спросил он.

– Да, – ответила она.

– У нас получается скучный разговор. Может быть, мы найдем какую-нибудь тему? – предложил он.

– Расскажите о себе, – сказала она.

– А что рассказывать? Всё примитивно просто. Родился. Учился. Был тем-то и там-то. Теперь вот рифмую. А как у вас?

– Почти так же, только в конце – «не рифмую».

– Да... – задумался он. – А зачем вам были нужны женские стихи?

– Это для мамы, – ответила она.

– Ваша мама любит женские стихи? – спросил он.

– Любила, – ответила она.

– А вы? – спросил он.

– Я не люблю, – услышал он в ответ.

– А мужские?

– Мужские? – повторила она вопрос. – Мужские я слушаю

и читаю, но не часто.

– Хотите, я вам что-нибудь прочту? – предложил он.

– Прочтите, – согласилась она.

Он суетливо вытащил урну и, боясь затянуть паузу, быстро разглаживал бумажные комки.

– Это... Нет, очень грустно... Это – ерунда какая-то, – бормотал он. Только третья бумажка ему понравилась. Он прочел:

Каждый вечер, как услада,
Приходил прекрасный сон.
Словно за труды награда,
Будто музыкальный фон.
Можно под него забыться
И трудами пренебречь.
Ключевой водой умыться,
В шелк травы потом прилечь
И мечтать, смотря на небо,
Ввысь стремительно уйти.
Там, где, может быть, и не был
И куда нам не дойти.
Грезы ласковы и звучны,
Нам без них не обойтись,
Нам без них как будто скучно.
Радость, где ты? Возвратись!

Она молчала.

– Вам понравилось? – спросил он.

– Да, – ответила она. – Только последняя строчка как-то странно выглядит. Разве радость бывает только в грезах?

– Вы так думаете?

– Да, – ответила она.

Он задумался.

– Я постараюсь исправить, потом.

Она не ответила.

Разговор совсем не клеился. Они несколько секунд молчали.

– А лицензиями вы занимаетесь? – спросил он. – Алё, – повторил он. – Вы слышите меня?

Она молчала.

– Вы обиделись? – спросил он.

– Я думала, что вы позвонили просто так, а вы... – ответила она. – По поводу лицензий обращайтесь к дяде. Я этим теперь не занимаюсь.

– К дяде так к дяде, – сказал он. – Но у меня нет его номера.

Она продиктовала номер и положила трубку.

– К дяде, так к дяде, – повторил он и заставил себя работать над текстом для конторы администратора. Он записал первую строчку: «Когда устанешь ты от дел» и тут же начало второй: «От суеты забот...»

«Надо подобрать, каких забот» – подумал он и дописал вторую строчку, получилось:

Когда устанешь ты от дел,
От суеты забот натужных...

Первые две строчки он посчитал более-менее получившимися.

«“От дел” рифмуется с “удел”», – подумал он и вписал эту рифму в конец следующей строки.

Далее он размышлял так:

«Что может случиться с “уделом”? Он может быть несчастным или счастливым. Ах ты, удел, удел! А может быть удел противным?» – спросил он сам себя и записал всю третью строку: «И опротивит твой удел...»

Последняя строка у него не вызвала особых затруднений. Рифма к «натужных» нашлась быстро – «ненужных». Теперь он прочел вслух всё четверостишие:

Когда устанешь ты от дел,
От суеты забот натужных.
И опротивит твой удел,
И жизнь покажется ненужной.

И задумался:

«В третьей строке, может быть, слово “твой” поменять на “свой”?»

И, ничего не решив, стал думать над началом следующего четверостишия.

«Надо бы что-то рекомендовать, то есть сказать посетите-

лям конторы нечто оптимистичное после прочтения первых строк, чтобы они не затосковали. Допустим, вот так», – и он написал следующую строку: «Тоску к себе не допускай».

«Тоска может и до депрессии довести, – подумал он. – До болезни, то есть сгубить может», – и записал на бумаге вторую строчку: «Иначе загрызет до смерти».

«Теперь надо дать конкретный совет, а то “тоску не допускай” – а как это сделать? Ей же не скажешь: “Уходи, тоска, от меня подальше”, – размышлял он. – Много способов избавиться от тоски предлагали и до меня. Повториться, что ли? – подумал он. – Нет уж, что-то свое надо изобрести!»

В голове мелькнуло: «Как ведут себя дети? Дети играют. Вот то, что нужно, – игра! Сейчас я ее приспособлю!»

Он записал третью строку, но не сразу. Сначала появилось последнее слово – «отпускай» (оно рифмовалось с «допускай»), а затем и вся строка: «Заботы просто отпускай».

И в конце четвертой строки сами собой появились два слова: «играют дети». Он попробовал последнюю строчку изобразить вот так: «Смотрите, как играют дети».

Прочитав всё четверостишие, он исправил слова «смотрите, как» на «вот посмотри» и полностью составил вторые четыре строчки:

Тоску к себе не допускай,
Иначе загрызет до смерти.
Заботы просто отпускай,
Вот посмотри – играют дети.

«Пора закругляться. Надо усилить тему игры и закончить, – подумал он. – Большие тексты при входе в контору читать не будут», – и уверенно записал первую строчку финала: «Игра – вот способ выжить нам». Вторая строчка, как усиление первой, сложилась легко: «В ней наша сила и спасенье».

Рифмы приходили быстро, и он сразу же записал оставшиеся две строчки:

И может, даже воскресенье,
И нам воздастся по делам.

Он прочёл всё с самого начала. «Для конторы неплохо, – решил он и оставил исчерканный листок на столе. – Надо позаботиться о лицензии. Но этим я займусь завтра».

А там он рисовал плакаты, политически правильные и полезные для службы. В середине второго года службы неожиданно пригодился его навык – рисовать, писать плакатные тексты и оформлять стенгазеты.

«Пограничник, ты идешь в наряд – будь бдителен!» – такие и подобные тексты он старательно выводил кистью на металлических листах, которые устанавливались в нужных

местах во дворе заставы. Начальникам нравился его стиль – строгий и правильный, соответствующий военному порядку.

Теперь, ближе к дембелю, его хозработы заключались только в рисовании. Он писал изречения знаменитых людей и обычные утилитарные надписи, такие как «Место для курения». А когда он нарисовал два больших значка – «Отличник-пограничник» и «Отличник Советской армии» – и пристроил их снаружи при входе на заставу, у старшины появилась грандиозная идея. Он настолько проникся уважением к способностям рисовальщика, что, взъерошив усы, произнёс:

– Давай-ка нарисуем на стене на всю высоту здания доблестного пограничника.

Предложение старшины нисколько не смутило его. Есть команда – соображай, как ее выполнить, к тому же старшина добавил такие сладкие для «деда» слова:

– Это тебе дембельское задание.

«Дембельское задание» – эти два слова какую хочешь силу придать могут, хоть горы сворачивай, а тут всего лишь погранца высотой в два этажа нарисовать! Размеры фигуры, надо сказать, несколько смущали: высота в два этажа – это не буквы на плакатиках выводить. Это, может, и леса строительные придется возводить.

Строительные леса он решил не сооружать, а воспользоваться высокой лестницей, что значительно ускоряло творческий процесс.

Для начала стоило обдумать план своих действий. Он до-

вольно долго со всех сторон рассматривал кирпичную стену, и постепенно картина грандиозного погранца стала вырисовываться, да и пограничные газеты и журналы были под руками. Образцы нарисованных погранцов в них имелись. Одна проблемка осталась: чем контуры наносить? Карандаш не годился – штрихи от него слишком тоненькие, издали не видны. Раздобыл он древесные угольки из топки кочегарной, чиркнул по кирпичу – годится, черный штрих издала хорошо заметен. В общем, за час план работы созрел: ставим лестницу, не спеша наносим контуры по кирпичам, вниз каждый раз спускаемся и со стороны глядим, как оно выходит. А уж потом по контуру создаем монументальное панно – пограничника со строгим лицом, но без собаки. Собаку он решил не изображать – возни много, а толку мало. Краску изведешь, а породу всё равно не поймает. Собака – она не человек: схематично покажешь – юморно получается, а всю в деталях изобразишь – со стилем погранца не увяжется. Погранец-то строгим должен быть, стилизованным под плакат.

Длинную лестницу он волоком еле-еле притащил и понял: «Рисовать-то что, а вот лестницу поднять одному – это покорячиться надо». Помощников звать не хотелось – все при делах, да и дембельская работа требовала уединенного сосредоточения.

Слово «дембельское» на заставе имело особенный смысл. В нём концентрировались все чувства и сокровенные желания погранца, всё его стремление к радостному возвра-

щению после службы домой. Дембельские сапоги – особенные: яловые, голенища проглажены горячим утюгом, подогнаны под икры, чтобы не болтались, отрихтованы симметричной гармошкой и крайне бережно эксплуатируются в последние месяцы службы. Дембельская форма готовилась заранее, ушивалась вручную по фигуре. Погоны с твердыми прокладками, немного неуставные, снисходительно дембелю разрешались. А дембельские мелочи, как то блокнот, ручка, календарик и прочие штучки, были наготове еще месяца за четыре до увольнения.

Дембельская хозяйственная работа подразумевала что-то неспешное, требующее тщательности, а там, где тщательность не очень была нужна, ее искусственно привносил сам дембель. Например, малярные работы. Дембель, медленно проведя кистью по поверхности, мог несколько минут созерцать нанесенный колер, может быть, интуитивно понимая, что этот мазок может быть одним из последних в его армейской службе.

Лестницу по своей личной технологии, используя множество мелких приемов, он водрузил у места будущего пограничного шедевра. Отдышался и залез под самую крышу. Держась одной рукой за перекладину, второй нанес первые угольные штрихи мужественной головы пограничного воина. Пора было спуститься и снизу оценить начало работы. Пока он раздумывал, добавлять ли отдельные детали к голове, внизу появился начальник заставы.

– Ефрейтор, что вы там затеяли? – начальник пристально всматривался в черные каракули на белом силикатном кирпиче.

Он, несколько растерявшись от неожиданного вопроса, ответил:

– Рисую, товарищ... – и назвал воинское звание офицера.

Начальник, задрав голову и прищурившись, спросил:

– Что рисуете?

– Пограничника. Товарищ старшина велел, – ответил он.

– Распоряжение старшины отменяю, – скомандовал начальник и уже из уважения к «деду» добавил: – Свалитесь вниз – плохой дембель будет.

Так и закончилась его дембельская работа, но плакаты он рисовать продолжал. Правда, на плакатной работе курьез небольшой произошел – так, пустяковое дело. Один из молодых, присмотревшись к его рисовальной деятельности, решил себя попробовать на этом хозяйственном поприще. Вызвался помочь «деду» порисовать, а «дед», почувствовав стремление салаги устроиться, в его понимании, на легкую работу, сразу согласился на замену. Доложил старшине о том, что молодой боец рвется рисовальным делом заняться вместо него. Старшина недоверчиво оглядел молодого, да смекнул: всё равно замену «деду» придется искать – и решил попробовать нового рисовальщика в деле.

«Дед» рисовальное хозяйство передал и с легким сердцем от рисовальных дел отошел. В наряд дневной ходил. К ве-

черу на заставу явился и застал нерадостную картину: старшина с молодым стоят у свежеизготовленного плаката, где буквы текста гуляют туда-сюда, словно подвыпившие. Старшина усы опустил и на это художество невесело смотрит, а молодой и сам уж соображать начинает, что не то искусство преподнес: строгости армейской нет – сплошной импрессионизм.

Старшина заметил «деда»-рисовальщика, к себе подозвал и такую команду дает:

– Забирай у него, – на молодого бойца показывает, – свое рисовальное хозяйство и к своему делу ни под каким видом не подпускай!

А май месяц уже заканчивался – лето впереди, и демобилизация долгожданная вот-вот наступит.

А здесь утром он позвонил дяде – никто не ответил. Выждал минут пятнадцать, еще раз набрал номер – опять никто не ответил. Только после пятой попытки он услышал в трубке:

– Алё.

– Да... – обрадовался он и торопливо заговорил: – Вы можете мне сделать новую лицензию? Мне очень нужно. Вы помните меня? Мы были вместе в центре. Вы помните?

– Вы кто? – услышал он в ответ.

– Я рифмовщик, то есть я... – и он назвал свое имя.

В трубке что-то хрипнуло, и он услышал:

– Вы совершаете акт незаконного вмешательства.

– Как? – испугался он. – Тетя сказала, что я могу... То есть вы можете...

– Какая тетя? – спросил сухой суровый голос.

Он на несколько секунд замешкался, но взял себя в руки и произнес:

– Тетя – та, которая от дяди. Вы дядя?

В трубке молчали – видимо, соображая, как ответить. А он занервничал оттого, что ему не удастся договориться, и быстро заговорил:

– Вы дядя, а я раньше договорился с тетей и говорил, что я от дяди. Вы понимаете меня?

– Какой у вас номер? – раздалось из трубки.

Он, несколько раз сбиваясь, продиктовал номер своего телефона.

– Хм, – ответили в трубке и уже более дружелюбно спросили: – У вас должен быть номер. Просто номер. Короткий номер. Например, один или два, или еще какой-то.

Он понял, что как-то не так договорился с этой молодой женщиной или она не всё ему сказала, и наобум заявил:

– Да-да, конечно. У меня есть номер. Он равен семи.

Почему он назвал номер семь, он объяснить не мог. Может быть, эта цифра просто давно ему нравилась.

– Семь? – переспросил голос в трубке.

– Да, конечно, семь. Короткий номер, как вы просили, – ответил он.

– У меня на сегодня седьмого нет, – ответили в трубке.

– А какой у вас есть? – осторожно спросил он.

На том конце послышался шорох бумаги.

– Есть четвертый и пятый. Вот еще второй не объявился, – ответили ему.

– Тогда, если вы позволите, я буду вторым.

– Как? – возмутились в трубке. – Вы совсем не понимаете процесс! У вас совсем другая фамилия, и вы не музыкант. Вы точно... – и голос повторил его имя.

– Да, точно, – ответил он.

– Вот видите, а вы говорите – второй. Вы просто морочите мне голову и продолжаете совершать акт незаконного вмешательства.

После этих слов в трубке раздались короткие гудки – абонент отключился.

«Так, – подумал он. – Я полный идиот и неумеха! Эдак можно и заработок потерять. Нелегальный рифмовщик много не заработает».

Он минут пять слонялся по комнате, размышлял, а затем решительно набрал номер тети.

– Здравсьте, – резко ответил он на ее «алё», раздавшееся в трубке, и без паузы произнес: – Я от дяди. Мне нужен номер для дяди. Короткий номер.

– Хорошо, я поняла вас, – услышал он женский голос. –

Ваш номер семь, на завтра, на десять утра.

Он удивился скорости решения проблемы и совпадением номера. Немного замешкался с ответом и услышал:

– Вы поняли меня? Номер семь, завтра в десять.

– Да, – ответил он и прервал разговор.

У него оставались свободными почти целых полдня.

«Надо бы навестить администратора, – подумал он. – Да и рифму ему показать».

Он быстро собрался и через час уже входил в контору. В вестибюле народу было немного: две скучающие дамы рассеянно читали объявления, а средних лет мужчина, наблюдая за ними, нетерпеливо переступал с ноги на ногу. Он прошел мимо и повернул по коридору направо по указателю, где стрелкой было обозначено «администратор».

Приемная пустовала. Стол секретаря сиротливо торчал у двери кабинета. Он, не зная как поступить – пройти сразу или дождаться секретаря, – машинально остановился у стола.

Дверь кабинета неожиданно распахнулась, и незнакомый молодой человек, увидев его, радостно произнес:

– Наконец-то! Ждем вас с утра! Шеф уже раза два спрашивал: где же наш маэстро? Проходите, проходите, – он как-то изящно повернулся и аккуратно под локоть продвинул его в распахнутую дверь.

– Боже мой! Голуба вы наша! Ждем-с, – администратор, как пружина, выскочил из-за стола и, радушно размахивая

руками, стремглав, почти вплотную приблизился к нему, приобнял и усадил в одно из кресел рядом с журнальным столиком, а сам скоренько вернулся на рабочее место и крикнул в переговорник: – Зайдите! Нам чаю и что-нибудь еще, – приказал он молодому человеку, когда тот незамедлительно появился в кабинете. – Ну, как поживаете? – администратор весь светился от счастья. – Как продвигается творческий процесс? Наслышаны, наслышаны! Читаем, читаем и заранее поздравляем-с! Как же, как же! Такой успех! Признание! Очень рады, очень... – он на секунду замолк и тут же продолжил: – Вижу, есть проблемы. А как же у творцов без проблем? Без проблем и творения не идут. Вот у нас вчера сняли все вопросы. Теперь работаем, так сказать, на благо. Для народа, для творцов, для вас завсегда рады... Сегодня желаете что-нибудь веселенькое – так сказать, желаете развеяться от трудов творческих? Этого у нас сегодня выбор широк: и праздники, и ярмарки, и древние, и современные... да вот возьмите хотя бы театры древности, разных времен и народов...

Администратор, как всегда оседлав тему оказания услуг, не умолкал. Он еще несколько минут перечислял новые опции, добавлял детали, разъяснял, как мог, сущности иллюзий и в конце концов перешел к отзывам известных лиц – клиентов конторы.

– Не буду называть фамилий, но мы-то с вами знаем всех наших! Вот, к примеру, некто очень был доволен детской ел-

кой, где ему вручили огромную игрушку. Он так это запечатлел в памяти, что прямо со слезами извлекали его из кокона. Так, что вы решили? – остановил свой рассказ администратор. – Ай! Чуть не забыл: вы обещали рифмочки нам.

– Я принес, – ответил он и достал из кармана помятый листок.

Администратор сосредоточился на чтении и, шевеля губами, прочел текст. Затем положил листок на стол, снова взял его, прочел про себя еще раз и только тогда улыбнулся.

– Мы можем это разместить у себя за вашим именем?

– Да, – ответил он и подумал: «О каком успехе и признании говорил администратор? Надо бы спросить... Потом, потом...»

– Так что вы решили? – спросил администратор.

– Мне бы «тихий уголок».

Администратор нахмурился.

– Мы эту опцию закрыли. Вы знаете, после того случая контролеры настаивали на большем, но удалось договориться – закрыли только «тихий уголок».

– Очень жаль, – сказал он и спросил: – А что же там такое опасное было?

Администратор как-то настороженно огляделся и шепотом ответил:

– Наши умельцы выстроили такой алгоритм, что у клиента обнаруживается самая откровенная, до поры запрятанная от всех, а может, и от самого себя, самая потаенная эмоция.

– И это опасно? – спросил он снова.

– Как видите, клиент не вернулся, – тихо ответил администратор.

– Очень жаль, – снова повторил он.

– Да, конечно, клиента жалко. Мы теперь страховку ему выплачиваем, да она ему ни к чему – лежит себе тихонечко. Жаль... – равнодушно пробубнил администратор.

Собеседники помолчали несколько секунд.

– Тогда, если можно, мне новую вашу штуку – импровизацию.

– Это можно, – оживился администратор. – Только определитесь со временем и местом пребывания в прошлом – это будет интересно.

– Ну что, ефрейтор? Нравится картина? – старшина с гордостью рассматривал нарисованного во весь рост пограничника.

– Вот же, удалось сделать! – добавил он. – А какой размер! На все два этажа!

Пограничник был строг. Он красовался на белой кирпичной стене в профиль в полевой форме, и его фуражка ярким зеленым пятном выделялась под самой крышей. Сапоги пограничника были начищены до блеска. Мастер, изобразивший его, знал толк в светотени.

– Нравится? – повторил вопрос старшина.

– Да, – тихо ответил он.

– Ты, ефрейтор, наверное, художником стал? Помню, рисовал ты неплохо.

– Нет, – односложно ответил он.

– Как нет? – удивился старшина. – А чем же ты занимаешься?

– Рифмую, – ответил он.

– Это как? Что это за занятие, не понимаю! – старшина оторвал взгляд от пограничника и повернулся к нему. – Рифмуешь? Как рифмуешь?

– Стихи сочиняю, – ответил он.

– А-а... – протянул старшина. Это вроде... – и он нараспев продекламировал:

К нам вчера враги пришли —

Повредили сапоги.

Босиком нам воевать,

На удобства наплевать...

Этим, что ли, зарабатываешь? – с недоверием уточнил старшина.

– Вроде того, – ответил он. Ему показалось, что старшина разговаривает с ним его же голосом. Он хотел спросить старшину о чём-то важном – может быть, о том, кто же изобразил этого гиганта-погранца на стене. Но старшина исчез, а из казармы по ступенькам крыльца уже спускался замполит

и, ехидно улыбаясь, приказал:

– Ефрейтор, зайдите в канцелярию. В каких отношениях вы находитесь с... – и замполит назвал ее имя и фамилию. Он подозрительно буравил ефрейтора острыми глазками и, наверное, ждал ошеломительного эффекта от своего вопроса. Ефрейтор пытался скрыть смущение, отвел взгляд в сторону и лихорадочно прокручивал в голове одну-единственную мысль: «Как замполит мог узнать про нее?» Ему было известно, что замполит любит собирать в селе разные сведения о погранцах. Эта информация, наверное, для замполитовской деятельности и полезна, но про нее в селе никто не знал, а свои выдать не могли.

– Ну так что же, ефрейтор? В каких отношениях вы состоите с...? – замполит повторил вопрос.

– В нормальных, – скрывая волнение, ответил он.

Замполит, довольный эффектом от своего вопроса, уже почти весело продолжил:

– Я сегодня ехал в автобусе с сельскими и спросил девчонку: кого они хотят, чтобы я отпускал в увольнение? Так она ответила, что вас надо отпускать почаще.

Ефрейтор молча ждал продолжения, и замполит продолжил:

– Так что если вам надо в увольнение – обращайтесь.

После небольшой паузы ефрейтор спросил:

– Разрешите идти?

– Идите, – ответил замполит.

– Так точно, – произнес ефрейтор и подумал: «Зачем я это сказал? Эти “так точно” здесь ни к чему».

Он вышел из канцелярии; справа по коридору находилась ленинская комната. Он подумал: «Интересно, какая там висит стенгазета? Может быть, еще та, которую я рисовал?»

Мимо него прошел наряд докладывать о прибытии со службы. Форма на погранцах была та же, что и тогда, когда он служил здесь. Он вышел во двор, обернулся посмотреть на гигантского пограничника и, не обнаружив его на кирпичной стене, выбрался на грунтовую дорогу, ведущую к селу.

Полуденное августовское солнце ярко освещало перезревшую зелень по краям дороги. Где-то слева сквозь кусты просматривалась большая река. Справа тянулся низкий лесок, прерывающийся небольшими полянами с высокой пожухлой травой.

Он шел по накатанной колее и размышлял:

«Эта услуга весьма занята – хватает мысли на лету и картинку меняет, путается, как это бывает иногда в голове. Так глядишь – и ее могу встретить в селе. Тогда, в последний раз, она вышла в туго завязанном белом платке – так сельчанки носят платки, когда работают в поле».

Он шел и вспоминал, как впервые увидел ее.

Она стояла на песчаной отмели и рисовала реку. Было начало лета; он уже второй час торчал на вышке и наблюдал за границей. По реке изредка проходили самоходные баржи. Вверх по течению – порожние, вниз – груженные.

Она появилась в легком платье с коробкой и треногой, которые он сначала принял за какие-то незнакомые деревяшки. Он целый час наблюдал за ней, но отсюда издали детали картины разглядеть ему не удавалось.

Потом, через несколько дней, ребята рассказали, что в селе появилась красавица-художница. Приехала навестить родителей. Ходит-бродит окрест и что-то всё время рисует.

А потом он встретил ее в местном клубе на танцах, куда иногда отпускали погранцов. Там он скорее появлялся из любопытства и к тому же для того, чтобы отвлечься от казарменного быта. Приглашать местных девчонок потанцевать ему казалось как-то неудобно. Танцевать в полевой форме и в сапогах он стеснялся.

Она первой подошла к нему и предложила потанцевать медленный танец. Они потоптались на одном месте, и она спросила его:

– Как тебя зовут?

Он ответил. Когда медленная мелодия затихла, они уже знали друг о друге многое. Она была старше его почти на десять лет. Профессиональная художница жила в большом городе и изредка летом навещала стареньких родителей. Он, похоже, ей понравился своим интеллигентским видом, и, когда танцы закончились, она проводила его до заставы.

Впереди показались крайние сельские дома. Он взглянул на свои сапоги. Начищенные с утра, они покрылись дорожной пылью и выглядели не очень. Солнце пригревало, и он

растянул ворот гимнастерки. Миновав несколько деревянных строений с палисадниками, полными ярких цветов, он поравнялся со зданием старой заставы и деревянной вышкой, уже заброшенной после переезда. Он вспоминал, как они ночью, спасаясь от комаров, забрались наверх и целовались там. Она называла его «мой мальчик», а он придумал ей прозвище Кусявка, потому что, целуясь, она покусывала ему губы.

На солнце ноги в сапогах непривычно согрелись – он взглянул вниз и с изумлением обнаружил, что на нём его любимые мокасины, а вместо гимнастерки – легкая рубашка с короткими рукавами.

«Да, мыслями управлять сложно, – подумал он. – Машина так тонко настроена: чуть зазеваешься – и можешь оказаться совсем в неожиданной ситуации».

Он мысленно вернул себе яловые сапоги, гимнастерку и повернул в проулок к ее дому. Одноэтажный бревенчатый дом, обнесенный старым штакетником, казалось, был пуст. Белые занавески на окнах были задернуты и подчеркивали отсутствие хозяев. Летняя кухня тоже пустовала, как и тогда, когда он ночью пробрался в нее. Спрятался за открытой дверью внутри и с испугу неожиданно поздоровался с ее отцом, когда тот вышел ночью из дома.

Он усмехнулся, вспомнив этот эпизод: ее отец не удивился непрошеному ночному гостю – щелкнул выключателем, чтобы зажечь свет, и спросил:

– Ты за...? – и назвал ее имя.

– Да, – ответил гость.

А сейчас был день, и он увидел ее. Она спустилась с крыльца и не спеша направилась навстречу ему. Они сели рядом на брёвна, лежащие у обочины. Она молчала и, наверное, ждала, что скажет он. А он уже знал, что за ней приехал жених. Она грустно просила его:

– Тебя отпустили надолго?

– Навсегда, – ответил он.

Она кивнула головой, отвела взгляд в сторону и тихо вздохнула, как будто тоже понимала, что это их последняя встреча.

– Он уже был у вас? – спросил он.

Она молча кивнула головой. Он хотел тронуть ее за руку, но она, упредив его, отдернула руку, делая вид, что поправляет платок на голове. Говорить было не о чем. Они посидели еще несколько минут. Она встала первой и тихо сказала:

– Ну, я пойду.

Он кивнул головой и подумал про себя: вот и закончилась его пограничная любовь.

Он долго стоял возле ее дома и не решался зайти во двор. Яркая луна освещала село. Сзади за забором осталось старое строение заставы, и он опасался, что вдруг там крикнут: «Застава, в ружьё!», а он не услышит этой команды.

Прямо на него смотрело настороженное лицо администратора.

– Ну как? Всё в порядке? – спросил администратор.

Два вежливых лаборанта аккуратно протерли его вспотевшее лицо и шею.

– Да, – ответил он, освобождаясь от датчиков.

Администратор, услышав это «да», улыбнулся и спросил:

– Многоватенько эмоций за пять минут?

– Пять минут? – удивился он.

– Так точно, пять минут с секундами, – ответил администратор.

– А как вы узнали, где я был? – спросил он, приходя в себя.

– Так вы несколько раз прокричали «Так точно!» и «Разрешите идти?», – улыбаясь, ответил администратор.

Ровно в десять он позвонил дяде и, как только услышал «алё», выпалил в трубку:

– Мой номер семь.

– Ваши реквизиты? – услышал он в ответ.

– То есть мое имя? – переспросил он.

Сухой суровый голос повторил:

– Да, все реквизиты.

– Я... – и он скороговоркой назвал себя, род занятий, год рождения, место жительства и после паузы, уже не зная, что добавить, спросил: – Я могу надеяться, что лицензию я получу очень быстро?

– Изложите суть! – потребовал голос.

– Какую суть? – переспросил он.

– Вы что, в первый раз? – недовольно спросили его.

– Нет, во второй, – ответил он.

– Что вы хотите? – раздраженно спросили его.

Он понял, что наступил решительный момент и ему следует сосредоточиться.

– Мне нужна новая поэтическая лицензия. У меня есть действующая, но мне сказали, что изменили форму лицензии...

Голос в трубке прервал его:

– Понятно. Завтра в то же время в сквере у вокзала. Вас встретит человек в черном.

«Опять в черном», – подумал он, когда в трубке раздались короткие гудки.

На следующее утро в полдесятого он топтался среди скамеек, занесенных снегом. Здесь за ночь намело столько, что только узкие тропочки, проделанные утренними прохожими, позволяли передвигаться по заснеженному простран-

ству.

Некто в черном появился ровно в десять.

– Вот ваша лицензия, – он протянул темный пакет. – С вас пятьсот.

– А раньше можно было строчками, – осторожно заметил он, узнав в этом черном того старикашку из центра лицензирования.

– Я вас помню, – хмуро отреагировал старикашка. – Всё меняется. В строчках теперь нет нужды. Мама мечтала, чтобы дочь стала поэтессой. У самой-то плохо получалось. Теперь мамы нет, и дочка осталась свободной, без долженствований.

Он протянул старикашке пятьсот благ и, распрощавшись, поспешил в город. Горожане суетливо передвигались по заснеженным тротуарам. Почти никто не замечал, как над домами медленно проявляется из легкой дымки огромное солнце. Он щурился от его лучей, которые, искрясь, рассыпались на пушистом снегу. Он любил такую погоду. Еще не очень холодно, еще слежавшийся снег не превратился в ледяную корку, еще впереди были Новый год и яркие городские елки.

Он положил пакет с лицензией во внутренний карман длинного пальто и двинулся в свое любимое зимнее кафе, где не был с прошлой весны.

Он сразу заметил ее – она сидела одна за дальним столиком у окна. Это была та самая незнакомка в черном. Она

кого-то ждала, поглядывая на входящих посетителей. Ему показалось (скорее, он почувствовал), что эта молодая женщина чем-то напоминает ему ту, ныне такую далекую, пограничную любовь. Он замешкался у входа, не решаясь сразу направиться к ней, и несколько секунд просто стоял и смотрел в ее сторону, пока она не узнала его и не удивилась неожиданной встрече. Он улыбнулся ей в ответ и, подойдя к ее столику, спросил:

– Не помешаю?

Она, как бы оправдываясь, что не сразу узнала его, ответила:

– Ах, это вы, – и немного смущаясь, добавила: – Да, конечно, присаживайтесь.

Он заказал себе чашечку кофе. Она отказалась от предложения что-то заказать себе.

– Вы кого-то ждете? – спросил он.

– Да, – ответила она и, стараясь поддержать разговор, спросила: – Рифмуете?

– Да, помаленьку. Хотите, почитаю?

Она замялась – видимо, не зная, что ответить.

– А вот и он, – сказала она, улыбаясь кому-то сзади.

– Вы, я вижу, отдыхаете, – раздался бодрый мужской голос. – Сегодня морозно. Такая погода нас должна радовать. Не правда ли?

Молодой человек поцеловал ее в щеку и уверенно разместился за столом между ними.

– Это мой друг, – сказала она, указывая на молодого человека. – А это мой знакомый рифмовщик.

Он кивнул головой «мойдругу».

– Рифмовщик – шлифовщик. Хорошая рифма, – включился в беседу «мойдруг». – Шлифуете слова и мысли. Вот если бы были рифмователем, тогда можно было бы зарифмовать с обывателем.

«Мойдруг» искренне улыбнулся, довольный своей шуткой. Она решила прервать «мойдруга» и предложила:

– Может быть, прочтете что-нибудь?

Он отпил пару глотков кофе и прочел:

– Мне когда-то станет грустно

Оттого, что в доме пусто.

Может, оттого, что осень,

Может, оттого, что бросил.

Я рыдать совсем не стану,

Чтобы не тревожить маму.

Ей судьбой досталась дочка —

Вот такая заморочка.

– О! Вы пишете от женского лица, – удивился «мойдруг». – Наверное, в прошлой жизни вы были женщиной. Знаете, есть такая теория превращения...

Она снова перебила «мойдруга» и попросила:

– А можно еще что-нибудь?

– Можно, – покорно согласился он и без выражения про-

чел:

Свеча у зеркала горела,
И пламя в сумраке играло.
А я куда-то вдаль смотрела,
Что там, вдали? Еще не знала.
Придет ли он, меня заметив.
Я ожиданием полна.
Быть может, зеркало ответит —
Я жду, я жду, я здесь одна.
Я чувствую, что счастье близко,
Вот-вот наступит час чудес.
И всё, что было раньше низко,
Высоким станет до небес.
Я вся дрожу, но страх проходит,
И рок мой где-то рядом бродит.
Что принесет мне? Не понять,
И я опять бегу гадать.

– Вы точно когда-то были женщиной, – уверенно заметил
«мойдруг». – Или...

– Или, – прервал он «мойдруга» и прочел:

Если вам не повезло —
Вы проснулись рано,
Вашу лошадь понесло
Иль открылась рана, —
Горевать не стоит вам:
У других похуже:

У кого-то нету дам,
Кто-то сядет в лужу.
Кто-то смертную тоску
Заведет в квартире,
Кто-то в гроб себе доску
Подберет пошире.
Наслаждайтесь каждым днем,
Прогоните скуку
И не будьте старым пнем —
Вот и вся наука!

– Так вы можете и так – значит, вы...

Она не дала «мойдругу» развить свою мысль – встала и решительно произнесла:

– Простите. Нам пора.

«Мойдруг» стремительно вскочил вслед за ней.

– Да, пора. Извините, если что-то сказал не так.

Он в ответ кивнул головой и произнес только одно слово:

– Прощайте.

Молодые люди спешно покинули кафе, а он еще с полчаса посидел в полупустом зале, а затем направился в контору к администратору.

В конторе в этот раз было многолюдно. Посетители, увидев его у входной двери, зашушукались:

– Автор... Сам автор идет...

После присуждения ему премии его стали узнавать. Некоторые с ним здоровались – он машинально и несколько смущенно отвечал им кивком головы. Встречающий клерк проводил его в кабинет к администратору.

– Рад! Очень рад видеть вас снова у нас, – администратор встал из-за стола и радушно пригласил его расположиться в креслах. – Ваши рифмы нам так помогли – посетителей явно прибавилось! Я рад сообщить вам решение наших учредителей: отныне вы наш почетный клиент с бесплатным обслуживанием.

– Спасибо! – ответил он и продекламировал:

Грезы, как прекрасны вы!
С вами счастливы мы вместе.
Как нежнейшие цветы,
Вы везде. Вы в нужном месте.

Там, среди свободных снов,
Обретаем вдохновенье
И стремимся вновь и вновь
Задержаться на мгновенье.

Не мешайте грезить нам —
Нас реальности пугают.
Лучше предадимся снам —
Сны куда-то увлекают.

Ну и пусть! Влекомы мы,
Нет отрадней положенья.
В грезах пролетают дни —
Вы согласны с этим мненьем?
Не согласны? Очень жаль —
Ожидает вас печаль.

Администратор внимательно посмотрел на него, прищурился и как-то неуверенно произнес:

– Да, конечно, грезы... Ах, эти грезы... – и после паузы спросил: – Это тоже для нас?

– Да, если хотите, – ответил он.

Администратор с минуту помолчал, заставил себя улыбнуться и спросил:

– Чем изволите порадоваться сегодня?

– Пожалуй, такое же, как в прошлый раз. Только теперь зимой и годом раньше, – ответил он.

– Чудесно, чудесно, – обрадовался администратор, как будто сам собрался отправиться вместе с ним на замороженную, заснеженную реку – туда, где стояла застава.

– Понимаем, понимаем. Пришла зима, – администратор кивнул в сторону окон. – Хочется свою прошлую зимушку попробовать на ощупь – так сказать, эмоцию ту зимнюю с этой сравнить. Хорошая мысль, хорошая... Припоминаю: если не ошибаюсь, в прошлый раз у вас там лето было?

– Да, тепло, – ответил он.

– Вот теперь можно и померзнуть, – с улыбкой продолжил

администратор. – Сейчас я распоряжусь, и вас обслужат.

Администратор вызвал секретаря, а он взглянул на часы: стрелки показывали час дня. В том дальнем дозоре он уже начал сильно уставать.

Старший наряда, ожидая его, снова остановился. А он лежал на жестком снегу и уже несколько минут не мог подняться. Он закрыл глаза, и мысли его устремились в то далекое детство, когда он гонял по пригородным горкам на своих легких лыжах. Лыжи у него были классные – слоеные с жесткими креплениями, не то что нынешние, выпиленные из простой доски. Да и палки он долго выбирал в магазине и всё-таки нашел тонкие, бамбуковые, легкие и прочные. А местные палки могли бы пригодиться для войны и для прочной мебели. Толстые и тяжелые, они явно не годились для бега по лыжне.

Он открыл глаза. Старший так и стоял метрах в пятидесяти от него и нетерпеливо ждал, когда он поднимется.

«Как только я встану, он сразу ринется вперед, – подумал он, – и опять придется гнаться за ним и, наверное, через полкилометра падать от усталости в снег».

Он приподнял голову. Впереди был ровный участок реки, и где-то там, километров за десять, находился пока еще невидимый их финиш. Он мысленно поменял всё свое сна-

ряжение. Теперь на нём были его лыжи и черные ботинки. Легкие бамбуковые палки лежали рядом на снегу. Вместо ватных штанов, армейского бушлата и серой шапки-ушанки на нём были лыжные шаровары, домашний свитер, а на голове ощущалась маленькая вязаная шапочка. Он легко поднялся, встал на лыжню – боль в мышцах прошла; оттолкнулся двумя палками и заскользил по накатанному следу. Сегодня он угадал со смазкой – лыжи двигались отменно, без отдачи. Он набрал ход – и уже через пятнадцать минут, не более, догнал старшего. Скорость была высока, его лыжи наезжали на концы лыж впереди идущего. На школьных соревнованиях в таких случаях, когда не было параллельной лыжни, впереди идущий должен был уступить дорогу. Старший не уступал – по его напряженной спине было видно, что он изо всех сил старается увеличить скорость, но это ему не удавалось. Через километр такой гонки старший, зацепившись за неудачно поставленную палку, упал в снег, а он остановился сзади и мысленно вернул себе всё военное снаряжение. Теперь на нём снова красовались серые валенки, ватные штаны, защитного цвета бушлат и всё остальное для службы, автомат висел сзади за спиной – то есть всё, что положено иметь дозорному, было на месте. Он обошел лежащего старшего, оперся грудью о палки и ждал, пока тот встанет. Старший тяжело дышал, он еще с минуту восстанавливался, а затем зло выдавил из себя:

– Ты, салага, сильно бежишь. Будешь идти сзади в пяти

метрах, как положено. Меня давить не надо. Понял?

– Понял, – ответил он и, когда старший встал на лыжню, расположился сзади. Он уже привычно вернул себе свое школьное снаряжение и легко заскользил за старшим, не приближаясь и не отставая от него.

От равномерного движения пришли спокойствие и уверенность. Морозный воздух бодрил. Солнце из-за марева тонких облаков не слепило, освещая весь их еще пока что долгий путь. До береговых ив, где они должны были свернуть к селу, было еще далеко. Это место только-только, едва заметно, развиднелось тонкой узкой полоской в морозной туманной дымке.

Он видел, как старший идет впереди не ускоряясь, – наверное, он наконец-то понял, что не стоит устраивать гонки в дозоре. А сам он скользил по лыжне, то толкаясь обеими палками, то попеременно широкими классическими шагами двигался вперед. Он шел и думал:

«Вот так можно идти далеко-далеко, не останавливаясь». А когда он выйдет к селу, он не будет пить много воды, чтобы не ослабеть.

Старшего он отправил далеко вперед и смотрел ему вслед, пока маленькая фигурка не превратилась в еле различимую точку, а потом и вовсе исчезла. Он остался один. Он шел и улыбался. Он был счастлив в этом белом пространстве. Он рифмовал. Все беспокойные мысли ушли. Была только долгая дорога, и он легко скользил по лыжне, уходящей за го-

ризонт.

Администратор суетливо крутился вокруг него, когда его вынимали из кокона.

– Это ж надо!.. Ну никак не ожидал! Погубил он нас! Погубил... – администратор повторял эти слова и растерянно смотрел на обездвиженное тело, которое лаборанты аккуратно уложили на каталку. Администратор запаниковал и шепотом обращался ко всем, кто появлялся в иллюзионном зале:

– Почему не вернулся? Почему? Теперь точно закроют...

Кто-то сзади тихо сказал ему на ухо:

– Шеф, надо вызвать медиков.

– Вызывайте, – махнув рукой, ответил администратор.

Он, наклонившись над лежащим клиентом, долго рассматривал его лицо, пытаясь понять, где находится этот маэстро. А маэстро тихо лежал с закрытыми глазами и улыбался – он рифмовал:

Не стоит торопиться,
Когда в конце не видно света,
Когда одни и те же лица
Идут по кругу без ответа.

Не стоит к истине стремиться,
Когда понятия исчезают,

Когда стареющие лица —
И те так мало в жизни знают.

И всё же праздник ожидаем,
И праздник этот приближаем,
И ищем, ищем беспокойно
Всё то, что кажется достойным...

На морозном воздухе рифмы складывались сами собой, и
он продолжил:

Не торопись, идущий по дороге:

Длинна твоя тропинка в бурях.

Дыши и наслаждайся! Грозные отроги
Еще тебе отсюда не
видны,

Еще сегодня бурные пороги
За поворотом скрыты до по-
ры.

19.05.2015 – 24.09.2015

ОТКИН

Сюрреалистическая повесть

Дорогой автор!

Спасибо за рукопись «Откина» и примите наши извинения за то, что не сразу ответили вам. Прошло уже более двух недель, как мы читаем и, если можно так выразиться, изучаем ваше последнее произведение. Понимаем и принимаем ваши усилия и настойчивость в исполнении сложной задачи – связать воедино три ваши повести. Некоторым образом мы оказались причастны к «Откину». Это утверждение, как мы думаем, требует пояснений. Для этого нам стоит припомнить наше письмо по поводу «И здесь, и там» и ваши разъяснения к этой повести. В данный момент следует процитировать ваши слова: «И думается, что читатель с фантазией мог бы сам умозрительно достроить историю превращения Крео в одинокого рифмовщика из второй повести» и привести нашу цитату: «... зря вы, дорогой друг, не изложили читателю историю превращения энергичного Крео в одинокого старика... По нынешним временам читатель с такой неумной фантазией, позволяющей за автора додумывать сюжет, не водится».

Надеемся, что теперь нам всем всё стало ясно. Всем нам, но не читателю. Вот, прочтите следующее: «Очень путано всё. Понимаю, что общий сюжет абсолютно не отложился. На мой вкус, не очень. А этот Откин – это что, оживший из второй повести “oh”? Понятней надо писать!»

Это один из самых «спокойных» отзывов наших знакомых, которым мы, как говорится, на пробу предложили прочесть «Рифмовщика». На наш взгляд, стоило бы «Откина» расположить между «Яблоком» и «И здесь, и там» и, пожалуй, Крео сразу обозвать Откиным – тогда бы рядовой читатель разобрался бы, что к чему. Но ваше упорное желание создавать трудности для чтения ни к чему хорошему не приведет. Шарадам и головоломкам не место в повестях и рассказах. Вы, конечно, можете нам возразить: в жанре детектива есть элементы головоломок. Да, конечно, детектив специально пишется только для того, чтобы читателя увлечь, даже привлечь к расследованию какой-нибудь запутанной истории. Но ваши повести совсем не похожи на классические детективы.

И уж потерпите последнее наше дружеское замечание. Многовато у вас диалогов, разговоров. Обычному человеку такой текст в большом количестве быстро наскучивает. Мало действия. Мы-то, конечно, понимаем ваш замысел – на фоне бытового общения попробовать дать читателю темы для раздумий. Ну, например, о стремлении человека к свободе. Но мы, как говорится, «тертые калачи» в литературе, а

обычный читатель вряд ли так тщательно будет раздумывать над текстом. Мы в этом уверены.

Таким образом, подводя итоги вышеизложенному и понимая, что наши замечания и рекомендации вы нечасто учитываете, призываем вас хотя бы на будущее творить чуточку понятнее для массового читателя, а не сочинять нечто для какой-то избранной публики. Этим и заканчиваем несколько длинноватый текст с пожеланиями дальнейших успехов.

С уважением, ваши друзья и почитатели.

*Нечто странное – без смысла Появилось и ушло.
Может быть, чужие мысли?
Ну уж точно не мое...
(из веселой песенки)*

Яркое весеннее солнце заглянуло на открытую веранду. Официант принял заказ и торжественно удалился в глубину ресторана.

– Уютное местечко, – сказала большая дама в светлом платье. – Я здесь впервые. Интересно: хороша ли здесь кухня?

– Кухня как кухня, – недовольно поворчал крупный пожилой мужчина. – А вот за природу надо будет заплатить.

– Как это – за природу? – удивилась большая дама.

Крупный мужчина ответил:

– А вы, голубушка, цены видели?

– Да-да. Здесь так красиво и уютно, что стоит за это заплатить, – ответила большая дама.

– Что вы сказали, я не расслышала? – включилась в разговор бодрая старушка. – Вы же знаете, я не очень хорошо слышу.

– Они говорят, что здесь дорого, – прокричал ей в ухо мужчина средних лет.

– Что дорого? – переспросила бодрая старушка.

– Всё дорого, – весело ответила молодая, стильно одетая

дама. – Что же вы хотите? Этот рестораник не для всех. Правда, дорогой? – она подмигнула мужчине средних лет.

– Мы сегодня отдыхаем и празднуем. Весна пришла. Надо расслабиться, – подтвердил мужчина.

Торжественный официант появился вновь и элегантно разместил на круглом столе приборы.

– Что будем пить? Определились? – обратился он к мужчине средних лет.

Мужчина вопросительно оглядел присутствующих и нерешительно ответил:

– Нам что-нибудь красного для дам. Молодому человеку, – он кинул взгляд в сторону юноши лет восемнадцати. – Что ты будешь? Вино с нами или...

– Мне, если можно, коньяку? – ответил юноша.

– Сто грамм коньяка для молодого человека и водочки для дедушки – сто пятьдесят, – распорядился мужчина средних лет.

Дедушка отвлекся от умиротворенного созерцания весеннего парка и кивком головы подтвердил выбор мужчины.

Официант, довольный заказом, удалился.

– Вы слышали новость? Откин закатил в редакции скандал! – заговорщицки сообщила большая дама. – Ругался и сломал стул. Это возмутительно! Писатель – и так некультурно ведет себя! Говорят, так выражался, просто ужас!

– А как выражался? – пробурчал крупный мужчина. – Вы что же, сами слышали?

– Нет, – несколько смущенно ответила большая дама. – Мне рассказали.

– Вот так у нас всегда! – возмущенно произнес крупный мужчина. – Рассказали... Кто-то, кому-то, а что было на самом деле, никто не знает.

В ответ большая дама чуть обиженно заметила:

– Мне подруга рассказала. Она никогда меня не подводила.

– А подруге кто рассказал? – недовольно спросил крупный мужчина.

Разговор затих, словно тема была исчерпана, и никому не хотелось что-то еще говорить. Ожидали официанта.

– Вы замолчали – почему? – оживилась бодрая старушка. – Мне интересно, чем это закончилось.

Молодая гламурная дама громко, с артикуляцией звуков обратилась к бодрой старушке:

– Вы, мама, знаете Откина?

– Откина? – переспросила старушка. – Это тот, который написал «Грезы во тьме».

– Да, «Грезы», но только не во тьме, а во мгле, – подтвердила молодая дама.

– Да-да, я читала, но подзабыла, как там всё кончилось.

– Там был счастливый конец, – ответила молодая дама.

– Ничего себе счастливый! – проворчал крупный мужчина. – Герой бежит из города в глушь и там прозябает среди непуганой природы.

– Кого он там напугал? Я не расслышала, друг мой, – спросила старушка.

– Никого, – ответил крупный мужчина. – Сам себя.

– Да-да, – заключила старушка. – Хороший писатель, если у него счастливый конец. А то возьмешь роман – а там, боже мой, страсти ничем не кончаются! – продолжила старушка.

Принесли вино. На столе появились легкие закуски. Присутствующие выпили. Разговор продолжился как бы сам по себе, тема нейтральная – о литературе. У каждого было что сказать.

– А я люблю, когда природу описывают, – дедушка после рюмочки водки блаженно и с явным удовольствием наблюдал за остальными. – А то, знаете ли, автор как заведет рассуждения устами героев. Одни диалоги. Разговоров много, а действий мало. Природы вроде и совсем нет. Вот были же произведения об охоте, рыбалке, о лесе, о...

– О путешествиях, – подхватил тему крупный мужчина. – Любо-дорого читать! Я согласен с вами, что сейчас и читать-то нечего. Заведут тягомотину о том, какая жизнь скверная, или того хуже – сексуальные истории. Что об этом писать? Он, она и всё.

– Ну не скажи: есть и интересные вещи, – возразила крупная дама. – И мысли философские, и природа есть. Ты неправ.

– Я неправ? – возмутился крупный мужчина. – Возьмите любую книжку в мягком переплете, откройте в середине,

и если хватит терпения, прочтите хотя бы одну страницу – муть голубая! И у вашего Откина в «Грезах», я открыл и сразу же закрыл.

Одно название – сплошная глупость. Вот еще – запомнил фразу: «Он обнял ее за талию и не спеша поцеловал». Ерунда какая-то! Вот вы можете мне объяснить? – крупный мужчина обратился к большой даме. – Как это можно обнять за талию и не спеша целовать? Руки можно положить на талию, можно обнять за спину, а так за талию – танец какой-то получается! Схватил даму обеими руками по бокам за талию и прямо в губы не спеша – чмок! Смешно!

– Ты совсем ничего не понимаешь, – парировала большая дама. – Ведь можно обнять за талию с боку и нежно поцеловать даму.

– Да-да, – проворчал крупный мужчина. – Нежно поцеловать. А в книжке написано: «неспешно поцеловал». Как это – неспешно? Медленно, что ли?

Бодрая старушка активно включилась в диалог.

– Вы говорите о поцелуях, о которых уже по возрасту всё подзабыли. Вы спросите у молодежи: как они теперь целуются?

Крупный мужчина саркастически улыбнулся и спросил мужчину средних лет:

– Как вы теперь целуетесь?

– На ходу, – быстро отреагировал мужчина. – Ты согласна со мной, дорогая? – он повернулся в сторону гламурной да-

мы. Она смущенно улыбнулась, кивнула головой и добавила:

– Мы уже в среднем возрасте. Спросите молодежь, – обратилась она к скучающему юноше.

– Ну, и как же целуется молодежь – так сказать, наше будущее? – иронично спросил крупный мужчина. – Так же, как сказано в книжке: «обняв за талию и не спеша»?

Юноша не ожидал такого поворота событий – спешно глотнул коньяка, выдохнул и немного взволнованно ответил:

– Нам всё равно, лишь бы был поцелуй, а там уж не спеша, спеша и прочее – это детали.

– Вот-вот! – обрадовался крупный мужчина. – Всё просто и практично. Лишь бы был поцелуй, а всё остальное – схоластика, одна теория без практики.

Появился официант и деловито разместил на столе основные блюда.

– Вот и еда настоящая появилась, не схоластическая, – прокомментировал изменения на столе мужчина средних лет. – Я предлагаю выпить за связь поколений – чтобы она не прерывалась.

– Замечательно! За связь! – поддержала бодрая старушка.

– За нашу молодость! – добавила она.

– За нашу и за вашу, – пробубнил крупный мужчина.

Посетители выпили и обратились к разнообразным яствам. На веранде появился седой мужчина уже в годах. Острым, внимательным взглядом он осмотрел окружающую обстановку и исчез в глубине ресторана.

– Кажется, это он, – прошептала большая дама.

– Кто? – раздельваясь с аппетитным ростбифом, спросил крупный мужчина.

– Крео Откин, – тихо ответила большая дама.

Крупный мужчина спросил:

– Который целует не спеша?

– Ну что ты придрался к одной фразе? Прочел только это – и уже судишь, – возмутилась большая дама. – Помолчал бы! Нельзя судить о том, чего не знаешь.

– Да прочитал я эти «Грезы». Прочитал. Поэтому, голубушка, и судить могу, – парировал крупный мужчина. – Могу даже рецензию свою изложить.

– Знаем мы ваши рецензии! – недовольно ответила большая дама. – Обхаять всё – вот ваши рецензии.

– Нежнейшая вещь! Ведь могут готовить, – произнес дедушка и, довольный, откинулся на стуле. – Вот, смотрите: далеко от моря, а продукт весьма хорош!

– Почему далеко от моря? – спросила бодрая старушка. – Этот Откин – он что, далеко от моря?

– Мама! – громко заявила гламурная дама. – Дедушка говорит о рыбе. Ему рыба понравилась.

– Да, я поняла. О рыбе, – ответила старушка. – Он всегда любил рыбу.

– Морепродукты, – подтвердил дедушка. – Мы, материковые жители, совсем мало потребляем рыбы. Безобразно мало! Ничтожно мало! Отсюда и сосуды все забиты разной га-

достью. А ваш Откин, наверное, много рыбы ест, а посему фантазирует в романах своих, да в этих ваших «Грезах» тоже. Придумал же «лечебные» сны.

– А что, совсем неплохая эта вещь – «лечсны», – пробурчал крупный мужчина. – Только не он придумал это. Всё до него уже придумано. У нас тоже уже открылась одна контора «лечснов». Приходишь и спишь с заказанным сном. Эта штука скоро вытеснит весь наш кинематограф.

Появился официант.

– Десерт будем заказывать? – обратился он к посетителям.

В наступившей тишине послышались слова строгого мужчины, появившегося на веранде:

– Здесь, я думаю, вам будет удобно.

На веранде появился Откин с некрасивой женщиной.

– Мы вот там разместимся, – сказал Откин, указывая на столик в противоположном углу веранды.

– Да, конечно, – услужливо ответил строгий мужчина. – Сейчас вас обслужат.

Откин со своей спутницей прошли к дальнему столику, осмотрелись и заняли места напротив друг друга.

– Он с супругой, – прошептала большая дама.

– Не может быть! – тихо возразил крупный мужчина.

– Ну, ты, конечно, лучше всех всё знаешь, – недовольно продолжила большая дама.

– Нам надо заказать десерт, – перебил их мужчина средних лет. – Давайте выбирать.

– Мне мороженое, – почти выкрикнул молодой человек и, указав пальцем в меню, добавил: – Вот это и это.

Официант кивнул головой и оглядел остальных.

– Мне вот эту штучку – как она называется? – большая дама прищурилась, разглядывая красочный лист.

– Штрудель, – пояснил официант.

– Штрудель, штрудель, где ты был? – слегка пропел крупный мужчина. – Ну что? Ударим по штруделю? Он у вас хороший?

Официант подтвердил:

– Отменный! Наш повар специализируется на штруделях.

– Ну что же, всем штрудель? – оглядывая присутствующих, спросил мужчина средних лет.

Гламурная дама, чуть-чуть замявшись, всё же удовлетворенно кивнула головой. Остальные молча подтвердили свое желание заказать штрудель. Когда заказ был сделан, дедушка произнес:

– Весна, весна. Веселое слово – «весна».

– Веселое, – согласился крупный мужчина. – Но только когда погода хорошая.

– Не скажите, не скажите! – продолжил дедушка. – Весна есть весна. В любую погоду веселость присутствует, а когда впереди много весен, то такая великая веселость наступает, что боже мой! Вот произнесите слово «вёсны» несколько раз – и веселость по всему организму разольется.

– А если этих весен немного осталось? – хмуро заметил

крупный мужчина.

– Если немного, то всё равно надо радоваться, потому что за весной лето приходит, – ответил дедушка. – Посмотрите, какая красота вокруг!

Принесли десерт. Солнечные лучики заиграли на столе. Синее небо проступило сквозь свежую листву берез и лип. Вечерняя теплота разлилась по веранде, и собеседники не спеша приступили к поглощению десертных яств. Заказали чай, кофе – кому что захотелось, – и разговор вернулся к Откину и его спутнице.

– Это его последняя обожательница, – повертев головой, произнес крупный мужчина.

– Вам нравится здесь? – спросил Крео.

– Да, очень уютно и красиво, – ответила спутница. – Зелень в парке так украшает это место!

– Весна, весна... После зимы она украшает всё, – согласился Крео.

Официант терпеливо ждал, когда посетители – седой мужчина уже в годах и его спутница, некрасивая женщина – выберут что-либо из меню.

– А что там вдалеке с удовольствием потребляет дружная семья? – спросил Крео официанта.

– Молодой человек лакомится мороженым, остальные

угощаются штруделем, – сухо ответил официант.

– Пожалуй, и мы угостимся штруделем. Вы не возражаете? – обратился Крео к спутнице и добавил: – И нам бы чаю.

Спутница в знак согласия кивнула головой.

– Сейчас они будут обсуждать меня и вас. Особенно вас.

– Вы так думаете? – удивилась женщина. – По-моему, они заняты чем-то другим.

– Может быть, может быть, но мне кажется, что только дедуля говорит и думает о чём-то отвлеченном, например о весне, – остальные заняты нами.

– Откуда это вы взяли? – удивилась женщина. – Вы сидите к ним спиной и всё уже успели заметить.

– Да, успел, – ответил седой мужчина. – Вот, проверяйте: спиной к нам сидит крупный мужчина, почти лысый, лет за шестьдесят. Он у них считается знатоком всего и вся. Всё время ворчит и часто чем-то недоволен. Напротив него – большая женщина в белом платье. По-моему, это его жена: часто не соглашается с ним, но вследствие мягкости характера постоянно уступает ему. Рядом с ней глухая старушка – скорее всего, мать молодой дамы гламурного вида... Вы успеваете следить за моим описанием?

– Да, успеваю, – ответила женщина. – У вас острое зрение, и вы наблюдательный человек.

– Наблюдательный человек... – задумчиво произнес

Крео. – Ну что ж, продолжим? – сказал он, когда принесли штрудель и чай.

– Хорошо, – ответила спутница.

– Слева от гламурной дамы – мужчина средних лет. Он там главный – по крайней мере, он руководит этим процессом заказа и поедания блюд. А мальчик с мороженым – это, пожалуй, его сын и гламурной дамочки. Еще совсем мальчик – скучает среди семейных «аксакалов», и единственным его развлечением являются изысканные блюда этого заведения. Я бы начал описание этого процесса такой фразой: «Яркое весеннее солнце заглянуло на открытую веранду».

Некрасивая женщина улыбнулась и спросила:

– А что бы вы написали дальше?

– Дальше я бы написал, как это общество обсуждает какой-нибудь роман известного писателя. Назовем его, к примеру, Откиным, и роман его я назвал бы как-нибудь эдак, – седой мужчина на минуту задумался. – Ну, скажем, так: – «Грезы во мгле». Крупный мужчина подверг бы одну фразу из романа резкой ироничной критике. С ним бы не согласилась большая женщина – и так не спеша вся компания перешла бы к обсуждению Откина с его спутницей.

– А какую бы фразу так резко раскритиковал крупный мужчина? – спросила женщина.

– О! Таких фраз могло бы быть великое множество. Вот, прямо на лету могу предложить, – и Крео нараспев произнес: – «Он обнял её за талию и не спеша поцеловал».

– И что же здесь его не устроило?

– Ему непонятна технология обнимания за талию и даль-

нейшего целования, – ответил Крео.

– Почему непонятно? – удивилась женщина. – Мы можем продемонстрировать этот прием, то есть меня обнять за талию и не спеша поцеловать?

– Вы действительно этого хотите? – прищурившись, спросил он.

– Ему, – она кивнула в сторону крупного мужчины, – непонятна технология. Давайте покажем ему, как это делается.

– Вы смелая женщина, – заявил Крео. – Ну что же, давайте попробуем. Им на это будет интересно посмотреть.

Седой мужчина в годах встал, присел рядом со спутницей в свободное кресло, правой рукой обнял ее за талию и не спеша поцеловал в щеку. Вернувшись на место, он продолжил:

– Теперь у них будет острая тема для продолжения беседы.

– А как у вас сложилось бы повествование в «Грезах во мгле»?

– «Грезы во мгле», – повторил он. – Это длинная история о том, как преуспевающий писатель, редактор литературного журнала постепенно всю свою литературную деятельность свернул и... – он на минуту задумался, – и превратился в маленького человека-рифмовщика.

– Грустная история, – заметила женщина.

– Я так не думаю, – возразил Крео. – Я полагаю, что этот

Откин в конце концов нашел себя – как говорится, нашел свое тихое счастье. Как этот дедуля напротив. Рассуждает о весне, о счастье – и тем доволен. Я бы, пожалуй, эту весеннюю тему раскрыл пошире. Как-нибудь вот так, – и седой мужчина, закрыв глаза, тихо, словно кто-то ему подсказывал текст, начал читать:

«Зима медленно отступала. Снега уходили, уменьшались – сначала еле заметно, потом чуть быстрее.

Он каждое утро наблюдал из окна, как уменьшается высокий сугроб у крыльца. Особенно это было заметно в солнечные дни. Со стороны его лучей снег превращался в причудливые мелкие ледяные узоры. Лучи солнца как будто выгрызали в сугробе ямки, искрящиеся тонкими прозрачными фигурками. В пасмурную погоду сугроб почти не таял. А бывали дни, когда темные тучи приносили хлопья влажного снега, и вся солнечная работа шла насмарку – сугроб немного подрастал, и, казалось, весна надолго отступала.

В такие дни ему становилось грустно, и он понимал, чувствовал, что придется потерпеть еще несколько недель, а может быть, и целый месяц до возвращения весны. Но дни летели, заботы безжалостно съедали время. Случалось, что он забывал посмотреть на свой сугроб, и в одно прекрасное утро сугроб исчез. Неожиданный теплый дождь за ночь уничтожил все остатки зимы. На месте его сугроба осталось грязное темное пятно со старой пожухлой травой, сквозь которую скромно пробивалась редкая зелень. Потом стало тепло,

появились первые листики, новые запахи, новые, по-настоящему весенние дни».

Она тихо сидела и ожидала продолжения, а он помолчал немного и сказал:

– Они определились с вашим статусом.

Выходя из оцепенения от рассказа о сугробе, она спросила:

– Какой статус?

– Статус – это то, что вы представляете, будучи рядом со мной, – ответил он.

– И каков же мой статус? – снова спросила она.

– Последняя обожательница, – ответил он.

– Почему последняя? – удивилась она. – Разве все ваши обожательницы на мне закончились?

– Они так считают, – ответил он.

Они помолчали, допили чай, и Крео спросил:

– Закажем еще что-нибудь? Может быть, вина?

Она ответила:

– Пожалуй, да.

Принесли вино. Солнечные лучики заиграли на столе. Синее небо проступило сквозь свежую листву берез и лип. Вечерняя теплота разлилась по веранде, и собеседники не спеша приступили к поглощению вина.

– Почему вы перестали писать стихи? – спросила она.

Он обернулся и мельком взглянул на компанию, заканчивающую трапезу.

– Из-за них, – улыбнувшись, ответил он.

– Там сидят ваши знакомые? – удивленно спросила она.

– Нет, не совсем, – ответил он.

Она внимательно посмотрела на него, пытаясь понять, что он хотел сказать, и решила задать следующий вопрос:

– Там сидит кто-то из ваших бывших родственников? – и, увидев, как он, улыбаясь, замотал головой, поправилась: – Не из бывших, а просто родственников?

– Нет-нет, – ответил он. – Ни бывших, ни теперешних там нет. Просто я хотел сказать, что людям в повседневности стихи не нужны. Ни к чему они, эти рифмованные словечки.

Она слушала его, и в ее взгляде он заметил непонимание и удивление. Она, широко раскрыв глаза, не моргая, смотрела на него, и в этом можно было почувствовать одновременно и какую-то скрытую страсть, и боязнь пропустить что-то важное в его словах.

– Вам непонятно, о чём я говорю? – спросил он.

Она смутилась и отвела взгляд в сторону.

– Я думаю, что хорошие стихи нужны.

– Хорошие? – спросил он и сам ответил: – И хорошие не нужны – любые не нужны. Оглянитесь вокруг. Много вы видите читающих стихи?

Она в ответ покачала головой.

– Вот, посмотрите внимательно на эту компанию и скажите: как часто они употребляют стихи?

– Употребляют. Почему употребляют? Вы, наверное, хо-

тели сказать «читают»?

– Может быть, и так – читают, но мне больше нравится «употребляют», – ответил он. – Так как же вы ответите на мой вопрос?

Она задумалась.

– Я, пожалуй, не обладаю такими, как у вас, способностями – определять «характеры» на расстоянии.

– И всё-таки попробуйте! Вам эти «характеры» хорошо видны – вы сидите к ним лицом, а мне трудно затылком что-то разглядеть.

Она улыбнулась и заметила:

– Но вы же нафантазировали за них уже многое: и кто я такая, и каков мой статус, и эту фразу про неспешный поцелуй.

Он в ответ тоже улыбнулся.

– Да, это игра такая у этих литераторов. Она, игра эта, у них в голове всё время присутствует. Попробуйте и вы в нее поиграть, пофантазировать на тему потребления стихов.

– Хорошо, – согласилась она. – Я попробую. – Этот крупный мужчина, сидящий к нам спиной, скорее всего, редко потребляет стихи. У него, я думаю, несколько строчек осталось в памяти еще с детства и он изредка их цитирует к месту, а может быть, и не к месту.

– Мотивируйте: почему у него такое отношение к стихам?

Она отвела взгляд в сторону и задумалась.

– Он, как вы заметили, всё и вся знает. По крайней мере

ре, он так думает про себя – это во-первых. Когда говорит, жестикулирует, но не ярко, а как-то собранно, опуская сжатый кулак на стол, словно этим хочет усилить значение своих слов – это во-вторых. А в-третьих, он лысый, – она сдержанно рассмеялась. – Я редко встречала лысых поэтов.

– Вот видите, – поддержал он ее мысль. – У вас тоже получается фантазировать. Будем считать, что крупный мужчина стихи почти не читает. А остальные?

– Остальные? – продолжила она. – Главный мужчина средних лет стихи не любит. Они ему ни к чему. Он человек прозаический. Конечно, он может очень редко послушать других, но не более того.

– Ну что ж, хорошо. Вы уже двоих из моих читателей исключили. Осталось пятеро из семерых. Готовы продолжить? – спросил он.

Она пригубила немного вина и довольно смело заявила:

– Я думаю, что только большая дама почитывает стихи. Мне так кажется, потому что она постоянно пытается возражать крупному мужчине, которому поэзия не нужна.

– Так... – протянул он. – Всего один человек из семи читает стихи. Я правильно вас понял? – уточнил он.

– Мне так показалось. Старушенция, может быть, и потребляет что-либо поэтическое, но по ее виду я ничего не могу определить. Она уже вся живет в прошлом. Молодой человек – он еще не определился. Ему школьная зубрежка помнится до сих пор – от нее у него к стихам пока что отвра-

щение; а гламурная дама загадочна. Может быть, и читает, когда это модно, а когда...

– Когда не модно, не читает, – он подхватил ее мысль.

– Да, – согласилась она. – Когда не модно, не читает. Ей некогда.

– Им это не нужно, – грустно заключил он. – И вот вопрос: стоит ли писать стихи, когда им это не нужно?

Она замотала головой и несколько эмоционально возразила:

– Люди пишут стихи не для кого-то, а просто так, как бы выражая свои мысли, чувства в рифмах, и не обязательно для чтения.

– Может быть, и не обязательно, – произнес он с сомнением. – Но всё же авторам хочется, чтобы их читали, а кто делает вид, что пишет просто так, – так он лукавит, пытается обмануть сам себя.

– И вы тоже обманываете себя? – спросила она.

– И я тоже, – ответил он и прочел:

Судьба, как верная подруга,
Меня преследует всегда.
Но боже мой! Какая скука —
С одной подружкой навсегда...

Она молчала, а он подумал:

«Какая же она некрасивая! Глаза близко посажены друг к другу. Прямой нос, их разделяющий, не украшает лицо – ху-

дое с острым подбородком. И нельзя сказать, что она уродлива, просто некрасива».

И он вспомнил лицо Юсты, когда она несколько лет тому назад уходила от него.

– Вот видишь, он обнял ее за талию и не спеша поцеловал в щеку! – радостно произнесла большая дама.

– Что я должен видеть затылком? Я это еще не научился делать, – недовольно пробурчал крупный мужчина. – Меня эти ваши обнималки-целовалки вообще не интересуют, – и он процитировал:

Ваня Маню обнимал,
Что-то Мане обещал.
Но не верит Маня Ване:
Ведь опять ее обманет.

– Можно было бы и поинтеллигентнее! – скромно заметила большая дама. – Глупые стишки, мог бы и не читать.

– Я таких штучек с детства много знал, уж половину позабыл, – ответил крупный мужчина.

– Вот и хорошо – пора бы и вторую половину позабыть, – продолжила она.

Дедушка оторвался от созерцания природы, кашлянул и заявил:

– А что, мадамы и господа? Частушки – это хорошо! Весело и кратенько – недаром называют их частушками. Частит народ – повторяет незлой юмор.

Бодрая старушка спросила гламурную даму:

– О чём он говорит? Очень тихо. Не понимаю.

– О частушках, – последовал ответ.

– Частушки – это от народа, – продолжила бодрая старушка. – Это не высокая поэзия.

– А вы хотите, чтобы всё было высокое? – задиристо спросил дедушка.

– Да уж, хочется настоящего искусства, а не... – старушка запнулась и, видимо, не зная, как оценить сочинение частушек, замолчала.

– Вы, мадам, – дедушка громко обратился к старушке, – не любите народное творчество. Вы хотите от народа отдалиться, отмежеваться, так сказать. Мы-де аристократы, а вы там – серые массы. Так, что ли?

Бодрая старушка, отвернувшись от дедушки, недовольно произнесла:

– Народник!

Крупный мужчина ехидно заметил:

– Мы здесь все народники, то есть из народа вышли и в народ уйдем. А как же без народа-то? Без народа не туды, без народа не сюды, – и он скороговоркой прочел:

Ходят слухи среди народа:

Будет меньше кислорода.

Будем дольше ночью спать —

Кислород не потреблять.

Большая дама недовольно покачала головой.

– Ты неисправим, поэт!

– Я не поэт. Ваш Откин – тот, говорят, был поэтом, – отреагировал крупный мужчина. – Ну, как он там? – обернувшись, спросил он.

– Сидят, о чём-то говорят, – почти шепотом ответила большая дама.

Дедушка задумался и произнес загадочную фразу:

– Мы все поэты, когда приспичит.

– Как это – приспичит? – удивился мужчина средних лет. – Я вот не умею слагать, так хоть приспичит, хоть не приспичит – стихов не произведу.

– А вот так. Жизнь так может сложиться, что всякое случиться может, – ответил дедушка.

– Дедуля, расскажи нам что-нибудь интересное! У тебя ведь много интересного было, – попросила гламурная дама.

Дедуля задумчиво улыбнулся, лукаво посмотрел на женщину и произнес:

– Был я гораздо моложе нашего молодца. Гораздо. А кстати, вы, молодой наш и любимый уже не отрок, как относитесь к стишкам?

Юноша повернул голову куда-то в сторону, словно там, где-то в молодой весенней зелени можно было найти ответ на вопрос дедушки, и, пожав плечами, произнес:

– Стихи я люблю, но не все, только хорошие, – по его физиономии и по интонации было понятно, что он совсем не

хочет вступать в этот разговор о стихах и что стихи его не очень-то интересуют, а вы все такие умные, взрослые, сами отвечайте на свои умные вопросы!

– Это хорошо, что любишь хорошие. Я тоже люблю хорошие, – продолжил дедушка. – По молодости отец брал меня с собой в воскресные дни на прогулку. А было мне тогда... – дедушка задумался, – было мне, наверное, лет семь, а может быть, чуть больше. Гуляли мы за городом при хорошей погоде долго, и неизменно каждый раз заходили в ресторанчик между озер, где местные завсегдатаи в выходные отдыхали, потребляя горячительные напитки. В те времена это называлось культурным отдыхом. Ресторанчик этот был довольно древний – весь деревянный и выкрашенный, как и подобает на природе, в бледно-зеленый цвет. По местному преданию, сюда заходили когда-то известные поэты, прогуливающиеся по данной местности на пленэре. Внутри ресторанчик скорее походил на буфэт, – дедуля, видимо, для придания этому слову большего значения, подчеркнуто произнес его с буквой «э», – с небольшими помещениями, заставленными пятью-шестью столами, где посетители покупали у стойки необходимое количество питания и что-то из легких закусок, ассортимент которых был весьма невелик. Это были в основном шоколадные изделия и пара видов бутербродов.

Когда мы с отцом посещали сие заведение, мне полагалась шоколадная конфета, и почти всегда в середине дня, то есть в самый пик воскресного отдыха в заведении появлялся

мужчина, не очень опрятно одетый и не сказать чтобы очень чистый, считающийся местными незлобивым и невредным субъектом. Сейчас я пытаюсь вспомнить его лицо, и никак не удается это сделать – видимо, лицо его было настолько простым и неприметным, что мне тогда оно практически и не запомнилось. —

Дедуля прервал свой рассказ и о чём-то задумался. – В первый раз я увидел его весной – вот, наверное, в такое же время, – продолжил дедушка. – Он тихо вошел внутрь, как-то застенчиво оглядел присутствующих, встал посередине и начал читать стихи. Из них я кое-что запомнил, – и дедуля прочел:

«Дело было во деревне.
В те далекие года
Паровозы не ходили
Ни туда и ни сюда...»

Дед остановился и прокомментировал:

– Читал он сначала очень тихо, и по мере того, как публика всё более и более обращала на него внимание, голос его становился значительно громким и выразительным, – дедуля продолжил читать:

«Юный отрок неприметный
Пас скотину, как всегда.
У вдовы он жил бездетной —

Приживался у огня.
В те года враги нещадно
Посещали те места,
Разоряли всех изрядно,
Даже брали города.
Как поспеет жито в поле,
Будет собран урожай —
Так вражина всех в неволю
Заберет. Ему не жаль
Ни отцов, ни баб дородных,
Девок и парней – в полон,
Лишь старух, дедов бесплодных
Оставляет на поклон.
Не стерпел наш юный отрок
Вражий осенью налет,
Крикнул он – и дикий окрик
Всколыхнул честной народ...»

– Дедуля, ты нам хочешь всю поэму зачитать? – прервал его мужчина средних лет.

Дедуля замолчал и, казалось, некоторое время никак не реагировал на заданный вопрос. Сидящие за столом тоже замолчали, ожидая реакции дедули.

– Я весь стих и не помню, только отдельные куски, – ответил дед. – Помню, как реагировали на стихи посетители.

– И как же реагировали? – спросил мужчина средних лет.

– А, пожалуй, так же, как и здесь реагируют. Кто-то ждет продолжения, кому-то просто скучно, а кому-то эта так на-

зываемая поэма вовсе не нужна.

– Нет, что вы, нам очень интересна эта история! – возразила большая дама. – Пожалуйста, продолжайте, – попросила она.

Дед немного насупился, сосредоточился и продолжил:

– Мне тогда было интересно только одно: реакция посетителей. А реакция была такова: поэту заплатили натурой, то есть налили рюмку какого-то горячительного напитка и что-то предложили на закуску. Так происходило почти каждое воскресенье, и каждый раз поэт получал вознаграждение за свой поэтический труд.

– Он что, каждое воскресенье читал одно и то же? – с недоумением спросил крупный мужчина.

– Нет, – ответил дедуля, – не угадали. Он читал продолжение поэмы – развивал, так сказать, сюжет до бесконечности.

– Как это – до бесконечности? – недоверчиво спросил крупный мужчина.

– А разве можно чем-то ограничить мысли поэта? – парировал дедуля.

– Мысли ограничить нельзя, – согласился крупный мужчина. – А вот сюжет можно.

– И сюжет нельзя, если рифм полно в голове, – последовал ответ дедули.

– Чем-то это должно было закончиться? – сказала большая дама. – Что-то должно же быть в конце?

– В конце концов наступила глухая осень, а затем и зи-

ма, – ответил дедуля. – Ресторацию в зиму закрыли, а на следующее лето я стал взрослее и слонялся по выходным с мальчишками самостоятельно. – Дедуля загрустил – наверное, вспомнил свое детство. – Этого поэта я больше не видел. Вот так и закончилось мое первое поэтическое образование.

– Этот рассказ деда я помню до сих пор, – сказал он. – И продолжение поэмы помню, – он прищурился, как будто хотел что-то разглядеть в углу веранды, и начал читать:

Все поднялись воедино,
Все решились заодно —
Каждый взял себе дубину
Защищать свое добро...

Он долго читал о том, как юный отрок отбивался от врагов и как те наконец-то отступили. Потом деревня благодарила юного отрока, а потом забыла о нём, перестала его благодарить. Время шло, и отрок стал взрослым...

Когда Крео на несколько секунд остановился, она спросила

его:

– Вы говорили, что там, напротив нас, нет ваших родственников. Так откуда же взялся дед?

– Это я всё нафантазировал. Придумал, чтобы вас развлечь, и про деда тоже. Хотите, я расскажу вам сон о том, как я понял, что стал рифмовщиком?

– Опять фантазии? – спросила она.

– А разве сон не фантазия? – ответил он. Закроешь глаза – и всё вокруг становится фантазией.

– Не понимаю, – ответила она.

«Она не понимает, – подумал он. – Точно, как тогда ответила Юста: “Не понимаю: почему нельзя приспособиться?”»

– Нельзя, – ответил он. – Надо же когда-нибудь сказать «нет».

Она уже почти год была прокуроршей. После генеральского дела ей доверили весь город, а его издательство поприжали – и теперь он стал, так сказать, «свободным художником». Что-то писал, сочинял, но его не печатали. Юста вначале была терпелива к его состоянию, но потом постепенно, всё более и более ее стало раздражать, как она однажды выразилась, его творческое безделье.

Свадьбу они так и не сыграли. После ее назначения на высокую должность ей стало совсем некогда.

– Дела, дела... – говорила она, отнекиваясь от его предложений.

Постепенно он перестал писать ей стихи. Особенно после

последнего стихотворения:

Когда последняя звезда
Погаснет с утренней зарею,
Она исчезнет навсегда,
Что звали мы тогда любовью.
Проходит всё – пройдет и это,
Как будто бы проходит лето,
И осень – грустная пора —
К зиме уходит со двора.

Оно ей совсем не понравилось. Когда он его прочитал, она сказала:

– Ты совсем разучился красиво рифмовать.

«Когда же это произошло?» – подумал он. Как он умудрился не заметить этого момента, этой точки невозврата, когда она перестала любить его? Может быть, тогда, после первого дня своей новой работы на новой должности? Может быть, тогда, когда поздно вечером она пришла, хотя и усталая, но очень важная, и он не сразу понял, что с ней произошло. Она объявила:

– Я теперь главный прокурор.

А он как-то, наверное, с ее точки зрения, не так как надо отреагировал, и она сухо добавила:

– У меня теперь много ответственной работы.

И приснился ему страшный сон: как он идет по главной аллее кладбища, а на могильных плитах сидят его старые

друзья и укоризненно качают головами, не одобряют его поступки, а некоторые, уже умершие, злятся на него. Он идет, стараясь не обращать на них внимание. Ему и страшно, и странно. Он задает себе один и тот же вопрос: «Что они хотят от меня?» И не может понять: зачем он здесь?

Проснулся он поздно – она уже ушла. В столовой он нашел записку: «Вечером меня не жди – у нас мероприятие». В редакции его встретили настороженно – уже все знали, что у него неприятности. Последнюю публикацию о толерантности «наверху» не одобрили. Городское руководство было недоволено, а главное – недоволен был его покровитель.

Слухи, как мыши, разбежались по всем углам. Уже кто-то говорил, что ему надо собирать манатки, пока не поздно. Кто-то жалел его, а многим было всё равно, не тот – так другой. Он как раз сегодня вечером хотел поговорить с ней об этом, но утренняя записка нарушила его планы.

«Придется уходить, – подумал он, оглядывая полки с книгами. – Буду чистым литератором, не пропаду».

Но какой-то противный осадок витал над этой мыслью: «Слабак, не можешь отстоять свое, не можешь приспособиться, как остальные! Не можешь...»

– Не могу, – сказал он сам себе и набрал номер покровителя.

– Вас слушают, – раздался голос секретарши.

Он представился и попросил соединить его с шефом. Секретарша ответила:

– К сожалению, он занят – перезвоните попозже.

Через час явились два одинаково одетых молодца. Поделовому расположившись в его кабинете, они положили перед ним на столе бумагу, из которой следовало, что с ним прерывают контракт. Он прочел текст несколько раз, встал из-за стола и спросил:

– Я могу забрать свои вещи?

– Да, конечно, – ответили молодцы и добавили: – Мы пождем.

Он в последний раз оглядел свой кабинет, взгляд скользнул по книжным полкам, по фотографиям на стене. Он подумал:

«А своего-то у меня ничего и нет! Пожалуй, только папка в столе».

Он открыл нижний ящик стола. В самом низу, под ворохом уже ненужных бумаг, лежала его папка – белая папка с тесемками. Он извлек ее из-под бумаг, развязал тесемки и прочел на первом листе две надписи. Наверху было выведено черным: «Откин», а ниже посередине – «Грезы во мгле».

Он года два тому назад затеял этот роман, да так ничего и не написал, кроме этих нескольких листков бумаги. Он перевернул первый лист и мельком пробежался по неровным строчкам начала романа:

«Кто из нас не мечтал с детства кем-то стать? Кто не грезил быть сильным, смелым, умным и совершить какой-нибудь подвиг? Или, по крайней мере, сделать что-то большое

и полезное, чтобы все радовались за героя и непременно-
шим образом хвалили его. Так думал и наш герой, когда
мальчишкой слонялся со своими сверстниками по дворам
городских кварталов, играл в азартные игры и более всего
не любил вовремя возвращаться домой, когда мальчишеские
занятия были в самом разгаре».

«Слабенько, – подумал он, подхватил папку и, не глядя на
сидящих молодцов, вышел из кабинета. – Что делает чело-
век со свободой, которая неожиданно-негаданно свалилась на
голову?» – подумал он и огляделся по сторонам.

Весна брала свое. Снег почти растаял, и только его редкие
грязные кучки иногда встречались вдоль дорожек парка, ку-
да он машинально свернул с сухого тротуара. Впереди был
целый день пустоты.

– Вы обещали мне рассказать сон о том, как вы стали по-
этом, – сказала она, и в глазах ее сверкнул огонек любопыт-
ства.

– Вы хотели сказать «рифмовщиком»? – спросил он.

– Путь будет «рифмовщиком», – согласилась она.

– О! Это очень интересный сон. Приготовьтесь к долгому
рассказу, – произнес он.

– Я готова, – покорно ответила она.

– Тогда слушайте, – сказал он и начал свое повествова-

ние: – Может ли нам присниться нечто, о чём мы ранее не думали, не слышали, чего не видели? Задал я себе такой вопрос после того «сна в руку». Это когда снящееся сбывается, то есть сон вещим становится. Конечно, не знал я тогда, что так может получиться, что смогу я со временем рифмовать. Только потом я вспомнил про этот сон. А тогда был я веселым молодцом. Правда, иногда задумывался: куда податься после школы? От такого задумывания тоска какая-то подступала. Грезы детские прошли, испарились от обыденной реальности. Вроде бы способностей во мне много было, а вот таланты я у себя никак не находил. А как найти талант, если не знаешь, в чём он? Пробираешь всё, что под руку подвернется, но без усилий, а без напряжения разве талант отыщется, тем более что династических явлений в семье не наблюдалось. Так я и пробовал себя, как говорится, в разных жанрах. Надо отдать должное родителям: способствовали они моему развитию, запикивали меня в разные кружки, наверное, справедливо полагая, что где-нибудь за что-нибудь я зацеплюсь, какое-либо занятие изберу себе на будущее. Но время шло, а я ни за что не зацеплялся, пока образование не получил, – и тем доволен стал. В голове просветление произошло, профессию свою я заставил себя полюбить и долбил уже в одно место – так сказать, карьеру строил от рифмования весьма далекую. – Крео остановился, сделал глоток вина и спросил: – Не утомил я вас своей болтовней?

– Нет, что вы! Мне интересно вас слушать, – ответила она.

– А что там наши соседи творят? – снова спросил он.

– Соседи? – она пристально взглянула в сторону компании. – Кажется, блаженствуют после обеда, наслаждаются тихим местом и видом с веранды.

– Наслаждаются, – медленно повторил он. – Наслаждение – вот наша цель во всех делах и помыслах. Что бы ни происходило, ищем мы наслаждение прежде всего в еде, потом в комфорте, затем в любви, а заканчиваем бездельем и отсутствием каких-либо трудностей вообще, без болей и испытаний. Вы когда-нибудь наслаждались бездельем? – неожиданно спросил он.

Она сосредоточилась и ответила:

– Это, наверное, скучно – наслаждаться бездельем?

– Скучно? – удивился он. – А что же грезы – разве не помогают преодолеть скуку?

– Грезы... Грезы на время помогают, но когда окунешься в реальность, они исчезают, – ответила она.

– Не знаю, не знаю, – продолжил он. – Я в грезах, бывает, купаюсь, главное – не прерывать эти сны наяву.

Он вспомнил, как прошел тот день пустоты:

Пустой день – это день подведения итогов, результатов суточной деятельности, и если бы не события, предшествовавшие ему, можно было бы назвать этот день днем счастья. Однако последние события были свежи и давили на психику. Он «пережевывал» и ее охлаждение, и потерю своей должности и, вышагивая по еще не просохшим аллеям, вспоми-

нал и вспоминал.

Белая папка была с ним. Присев на одну из скамеек, он принялся быстро набрасывать текст:

«Он полулежал на старой тахте и представлял себе, как встретит ее – красивую, стройную, как обнимет за талию и не спеша поцелует в щеку. Она тихо улыбнется, прильнет к нему, и они, крепко прижавшись друг к другу, пройдут по знакомому двору, и все мальчишки и девчонки будут с завистью смотреть им вслед».

Он дописал последнюю фразу и задумался:

«Что же будет дальше, после “смотреть им вслед”?» – и, ничего не придумав, закрыл белую папку.

– Она, наверное, по уши влюблена в этого Откина, – улыbnувшись, произнесла гламурная дама. – Видите, глаз с него не сводит!

– А как же – знаменитость! Вывел ее в дорогой ресторан, – подхватил эту мысль крупный мужчина.

– Вам бы только ерничать! – отреагировала большая дама.

– Мы не ерничаем, а констатируем факты, а факты говорят о том, что весна на дворе и всякая дама, как положено, расцветает весной и требует к себе внимания, старается понравиться окружающей обстановке, какой бы она ни была. А влюбленность в литераторов, особенно в поэтов, – так это

повальное явление. Так было, – крупный мужчина задумался. – Сейчас не знаю. Думается, сейчас в блага влюбляются, – и он, выждав паузу, добавил: – Вот сменили название денег реформаторы неумные, и не знаешь, как это новое название «благо» употреблять?

– Как употреблять – это не проблема: были бы блага, а потратить мы уж сумеем, – заметил мужчина средних лет.

– Я имею в виду склонение, – проворчал крупный мужчина.

– Что ты хочешь склонять? – несколько раздраженно спросила большая дама.

– Это новое название «благо», – ответил крупный мужчина и недовольно добавил: – Страшно не люблю я эти изменения. Жили-были, не тужили и вдруг – бац, нате вам, новое название «благо». Сути-то не поменяли, а к названию придется привыкать. Вот молодежи-то что? Они как звали их «бабки», так и будут называть, а что нам, «аксакалам» местным, прикажете делать?

– Привыкнем, не впервой, – отреагировала большая дама

– Впервой не впервой, а к «благу» долго будем приспособливаться. Вот, например, лежит у меня в кармане один благ, а в другом сто благ или благов? Путаница в произношении возникает, – ехидно заметил дедуля.

– Склонение надобно знать, – услышав слово «благов», включилась в разговор бодрая старушка. – Всё очень просто, – и она просклоняла: – Благо, блага, благу, благо, бла-

гом, о благе.

А ваши «сто благов» – неправильные, надобно переделать в «сто благ».

– Переделывать-то мы готовы, ломать только не надо. Уж наломались, – добавил дедуля. – А то такое впечатление складывается, что там, наверху, у правителей словно руки чешутся – только дай им что-нибудь переделать.

– Вот именно, – поддержал его крупный мужчина. – Нейдется им. Примут новацию, словно камень бросят в озеро, – и пошли круги по воде, бегут волны – интерферируют, и через некоторое время не узнать, что хотели сделать.

– Опять свою молодость вспомнил с интерференцией! – воскликнула большая дама. – Физик ты мой ненаглядный!

– Вспоминать молодость не вредно, а вот возвращаться туда не стоит: нервы можно повредить, – ответил крупный мужчина.

Разговор прервался – наверное, каждый вспомнил свою молодость. Может быть, кому-то подумалось о самом-самом раннем детстве, кому-то – совсем недавнее, и эти молчаливые воспоминания продолжались довольно долго. Появился официант.

– Желаете что-нибудь еще?

Компания задумалась.

– Могу предложить изумительное пирожное – изобретение нашего кондитера. «А-ля весна». Легкое, почти воздушное, нежное, как первоцветы.

– А что, ударим по «а-ля весне»! – предложила большая дама. – Отвесеннимся в полное удовольствие!

Остальные, за исключением гламурной дамы, молча согласились, а она решительно отвергла «а-ля весну»:

– Нет, категорически нет. «А-ля весна» обойдется без меня.

– Тогда всем по «весне», кроме... – мужчина средних лет вопросительно взглянул на свою спутницу. – Всем, кроме нашей очаровашки.

Официант кивнул головой и молча удалился.

– Весна-красна, – произнес крупный мужчина, как бы приглашая остальных продолжить весеннюю тему, но его никто не поддержал, только бодрая старушка мечтательно изрекла:

– Какие же вкусные пирожки пекла нам бабушка! Вкус необыкновеннейший! А мы, мал мала меньше, уплетали их за обе щеки. А потом не стало бабушки и не стало вкусных пирожков.

– У каждого были свои пирожки, – поддержал ее крупный мужчина. – Я вот как сейчас помню оладушки из деревенской печи. Пальчики оближешь! Сейчас такие не пекут. А бывало, налопаешься оладушек со шкварками – и почти на весь день хватало с пацанами мотаться по окрестностям, – он тяжело вздохнул и добавил: – Сейчас всё новое, всё «а-ля».

– Ох уж эти воспоминания! – продолжила большая дама. – А у нас на праздники пекли большой ягодный пирог-плетен-

ку. На всю семью хватало по кусочку. Много было нас.

– Много, немного, а семьи были человек по семь, – подтвердил крупный мужчина. – Большие семьи были.

– Так и рассказали бы что-нибудь интересное из детства своего! – предложил мужчина средних лет, явно стараясь поддержать этот вялый разговор.

– Интересное из детства? – повторил крупный мужчина. – Это интересно только нам, а вам, молодежи... – он задумался. – У вас должны быть свои интересы. Вот наш юный друг, – он обратился к юноше, – ему разве интересна наша болтовня?

«Юный друг» отвлекся от созерцания ресторанной обстановки и как-то неуверенно ответил:

– Конечно интересно, – и тут же добавил: – Да, интересно.

– О... А мы-то думаем, что новое поколение нас не понимает, а вот видите – мы интересны, значит, есть желание понять, – продолжил крупный мужчина.

– Ну что ты набросился? – прервала его большая дама. – Новое поколение – хорошие ребята. Умные, во всём новом разбираются, не то что мы.

– И в «лечсны» бегают целыми стайками, – в тон ей добавил крупный мужчина.

– В «лечсны» все бегают, – возразила ему большая дама.

– Все, да не все, – не согласился крупный мужчина. – Я вот один раз посетил сию контору – и мне хватило. Накушался я этих снов на всю катушку. А главное – такие фантазии, что,

право, неудобно даже вслух сказать.

– А ты бы рассказал – наверное, уж совсем-то неприличного не было, – заинтересованно предложил дедуля.

– Он сейчас вам нафантазирует, – возмутилась большая дама. – И чего не было – былью станет.

– Ха-ха! – сказал крупный мужчина. – Я не фантаст, чтобы ерунду всякую оглашать. Я реальный человек, но то, что они мне показали, ну ни в какие ворота не лезет! Я им говорю: «Господа хорошие, вы зачем мне, солидному человеку, такой лечебный сон изобразили? Вы понимаете, что это даже, по меньшей мере, неприлично?»

Крупный мужчина замолчал, подбирая нужное выражение для своего возмущения, а дедуля нетерпеливо спросил:

– Ну, что за неприличное видение вам изволили показать? Не томите коллектив, рассказывайте?

Крупный мужчина сосредоточился и продолжил:

– Будто бы я сижу со своей любимой удочкой, рыбалю, а на берегу русалки на ветвях расселись.

– Во множестве сидят или не очень? – нетерпеливо дознается дедуля.

– Не очень, но точно не сосчитать, – отвечает крупный мужчина.

– Поди и леший там бродит? – ехидно задает вопрос большая дама. – И избушка на курьих ножках с хозяйкой на берегу маячит?

– Вижу, не уважаете вы чужие сны, – сердито отвечает

крупный мужчина.

– Уважаем, уважаем, – сказал дедуля. – А что же дальше-то было?

– А дальше... – продолжил крупный мужчина, – дальше так и прорыбалил я с хвостатыми подружками. У меня клюет, а они смеются, мешают подсечку сделать. Всю рыбу распугали. А то еще взялись хвостами поверх воды бить. Шум, плескотня идет на всё озеро.

– Так и без рыбки остались? – интересуется дедуля.

– Так без рыбки «лечсон» и закончился. Я, конечно, претензию конторе наката: мол, сон неправильный сделали. А они отбиваются, говорят, что такие ассоциации у меня самого в голове переплелись. Не виноваты они, что так у меня внутри, в мозге сложилось. Главный – тот, который администратор, – вежливо мне полчаса объяснял, что работают они над программируемым сном и что через несколько лет всё будет хорошо. Плюнул я на это дело и с тех пор в контору не хожу.

Принесли пирожное. Что-то накручено сверху, вроде лесной поляны, усыпанной ветреницей и еще какими-то цветами. Компания оживилась.

– О! – произнесла бодрая старушка. – Красиво, только как это кушать? Жалко губить такую красоту!

– Красота для того и создана, чтобы ее потреблять. В хорошем смысле этого слова, – по-деловому произнес крупный мужчина и ложечкой отломил лепесток белого цветка.

– Что-то раньше не замечала в тебе такого циника, – нарочито серьезно заявила большая дама. – Красота создана для созерцания и пробуждения лучших качеств.

– Позвольте, позвольте, – пробуя фиолетовый цветочек, включился в диалог дедуля. – Красота создана для получения эстетического удовольствия, а это, кроме всего прочего, и для пищевого удовольствия.

– Пищевого удовольствия? Да, наверное, так и есть, – скороговоркой произнес мужчина средних лет. – Чуть сладковато, но в целом вкус приятный и глаз радует. А если говорить по-простому, что глаз радует, то и красиво.

– А может быть красота некрасивой? – как бы размышляя вслух, произнес дедуля, поглощая последний цветочек на глазированной поверхности пирожного.

– Некрасивой красота не бывает, – без сомнения произнес крупный мужчина. – Это уж вы чересчур усложнили, так сказать, перемудрили, дорогой друг.

– Может, и перемудрил, но попробую пояснить свою мысль, – и дедуля повернулся в сторону парка. – Вот, взгляните на участок вот тех стройных деревьев. Уж не знаю, как их садовники или зеленый архитектор вырастили или оставили от когда-то бывшего здесь леса, но выглядят они весьма изящно, то есть красиво.

Дедуля выдержал некоторую паузу, чтобы вся компания как следует рассмотрела предмет обсуждения, а затем продолжил:

– Красиво, не правда ли?

Компания не возражала против такой оценки стройных деревьев.

– А я, как человек, когда-то хотя бы косвенно относившийся к лесному делу, могу сказать, что это хорошая деловая древесина.

– Деловая древесина? – вопросительно произнесла большая дама.

– Вот именно – деловая древесина. Посмотрите-ка: стройные, ровные стволы, диаметр и длина как по стандарту.

– Вы что, хотите их спилить? – недоуменно спросил крупный мужчина.

– Нет, что вы! – возразил дедуля. – Кто же это нам позволит в охранной зоне?

– Слава богу! Мы в охранной зоне! – пошутила большая дама. – А то бы нас заставили заготавливать деловую древесину.

– Шутки шутками, а я хотел сказать, что красота – понятие относительное. А вот теперь взгляните на то одинокое, далекое дерево. Видите, стоит корявое, изогнулось всё под ветрами и дождями? Совсем не похожее на те стройненькие, хотя и одной породы.

– Вы хотите сказать, что то корявое тоже красивое? – переспросил дедулю крупный мужчина.

– Вот именно, – подтвердил дедуля. – А эти стройные хороши для производства материалов.

– У вас, дедуля, логика не очень правильная. У вас одно и то же может быть и красивым, и просто деловым, некрасивым. По-моему, вся природа красива, – заключил крупный мужчина.

– Да, наверное, вся природа красива, а мы – люди – разве не природа?

Компания задумалась.

– Если вся природа красива, тогда и мы все красивые, – подытожил дедуля.

– И та, что с Откиным сидит? – спросила гламурная дама. – По мне, так не очень. Этому Откину уж совсем не соответствует.

– Тише, тише! Они могут нас подслушать, – переходя на шепот, произнесла большая дама. – Как-то неудобно обсуждать соседей. Да и эта спутница литератора не замухрышка: одета прилично, я бы сказала, даже стильно, хотя в нынешней моде я плохо разбираюсь.

– Вы, я полагаю, считаете, что ее лицо некрасивое? – дедуля задумался и продолжил: – А вот ваш литератор сидит с этим лицом и беседует. Что бы это могло значить? Давайте поиграем в фантазии, порассуждаем на эту тему, – улыбнулся дедуля.

– Ничего не значит, – буркнул крупный мужчина. – Это может быть деловая встреча. Этому литератору надо где-то печататься, деньгу зарабатывать – вот этим он и занимается. Это некрасивое лицо, наверное, из редакции или из типогра-

фии. Всё примитивно просто.

– А давеча нам мадам сказала, что спутница литератора, наверное, по уши влюблена в него. Кажется, вы так выразились? – спросил дедуля, обратившись к гламурной даме.

– Ну и что? – возразил крупный мужчина. – Если она из редакции или из типографии, разве она не может влюбиться? – и сам себе ответил: – Может. И встречаться по делам может.

– Сидеть больше часа, потреблять изысканные блюда, пить дорогое вино и обсуждать объем тиража и дизайн книги? Что-то не очень верится, – не сдавался дедуля.

– Ну, тогда пусть будет влюбленность, – согласился крупный мужчина. Мне, собственно говоря, всё равно, чем они там занимаются, лишь бы нам не мешали.

– Тогда, с вашего позволения, будем считать, что в этом лице, точнее – женщине ваш Откин нашел что-то красивое, какую-то изюминку, – продолжил рассуждать дедуля.

– Душа у нее, наверное, красивая, и готовит она, может быть, хорошо, – добавила большая дама. – Вас, если вкусно накормить, так вы сразу влюбляетесь!

– Да, сразу, – согласился крупный мужчина. – А что же голодному делать? Ему на пустой желудок никакая любовь в голову не лезет.

– Вы что, не насытились? – удивилась бодрая старушка. – Это ж надо! – она обратилась к мужчине средних лет и произнесла: – Можно, конечно, еще что-нибудь заказать для на-

шего большого джентльмена.

– Нет, что вы, мадам! Я сыт, а про голод я сказал в смысле любви.

– О любви можно было бы и погромче сказать, а то всё шепчетесь, любовь свою скрываете. Это неправильно, – грустно заметила бодрая старушка. – Хотя я, наверное, неправa: не стоит кричать о любви – эдак и напугать ее можно.

– На первых порах карьера моя сложилась удачно. Двигался я по служебной лестнице, как говорится, неуклонно, – продолжил Крео. – Инициативничал в меру, старался руководство не подавлять. Вперед не выскакивал опрометчиво и сзади не плелся. Создавал, как мог, деловую, творческую атмосферу и во всех общественных делах участвовал безотказно. Где-то к тридцати приобрел репутацию инициативного, исполнительного работника. – Крео прервал свой рассказ и спросил: – Может быть, закажем еще чего-нибудь?

Она в ответ пожала плечами и произнесла:

– Как хотите. Только немножко.

– Только немножко, – повторил он. – Может быть, фрукты?

– Может быть, – ответила она.

– Да, всё может быть, если сильно захотеть, – продолжил

он.

– Не понимаю, – снова произнесла она.

– Извините, это я неточно выразился. Я хотел сказать: всё может быть, потому что господин случай правит бал.

– А что было дальше? – спросила она.

– А дальше как-то незаметно пришло понимание, что не тем я занимаюсь. Скучно всё стало и даже, может быть, противно. Организм стал сопротивляться тому, чем занят был. Сам себе говорил: «А что ты еще умеешь?» А в ответ из глубины подсознания: «А ты попробуй». А я ему: «Что попробовать, подскажи!» А оно мне в ответ: «Начни хотя бы что-то новое, а потом посмотрим, обсудим».

– Это очень опасно – разговаривать с самим собой. Может раздвоение личности произойти, – сочувственно заметила она.

– Может, – согласился он. – Но и сидеть сложа руки, когда депрессия подступает, согласитесь, тоже нежеже.

– Соглашусь, – ответила она.

«Она соглашается, – подумал он. – А Юста не соглашалась. Она последнее время постоянно осуждала меня за метания от одной темы к другой. Наверное, новая должность машинально проявлялась в ее повседневной жизни: обвинительные нотки в ее разговоре присутствовали постоянно».

Он много раз пытался вернуть ее в то прежнее состояние того радостного дня, когда она закончила генеральское дело, но увы...

– Вы о чём-то задумались? – она прервала его молчание.

– Да так, вспомнил прошлое. Извините, – ответил он.

– Я не умею так писать, как вы, – сказала она. – Я пробовала – получается как-то наивно и неинтересно. Не хватает слов, чтобы красиво выразить свои мысли, и я это занятие бросила, – она задумалась и через полминуты продолжила: – Может быть, я просто неумеха. Не хочется так думать о себе, но иногда приходится.

– Иногда приходится, – повторил он и улыбнулся.

«А Юста так о себе никогда не говорила, – подумал он. – Она знала, что умеет всё. А я? Что я? Я тоже знал, что она так думает»

– Я знаю, что я некрасивая, – грустно сказала она. – Я с этим уже смирилась.

– Красивая, некрасивая – это всё относительно, – заметил он.

– Будем считать, что я некрасивая относительно, – улыбнувшись, ответила она. – Ну, так как же ваш сон? Вы расскажете о нём?

– Ах, да. Сон в руку, – продолжил он. – Сон пришел уже, когда я бросил основную работу и пробовал писать. Так, ерунду всякую, что-то вроде коротких рассказов. Вот, к примеру, таких, – и он наизусть прочитал короткий текст:

«“Смотреть им вслед – неплохое занятие”, – подумал он и начал новую страницу.

Он смотрел ей вслед – как она уходила всё дальше и даль-

ше и, ни разу не обернувшись, скрылась за поворотом. Он немного постоял на пустом перекрестке. Раннее утро белой пеленой накрыло весь город. В такое время горожане еще спали после манифестации. Уборщики на славу потрудились ночью – мостовые и тротуары были идеально чисты, – и только на противоположной стороне к стене прислонился небольшой транспарант. На светлой фанере он разобрал неаккуратную надпись: “Мы против!”.

Он вспомнил, что сегодня ее квартал будет врагом, и представил, как он поздно вечером придет к ней и она в этот раз не будет бояться, как неделю назад, когда врагом был его квартал.

Она тихо ответила ему, когда он обнял ее за талию и не спеша поцеловал:

– Я боюсь. По инструкции я должна сообщить о тебе – нажать красную кнопку. Иначе...

– Иначе... – прервал он ее. – Иначе нас аннигилируют.

– Да, – подтвердила она.

– Ты боишься аннигиляции? – спросил он и покрепче прижал ее к себе.

– Да, – ответила она. – Я тогда никогда тебя больше не увижу.

Он поцеловал ее в губы.

– Я тебя тогда тоже никогда не увижу, – ответил он.

Она погладила его волосы и всего обвила руками.

– Ты опять шел по каналу? – шепотом спросила она.

– Да, – ответил он, чувствуя, как сильно бьется ее сердце.

– Твою одежду я кинула в сушилку. Придется ждать целый час, – грустно сказала она. – А потом ты уйдешь.

– Да, – ответил он, целуя ее в грудь.

– Почему они не закроют канал? – очнувшись, спросила она.

– Наверное, чтобы некоторые, такие как мы, иногда встречались и любили друг друга.

– Любили друг друга, – повторила она, поднимаясь с постели. – Были врагами и любили друг друга.

Когда он оделся и поцеловал ее, на глазах у нее были слёзы. Она вышла проводить его и смотрела ему вслед – как он уходил всё дальше и дальше от нее и, ни разу не обернувшись, скрылся за поворотом».

– Веселенький рассказик, – пошутила она. – Несчастливая любовь – она как-то завораживает.

– Завораживает, – подтвердил он. – А наша героиня страдает. Ее любовь не завораживает. Она приносит ей горе.

– Да, – согласилась она.

– Горькая любовь, – произнес он задумчиво. – Вы знаете, что такое горькая любовь?

Она задумалась и, не глядя на него, спросила:

– Вы имеете в виду безответная?

– Нет, не так, – ответил он. – Горькая – значит трагичная, заканчивающаяся гибелью.

– Я такой любви не знала, – ответила она.

Где-то в глубине ресторанчика послышались звуки гитары и саксофона. Бархатный саксофонный баритон разговаривал с задумчивой гитарой. О чём они говорили? Может быть, о любви, а может быть, о чём-то другом. Как иногда разговаривают старые знакомые, знающие всё или почти всё друг о друге, когда маленькие, еле заметные интонации им сразу становятся понятны и не нужны длинные умные фразы.

Компания притихала – все слушали романтическую мелодию, – а Откин продолжил рассказ:

«Ни разу не обернувшись, он скрылся за поворотом. Она подумала:

“Он опять пойдет по каналу, опять весь мокрый вернется к себе, а я буду ждать следующую неделю, когда нам поменяют статус”.

Туманный рассвет предвещал яркий день.

“Надо чуть-чуть поспать, – подумала она. – Завтра, то есть уже сегодня опять будет манифестация и придется снова идти с транспарантом”. А может быть, их направят к каналу – очистить его от нарушителей.

Она всего два раза попадала на это мероприятие, и ей было страшно и неприятно вылавливать топляков после свободной ночи. Их хотя бы было немного – в последний раз не более пяти, – но смотреть на них было противно.

Она проснулась, когда солнце заглянуло в узкое окно. С улицы доносились звуки сирен, призывая жителей к началу мероприятия. Она выглянула в окно: люди в сером при-

ступили к раздаче транспарантов. К ним, стоящим у черных контейнеров, выстроились цепочки хмурых людей. Те, кто уже получил свой плакат, скапливались на середине улицы в ожидании сигнала к движению.

Она быстро ополоснулась и, не завтракая, выбралась наружу. Серая личность достала из контейнера очередную фанерку, прикрепленную к круглой палке, и решительно вручила плакат ей в руки. Она повернула фанерку к себе и прочла свежеизготовленную надпись: “Долой канал!”.

“Ну вот, – подумала она, – и попался мне этот канал”.

Их группу с одинаковыми транспарантами направили прямо через старую площадь, мимо концертного зала, где проходили патриотические собрания, к дальней стене. Там у ворот размещался первый пункт пропуска в соседний квартал. Канал начинался прямо за ним, шел вдоль стены, огибая ее, и уходил далеко к соседям. В дни манифестации воду перекрывали, и канал был почти сух, не считая луж в углублениях и ямах, которые местные власти никак не могли отремонтировать. Говорили, что средства на эти цели выделялись, но неотложные патриотические мероприятия пожирали бюджеты без остатка.

В этот раз канал не был сух – видимо, утром администрация поздно перекрыла заслонку. В канале еще стояла вода, в некоторых местах до полуметра. Она подумала: “Сегодня топляков можно и не заметить”. Наставник выстроил их в колонну по одному, и процессия не спеша двинулась по узкой

набережной, периодически останавливаясь для осмотра дна. Вода была еще горяча, и плотный пар клубами поднимался снизу. Поверхность воды плохо просматривалась, и наставник надолго останавливал их группу – видимо, пытаясь дождаться, когда испарения поднимутся повыше и видимость улучшится.

В колонне она была первой, то есть первой за наставником, который, как обычно в черном, тщательно выглаженном костюме, с ничего не выражающим белым лицом, монотонно, как заведенная машина, останавливаясь каждые двадцать метров, поворачивался к манифестантам и произносил одну и ту же фразу:

– Смотрите вниз.

Она первой увидела его. Сквозь разрывы плотного тумана на поверхности воды виднелась спина в черной куртке с раскинутыми в стороны руками. Ей стало плохо, ноги перестали слушаться, и она с трудом удержалась, чтобы не упасть. Она изо всех сил сжала древко транспаранта и оперлась им о черный асфальт. Наставник, заметив ее замешательство, монотонно произнес:

– Падать нельзя. Нельзя падать.

Собравшись с силами, она ответила:

– Я не падаю, – и еще раз взглянула на топляка. Его лысина – белая, как мел, с растрепанными в воде черными волосами – еле заметно покачивалась на поверхности.

“Не он”, – подумала она и машинально прошептала:

– У него нет лысины.

Наставник снова сделал ей замечание:

– Шептать нельзя. Нельзя шептать.

Пустые глаза наставника не мигая смотрели на нее, и она снова испугалась и опустила глаза.

– Я оформлю на вас рапортчку. Вы нарушаете инструкцию, – без выражения произнес наставник.

– Да, – согласилась она и добавила: – Я больше не буду.

Наставник равнодушно отвернулся от нее и, сняв зацепку, подтащил топляка ближе к спуску. Двое манифестантов за руки вытащили его на набережную. Подождали, пока через решетку с него стечет вода, и упаковали его в пенал, который оказался поблизости. Затем процессия двинулась дальше. Пока возились с топляком, она старалась на него не смотреть, и только краем глаза заметила его отмытые в горячей воде босые ступни ног.

Ночью ей приснился страшный сон: как будто топляк приподнимает голову и пытается повернуться к ней лицом, а она вся дрожит от страха – боится, что у топляка будет его лицо. Она пытается зажмуриться и неожиданно для себя открывает глаза – топляк смотрит на нее пустыми глазами, и его белое лицо, как всегда, ужасно похоже на наставника.

Утренняя побудка принесла ей облегчение. Страшный сон прошел – пора было собираться в цех.

– Что-то ты сегодня никакая, – прошептала ей в ухо напарница, когда очередная деталь выпала у нее из рук. – Небось

вчера на канале была? – спросила напарница, помогая ей поставить деталь на место.

– Да, – ответила она шепотом. – Опять ловили топляков.

– Ты до сих пор их боишься? – снова спросила напарница.

– Никак не привыкну, – ответила она.

Напарница покачала головой.

– Пора бы привыкнуть. Уж год как тебя переместили.

– Да, – прошептала она. – Уже год прошел.

– Тс-с! – прошептала напарница. – Инструктор.

Сзади стоял инструктор и, наверное, уже с минуту наблюдал за ними:

– Шептать нельзя. Нельзя шептать.

Пустые глаза инструктора не мигая смотрели на них, и она, вновь испугавшись, опустила глаза.

– Я оформлю на вас рапортичку. Вы обе нарушаете инструкцию, – без выражения произнес инструктор.

– Да, – согласилась она и тут же получила от напарницы тычок в бок.

Инструктор равнодушно отвернулся от них и удалился в другой конец цеха. Некоторое время они работали молча. Напарница ловко подавала ей всё новые и новые детали, а она едва успевала обрабатывать их и отправлять на конвейер.

– Ты зачем с ним соглашаешься? – зло прошипела напарница. – Учю, учю тебя, а толку всё нет!

– Извини, я машинально, – ответила она. – Я больше не

буду.

– “Больше не буду, больше не буду”, – уже сочувственно прошептала напарница. – Ты же знаешь, что с ними не надо соглашаться, уж лучше просто молчать.

– Да, – совсем тихо сказала она, и очередная деталь выпала у нее из рук.

– Ну вот, совсем расклеилась, – прошептала напарница. – Становись на мое место, – и, оглядевшись вокруг, спросила: – Он-то ходит к тебе?

– Да, – ответила она, подавая очередную деталь.

– И что? – тихо спросила напарница.

– Хочет, чтобы мы ушли отсюда, – ответила она.

– Как это уйти? Через канал? – изумилась напарница.

– Он знает, как можно уйти.

– Тс-с, – прошептала напарница.

Поблизости вновь появился инструктор. Он медленно двигался вдоль стеллажей, и его немигающий взгляд равнодушно скользил по рядам обработанных деталей.

– Ой! Поймают вас эти или сварят в канале! – прошептала напарница и, выждав паузу, добавила: – А нам здесь придется до конца дней на манифестации ходить.

– Да, – согласилась она.

– Опять ты дакаешь! Видно, от судьбы не уйдешь.

– Да, – улыбнувшись, ответила она. – Он мне стихи читает.

– Прочти, – предложила напарница.

Она, оглядевшись по сторонам, тихонько прочла:

“Судьба, как верная подруга,
Меня преследует всегда.
Но видит Бог, какая скука —
С одной подружкой навсегда!”

– Дурацкие стихи, – отреагировала напарница. – Эдак он тебя может и бросить.

– Может, – согласилась она. – Но это будет потом.

– Это будет потом, – задумчиво прошептала напарница. – А сейчас работать надо. Скоро смена, а у нас нормы еще нет. Они тихо рассмеялись – инструктор был далеко».

– Кричать о любви не стоит, – согласился дедуля. – Кричать надо о том, что будет с нами дальше. Потом, когда мы уйдем. Что останется после нас? Вот о чём надо говорить. А то говорим обо всём: о погоде, о красоте, об этом вашем Откине и его спутнице, о еде, наконец. А когда же будем говорить о главном? Когда?

Компания посерьезнела. Большая дама не очень уверенно произнесла:

– А что значит главное? Что вы имеете в виду?

Музыка в глубине ресторанчика затихла – видимо, музы-

канты организовали себе перерыв.

– Главное – это то, что останется после нас, – нахмурившись, ответил дедуля.

– Так-так, – пробурчал крупный мужчина. – Вот, темочка серьезная образовалась. Не то что «обнял ее за талию» и так далее.

– Ну и что же вы нам, мудрые, скажете? – настороженно спросила большая дама.

– Да уж всё сказано-пересказано, – произнес крупный мужчина. – Останется то, что останется, а остальное быльем порастет.

В компании воцарилась тишина. Все молчали. Снова зазвучал саксофон. Его мелодию подхватила гитара.

– Ну и скуку вы развели здесь! – недовольно сказала гламурная дама. – Останется, не останется... Мы на отдыхе. Надо любить каждую минуточку, уметь наслаждаться, а если всё время думать о главном, то голова с катушек может слететь.

– Может, – согласился дедуля и продолжил: – Может и слететь. Ну что, тогда будем продолжать потреблять наслаждения! Ведь это так приятно – потреблять!

Разговор затих – наверное, каждый подумал о своем потреблении. Возразить дедуле или спорить с ним не хотелось, и только крупный мужчина, как бы размышляя вслух, пробурчал:

– Поиск смыслов – не наше занятие. Это для философов.

Нам бы что-нибудь попроще. Может быть, о поэзии, о музыке... – и он, не зная какую развить тему, замолчал.

– Лучше послушайте, как шикарно и трогательно звучит саксофон! – включилась в разговор большая дама. – Вот ведь не классический инструмент, а мелодия очень хороша.

– Вы о чём? – спросила ее бодрая старушка.

– О мелодии, – громко ответила большая дама.

– Да, это хорошо, когда есть мелодия, – продолжила бодрая старушка. – Я это люблю. А то ныне некоторая музыка звучит совсем без мелодии. Что-то какофоническое. Слушать неприятно. Альты скрежет издают, словно железки трутся друг о друга, смычковые им подражают, скрипом сопровождают каждый звук – и попробуй улови мелодию. Невозможно!

– Да, пожалуй, без мелодии и жить-то нельзя, – продолжила тему большая дама.

– Интересная мысль, – оживился дедуля. – У каждого должна быть своя мелодия. Главная мелодия. Да так, чтобы прежде всего себе была слышна. А ведь как бывает? Живешь чужими мыслями, играют на тебе кто хочет и как хочет, а ты, бедненький, неразумненький, свою мелодию никак не найдешь. Не понимаешь, не слышишь свою главную мелодию, за которую... – дедуля задумался, подбирая какие-то очень важные слова, но, ничего не придумав, вздохнул и затих.

– Вы у нас ветеран, много мелодий перебрали за всю жизнь – есть из чего выбирать. А как быть им? – и крупный

мужчина кивнул в сторону скучающего юноши. – Как быть им? Столько всего вокруг разного, что не только у них, а и у нас голова кругом идет.

– А для этого и существуют такие, которые позади вас, вот там в уголке прохлаждаются, – съязвил дедуля, видимо, имея в виду Откина со своей спутницей.

Вечер незаметно опустился на уютную местность. Последние лучи солнца осветили свежую зелень. Уходить не хотелось. Заказали еще разных легких сладостей, к ним чай, кофе. Солнце ушло – стало немного зябко. Официант оперативно доставил для посетителей теплые пледы. На столах появились свечи.

– Вы говорите, что они рассуждают о музыке, то есть о главной мелодии. Я не совсем поняла, что это значит. – спросила она.

Крео задумался и ответил:

– Я не уверен, так ли это. Будем считать, что это мои фантазии.

Он смотрел на нее, и в полумраке свечей она не казалась ему такой уж некрасивой. В профиль лицо ее выражало даже некоторое благородство. Особенно прямой, почти римский нос правильностью своей формы напоминал о древних мраморных изваяниях. Он смотрел на нее и вспоминал, как

когда-то давно в последний раз он посетил это заведение с Юстой. Только тогда они расположились внутри, и он читал ей стихи:

Когда-нибудь мы станем проще,
А может быть, еще мудрей.
И эти молодые рощи
Для новых вырастут людей.
Корявый стих мой потускнеет,
В лета уйдет задорный звук.
И мы от счастья онемеем,
И зарастет наш дивный луг...

Он говорил с Юстой о любви. Они танцевали под медленную, романтическую мелодию. Он рассуждал о музыке, о том, что у каждого человека должна быть главная мелодия...

– Вот, послушайте, – обратился он к своей спутнице, – что значит главная мелодия. Допустим, мне что-то нравится из песен, легкой музыки, симфонических произведений.

Блики от мерцающего пламени свечей освещали ее лицо. Она внимательно слушала Откина.

– Я их могу «мурлыкать», то есть напевать по утрам или в другое время. Но есть одна мелодия, от которой по спине бегут мурашки, комок подступает к горлу и неудержимо наворачиваются слёзы на глазах. Вот это и есть главная мелодия.

– Теперь я понимаю, – ответила она. – Но мне кажется, если главную мелодию слушать каждый день, то эффект по-

степенно исчезнет и слёз и комка не будет.

Он подумал, внимательно посмотрел на нее и тихо ответил:

– Значит, у вас ее пока еще нет, то есть вы еще не нашли свою главную мелодию.

Она покачала головой и возразила:

– Мне кажется, что они говорят о другом. Они говорят о главной мелодии человека, в смысле – о цели его существования, а может быть, о его индивидуальном предназначении. Может же так случиться, что человек живет поверхностно, словно под фокстрот скользит по паркету. И так всю жизнь: легко, непринужденно, без забот и тревог. Тогда его главная мелодия – легкий фокстрот. И это нисколько не умаляет достоинство и значение человека. Такова жизнь – не всем же быть сонатами, ноктюрнами или симфониями.

Крео с удивлением смотрел на нее. Она разволновалась, глаза заблестели, было видно, что эта женщина умна и тонко чувствует, и эта ее чувственность никак не соответствовала ее простому лицу.

– Да вы поэтесса! – произнес он несколько патетично. – Вы умеете красиво говорить, образно. Я думаю, что эта ваша мысль о главной мелодии заслуживает большего внимания, чем простая фраза, произнесенная за ресторанным столиком.

Она, немного смущаясь, опустила глаза и ответила:

– Это от волнения. Обычно я так говорить не умею.

Они помолчали, слушая очередную мелодию, доносившуюся из зала.

– Мы можем потанцевать? – неожиданно предложил он.

Она совсем смутилась и не сразу ответила.

– Вы действительно этого хотите или из сострадания ко мне?

– Сострадания? – удивился он. – Почему сострадания?

Не зная, что ответить, она совсем сникла и старалась не смотреть ему в глаза, а он, не понимая, как следует ему поступить, просто встал, подошел к ней и взял ее за руку.

Пустые глаза куратора не мигая смотрели на них, и она, вновь испугавшись, опустила глаза.

– Вы неправильно составили фразу, – монотонно, без интонации произнес куратор. – Вы должны были сказать, – и он повторил свежий лозунг, который их группа разучивала сегодня вечером. Они громко повторили вслед за куратором:

«Веселость мы внедряем сплошь,
А невеселость – это ложь!»

Она вторично споткнулась на второй строчке, и куратор сделал ей замечание:

– Я оформлю на вас рапортчку. Вы не готовы к манифе-

станции.

Она машинально ответила:

– Да, – и вздрогнула, вспомнив наставления напарницы, и, немного отдышавшись, продолжила: – Я больше не буду.

Куратор никак не отреагировал на ее ответ, он готовился продиктовать следующий лозунг. Остальные участники мероприятия внимательно следили за ним, пытаясь уловить каждое его слово, каждое движение. Куратор поднял на них пустые, немигающие глаза и произнес рифмованную фразу:

Правда всегда права —
Долой неправые дела!

Они хором повторили ее трижды. В этот раз никто не сбился. Хор звучал в унисон. Она пыталась незаметно наблюдать за белым лицом куратора, стараясь понять, доволен ли он их хором, но его лицо было непроницаемым. У нее уже в который раз мелькнула одна и та же мысль:

«Как они делают этих непроницаемых кураторов инструкторов и наставников?»

Прошлой ночью он пытался ей объяснить что-то про них, но она плохо его поняла. Получалось, что топляки – это их сырой материал. Но как можно из топляков сделать какого-нибудь куратора, ей было непонятно.

Куратор не уставал, не делал пауз. Он, как машина, работал с их группой, тренировал их для следующей манифеста-

ции.

«На раздумья время нет,
От раздумья много бед!»

– прокричали они вслед за ним и, судя по тому, как он безмолвно сделал какую-то отметку в журнале, куратор принял этот лозунг.

Через час интенсивной работы они без запинки могли прокричать более десятка лозунгов. Ее ноги гудели, от долгого стояния заболела спина, и ей казалось, что с начала занятий их группы прошла целая вечность. Но наконец-то раздался сигнал, и куратор, повернувшись к ним спиной, энергично зашагал к выходу.

– Уф-ф! – облегченно вздохнула напарница и, криво улыбнувшись, легонько стукнула ее по спине. – Всё. По домам. Урок закончен.

– Не понимаю, – пробурчал крупный мужчина.

– Что вы не понимаете? – чуть возмущенно произнес дедуля. – Всё предельно ясно. Молодая женщина боится ненормального общества и, естественно, стремится найти хоть какую-то защиту.

– Я не понимаю: зачем нужны топляки? – ответил круп-

ный мужчина. – Можно же всё сделать гораздо проще и понятнее. Есть цех, есть работа, есть любимый друг. На кой чёрт сдались эти топляки, наставники с пустыми глазами?

– А это, мой друг... – пытаюсь объяснить, заговорила большая женщина, – для того, чтобы интересно было. Автор стремится интерес в нас пробудить к чтению – вот и приключения фантастические вставляет в повествование.

– О чём вы говорите? – громко спросила бодрая старушка.

– О фантастике, – недовольно ответил крупный мужчина.

– Не люблю я эту фантастику, – продолжила старушка. – Пыжятся эти фантасты, что-то мудрое сказать нам хотят, а всё одно враньё получается. А главное – спросить разъяснения не у кого.

– Как это не у кого? – удивился дедуля. – Вон, автор-то рядом.

– Как же, спросите у него! Их и след простыл, – обратила внимание на пустой стол гламурная дама.

– Нет, не простыл. Свечи горят, а к тому же я заметила: повел он ее танцевать. За ручку нежно взял и увел в зал, – возразила большая дама.

– А вы что же сидите, не танцуете? – дедуля, улыбнувшись, спросил большую даму.

Большая дама вопросительно взглянула на крупного мужчину, который хмуро наблюдал за мерцающим пламенем свечей.

– Наверное, мы свое отплясали, – грустно ответила боль-

шая дама.

Компания затихла, слушая доносившуюся из зала мелодию. Дедуля встал, прошелся вдоль веранды, заглянул в зал и, вернувшись на место, произнес:

– Действительно, танцуют. А по поводу топляков и прочего вот что я вам скажу, дамы и господа. Думается, что автор намеренно поместил своих героев в такие экстремальные условия, чтобы ярче проявились характеры. Правда, мы пока еще не знаем, чем закончится эта история. Удастся ли молодым людям вырваться на свободу?

– Поживем – увидим, – тихо ответила большая дама.

– А вы хорошо танцуете, – сказала она, когда музыка закончилась.

– Может быть, – ответил он, провожая ее к столику. – Но мне более интересно узнать ваше мнение о продолжении рассказа о несчастной любви. Вы помните, мы немного обсуждали его?

– Да, помню. Вы тогда сказали, что это горькая, трагическая любовь.

– Ну, так как вам продолжение? – снова спросил он.

Она задумалась. Внимательно посмотрела на него и очень серьезно ответила:

– Я думаю, что не всем понравится ваш рассказ о топля-

ках. Не всем нравится такая фантастика.

– А вам? Лично вам нравится? – нетерпеливо спросил он.

Она замялась и почти минуту молчала и, похоже, не почувствовала, что он терпеливо ждет ответа как приговора.

– Мне кажется, что эта история не для женщин, – ответила она.

– Да? – искренне удивился он.

– Да, конечно, – более уверенно произнесла она. – Не женская эта история. Может быть, для юношей или солидных дядей.

– Почему вы так считаете? – продолжил он.

– Наверное, это рассказ-антиутопия. И главное в нём – как ведут себя герои, стремящиеся вырваться из этого... – она запнулась.

– Из этого несвободного состояния, – подсказал он.

– Да, пожалуй, из несвободы. А их любовь приведена для контраста. Любовь не терпит несвободы. Она там может захнуть.

– Любовь приведена... – повторил он. – Ох, как формально сказано!

– Простите, – смутилась она. – Я подобрала неудачное слово. Может быть, надо было сказать, что влюбленные в таких условиях резко контрастируют с окружением, с топляками и прочими с пустыми глазами.

– Это вы простите меня. Мне надобно слушать читателя, а не сопротивляться. Было бы неплохо еще кого-нибудь по-

слушать.

Она погрузилась в мысли, и он догадался, что обидел ее, и, спохватившись, быстро произнес:

– Мне очень важно ваше мнение, а то, что скажут другие, не очень важно. Понимаете меня?

– Да, понимаю, – ответила она и улыбнулась.

– Ну, вот вы и улыбнулись! Это очень хорошо. Вам будет очень забавно узнать, как на эту историю реагируют наши соседи.

Она вопросительно взглянула на него.

– Да, понимаю ваш немой вопрос, – сказал он. – Не зная истории, как на нее реагировать?

Она ждала разъяснений.

– Мы можем весело пофантазировать. Я буду с каждым из них как бы разговаривать, а вы будете слушать и соглашаться или не соглашаться со мной. Идет?

– Идет, – весело ответила она.

– Ваши топляки совсем не страшные, – недовольно произнес юноша. – И потом: почему с ними никто не борется? Мог бы этот ваш влюбленный побороться с ними.

– Вы думаете, с ними надо бороться? – спросил он.

– А как же – они олицетворяют зло! Я же говорю: их надо сделать пострашнее! Они должны как-то двигаться или хотя

бы пугать. А то лежат, точнее – плывут в горячей воде и ничего не делают. Это даже девчонкам не страшно.

– Но ведь они противные, белые и скользкие, и лица у них вареные, – попытался возразить он.

– Вы не хотите их сделать страшными, как живых мертвецов?

– Как-то не очень хочется, – ответил он.

– Тогда это будет неинтересно, скучно, – ответил юноша.

– Хорошо, хорошо. Пусть будут живые мертвецы, – согласился он. – А вот как с ними бороться? Каким оружием?

– Это вы уж сами придумайте, вы же автор, – ответил юноша. – Я бы предложил лазерное. Сейчас его фантасты везде применяют.

– И как бы закончить этот рассказ? Как вы считаете: какой должен быть конец? – спросил он.

– Конец? – задумчиво произнес юноша. – Они должны всех победить, а заодно и этих, с пустыми глазами. Они вообще у вас какие-то невыразительные. Слишком неактивные. Бороться с ними неинтересно.

– А что же с ними сделать? – спросил он.

– Пусть они – те, которые с пустыми глазами, – подчиняются топлякам, то есть будут их слугами, что ли. Тогда это будет занятно, а так... – юноша задумался: – А так, скучноватенько всё.

– А мне не скучноватенько, – включился в разговор дедуля. – По мне, так очень интересно, как юноша с этой девицей

выберутся из этой несвободы. У вас там как задумано?

– Я еще концовку не придумал, – ответил он.

Она улыбнулась, покачала головой и заметила:

– Концовка должна быть трагическая.

– Трагическая будет концовка, – повторил он.

Дедуля задумался и произнес:

– Значит, трагическая. Может быть, это и правильно. В таком обществе счастья не дождешься. Но попытаться вырваться из этого мрака стоит. Стоит ли?

– Да, я с вами согласен. Попытаться стоит. Иначе – прозябание и полный крах всего, – согласился он.

– Да-а..... – протянул дедуля. – Как всегда: борются два начала. Одно – приспособленческое, другое – сопротивляющееся. Что лучше? Не знаю. Может быть, всего понемножку.

Она нахмурилась и спросила:

– А почему он не говорит о любви? Там же есть любовь.

– Почему вы не говорите о любви? – спросил он.

Дедуля ответил:

– А что о ней говорить? Если умеешь и можешь любить – люби. У вас какая она, любовь, намечается – счастливая или...?

– Трагическая, – ответил он.

– А-а-а, понимаю, гибнут все, – грустно отреагировал дедуля. – Ну а счастья хоть кусочек был?

– Наверное, был, – ответил он.

– Вот и хорошо, – произнес дедуля. – Я-то во всеобщее счастье, огромное, не верю. Не должно быть так. Мы к нему и не стремимся.

– Как это не стремимся? – встревожилась она. – Кто же не стремится к счастью? Все стремятся.

– Да, стремятся, – нехотя согласился дедуля. – Только частенько выходит так, что счастье для всех становится таким, как в вашем рассказе: счастье среди топляков и прочих с пустыми глазами.

– Это не мой рассказ! – почти выкрикнула она. – Вы же обещали, что сами с ними говорить будете, а я – только слушать!

– Извините, увлекся, – улыбаясь, ответил он.

– Мы оба увлеклись, – примирительно продолжила она. – Будете говорить с остальными?

– Как пожелаете? – произнес он.

– Желая играть дальше, – решительно ответила она.

– Смотрите, как они что-то бурно обсуждают! – большая дама, прищурившись, следила за соседями.

– Натанцевались – теперь и поговорить можно, – пробурчал крупный мужчина. – А мы сидим тут сиднями. Наелись вкуснятины, организм перегрузили – мысли все вялые, на разговоры не способные.

– Почему же не способные? – возразила крупная дама. – После вкусного обеда, плавно перешедшего в ужин, как раз время поболтать о чём-нибудь веселеньком.

– Начинайте, – оживился дедуля. – Ждем-с веселеньких рассказиков.

– Что он ждет? – бодрая старушка обратилась к большой даме.

– Веселенького дедуле хочется, – последовал ответ.

– Я могу рассказать анекдот, – громко заявила бодрая старушка.

– Анекдот? Это можно, – согласился дедуля.

– Что он сказал? – снова спросила старушка.

Большая дама ответила:

– Он сказал, что ему нравятся анекдоты.

– Так я могу рассказать? – бодрая старушка собралась с мыслями.

– Мама, только не с «бородой», – громко произнесла гламурная дама.

– Так они у меня все с «бородой». Я ваших, новых совсем не знаю, – ответила бодрая старушка.

– Давайте с «бородой», – предложил крупный мужчина. – Давно не слышал старинных анекдотов.

– Ну-с, дамы и господа, тогда слушайте, – бодрая старушка громко, растягивая слова, произнесла: – Хороший писатель спрашивает плохого: «Вы можете не писать?» – «Могу», – отвечает тот. – «А долго можете?» – последовал во-

прос. – «Могу и долго, но тогда придется обратиться к доктору».

Компания некоторое время молчала.

– Очень тонко, – неуверенно произнесла большая дама. – И еще: эта смена ударений. Очень тонко...

– Давайте я расскажу, – включился в разговор мужчина средних лет.

Компания приготовилась выслушать следующий анекдот.

– Плохой писатель спрашивает хорошего: «Вы пишете романы?» – «Да, – отвечает хороший писатель. – Я прозаик». – «Интересно, – рассуждает плохой писатель. – Романов про зайцев я еще не читал».

– Неплохой анекдот, – натужно улыбаясь, произнес крупный мужчина. – Я не силен в анекдотах. Услышу, посмеюсь и тут же забываю. Память совсем никудышная, дырявая.

– Не прибедняйся, – возразила ему большая дама. – Просто ты не хочешь их запоминать.

– Иногда и хочу. Так не запоминаются. Наверное, записывать надо. Хорошо писателям: пишешь потихоньку, что в голову придет, и запоминать не надо. Текст всегда под рукой.

– Что ты выдумываешь? – иронично спросила большая дама. – Это что же у тебя получается – что писателю и память хорошая не нужна?

– Я этого не говорил. Я сказал, что писателю хорошо, когда он пишет, – тексты остаются. А память ему, конечно, нужна, а то как героев зовут, можно и забыть. Вот возьмите

вашего Откина. У него есть такой хитрый приемчик – не давать героям имена. Пишет просто: «он» и «она». Удобно – можно не запоминать.

– О чём он так долго говорит? Такой длинный анекдот? Я ничего не расслышала, – возмутилась бодрая старушка.

– Он говорит об Откине, – громко ответила большая дама.

– Об Откине? – переспросила бодрая старушка.

– Да, о нём.

– А что, об Откине есть хороший анекдот? – снова спросила старушка.

– Не знаю, – ответила большая дама. – Я таких анекдотов не знаю. Может быть, кто-то знает?

Компания промолчала.

Пламя свечей еле колебалось в вечернем воздухе. Закат постепенно угасал. Приближалась прохладная весенняя ночь с разноголосым пением птиц, оживленно разговаривающих на все майские голоса.

– В этом году май уж больно хорош! – задумчиво произнес дедуля. – Не то что в прошлом годе.

– В прошлом годе было... Бр-р, – подхватил разговор крупный мужчина. – Вспоминается: полмесяца мокрый снег с дождем и дикий холод. Деревья очухались только в начале лета.

– Да-а... Нынче благодать, – согласилась большая дама. – Хорошо, когда всё идет своим чередом: зима, весна. Всё вовремя приходит и предсказуемо. До сих пор помню детские

воспоминания: как в середине мая бегали в легких платящих. А мальчишки пытались и в воду залезть, которая тогда была еще холодна.

– А мы в начале мая ледышки в озере долбили, – мечтательно подхватил тему дедуля. – Лед пористый, темно-синий. Вытащишь кусочек на берег – рассыпается на длинные иголки, сверкающие на весеннем солнышке. Красиво!

– Весна всегда красива, – добавила гламурная дама. – Всё просыпается, расцветает.

Помолчали. Наверное, каждый вспомнил свою весну.

– Да, каждый вспоминает свою весну, – наблюдая за горящими свечами, произнес он. – А вам понравился мой рассказ? – спросил он большую даму. – Вас не испугали топляки?

– Топляки? Нет, не испугали, – ответила большая дама. – Взволновало, точнее – заинтересовало взаимоотношение этих двух молодых людей.

– В смысле их любви? – переспросил он.

Большая дама задумалась. Он терпеливо ждал ответа.

– Она, наверное, не знает, что сказать, – предположила некрасивая женщина.

– Это скорее я не знаю, – тихо произнес он и добавил: – Сложно думать за других.

Большая дама всё-таки ответила вопросом на вопрос:

– Вы считаете, что у них есть любовь?

– Вот те на! – удивленно заметил он. – А что же это? Поцелуи, обнимания, ожидания, грустные расставания и, наверное, многое другое, что я еще не описал.

– Вот это верно вы сказали: «не описал», – произнесла большая дама. – Ваш сюжет очень короток, чтобы можно было понять, любовь это или...

– Вам хочется сказать, что это просто увлечение двух одиноких людей в мрачном окружении? – спросил он, словно обращался сам к себе.

– А мне показалось, что это всё-таки любовь. Грустная, но любовь, – сказала некрасивая женщина и тут же добавила: – Тем более что он своей возлюбленной предложил бежать из этого мрака.

– Из мрака? – удивилась большая дама. – Может быть, может быть. Но этот мрак, на мой взгляд, не так уж и страшен. Есть работа, есть подруга, есть свой парень, а манифестации – так это можно рассматривать как развлечения. Так и мрака никакого нет.

– А топляки? – не удержалась некрасивая женщина.

– Топляки – не мрак, – улыбнулась большая дама. – В жизни всякое бывает: и топляки, и мертвяки, и еще чёрт-те что. Конечно, хочется, чтобы этого вокруг было немного, но реальности разные бывают.

– А эти, с пустыми глазами? – не сдавалась некрасивая

женщина.

– Эти с пустыми глазами – вообще не проблема, – почти смеясь, ответила большая дама. – Взгляните вокруг и не будьте наивными: этих с пустыми глазами хоть пруд пруди.

– Так что же, можно эту историю бросить, то есть окончание можно и не сочинять? – спросил он.

– Как хотите – вы автор, и вам видней. По мне, так если будет захватывающая, яркая любовь – так пишите, а если будут топляки и прочее – так можно и бросить.

– Вот она, читательская правда! – улыбнувшись заключил он.

– Но не все же так думают, – возразила некрасивая женщина.

– Не все, но их тоже много, – ответил он.

– Так что же, вы бросите писать? – спросила она.

Откин задумался, затем усмехнулся и весело произнес:

– Мы забыли с вами, что у них за столом еще остались неопрошенными три клиента.

– Да, – улыбнувшись, согласилась она. – Мы не торопимся?

– Мы не торопимся, – ответил он.

Из зала ресторанчика донеслась веселая, ритмичная музыка. К саксофону и гитаре присоединились фортепиано и ударные.

– Мы можем еще раз потанцевать? – спросила она.

– Пожалуй, да, – согласился он, встал и взял ее за руку.

– Ваш Откин просто ловелас, – произнес мужчина средних лет. – Он сейчас затанцует свою даму.

– Молодец, правильно делает! Что же сидеть-то, когда такая музыка играет? – громко произнесла гламурная дама.

Она встала, подняла юношу из-за стола, и они устремились вглубь ресторанчика – туда, где уже двигались танцующие пары.

Мужчина средних лет проводил их глазами и ничего не сказал.

– Вот молодчина! – воскликнула бодрая старушка. – Надо молодежь развивать. Пусть потанцует с мамой. Нечего здесь сидеть с постным лицом.

– Постное лицо молодежи – интересное явление, – произнес крупный мужчина. – Слышите, там кто-то запел.

– Да, действительно поет. Не по-нашему, – подтвердила крупная дама.

– О чём же поет этот женский голос? – спросил дедуля.

– Плохо слышно – трудно разобрать, – ответил мужчина средних лет.

– Это старая песенка, – продолжил крупный мужчина. – Там есть такие слова: «Мой господин, присядь со мною рядом. Я простая девчонка. Здесь тепло и уютно...» и так далее, что-то в этом роде.

– Ты знаешь этот язык? – удивилась большая дама.

– Нет, я знаю эту песенку, – ответил крупный мужчина и продолжил: – Интересно: нравятся ли эта мелодия и слова вашему Откину?

– Наверное, нравятся, – ответила большая дама. – Он со своей подружкой еще не вернулся, танцует до сих пор.

– О! Соседка наша с юношей соизволила подвигаться, – сказал он, разворачивая партнершу в сторону вновь появившейся пары в центре зала.

Она в ответ кивнула головой и тихо прошептала ему перевод звучащей песни:

– Мой господин, приходите в мое королевство. Я лечу угрызения совести. Я пою романсы. Я воспеваю моих господ, которым не выпало удачи. Посмотрите на меня, мой господин...

Песня закончилась, молоденькая певица в скромном одеянии покинула подиум. Они молча вернулись к своему столу.

– Вы, думаете, кто-то может быть господином? – спросил он.

Она, не глядя на него, ответила:

– Так поется в песне.

Он, грустно усмехнувшись, повторил:

– Да, так поется в песне. А еще там есть такие слова: «... достаточно одного корабля, чтобы всё разрушилось. Когда корабль уплывет... Он увозит с собой красавицу, которая разбивает вашу жизнь...»

– Не будем о грустном, – сказала она и, сделав глоток вина, продолжила: – А вы знаете, мы с вами ошиблись.

– Ошиблись? – удивился он.

– Да. Вы по поводу своего рассказа пообщались только с тремя соседями. Остались неохваченными четверо.

– Да, вы правы. Я ошибся, когда назвал неопрошенными трех клиентов. Кого бы вы хотели услышать?

– Гламурную даму, – ответила она.

– О! – покачал он головой. – Это сложный диалог, – и его взгляд устремился в сторону – может быть, так далеко, что этот ресторанчик растворился на фоне его убежавших куда-то мыслей.

– Потанцевали? – спросил он гламурную даму.

– Да, – недовольно ответила она.

– Что-то не понравилось? – снова спросил он.

– Всё понравилось, – хмуро ответила она. – Веселая мелодия, веселенькая песенка.

– Относительно веселенькая, – возразил он.

Гламурная дама с любопытством посмотрела на него.

– Почему относительно?

– Слова грустные – о неразделенной любви, – ответил он.

– Почему вы не спрашиваете ее о сюжете рассказа? – вме-

шалась некрасивая женщина.

– Не торопитесь, всё своим чередом, – ответил он. – Нельзя же сразу спрашивать о топляках.

– Может, стоит спросить ее о любви? – предложила некрасивая женщина.

– Пожалуй, вы правы. Стоит поговорить о любви, – согласился он. – А что вы скажете о любви этих молодых людей из рассказа? – спросил он гламурную даму.

Гламурная дама подумала и ответила:

– У вас там любовь какая-то грустная, а оттого и скучная.

– А разве бывает веселая любовь? – возразил он.

– Наверное, бывает, – ответила гламурная дама. – Лично мне веселая любовь нравится больше вашей грустной, да еще вы сказали, что она у вас трагическая. Это совсем не мое. Я это не люблю.

– «Я это не люблю», – повторил он. – Вот и весь сказ!

– Да, ответ абсолютно ясен, – согласилась некрасивая женщина. – Стоит ли у остальных еще что-то спрашивать, тем более что рассказ еще не закончен.

– Может быть, может быть, – задумчиво ответил он. – Финал еще впереди.

Она открыла дверь. Пустые глаза инспектора не мигая смотрели на нее. Его темный костюм был тщательно выгла-

жен. Стрелки на брюках ровными линиями уходили вниз и упирались в блестящие черные ботинки. Вставая, она заметила, что на улице лило как из ведра.

«Странно, – подумала она. – Как это они умудряются в такую погоду быть такими чистенькими?»

– За три рапортчики вам следует наложение дополнительной манифестации, – без выражения произнес инспектор и протянул ей черный конверт. – Прошу зафиксировать, – добавил он и молча удалился вниз по лестнице.

Она закрыла дверь и вернулась в спальню. До подъема оставалось еще два часа. Она вскрыла конверт. На белой мелованной бумаге красовалась черная типографская надпись: «Манифестация – одна единица». Внизу мелким шрифтом указывались время, место сбора и перечень необходимых лозунгов. Она еще раз взглянула на циферблат и поняла, что сразу после цеха придется мчаться на указанный перекресток, хватать транспарант, придется заучивать лозунги на ходу и даже в цехе. Спать не хотелось. Она легла на спину и долго смотрела в потолок, вспоминая свой родной хутор, откуда ее по разнарядке переместили в город.

На хуторе, помимо хозяйственных построек, было всего три дома. Три семьи испокон веков хозяйствовали там. Она принадлежала уже к пятому поколению. Когда-то народищу, как рассказывала тетка, обреталось здесь великое множество. На праздниках устраивались шумные гулянки с песнями под гармошку и играми среди молодежи. Но постепен-

но жизнь угасала. Старики умирали, молодежь перемещали в город – и в ее бытность на хуторе осталось всего три человека: она с теткой да старый, одинокий дед в соседнем доме. Один дом из трех уже года два пустовал.

Тетка за последний год сильно сдала и уже не могла следить за хозяйством и помогать деду. Теперь ей одной приходилось смотреть за огородом, где стараниями тетки кое-что росло, и за дедом, который в теплую погоду сидел на заваulinке, курил свой самосад и натужно кашлял. Тетка сетовала, ворчала на деда и боялась, доживет ли он до следующего лета.

Из живности на хуторе оставалась, наверное, такая же древняя, как хутор, собака. Она медленно, часто останавливаясь, ходила от дома к дому и долго лежала у порога, не желая мотаться по дворовой территории.

В этот год лето выдалось теплое, с частыми дождями. Зелень в городе разрослась до невероятных размеров. Ей приходилось почти через день прореживать и пропалывать овощные. Тетка охала и ахала, как могла помогала ей. Понемногу, по одной грядочке приводила огород в надлежащий вид. Дед изредка, опираясь на толстую клюку, появлялся на краю огорода, цокал языком и бормотал:

– Эка зелень-то прет! Видать, зима лютая будет.

– Ты что же, дед, всем организмом зиму чувствуешь? – завидев деда, отреагировала тетка.

– Не всем, а только низом. Ноют кости на погоду.

– Так до зимы-то далеконочко, – не унималась тетка.

– Да, но на то другие приметы действуют, – ответил дед. – А ты, я вижу, девку совсем загоняла. Ведь не скотина же какая!

– Девка здоровая. Не бойсь за нее. Работа силы прибавляет, а безделье убавляет.

– Я не устала, – разгибаясь, ответила она и, улыбнувшись, спросила: – Дедушка, скамеечку принести? А то стоять-то, небось, тяжело?

– Стоять не тяжело. А вот на пустошь нашу смотреть тяжело.

– Опять ты, дед, за свое! Уж хватит вздыхать по прошлому, – отирая руки о фартук, проворчала тетка. – Мы-то, слава Богу, живехоньки, и молодуха у нас есть. Вона как быстро управляется.

– Управляется, – согласился дед. – А женихов нетути в округе. Ночь придет – окрест ни огонька не видно. Перемещение всех забрало.

– Да, – вздохнула тетка. – Может, нас обойдет сие лихо? Может, забыли нас?

– Может, и забыли, – с сомнением произнес дед. – А может, и нет.

Потом дед тихо удалился к себе на завалинку и молча сидел там до самого вечера.

– Дед, пора вечерить! – крикнула тетка, возвращаясь с огорода. – Заходи, родимый, к нам, сейчас я на стол соберу.

В сумраке вечера все собрались за столом.

– Сегодня тюрю будем есть, – сказала тетка. – Печь-то не топили. Дрова надо беречь.

– Эхе-хе, – поохал дед. – Тюрю так тюрю, – и обмакнул кусок хлеба в похлебку.

Остальные присоединились к нему. Хлебали тюрю из общей миски молча, как положено, соблюдая очередь.

– Завтра печку протопим, полевку сделаю. Хотите полевку? – спросила тетка.

– Хотим, – за всех ответил дед.

– За дровами-то, поди, далеко нынче бегать? – спросил дед, утирая рот холщовой тряпкой.

– Далеко, дедушка, аж за выселки вчера бегала. Хворост и сучья в округе почти все подобрала.

– А в выселках чай живет кто? – снова спросил дед.

– Да никогошеньки там не осталось, – ответила она. – Я хотела плетень на дрова забрать, да жалко разорять. Вдруг кто вернется.

– Да уж, кто же вернется, – возразила тетка. – Уже два лета, как никого там нет. Надо бы и плетень ихний разобрать.

В зиму-то дрова ой как нужны!

– Вот завтра и наладимся туда, – предложил дед.

– Куда уж тебе с клюкой? Без тебя сходим, пока огород не зарос, – ответила тетка. – Эх, была бы лошадь – много бы припасли дров.

– А что же, телегу на дрова не пустить? – спросил дед. –

Стоит под навесом без дела.

– А ну как кто из наших вернется хозяйство налаживать? – всплеснула руками тетка. – Что ж ты, дед, всё разорить хочешь?

– Я-то что же? – смиренно ответил дед. – Пусть стоит. А вот разоритель – не я. Совсем не я.

Она встала и убрала со стола. Тетка, подперев подбородок о ладонь, долго смотрела в окно, где вечерние сумерки постепенно сгущались и ночь неумолимо надвигалась на хутор.

Дед заерзал на старой лавке и устремил взгляд в угол – на сундук, где лежала стопка лозунгов.

– Вижу, опять охота тебе умыкнуть несколько бумажек, – отреагировала тетка на порыв деда. – Проводник строго велел: бумажки не трогать, а читать их каждый день. А ты, дед, норовишь их на самокрутки пустить.

– Так бумажка-то для этого как хороша! Тонкая, мягкая – как раз для курева годится. А этот проводник через месяц новой нанесет.

– Не через месяц, а завтра должен появиться, – ответила тетка. – Ну, как проверит, все ли листики на месте?

– Не проверял же раньше, – не сдавался дед.

– Да уж бери, курилка, – махнула рукой тетка. – Авось пронесет.

Дед поднялся, кряхтя, добрался до сундука, долго шелестел листочками, словно выбирал самые лучшие, взял один. Бормоча себе под нос, почитал текст и не спеша вернулся на

место. Он долго и тщательно крутил самокрутку. За окном потемнело так сильно, что в доме стало неуютно, силуэты сидящих были едва различимы.

– Зажги-ка, дочка, лампу, а то и самокрутку не раскурить, – предложил дед.

Она зажгла светильник – слабенький огонек осветил стол и сидящих за ним.

– Масло тоже надобно беречь. Когда еще пойдем в маркет? Да и брать-то там нечего. Хлеб у нас, слава богу, свой. Силы будут – как-нибудь осенью жатву осилим.

– Осилим, – согласился дед, попыхивая самокруткой.

Дед, как всегда, закашлялся, долго не мог остановиться, и она вспомнила, как прошлой осенью он сильно разболелся. Тетка лечила его разными травами. Зарезали последнюю курицу и поили деда отваром, кормили курятиной. Дед поправился только к самым морозам.

– Пора бы на боковую, – сказала тетка и, подавив зевету, встала из-за стола.

Дед аккуратно погасил самокрутку о консервную крышку и согласился:

– Да уж пора. Вона темень какая за окном.

Она проводила деда к себе в дом. Устроила ему постель и уложила спать. Хутор затих. Собака, свернувшись калачиком, устроилась на крыльце. Звездное небо сияло. Она минут пять с чувством какого-то тихого восторга смотрела вверх и думала:

«Боже мой, какая красота! И это будет всегда. Даже тогда, когда не будет нас. Не будет проводника с пустыми глазами и не будет никаких лозунгов!»

Рано утром появился проводник. Его темный костюм был тщательно выглажен. Стрелки на брюках ровными линиями уходили вниз и упирались в блестящие черные ботинки. Пустые глаза проводника смотрели на нее.

Вставая, она заметила, что сегодня ожидается яркая, хорошая погода. Туман белой пеленой окутал хутор. На востоке зарделось красное солнце. Проводник протянул ей черный конверт и без выражения произнес:

– Вам следует прибыть на сборный пункт в соответствии с разрядкой перемещения, – и добавил: – Прошу зафиксировать.

Проводник молча провернулся к ней спиной и энергично, почти не касаясь земли, зашагал со двора.

«Странно, – подумала она. – Почему он не оставляет следов?»

Она встала – пора было собираться в цех. Ливень на улице приутих. Только морозящий дождь уныло сыпал сверху, оставляя круги на воде.

Напарница встретила ее вопросом:

– Привет, как дела?

Она улыбнулась в ответ и молча встала к конвейеру.

– Опять проблемы? – переспросила напарница. – Что, он не пришел?

– Да так. Получила черный конверт, – ответила она.

– Тс-с, – зашипела напарница.

Инструктор появился у конвейера и наблюдал за движением деталей.

– Вот, собака, не уходит! – прошептала напарница, подхватывая очередную деталь.

Несколько минут они работали молча, искоса проглядывая на инструктора. Напарница неожиданно схватилась правой рукой за поясницу, согнулась и сильно заохала, как будто ее пронзила острая боль. Она испуганно бросилась к ней, пытаясь чем-то помочь, заглянула в глаза. Напарница незаметно подмигнула ей и прошептала:

– Останавливай конвейер.

Инструктор повернулся к ним лицом. Его пустые глаза не мигая смотрели на них.

– Вы прошли контроль, – то ли вопросительно, то ли утвердительно произнес инструктор.

Напарница, не разгибаясь, ответила:

– Да, как всегда. Вроде отпускает.

– Я оформлю рапортчку, – равнодушно произнес инструктор и удалился в диспетчерскую.

Конвейер стоял. У них неожиданно образовалось свободное время. Напарница разогнулась и весело заметила:

– Вот и перерыв! А допманifestации не бойся и лозунги не учи. Там будет много народу. Открывай рот вслед за глашатаем – и всё будет в порядке.

– Может, хотя бы почитать? – неуверенно спросила она.

– Ну, почитай, – ответила напарница. – А лучше расскажи о нём. Какой он?

– Он обыкновенный. Просто красивый.

– Ого, обыкновенно-красивый! Что-то новенькое, – отреагировала напарница. – Нечасто встречаются обыкновенные и красивые.

– Ну, как тебе объяснить? – заторопилась она. – Высокий, светлый, умный.

– Ага, уже понятнее, – ответила напарница. – А как он сюда попал?

– Тоже по разрядке, но только в другой квартал.

– И давно он здесь? – снова спросила напарница.

– Так же как и я – почти год, – ответила она.

Появился инструктор, молча включил конвейер и равнодушно произнес:

– Продолжайте работу.

– Собака! – совсем тихо, одними губами прошептала напарница и приняла очередную деталь.

– Как потанцевалось? – весело просил дедуля.

– Нормально, – ответил юноша.

– А как там наши соседи отплясались? – снова спросил дедуля.

– Отплясались, – ответила гламурная дама. – Подружка ему что-то шептала – в любви, наверное, объяснялась.

– Это очень хорошо, – обрадовался дедуля. – Объяснение в любви во время танца – это прекрасно!

– А вы тоже общались или просто молча двигались? – обратился дедуля к юноше.

– Просто двигались, – ответил юноша. – Что там разговаривать – ногами надо перебирать.

– Да, конечно, вы правы, – продолжил дедуля. – Надо ногами перебирать. Танец – он такая штука, что без ног никак не обойтись. Только я бы еще кое-что предложил.

– Чего же еще для танцев можно эдакое предложить? – присоединился к разговору крупный мужчина. – Кроме костюма, музыки? Может быть, специальные ботинки для четки?

– Убрать постное лицо, – усмехнувшись, предложил дедуля. – Постное лицо, как недавно выразилась наша бабуля, в танцах ни к чему.

– Он что-то сказал обо мне? – громко спросила бодрая старушка.

– Он сказал, что постное лицо для танцев не годится, – ответила ей большая дама.

– Это правильно. Лицо должно быть выразительным, даже

если танец очень серьезный, – продолжила бодрая старушка. – Конечно, приятнее, когда лицо веселое, но не все танцы веселыми бывают.

– Не все, – согласился дедуля. – А вам, новому поколению, какие танцы нравятся?

– Опять наш дедуля к молодежи пристаёт, – тихо произнесла большая дама.

– А что, уже и нельзя к молодежи пристать? – проворчал крупный мужчина. – Что ж она нынче такая неприкасаемая?

Большая дама замолчала и недовольно отвернулась в сторону. Юноша прекратил наблюдение за пламенем свечей и ответил:

– Я не знаю. Наверное, больше веселые нравятся. Невеселый танец – это, наверное, в балете. А так обычно люди хотят веселиться – вот и танцуют.

– Ого! – отреагировал дедуля. – Очень правильная мысль! А вы говорите, не приставать к молодежи. Молодежь-то истины излагает. В горе народ не танцует – он скорбит.

– Не соглашусь с вами категорически, – заявил крупный мужчина. – Существуют ритуальные танцы. Они не от радости.

– Да, вы правы, – согласился дедуля. – Я как-то про ритуалы и подзабыл.

Компания замолчала. Тема ритуальных танцев никого не вдохновила на продолжение разговора.

– А как там поживают наши соседи? – спросил крупный

мужчина.

– Сидят себе, пьют вино, – недовольно ответила большая дама. – Что они тебе сдались? Лучше расскажи нам что-нибудь веселенькое.

– Веселенькое, – сухо повторил крупный мужчина. – Сейчас чего-нибудь вспомню.

Крупный мужчина задумался, слегка улыбнулся и начал свой рассказ:

– Как-то вышел каптерщик из доверия. Не понравилось старшине что-то в его каптерской деятельности. То ли лишнее кому-то выдал, то ли сам умыкнул что-то со склада. Старшина, сам-то из старослужащих, порядок во всём любил, а беспорядок терпеть не мог. Удалил он каптерщика со склада, нового поставил, а провинившегося на службу обычную определил без привилегий. Скучно стало бывшему каптерщику служить, как все – нет уж тех прав, что были раньше. Осерчал он на старшину. Кто же себя винит в содеянном? Всегда кого-то другого обвинить в своих бедах хочется. И решил наш герой, будучи ночным часовым, отомстить старшине хотя бы немножко. Соорудил он чучело. Бушлат, ватные штаны, валенки, шапку собрал воедино и на крюке повесил к козырьку крыльца казармы. Веселенькая (в кавычках) картинка получилась! Будто не то кто-то повесился, не то кого-то повесили на козырьке. Ночь, темно – ошибиться немудрено. Подгадал же наш герой устроить эту бу-тафорию, когда старшина ночью дежурил по казарме. Вышел

тот на крыльцо воздухом подышать. Вышел, увидел это сооружение и дара речи лишился, а когда получше разглядел обман, так выразился заковыристо, что часовой, ранее затаившийся для получения сатисфакции, с испугу ретировался от греха подальше. Потом старшина вернул каптерщика на место, повоспитывал службой и вернул на склад. Вот такая веселая история приключилась.

– Ну и что же тут веселенького? – спросила большая дама.

Крупный мужчина пожал плечами и промолчал, а дедуля попробовал за него объясниться:

– Обычно, если кого-то напугать, то это считается весельем для пугающего. Такова практика розыгрыша. Взгляните: кое-кто из присутствующих улыбнулся – значит история веселенькая, по крайней мере забавная.

– А как же, конечно веселенькая! – воодушевленный поддержкой дедули, отреагировал крупный мужчина. – Не менее веселая, чем те истории, когда кто-нибудь неожиданно падает. Смешно, не правда ли? А у меня непадальная история – так что чуть поменьше смеха.

– А я не люблю розыгрыши, – категорически возразила гламурная дама. – Тому, кого разыгрывают, совсем не смешно. Чего же тут хорошего?

Дедуля на это ответил:

– А если разыгрываемому потом приз ценный вручить – так сказать, в качестве компенсации за некоторое неудобство, – то оно, может быть, и ничего?

– Даже с призом – нехорошо, – не согласилась гламурная дама.

– А вот я расскажу смешную историю, – прервала их бодрая старушка и громко начала излагать свой сюжет: – Когда-то совсем девчонкой служила я лаборанткой в большом вузе. Трудилась, так сказать, не покладая рук в одной из кафедральных лабораторий. А надобно сказать, что в институте сем научной работой руководил проректор по фамилии Бит. Я нисколько не фантазирую – такая фамилия у него была. И вот как-то раз на кафедре зазвонил телефон, я рядом оказалась, подняла трубку, «алё» – говорю. А в трубке – вежливый, интеллигентный голос, после «здрасьте», спрашивает: «Попросите, пожалуйста», – и называет имя нашего доцента-женщины. А я, дурочка несмышленная, не подумав, с ходу отвечаю: «Она у Бита на заседании». Тишина в трубке воцарилась – даже дыхания не чувствуется, а я настаиваю: «Вы слышите меня? – и снова, называя имя доцентши, добавляю: – Она у Бита на заседании». И только после повтора этой фразы начинаю соображать, что абонент совсем не в курсе, что у нас фамилия проректора Бит. Спыхватываюсь и тараторю быстро-быстро, чтобы кого-то там на другом конце провода «кондратий» не хватил: «У нас в институте фамилия проректора Бит – так он сейчас совещание проводит, и (называю снова имя доцентши) – так она у него, у проректора, на совещании». Чувствую, что спрашивающий очухался и пришел в себя, так как продолжил разговор и спросил: «А

как долго это продолжится?» Тут у меня отлегло от сердца. Понял меня абонент и я, уже более спокойно, отвечаю: «Вообще-то, не знаю. Может быть, что-то передать ей?» – «Нет, спасибо. До свидания», – ответили мне и положили трубку. Вот такая история приключилась.

– Интересная фамилия – Бит. Можно кроме «у Бита» еще кое-что придумать. Например, «из Бита» или «по Бита», и еще вот: «при Бита». Нет, последнее не годится, – поправился дедуля. – Надо говорить: «при Бите», да и «по Бита» тоже не годится. Пожалуй, подойдет «от Бита».

– Ну и куда эти все ваши «Биты» приспособить? – недоуменно спросила большая дама.

– Как куда? – ответил дедуля. – Вот, к примеру, вас спросили: «Откуда вы взяли эти данные?» а вы отвечаете: «Информация от Бита». И скажите: как вас понимать? У кого это информация отбита? У каких таких захватчиков? Нонсенс и юмор сразу наклеиваются.

– Да, может, и наклеивается, – нехотя согласилась большая дама и, вдруг всплеснув пухлыми руками, произнесла: – А вот у меня смешной случай был. Сдаю я экзамен. Подготовилась, бумаги-черновики собрала со стола и иду к профессору. Усаживаюсь напротив. По билету рассказываю. Вроде гладко всё идет. Последний вопрос рассказала, думаю про себя: «Уф! Отстрелялась – сейчас оценку поставит и я свободна». А профессор задумался что-то и вдруг правую руку мне протягивает.

Я – видимо, от волнения – вскакиваю и радостно ему свою ладонь сую. Руку его хватаю и как бы благодарю за окончание экзамена, а заодно и прощаюсь. Профессор смутился от моей наглости, ладонь свою легонечко из моей вырывает и говорит: «А поясните-ка мне в этом вопросе вот эту формулу», – и указывает свободной рукой в мои черновые каракули. Тут я сообразила, что не прощание со мной затеял профессор, а хотел мне довопрос задать! Вот так смешно получилось.

– А что с экзаменом-то? – спросил крупный мужчина. – Сколько же получила?

– Ах, да. Четыре поставил.

– Четыре – это хорошо. После руку уж не жала ему? – снова спросил крупный мужчина.

– Нет, не жала, – улыбаясь, ответила большая дама.

– Ну-с, дамы и господа, продолжайте, продолжайте, – весело произнес дедуля. – Кто готов к следующему рассказу?

– Давайте я, – ответил мужчина средних лет.

Кто-то предложил:

– Может быть, закажем еще что-нибудь? А то сидим за столом без дела.

– Куда же еще? Поди, все накушались, – ответила большая дама.

– Может быть, сладенького чуть-чуть? – поддержал мужчина средних лет.

– Разве что по чуть-чуть, – согласилась гламурная дама.

Пригласили официанта.

– Нам что-нибудь совсем чуточку сладенького, – произнес мужчина средних лет. – И обязательно легкое, прямо-таки невесомое.

Официант изобразил строгое, задумчивое лицо и предложил:

– Есть вариант – мильфей.

– А что это? – спросила гламурная дама.

Официант по-деловому ответил:

– Мильфей творожно-ягодный. Это чуть-чуть слоеного теста. Творог, сметана, сахарная пудра, ягоды и мята.

– Ну как, берем? – обратился ко всем мужчина средних лет.

Никто не возражал. Официант не спеша удалился в глубину ресторана.

– Этот «мильфей» что-то означает? – как бы размышляя, произнес крупный мужчина.

– Принесут – спросим, – предложил дедуля.

– Ну так что, рассказывать? – спросил мужчина средних лет.

– Конечно, конечно, – утвердительно ответил дедуля. – Слушаем внимательно.

– Ну так вот: появился в кабинете мастер из сборочного. «Здрасьте», – говорит, а вид такой, словно закон всемирного тяготения заново открыл. Глаза горят, удивление на всё лицо. Говорит мне: «Парадокс у нас». А я сижу и думаю:

«План, наверное, горит, как всегда. Вот и парадокс весь». Кинул взгляд на календарь – неделя до конца квартала осталась. Спрашиваю: «Что за парадокс? План опять под угрозой?» – «Нет, – отвечает. – План будет, а парадокс останется». – «Ну, – думаю, – запарился мастер. Молодой парень, вроде смысленный, раньше за ним парадоксов не замечал». «Так что же стряслось?» – допытываюсь. – «А вот, как так может быть? – с волнением отвечает мастер: – A равно B , B равно C , а A не равно C ». – «Ты мне математику не трогай, – отвечаю я. – Толком говори: в чём парадокс?» – «Так я и говорю, – нервно отвечает мастер. – A не равно C ». «Ну, думаю, – на почве сборки приборов с головой у него что-то произошло. Работа тонкая, ответственная, требует внимания – можно и переутомиться». «Пойдемте, – говорит мастер. – Покажу». Спустились мы в цех, в каморку к нему зашли. На столе у него изделие лежит, рядом тестер. Подводит он меня к столу и показывает. «Вот, замыкаю эти две клеммы – контакт есть. Замыкаю другие две – контакт есть, а вот между крайними контакта нет». – «И правда, – сообщая я. – Всего три клеммы, между крайними и средней контакт есть. Стрелка на приборе показывает, что есть контакт, а между двумя крайними, минуя среднюю, нет контакта. Стоит стрелка как вкопанная на нуле. Действительно, A не равно C ». Переглянулись мы между собой. Парадокс налицо. Я бормочу растерянно: «Не может быть такого! Просто, не может быть и всё тут!» А мастер обалдело смотрит

на меня и с опаской косит взгляд на изделие, и чувствуется, мозги его в напряжении работают. – Мужчина средних лет обратился к слушающим: – Вы понимаете, о чём я говорю?

– Понимаем, – ответил за всех крупный мужчина. – Только не может быть такого. Это – сказка, что А не равно С.

– И мы также подумали, что мираж какой-то перед нами, иллюзия. Не может быть такого. Не место иллюзиям в сборочном цехе. Беру решительно тестер в руки, трясу его. Говорю: врет прибор. Ставлю его рядом с изделием, только с другой стороны, и снова делаю замеры. Есть контакт между крайними клеммами. Посмотрели мы друг на друга. Слава богу, мистика кончилась! А всё же интересно: почему раньше контакта не было? Стали думать, тестер по столу двигать. Поняли, что с того места, где раньше он стоял, когда провод от него тянулся к клеммам, от натяжения контакт терялся. Поглядел я на радостного мастера и строго сказал: «План нужен обязательно, а тестер этот спиши и выкинь». Вот и вся история, – закончил свой рассказ мужчина средних лет.

Принесли мильфей и чай. Компания принялась поглощать сладенькое.

– Почему вы один? – спросила она.

Он с улыбкой взглянул на собеседницу и сразу ответил:

– Я не один. Вот вы сейчас со мной.

– Я в другом смысле, – смущенно ответила она.

– Вы имеете в виду семью? – спросил он и сам себе ответил: – Семья для таких как я – очень сложная задача. Я не знаю почему, – он задумался и через некоторое время продолжил: – Наверное, мне нет оправдания, но хочется всё-таки найти разумное объяснение, хотя бы для себя, почему не удалась у меня семья.

Из танцевального зала вновь послышалась музыка. Что-то в стиле блюз. Зазвучала песня. Грустный женский голос запел:

Как жаль, что летом не бывает белых выюг,
Как жаль, что осени не встретиться с весной...

Он смотрел на нее и думал:

«Боже мой, милая дама, как мне тебе объяснить, что мне уже поздно? Мне уже поздно...»

Голос из зала проникновенно продолжал:

... Как жаль, что свет не любит тень,
Я словно ночь, ты словно день...

– Кто же из нас ночь, а кто – день? – тихо спросил он сам себя и подумал: «Надо как-то сменить тему разговора – перейти к литературе».

А песня продолжалась:

... Как жаль, что нет тебя со мной.

«А ведь ты, старый пень, еще на что-то надеешься! – мысленно сказал он сам себе. – Пора бы замудреть! У тебя с ней разница лет двадцать, а может, и больше».

А из зала донеслось:

... Как жаль, что счастье не для всех!

Я словно стон, ты словно смех,

Как жаль, что нет тебя со мной...

«Она, наверное, надеется на что-то, – подумал он. – А может, и впрямь мы будем счастливы вдвоем?»

Музыка затихла, песня закончилась. Она не смотрела на него, она просто тихо сидела опустив глаза и как будто чего-то ждала.

«Эта стильно одетая, некрасивая дама может меня полюбить? – подумал он. – А я могу? Что я могу? Стать ее мужем? Зачем мне это?»

– Я уже давно привык быть один, – вслух произнес он. – Так что вопрос «почему я один» практически не имеет ответа.

– Да, – тихо согласилась она.

После непродолжительной паузы он предложил:

– Может быть, продолжим нашу литературную игру?

– Может быть, – без особого энтузиазма отозвалась она.

Он спросил:

– Кто у нас остался неопрошенным?

Она подняла на него глаза, поправила прядь волос и, улыбнувшись, ответила:

– Кажется, этот молчаливый мужчина средних лет. Они все как раз поглощают сладенькое. Самое время их о чём-нибудь поспрашивать.

– Да, самое время, – улыбнувшись, согласился он.

– Вы как-то совсем не отреагировали на повесть, – спросил он мужчину средних лет.

– Да, – не отрываясь от сладкого, ответил мужчина.

– Он совсем не желает с вами говорить, – покачивая головой и улыбаясь, сказала она. – Таким вопросом вы его не раскачаете.

Он, негромко рассмеявшись, спросил:

– Что же мне делать – пригласить его за наш столик? Заказать сладкое и мучить его вопросами, выдавая по мере ответов сладости?

– Всё равно ничего не выйдет, – развеселилась она. – Сперва придется прочесть весь текст вашей повести, и, возможно, он к концу уснет.

– Уснет? – притворно удивился он. – Это что же, такой скучный текст?

– Как кому? А ему – длинный, – ответила она.

– И как же нам поступить? – спросил он.

Она подумала и ответила:

– Поскольку этот мужчина – деловой человек и привык к

кратким текстам и рациональным действиям, следует текст ему подавать короткими порциями.

– Хорошо, – легко согласился он. – Будем задавать простые вопросы по ходу развития сюжета. Вы согласны?

– Я согласна, – ответила она.

– Тогда начнем, – продолжил он. – Итак, вас не смущает то, что топляка вылавливают из канала простые граждане города?

Мужчина средних лет подумал и ответил:

– Утопленников должны вылавливать специально подготовленные люди. Спасатели. В крайнем случае – правоохранительные органы.

– Спрашивать дальше? – обратился он к собеседнице.

– Пожалуйста, еще пару вопросов! – со смехом попросила она.

– Хорошо, попробуем еще, – радостно согласился он.

– Скажите: эти наставники, инструкторы, контролеры и кто там еще?

Она подсказала:

– Проводники.

– Спасибо, еще и проводники с пустыми глазами, якобы получающиеся из топляков, заняты для читателя?

Мужчина средних лет ответил:

– Я понимаю, что это фантастика, то есть вы пишете в стиле фэнтези. Мне этот стиль не очень... От жизни реальной далек, поэтому, извините, ничего конкретного сказать

не могу.

– И последний вопрос, чтобы не занимать ваше драгоценное время. В повести одна из работниц, симулируя болезнь, останавливает конвейер. Каково ваше мнение об этом?

– Сугубо отрицательное, – ответил мужчина. – Таких работниц не должно быть. Это ошибка службы по работе с персоналом. Надо внимательно подбирать кадры.

Они замолчали. Он вздохнул и заявил:

– Вот вам и всё интервью.

– Да, – сказала она. – Человек без фантазий.

– Вы осуждаете? – спросил он.

– Пожалуй, нет, – ответила она.

– Пожалуй, нет, – повторил он и продолжил: – Это – человек дела. А такие как я, фантазеры – для развлечения.

– Почему же только для развлечения? – возразила она. – Может быть, и для размышлений?

– Нет. Какие уж тут размышления? – вздохнул он. – Впрочем, вот вы о чём размышляли, когда слушали эту историю?

Видимо, не ожидая такого вопроса, она переспросила:

– Я?

– Да, лично вы, – повторил он вопрос. – Этот сюжет был для вас развлечением или поводом для раздумий?

– И то и другое, – ответила она.

– Хорошо, – примирительно согласился он и повторил: – И то и другое... Мне всё-таки интересно: о чём вы размышляли, когда слушали это повествование? Если, конечно, не

секрет.

– Я думала о вас и еще – о том, почему окончание повести должно быть трагичным. Я подумала: может быть, вы измените свои намерения и любовь у вас окажется счастливой?

– Счастливая любовь, – произнес он, как будто размышляя о чём-то. – Если говорить откровенно, то я еще не знаю, как закончится эта история. У меня так частенько происходит: задумаю что-то написать – и где-то в середине герои становятся неуправляемыми, совершают поступки, о которых вначале я и не мог предположить. Приходится следовать за ними и подгонять свои мысли под то, что они делают.

– А если я вас попрошу сделать окончание счастливым, вы исполните мою просьбу? – спросила она.

Он задумался, долго смотрел на горящие свечи, потом повернул голову в сторону парка и, прищурившись, что-то там высматривал среди темных деревьев, слабо освещенных вечерними фонарями.

Она тихо сидела, стараясь не шевелиться и не смотреть на него, терпеливо ждала ответа и, может быть, уже сожалела о своей просьбе.

Наконец он отвлекся от созерцания парка, взглянул на нее и ответил:

– Я постараюсь, но... – и снова задумался, подбирая какие-то важные слова. – Но, простите, гарантий дать я не могу.

– Да, я понимаю, – вздохнула она. – Без гарантий.

Они замолчали. От соседней компании донесся сдержанный смех.

– У них там весело, – сказала она.

– Это хорошо, когда весело за столом, – грустно произнес он. – Нам бы тоже надо повеселиться.

– Расскажите мне ваш сон, – попросила она. – После которого вы стали поэтом, то есть поняли, что можете рифмовать. Вы обещали.

– Да, я обещал, – улыбнувшись, ответил он.

– Это старая история, – продолжил дедуля. – Ну что ж, если молодежь молчит, то я ее расскажу.

– Наши истории не интересны, – весело ответила гламурная дама. – Мы лучше послушаем смешное и поучительное из старины.

– Из старины так из старины, – лукаво произнес дедуля и приступил к своему рассказу. – Итак, это старая история. Это было, когда деревья были большими и трава зеленее. Как говорится, всё было не так, как сейчас.

– Ну да, – подтвердил крупный мужчина. – Такого безобразия, как сейчас, гораздо меньше было.

– Вот опять ворчание на современность! – недовольно вставила большая дама. – Пора бы и утихомириться.

Компания замолчала, а дедуля после многозначительной

паузы продолжил:

– Я про траву пошутил. Раньше тоже плохое было, просто по молодости лет мы на него не так нервно реагировали. И хорошее было, и плохое. Всё было и по-разному. Завелась у нас мода на джакузи. Штука эта гидромассажная в новинку была. Не у всех она появилась сразу – только в изысканных местах и первым делом, конечно, в частных банях для особой публики, как говорится, элитной. А время было дефицитное, и нарасхват были эти джакузи.

И вот как-то раз мы с приятелем порешились в такую элитную баньку попасть. Через своих знакомых разузнали, где есть джакузи, через третьи руки договорились, что примут нас там приватно, исключительно из уважения, то есть кое-какой авторитет у нас был. В вечер после трудов праведных заявили мы в такую баньку. На входе, как положено, встретил нас банный человек и после выяснения, кто мы такие, пропустил вовнутрь. Расположились мы, парилку посетили, огляделись вокруг и не можем понять, где эта штука – джакузи? Позвали банного человека. Спрашиваем: «А где джакузи?» Он головой мотает и отвечает, что, мол, джакузи нет и не было.

А надо сказать, что человек банный был неместный – как говорится, нетутошный. Говорил не совсем по-нашему. Услышали мы ответ, думаем: «Чёрт с ней, с этой джакузей – и так, без нее попаримся». Прогрелись основательно, душем охладились, прошлись по банным закоулкам, зашли в сосед-

ний зал. Смотрим – бассейничек маленький с отверстиями в стенках. Смекаем, что это и есть джакузи. Чувствуем, что дурит нас банный человек, – снова его позвали, подвели к бассейну, тычем туда пальцем и говорим: «Вот же джакузи!» А этот банный глаза выпучил, куда-то убежал и скоренько появился с сачком и давай по поверхности воды им шарить, как будто чистить. Изумились мы мало-мало. Соображаем, что, может, нас не совсем понимают, а банный манипуляции с сачком завершил и спрашивает испуганно: «Хорошо?» Мы настороженно отвечаем: «Хорошо». Когда банный удалился, чего-то решили мы его больше не беспокоить – мало ли какие люди здесь обретаются. Допарились, отдохнули маленько и собрались к дому. Идем мимо каморы банного, а приятель мой не выдержал и делает ему замечание: «А всё-таки где же у тебя джакузи?» Совсем занервничал банный, задергался, аж говорить не может – схватился за телефон, кому-то позвонить решил. Остановились мы, наблюдаем, что же дальше будет, а банный бормочет в трубку: «Нет джакуза, он нет у меня. А он говорит: есть и в воде есть». Мы слушаем с некоторым изумлением и что-то понимать стали, а банный прекратил в трубку бормотать и ответ ждет. «Буль-буль надо? – повторил два раза банный в трубку и спросил напоследок: – Это джакуза?» Тут вся проблема и разрешилась: не знал банный, что такое джакузи. Он думал, что джакузи – это человек. А впрочем, кто его знает, что он думал? Потом банный долго заискивающе улыбался и, видимо, извинялся

на своем, нам непонятном, языке. Руками жестикулировал, вроде бы просил нас еще раз в баню пройти, но мы вежливо распрощались, сказали «спасибо» и скромно ретировались наружу. Вечер был хорош – тихо и тепло после бани.

– Ха... ха, – аккуратно рассмеялся крупный мужчина. – Без джакузи, значит, остались, – и, прерывая негромкий смех, произнес: – Мысль у меня одна родилась. Вот если бы писатели такие истории записывали, больше толку бы было. Вот, посмотрите – на небольшую книжечку сегодня наговорили.

– Какую книжечку? – спросила бодрая старушка.

– А такую, – задорно ответил крупный мужчина. – И название можно такое дать: «Короткие истории».

– А как же ты их воедино свяжешь? – любопытствовала большая дама.

– А чего их связывать? Просто назвать надо, например: «Джакуза», «Каптерщик», «У Бита» и вот это – «Парадокс».

– А мой рассказ, что же, не достоин? – возмутилась большая дама.

– Достоин, конечно достоин! – быстро ответил крупный мужчина. – Пусть будет «Экзамен» или «Рукопожатие».

– Хорошо, – успокоилась большая дама. – А кто же литературно обрабатывает эти все истории?

Крупный мужчина задумался.

– Конечно, можно было бы этому Откину предложить, но я думаю, это утопия. У него фигурируют эти, которые с пу-

стыми глазами. Сплошная ерунда какая-то. Пустые глаза и тщательно выглаженные костюмы. К чему это?

Никто не решался ответить на этот вопрос. Компания помолчала, и через пару минут дедуля, как один из старших, собрался прояснить ситуацию с пустыми глазами.

– Да полно вам вокруг этих пустых глаз раздумывать! Видимо, автор попытался утрированно обратить на это наше внимание. Вот зайдите в какую-нибудь контору или администрацию – сразу встретите пустые глаза и тщательно выглаженные костюмы. Я каждый раз теряюсь от этого взгляда – куда-то внутрь меня, как будто в заднюю стенку черепа. Говорю ему или ей о своем насущном и чувствую ответную пустоту.

– Не скажите, не скажите, бывают отзывчивые, милые лица, – перебила его большая дама. – Выслушают внимательно и... – дедуля не дал ей договорить:

– И вежливо откажут.

– Бывает и такое, – согласилась большая дама.

– Надо везде смазывать, чтобы дело пошло, – вставил крупный мужчина и сразу добавил: – Не подмажешь – не поедешь.

– Предлагаю эту тему не обсуждать, – неожиданно заявил мужчина средних лет.

– Что мы будем обсуждать? – спросила бодрая старушка.

– Будем обсуждать пустые глаза и хорошо отглаженные брюки, – сухо ответила большая дама.

– Странная тема, – отреагировала бодрая старушка. – Со-
всем непонятно: в чём связь брюк с пустыми глазами?

– Мама, слушайте внимательно, – недовольно произнесла
гламурная дама. – Это разговор о литературе, об Откине.

Бодрая старушка, поджав губки и пристально оглядев
присутствующих, заметила:

– О литературе надобно говорить громко. Шептаться о
ней не надо. Надо приучать молодежь к хорошему чтению,
к книгам хорошим.

– Кстати, о пустых глазах, – продолжил дедуля. – Они
встречаются не только в конторах. В любом магазине их тоже
можно обнаружить. Особенно в тех, где народ не толпится в
желании что-то срочно закупить, то есть там, где продавец
скучает.

– А я думаю, что там, где продавец скучает, не должно
быть постных лиц, – возразила большая дама. – Потому что
при появлении редкого покупателя продавец просто обязан
наброситься на него и обслужить как положено.

– Вы уверены в этом? – саркастически спросил дедуля.

– Конечно, – моментально отреагировала большая дама. –
Он же, продавец, заработать должен.

– Должен-то должен, – согласился крупный мужчина. –
А глаза всё равно у него пустые. У него всего одна главная
мысль: оценить, кто перед ним появился и возможно ли ему
втюхать какую-нибудь «канделябру». Ту, что в его магазине
пылится уже не один месяц.

– Ненужную вещь никто не купит, – резко заявила гламурная дама.

– Купит, еще как купит! – улыбнувшись возразил мужчина средних лет. – Не забывайте про новую болезнь – шопинг, то есть гуляние по магазинам как средство развлечения, а заодно и приобретение этих, как вы выразились, «канделябров».

– Не буду спорить, – недовольно ответила гламурная дама. – Интересно: покупают ли ненужные «канделябры» писатели, такие как этот Откин, или творческие люди не болеют шопингом?

– У них, я думаю, другая болезнь, – ответил дедуля, – Ни дня без строчки. Руки чешутся что-то написать. А как увидят лист чистой бумаги, так им прямо плохо становится, пока не исчиркают его своими творческими каракулями.

– Похоже, вы правы, – поддержал его крупный мужчина. – Это то же самое, как у этих, которые граффити рисуют. Только стенку чистую найдут – тут же измажут ее в хлам.

– Болезней много на свете, – грустно произнесла большая дама. – Но не будем о грустном.

– Не будем, – согласился крупный мужчина. – Вот был у меня случай. Приехал из сельской местности старший братишка погостить. Охотник он заядлый был, на медведя ходил. Много случаев рассказывал. А я похвастался на работе: мол, вот у меня какой брат есть! На медведя ходит! Сослуживцы из любопытства поинтересовались, много ли медве-

жатины привез брат в подарок. А я, дурак, и ляпнул не подумавши: «А как же, конечно привез». Воистину: слово не воробей: вылетит – не поймаешь. Пристали они, сослуживцы: «Угости медвежатинкой – ни разу не пробовали!» Что делать? На попятный идти, говорить, что, мол, съели всё мясо или того хуже, вообще его не было. Брат-то действительно мясо медведя не привез, одни рассказы были. Согласился я почему-то – наверное, от ума большого – угостить страждущих медвежатинкой. Домой пришел, говорю супружнице: так, мол, и так, мясо нужно медвежье. Она у меня молодец, соображая!

Крупный мужчина подмигнул большой даме – та в ответ улыбнулась и, довольно кивнув головой, попросила:

– Рассказывай, что же дальше было!

– А дальше вот как дела развернулись. Купила супруга на рынке мясо потемней, с длинными волокнами – говядину парную, – отварила и большой кусок мне вручила для дегустиации у сослуживцев. На следующий день на работе мясо пробовали, нюхали, жевали, оценивали. Конечно, у некоторых сомнения возникли: «На говядину похоже». Но один из старейших безапелляционно заявил: «Чистый медведь – мохом пахнет». После чего все сомнения прекратились.

– Ты главное не сказал, – улыбнувшись, заметила большая дама. – Ты не сказал, что мясом вы водочку закусывали.

– Ну да, закусывали, – добавил крупный мужчина. – А под водочку медвежатина ох как хорошо пошла! И мохом пахла!

– Что он сказал? – спросила бодрая старушка.

– Он сказал, что медвежати́на мохом пахнет, – весело ответила большая дама.

– Не знаю, не знаю, – продолжила бодрая старушка. – Никогда медвежати́ны не пробовала.

– Вы знаете, бывают такие затяжные осени, – начал свой рассказ Крео. – Такие, что зиму ждешь, ждешь и никак не дождешься.

– Да, – согласилась она. – Бывают, даже до самой середины декабря.

– Вот тогда была такая длиннющая-предлиннющая осень, – продолжил он. – Пролетел теплый, солнечный сентябрь. Октябрь обрадовал своими разноцветными красками. Аж до середины ноября сухая, довольно теплая по тому времени погода создавала впечатление, что до снега и морозов ой как далеко!

– Но морозы и снег всё же пришли, – то ли вопросительно, то ли утвердительно произнесла она.

– Пришли, конечно пришли, – ответил он. – В самом конце декабря, перед Новым годом. Но я о другом, – и, немного помолчав, добавил: – Ожидание зимы – странное ожидание. Это всегда странно, когда ждешь перемен, а они задерживаются.

– Да, – тихо согласилась она.

А он продолжил:

– Природа как будто застыла в ожидании перемен. Голые, без листьев деревья задремали, готовясь уснуть до весны. Птицы – те, что улетают из этих мест – исчезли, и только лентяи-утки в городских прудах, отъевшиеся на подачках любителей кормить городскую живность, не собирались кочевать в теплые края. Однажды в ночь приснились мне вот такие слова, – и он прочел:

Сегодня ночью выпал снег,
Как будто время прекратилось...

Я проснулся и, пытаясь понять, откуда пришли эти строчки, добавил к ним:

Часов остановился бег,
А может, это мне приснилось...

Пока запоминал четыре строчки, снова уснул. А утром действительно выпал снег. Представляете, такое странное совпадение!

– Удивительно! – отреагировала она. – А потом вы стали поэтом?

– Поэтом? Это слишком громко сказано, – ответил он. – Утром стоял у окна, наблюдал, как тихо падает снег, укрывая заждавшуюся землю, и продолжил рифмовать:

Я тихо посмотрел в окно:
Сегодня мне спешить не стоит,
Сегодня всё белым-бело,
Меня ничто не беспокоит...

Он на минуту остановился, посмотрел куда-то в сторону
и добавил:

– Вот так, неожиданно, пришла зима.

Она молча смотрела на него и ждала продолжения.

– А я стал рифмовщиком, и получились вот такие заключительные строчки:

Зима пришла – теперь не скроешь
Пустых тропинок и следов.
Природа отдохнет в покое,
И мы с надеждой на любовь.

Наступила неожиданная пауза. Она хотела что-то спросить, но, видимо, не решалась задать какой-то, может быть, несколько бестактный вопрос. Он, почувствовав ее волнение, произнес:

– Вас что-то смущает?

– Да, – ответила она.

– Оставьте свою нерешительность для другого раза, – произнес он, улыбаясь. – Пора бы нам эти штучки-тонкости бросить. Задавайте ваш вопрос.

– Хорошо, – последовал ответ. – Сейчас я сосредоточусь, – и через несколько секунд она произнесла: – У меня два вопроса. Первый: почему вы считаете себя рифмовщиком? А второй, если разрешите, я задам потом.

– Разрешаю, – сказал он. – А рифмовщик – это, наверное, от стеснения. Стесняюсь я назвать себя поэтом. Стишки-то так себе. А какой же второй вопрос?

Она опустила глаза и быстро-быстро заговорила.

– Если вы один, если... То есть одному быть нельзя. Нет, не то я говорю. То есть если вам нужен друг, преданный друг, то я могу...

Она сбилась с быстрого ритма, за несколько секунд восстановила дыхание и уже немного медленнее продолжила:

– Если вы захотите... Я хочу сказать, что вы об этом должны знать. Если вы захотите, если вы позовете меня, я буду рядом. Рядом в любое время. Только скажите, только позовите... Я буду с вами...

Она во второй раз остановилась и, тихо сказав «Простите», замолчала.

Он внимательно смотрел на нее и вспомнил, как в последний раз встретился с Юстой. Она вышла из конторы «лечнов» и, стараясь быть незамеченной, быстрыми шагами направилась к черной машине. Он узнал ее сразу, хотя в этом одеянии и в черных очках узнать ее было нелегко.

– Здравствуй, – неожиданно выпалил он, преграждая ей путь.

Она остановилась и недовольно ответила:

– Это ты?

– Да, это я, – произнес он, уставившись на нее.

– Ну, и что дальше? – неприветливо отреагировала она.

– Лечишься? – спросил он.

Она, ухмыльнувшись, ответила:

– Отдыхаю.

– В детстве или поближе? – снова спросил он.

– По-разному, – без паузы ответила она.

– Будь осторожней: нельзя уходить в детство, даже во сне

– портится нервная система.

– У меня не портится, – ответила она и хотела что-то спросить, но он ее опередил.

– Отдыхаешь от обвинений?

– От всего, – ответила она и спросила: – А ты лечишься снами?

– Лечусь, – стараясь быть равнодушным, ответил он. –
Прошрое, если оно было счастливым, лечит.

– Странно, – сказала она.

– Что странно? – спросил он.

– Странно: ты только что сказал, что нельзя уходить в детство, – это вредно.

– Да, вредно, но не для всех, а только для прокуроров, –
ответил он.

– И для заурядных литераторов, – добавила она.

– Да, наверное, – согласился он.

Она сняла очки, прищурившись, оглядела его с ног до головы и заявила:

– Ну всё. Мне пора, – и быстро села в машину.

Он еще немного постоял у входа, затем резко открыл дверь и вошел внутрь. Сегодня он решил заказать далекое детство.

– За что «простите»? – произнес он и добавил: – Не за что. Это меня надо прощать за глупости.

Она молчала и не смотрела на него. Из зала донеслась веселая мелодия. Молодой хриплый голос запел. Песню подхватили – видимо, танцующим или сидящим за столиками слова были знакомы. Уже через минуту весь зал пел:

Если встретил ты медведя —
Значит, к нам весна пришла.
Если рядом нет соседа —
Значит, ты сидишь одна.

Если нет вина в бутылке —
Значит, кончилось оно.
Если друг ушел в курилку —
Здесь курить запрещено.

Нестройный хор активно выкрикивал последние слова

каждой строки, а голос всё пел:

Если утром встали рано —
Значит, день не выходной.
Если в доме нету пьяных —
Значит, это дом не твой.

Если нет у вас улыбки —
Значит, юмор убежал.
Если щас одни убытки —
Будет попозже́й навар.

Она наконец-то улыбнулась и повторила слова веселой песенки:

– Будет попозже́й навар.

– Да, только надо подождать, – добавил он.

Она не ответила. В зале танцующие с шумом возвратились на свои места.

– Нам хватит терпения подождать? – спросил он.

– Нам? – переспросила она.

– Да, нам, – подтвердил он.

Она помолчала и ответила:

– Нам терпения хватит.

Ей вручили небольшой плакат, где на белом фоне кра-

совались всего три буквы: «НЕТ». Участники манифестации неплотно заполнили небольшой переулок длиной не более пятидесяти метров. Наставники монотонно выкрикивали лозунги, а собравшиеся, стараясь не сбиться, повторяли их. Как только один из наставников оказался рядом с ней и озвучил очередной лозунг, она постаралась попасть в артикуляцию вслед за остальными и как бы прокричала:

Нет врагам и паразитам!
Им не место среди нас!
Будет враг всегда разбитым
Много, много, много раз!

Наставник медленно двинулся по тротуару и, когда удалился на приличное расстояние, она справа услышала шепот:

– Ты что, в первый раз?

Она повернула голову в сторону шепота. Некрасивый парень, широко улыбаясь, смотрел на нее.

– Так хорошо кричишь, как в первый раз.

Она не знала, что ему ответить, и просто кивнула головой.

– Хочешь, я научу тебя не попадать сюда? – парень явно был из липучих. – Ты мне нравишься. Давай после этой ерунды куда-нибудь прошвырнемся?

Она не заметила, как сзади снова появился наставник. Парень с испугом прокричал вслед за ним:

Нам единым строем надо
Защитить свою страну
И от ветра, и от града —
Мы объявим всем войну!

– Ну ты везучая! – выдохнул он, когда наставник удалился.

– Ага, – сказала она, отслеживая движение наставника.

С противоположной стороны переулка донеслась ритмическая речь наставника:

Пусть наш город процветает,
Радость всюду будет здесь!
Пусть нас грусть не угнетает,
Если счастье рядом есть!

Манифестанты хором повторили лозунг.

– Улыбайся, – прошипел он ей в ухо. – В этом месте положено улыбаться, потому что счастье рядом.

Она изобразила улыбку на испуганном лице. Пошел мелкий дождь. Сырость накрыла голод. Уличные фонари сквозь водяную пыль слабо подсвечивали разноцветную толпу с плакатами. На транспаранте у парня потекли буквы – почему-то «долой» постепенно превращалось в «ой».

– У тебя получается другое слово, – тревожно сказала она.

– Мокро, – ответил он и, взглянув на ее плакат, добавил: – У тебя грязное пятно осталось.

– Плохие краски, – сказала она тихо.

– Они всегда торопятся, – парень поежился от капелек воды, затекавших ему под воротник.

Где-то совсем рядом они услышали голос наставника:

Пусть улыбки на лице
Никогда не исчезают,
Пусть уныние нигде,
Никогда нас не ломает!

Прокричав лозунг, они остались с застывшими улыбками на мокрых лицах.

– Холодно, – тихо сказала она.

– Да, – согласился он.

– Хватит здесь шептаться! – услышали они сбоку. – Рапортички на всех оформят.

Манифестанты хором прокричали:

Долой неправильное слово
И мысли, что нам всем вредят!
Не будем повторять их снова:
Враги повсюду и не спят!

Они прокричали вслед за всеми очередной лозунг.

– Можно не улыбаться, – прошептал он, видя, как она с усилием продолжает держать улыбку.

Дождь прекратился, но сырость, всепоглощающая сы-

рость осталась. Фонари постепенно разгорались, и стало заметно светлее. Наставники размеренно выхаживали по тротуарам и продолжали свою монотонную работу. Она обратила внимание на то, что наставники, в отличие от манифестантов, оставались сухими.

– Они что, не мокнут? – она дернула парня за мокрый рукав.

– Тише ты! – ответил он. – Потом расскажу.

Она замолчала. Где-то в конце переулка послышался шум. Сначала несколько голосов, перебивая друг друга, выкрикивали лозунги, затем шум, по мере приближения к центру, перерос в постоянный гул. Все рядом стоящие участники принялись орать разные лозунги, стараясь перекрыть друг друга.

Она взглянула на некрасивого парня. Тот, закатив глаза, что есть мочи выкрикивал отдельные слова из разных строчек только что озвученных лозунгов. Лицо его налилось красным цветом. Он так широко открывал рот, что ей был виден его вибрирующий маленький язычок в гортани. Она, чтобы не отстать от других, не выделяться в этой орущей толпе, принялась так же раскрывать рот, изображая кричащую во всю глотку манифестантку.

Разнотональные голоса, переходившие в хрип и визг, оглушили ее. Минут через пять всеобщего ора ей хотелось только одного – тишины. Хотелось заткнуть уши, крепко прижать их ладонями, сжавшись сесть на корточки и ждать –

ждать, когда закончится это сумасшедшее мероприятие. Она мельком взглянула на некрасивого парня и с изумлением обнаружила в нём разительные перемены. Лицо его побелело, глаза открылись, он перестал кричать, и выражение его лица с ненормальновозбужденного превратилось в равнодушно-спокойное. Его пустые глаза смотрели на нее, и ей стало как-то не по себе. Она отвернулась в сторону и продолжила открывать рот вместе со всеми, делая вид, что участвует в процессе коллективного помешательства.

Она взглянула на часы – стрелки показывали ровно двенадцать, – и тут же к ней пришла мысль из какого-то древнего рассказа: «И в полночь проснулись вурдалаки и прочая нечисть». Оглянувшись вокруг, она заметила, что орущие постепенно успокаивались. Гул затихал, и через несколько минут наступила долгожданная тишина. Кто-то сзади тронул ее за плечо – она вздрогнула от неожиданности и замерла.

«Это тот, некрасивый, – подумала она. – Не надо оборачиваться. Надо сделать вид, что я не поняла, что это было».

Сделав шаг вперед, она уткнулась в чью-то широкую спину. Черная холщовая куртка была мокрая до нитки, и снова кто-то сзади тронул ее за плечо. Дальше двигаться было некуда. Она замерла на месте, стараясь затаиться, и снова почувствовала чье-то прикосновение.

«Надо обернуться, – подумала она. – Надо заставить себя обернуться».

Он не мигая смотрел на нее пустыми глазами, и его губы

тихо повторяли одни и те же слова:

– Я оформлю рапортчку.

Она кивнула головой в знак согласия, и парень заткнулся. Он просто смотрел на нее, и казалось, его взгляд сфокусировался где-то далеко над ее головой. Манифестанты потихоньку приходили в себя, слышались шепот и тихие голоса. Наставники, что дефилировали по тротуарам, куда-то испарились. Снова пошел мелкий дождь. Она поежилась от холода и только сейчас заметила, что некрасивый парень с белым лицом и пустыми глазами стоит абсолютно сухой. Мелкие капельки дождя скатывались с него и нисколько не смачивали его гладкие волосы и одежду. Его темные брюки с тщательно отглаженными стрелками упирались в отлакированные до блеска ботинки. Немного осмелев, она подумала про себя:

«Надо бы выбираться отсюда».

Она осторожно подвинула свой транспарант к парню и тихо сказала:

– Подержи.

Он машинально взял древко свободной рукой, снова произнес свою фразу о рапортчке и замер, словно часовой на посту.

Через полчаса она стояла под теплым душем и вспоминала этот ненормальный вечер.

– Что это было? – спросила она.

– Принудительная манифестация, – ответил Крео.

– Зачем принуждать к проявлению солидарности или протеста?

– А как же без принуждения? Без принуждения никак нельзя, – он улыбнулся и торжественно объявил: – Принуждение как способ существования в окружающей среде.

– Простите, я не совсем вас понимаю, – сказала она.

– Да я иногда и сам себя не понимаю, а от этого и фантазии в голове возникают разные.

– И как же вас поймет читатель? – спросила она.

– Читатель разный бывает. Кому-то надобно попроще, кому-то – помудрёнее. На всех сразу не угодишь.

– А эта история для кого? Для «попроще» или для «помудрёнее»? – спросила она.

– Не знаю, – ответил он. – Не мне судить.

– А кому же судить, как не автору? – продолжила она. – Я где-то слышала фразу: «Автор сам себе самый строгий судья».

– Да, наверное, это так. Но так хочется, чтобы хотя бы кто-то похвалил.

– Вам будет достаточно, что хвалить буду я? – спросила она.

Он надолго задумался. В зале снова зазвучала ритмичная музыка, и звонкий женский голос запел:

Танцы – это страсть моя,
Натанцуюсь я с утра.
Мне без танцев жить нельзя —
С детства в них судьба моя...

– Мне будет приятно, – ответил он. – Только если без принуждения.

– Без принуждения? – удивилась она. – Конечно, без принуждения. Это будет просто так. Мне нравится всё, что вы пишете.

– Принуждение – очень тонкое действие. Иногда даже не определить, сам ты действуешь или по принуждению. Да и еще одна закавыка есть: это когда кажется, летишь в свободном пространстве, летишь, никого не трогаешь. Свобода окрест на миллионы километров, а что-то внутри тебя принуждать начинает. Ты отмахиваешься, стараешься отогнать это чувство, а оно за тобой как тень следует, и никуда от него не деться.

– Да, я, кажется, понимаю вас. Бывает так, что сам себя принуждаешь что-то сделать, но я думаю, это не совсем принуждение. Это что-то другое. Может быть, это исполнение обязанностей – обязанностей быть человеком?

– Обязанность быть человеком – это наше главное принуждение, – продолжил он.

Песня закончилась. Прозвучали последние слова, и разгоряченные танцующие заняли свои места.

– Так что же, будем исполнять свои обязанности, – сказала она. – В конечном счете это наш выбор.

Звонкий женский голос пропел последние строчки:

Потанцуй со мной, друг мой,
Закружи меня сильнее.
Для тебя я, дорогой,
С каждым часом веселею.

Песня закончилась. Разгоряченные танцующие заняли свои места.

– Да, с каждым часом веселею, – мрачно произнес крупный мужчина.

– А что же так мрачно? – заявила большая дама. – Песенка веселая, народ доволен.

Крупный мужчина поморщился и ответил:

– Народ, конечно, можно развеселить, но только после хлеба.

– Что он сказал? – громко спросила бодрая старушка.

– Мама, это не очень существенно, – ответила гламурная дама. – Он сказал, что перед весельем следует покушать хле-

ба.

– Как это покушать хлеба? И много? Это что, какая-то новая диета?

Большая дама, улыбнувшись, перебила бодрую старушку:

– Он имел в виду знаменитое выражение «хлеба и зрелищ».

– Поняла, поняла, – улыбаясь, отреагировала старушка. – Выражение древнее, но актуальное и поныне.

После небольшой паузы дедуля произнес:

– Это смотря как посмотреть на это выражение. Есть два варианта: сверху вниз или снизу вверх.

– Это вы что-то усложнили, – возразила большая дама. – Надо бы прояснить, что вы имеете в виду.

– Ничего сложного, всё очень просто, – ответил дедуля. – Сверху вниз – это когда выражение, то есть идея применяется для политики государства по отношению, так сказать, к народным массам. А снизу вверх – это когда сам народ требует: «Ты меня накорми, развлекай – тогда уж я буду доволен тобой, то бишь государством».

– Согласен с этой мыслью на все сто, – поддержал дедулю крупный мужчина. – Народ надо накормить и развлечь – тогда будет всеобщее удовлетворение. Народ будет доволен государством, а государство – народом. И не так, как у этого Откина. Устроил какие-то манифестации ночью. Идиотское зрелище! А главное – какой в этом смысл? Никакого.

– Нет, там кое-что есть, – резво произнес дедуля. – При-

поминается, там у него от воздействия на организм из простых людей получаются наставники, что-то вроде человекообразных роботов.

– Робот-гуманоид, что ли? – спросил крупный мужчина.

– Может, и так, – ответил дедуля. – По крайней мере, это занятно. Интересно: чем закончится эта история? Думается, девчушка удерет от этих андроидов.

– Вот видите, друг мой, – включилась большая дама. – Дедуля говорит, что история занятная. А вы всё твердите: «Какой смысл? Какой смысл?»

– Смысл, может, и есть, – почти согласился крупный мужчина. – Но зачем же так запутанно? Лозунги, дождь, крики и это фантастическое перевоплощение парня в идиота-наставника. А нельзя ли попроще?

– Проще инструкции пишут, – заявил мужчина средних лет. – Да и то, бывает, так накрутят, что писателям-фантастам не придумать.

– Что он сказал? – недовольно спросила бодрая старушка. – Почему вы всё время шепчетесь? Неужели нельзя говорить погромче? Сколько можно говорить об этом?

– Мама, они говорят о фантастике. Разве вам это интересно?

– Мне, дорогая, всё интересно, что происходит за этим столом. Хочется быть в гуще событий. Вам, молодым, может быть, этого и не понять. Мол, старики и старушки пожили свое – пусть живут своими воспоминаниями.

Бодрая старушка загрузила, лицо ее потускнело, она на минуту замолчала, но вскоре заговорила снова:

– А мы хотим активничать. Еще, может быть, что-то можем. Вот новое, свежее поколение почему молчит, почему не участвует в общем разговоре? Мы в этом возрасте были не такими пассивными. Мы активничали с большим энтузиазмом, спорили, искали смыслы. К примеру, споры о роботах, о кибернетике не утихали. Можно ли создать робота-человека? Тогда все считали, что нет. Это невозможно. А сейчас я зачастую слышу, что можно соорудить андроида, крайне похожего на человека. Я имею в виду его простое поведение. И скажите мне на милость: этот ваш Откин, я слышала, пишет об этом? Там у него в рассказах андроидов полно. Вот наш юный друг что думает об этом?

Юноша, до того отдохавший после сладкого, не сразу отреагировал на вопрос бодрой старушки.

– Я андроидов не знаю, я их не видел, – ответил он не очень уверенно. – Может быть, только если в кино со спецэффектами.

– Да, вот именно, в кино, – обрадовалась бодрая старушка. – В жизни их, слава богу, пока что еще нет.

– Они есть у Откина, – перебил всех мужчина средних лет. – Но это не значит, что они есть на самом деле. Может быть, когда-нибудь потом что-то и изобретут, а сейчас до этого очень далеко.

– Да, – согласился дедуля. – Слава богу, что мы еще до

этого не дошли, чтобы андроиды среди нас шастали! А главное – противно будет, если их от нас не отличишь.

– Почему не отличишь? – заметила гламурная дама. – Посмотрите-ка внимательно на нашего официанта – чем не андроид? Очень похож. Весь такой правильный, аккуратный и говорит мало.

– Да, пожалуй, вы правы, – подмигнула ей большая дама. – Я тоже слышала, что где-то их уже производят.

Юноша внимательно следил за их разговором. Крупный мужчина, поймав полуулыбку большой дамы, добавил:

– Эти роботы, в качестве эксперимента, могут и среди нас находиться, а как их отличить от нас – это вопрос. Может быть, как-то оттестировать на человеческую сообразительность? А как ты будешь официанта тестировать – он свое дело сделал и отошел в сторону.

– А если его ущипнуть? – заинтересованно спросил юноша. – Что должен сделать робот?

– Шмякнуть тебе подзатыльник, – пошутил дедуля.

– Я же серьезно спрашиваю, а вы смеетесь, – обиделся юноша. – Надо же найти способ отличать их от нас! Если не сейчас, то в будущем.

– Налить ему стакан водки, – предложил крупный мужчина. – Выпьет и не опьянеет – значит, робот.

– А если он не захочет? – засомневался юноша.

– Не захочет – заставим, – проворчал крупный мужчина.

– Роботы водку не пьют, – возразила большая дама.

– О чём они говорят? Я опять не разобрала, – в очередной раз возмутилась бодрая старушка.

– Они говорят, что роботы не пьют водку, – ответила ей гламурная дама.

– Роботы? – удивилась старушка. – А зачем им пить водку?

– Они хотят роботу такое испытание устроить: заставить выпить стакан водки, – продолжила гламурная дама.

– Шутить изволят, – усмехнувшись, сказала бодрая старушка. – А наш молодой друг, я смотрю, очень серьезно к этому отнесся. Иногда не стоит слушать глупые разговоры взрослых.

Юноша улыбнулся и произнес:

– Может быть, роботы уже и появляются. А проверять их не надо будет – из завода выйдут маркированные. Что-нибудь придумают, чтобы сразу видно было: вот робот идет.

Мужчина средних лет, завидев приближающегося к ним официанта, тихо произнес:

– Вот робот идет.

– Желаете что-нибудь еще заказать? – спросил официант.

– Нет-нет. Мы просто так посидим. Это возможно? – за всех ответил мужчина средних лет.

– Да, конечно. Отдыхайте, – и официант аккуратно удалился с веранды.

– Чем не робот? – серьезно произнесла гламурная дама.

– Да, – согласилась большая дама. – Мы все иногда бываем

роботами.

– Наш выбор, – повторил Крео. – Тяжкое это мероприятие – наш выбор. Вот и главная героиня должна сделать выбор. Выбор между городом с манифестациями и...

Он остановился – видимо, еще не зная, куда отправить героиню своего рассказа.

Она поспешила ему подсказать:

– Выбор между городом и своей родиной с теткой и дедом.

– Родиной, – повторил он в раздумье. – Да, это, пожалуй, хорошая идея. Возвратиться на родину – что может быть прекрасней? Вам хочется возвратиться на родину?

Она немного удивилась вопросу, но всё же ответила:

– Моя родина здесь. А у вас она где-то в другом месте?

– Да, – улыбнулся он. – В другом месте.

– Далеко? – спросила она.

– Далеко, – ответил он. – Она несколько десятков лет тому назад.

– Почему? – сказала она. – Почему вы так говорите? Так нельзя говорить. Так очень грустно.

– Так сложилось. Простите, – ответил он.

Наступила пауза. Никто из них не знал, как продолжить разговор. Наверное, каждый вспомнил что-то свое. Откин отпил немного вина и пристально посмотрел на нее. Она

опустила глаза и заметно волновалась.

«Вот у тебя есть преданный и любящий почитатель, – подумал он. – Что еще нужно хилому литератору?»

Спустя несколько минут молчания она решилась задать хоть какой-нибудь вопрос:

– Вы вспоминаете свое детство?

– Оно вспоминается как-то само собой, – ответил он.

– Да, – согласилась она. – Само собой.

Он, чуть-чуть улыбнувшись, предложил:

– Давайте вспоминать вместе.

– Вместе? – удивилась она и, несколько смутившись, спросила: – Не понимаю: как это – вместе? Это такая новая игра?

– Да, такая игра для взрослых, – ответил он. – Кто-то начинает рассказ, останавливается, а другой его продолжает и через некоторое время тоже прерывает свое повествование, а первый продолжает. И так – меняя друг друга, до финала.

– До бесконечности, – продолжила она.

– Конечно, можно долго фантазировать, а можно и быстро закончить. Это по желанию играющих.

– А тема? Какая тема? – спросила она.

– Любая. Тему задает начинающий, – ответил он.

– Я не знаю, смогу ли так сыграть.

– А вы начните, а потом посмотрим, – предложил он.

Она задумалась и, как бы размышляя, спросила:

– Надо начать как-то красиво. Как же это сделать?

– Начните со слов «Жили-были...», – ответил он.

– Хорошо, я так и сделаю, – сказала она и начала свой рассказ: – Жила-была девочка, то есть не совсем девочка. Было ей уже почти шестнадцать лет. Мечтательница она была, то есть любила мечтать о чём-нибудь. Например, мечтала она, что влюбится в нее какой-нибудь красивый юноша. В общем, банальная история: девочка, мечтающая о принце. Ждала, ждала она этого принца, а принц всё никак не появлялся, то есть появлялись разные личности, но на нее особого внимания они не обращали. Да и как же можно было на нее внимание обратить? Несимпатичная она была, эта девушка. Ум-то у нее, наверное, был, а вот привлекательной внешности явно не хватало.

Однажды встретила она юношу, тоже несимпатичного. И стали они дружить, как обычно дружат девчонка с мальчишкой – без этих намеков на влюбленность. Гуляли, киношки посещали, дела у них общие появились вроде увлечения спортом и машинами – и так потихоньку привыкли они друг к другу, то есть привыкли не замечать разницы полов. – Она прервала свой рассказ и спросила: – Достаточно для начала?

– Да, вполне, – ответил он.

– Тогда, может, вы продолжите?

Он прищурился, обвел взглядом веранду и произнес:

– Жил-был мальчик, то есть не совсем мальчик. Было ему уже почти шестнадцать лет.

– О-о! Какой вы хитрый! – прервала она его. – Вы так и будете за мной повторять?

– Нет-нет. Что вы, я сейчас исправлюсь, – усмехнувшись, ответил он. – Этот мальчик из вашего рассказа. У вас же был мальчик, то есть юноша?

Она, улыбнувшись, кивнула головой.

– Так я могу продолжить? – спросил он.

– Конечно, – ответила она.

– Итак, этот юноша встретил одну девушку и стал с ней дружить. Кстати, и девушка, и юноша не отличались красотой, то есть были на лица не очень симпатичными. А надо вам сказать, что юноша, как и все юноши его возраста, мечтал о прекрасной принцессе. Ждал, ждал ее, а принцесса всё не приходила. Так и дружили они – юноша и девушка без всяких надежд на любовь.

И вот однажды посмотрели они друг на друга, и каждый подумал: «Что же принцев и принцесс искать? Они могут и совсем не появиться. Что же так всю жизнь в дружбе и жить, без любви?» И сказала девушка: «Слушай, друг мой юноша. Может, хватит нам дружить, может, пора нам влюбиться друг в друга?» Отвечает ей юноша: «Ой, подружка ты моя закадычная! Разве можно вот так, без подготовки влюбиться? Дружба дружбой, а любовь врозь».

Запечалилась девушка наша: «Не понять ему думки девицы. Ой, какой же он нетактичный стал! Матку-правду прямо молвит, слова бросает, как с плеча рубит. Как же молодца вразумить теперь, объяснить ему, что принцессы просто так на дороге не валяются? Что на всех не хватает их? Что

общешься красоток этих?» Вот такая проблема промеж их приключилась. Теперь ваша очередь, – обратился он к ней. – Продолжайте.

Она сосредоточилась и, улыбнувшись прямо ему в глаза, продолжила:

– И увидел юноша, что опечалилась подружка его. Думу какую-то великую думает, словно философ какой. И спрашивает он ее: «Что же ты, подружка моя закадычная, опечалилась, словно философ какой думу думаешь? Разве в кино не ходили мы, по лыжне не бегали и делами разными не занимались с удовольствием?» Отвечает ему девушка: «Не о дружбе я опечалилась, о любви я опечалилась. А без любви и счастья нет». – «Счастья нет? – удивился юноша. – А разве дружба наша крепкая, закадычная – не счастье? Разве не счастлива ты со мной, подруга моя верная?» Отвечает ему девушка: «Нет счастья без любви. Не может оно одной дружбой наполниться...» Уф! – выдохнула она. – Дальше ваша очередь.

– Я готов, – ответил он и продолжил рассказ: – «Нет счастья без любви, – повторил ее слова юноша. – Где-то слышал я эту мудреность», – и стал он размышлять о том, что такое счастье. Долго он думал, устала его ждать девушка, и взяла она его за руку, и повела показывать счастье, которое не бывает без любви.

Долго ли, коротко ли шли – вышли они на поляну. Дом красивый стоит. В доме том дети резвятся, мал мала меньше,

и мать хлопочет вокруг, заботится о потомстве своем. «Вот видишь? – говорит юноше девушка, – дом со счастьем». – «А где же любовь?» – вопрошает юноша. – «А любовь – вот же она, прямо на глазах твоих!» – отвечает девушка. Потеряв глаза юноша, всматривается и никак любовь разглядеть не может. Говорит застенчиво и растерянно: «Что-то я любви не вижу. Детей вижу и маму их вижу, а где же любовь?»

Глубоко задумалась девушка. Как объяснить другу своему, где здесь любовь? Заволновалась она сильно, испугалась даже: вдруг этот юноша бесчувственный и холодный как ледышка, если любовь матери к детям разглядеть не может? Взяла она его за руку и повела от дома дальше через лес, через степь, в горы. В селение привела, где дома с плоской крышей. Остановилась и говорит другу своему: «Смотри внимательно». – «Смотрю во все глаза», – отвечает ей друг. «И что же ты видишь, добрый молодец, друг мой загадочный?» – нетерпеливо спросила она. Юноша долго разглядывал окружающую обстановку, прищурился, глаза напрягал для улучшения зрения и наконец-то вымолвил: «Вижу старика со старухой, уж очень древних, и двух молодцев бородатых». – «Наблюдай внимательно, – советует ему девушка: – Может быть, еще что-нибудь заметишь». – «Наблюдаю, наблюдаю сосредоточенно, – ответил юноша и изрек такую фразу: – Видать, семья они одна: старики – родители, а молодцы бородатые – это их сыновья, наверное». – «И что же промеж них происходит?» – допытывается девушка. Отвеча-

ет юноша неуверенно: «Забота у них наблюдается. Молодые заботятся о старших». – «Вот и замечательно, что разглядел ты, друг мой загадочный, эту штуку – заботу, – а забота почти рядом с любовью живет. Только сложно ее увидеть, если сам ни о ком не заботишься и никого не жалеешь», – произнесла эту фразу девушка и задумалась: «Что же еще показать другу своему, чтобы он наконец-то понял, что нет счастья без любви?»

И повела она его дальше – через моря и горы, в дальние дали – показать, как ей думалось, настоящую яркую любовь между юношами и девушками...

Он остановился и пошутил:

– Эта «тягомотина» никогда не закончится. Будут они бродить в поисках счастья и любви до бесконечности. Предлагаю закруглиться. Все сказочки когда-нибудь заканчиваются. Вы сможете и нашу сказочку подытожить?

– Смогу, – решительно заявила она и продолжила: – И пришли они в город. Станный город оказался: одни девушки в нём жили. Девичий город, сказочный. Юноша смотрит по сторонам, головой вертит, того и гляди шею свернет, а вокруг скучают девушки, одна другой краше. Закружилась голова у юноши от такого изобилия – забыл он свою подружку загадочную. Можно сказать, бросил ее, и пришлось нашей героине домой возвращаться в одиночестве. Вот и сказке конец.

– А где же выводы, где же мораль? – спросил он, когда она

замолчала.

Она улыбнулась и ответила:

– Мораль – это по вашей части, по литературной. Нам, простым рассказчикам, не до морали. Нам бы только сюжет изложить – и то слава богу.

– Так что же, предлагаете мне заключение сотворить? – спросил он.

– Пожалуй, да. Вы затеяли эту игру – вам и завершать, – ответила она.

– Хорошо, – сказал он, потер ладонью лоб, словно собиравшись с мыслями, и произнес: – А мораль такова: не стоит своих друзей-юношей водить туда-сюда, да еще девичьи города показывать. Так в одиночестве остаться можно.

– Да, наверное, вы правы, – согласилась она. – Как начнешь любовь со счастьем искать где-то вдалеке – так ничего хорошего не жди. Рядом надо оглядеться: может, это счастье где-то близко, только руку протяни.

Он пристально посмотрел на нее и подумал:

«Может быть, эта история с юношей – ее история, только с фантазиями. Одиночество ее заметно. Одинокому человеку другого одинокого легко распознать».

Он вдруг почувствовал, что ему очень жаль эту умную женщину, и ему захотелось как-то тактично высказать свою симпатию к ней, как-то тактично посочувствовать ее одиночеству. Но нужных слов он никак не находил и только внимательно смотрел на нее, стараясь не мешать ей думать о чём-

ТО СВОЕМ.

Сегодня напарница была что-то не в духе. Она работала молча и даже не спрашивала, как прошла вечерняя манифестация. Работа спорилась – к обеду они вдвоем сделали больше половины нормы. Инструктор уже два раза подходил к ним, целую минуту наблюдал за быстрыми и ловкими движениями их рук и, удовлетворенный, ретировался в свою камеру. После обеда, когда они снова встали у конвейера, напарница тихо спросила:

– Ну как, отбарабанилась?

– Да, – прошептала она. – Только всех дождь намочил.

– Дождь намочил? – переспросила напарница.

– Там еще странный парень был. С ума сошел от лозунгов.

– Лицо побелело, и глаза стали пустыми? – снова спросила

напарница.

– Ты тоже его видела, – прошептала она и испугалась: инструктор стоял рядом и, наверное, уже давно наблюдал за ними.

– Шептать нельзя. Я оформлю на вас рапортчку, – равнодушно произнес он.

«Ну вот, опять попалась!» – подумала она.

– Эй ты, начальник, слушай, что скажу, – неожиданно крикнула напарница. – Мы не шепчемся, мы лозунги повто-

ряем для манифестации. Слышь ты, инструктор... – она хотела добавить еще какое-то слово, но осеклась и обратилась к ней: – Покричи ему хоть какой лозунг.

От напора напарницы поначалу она растерялась. Инструктор ждал ее реакции и не мигая смотрел на нее пустыми глазами, а она напрягалась и громко процитировала:

Нет врагам и паразитам —
Им не место среди нас!
Будет враг всегда разбитым
Много, много, много раз!

Инструктор не уходил. Она еще раз прокричала лозунг.

– Ну, что ты стоишь? – напарница набросилась на инструктора. – Видишь, не можем мы одновременно и лозунги кричать, и работать! Из-за тебя норму не сделаем. Иди пиши свою рапортчку! – Напарница махнула рукой на инструктора и обратилась к ней: – Покричи ему еще что-нибудь.

– Я не помню, – растерянно ответила она.

– Здрасьте! – крикнула напарница. – Целый вечер кричала и не помнишь?

– Сейчас, сейчас. Вот еще такой был, – и она медленно произнесла:

Нам единым строем надо
Защитить свою страну
И от ветра, и от града —

Мы объявим всем войну!

Инструктор не уходил. Он, видимо, размышлял.

– Вот настырный какой! – прошипела напарница. – Придется еще лозунг на него обрушить, – и прокричала:

Будь готов ты к обороне,
Каждый день крепи ее.
Если лет тебе на склоне,
Занимай себя физо!

Инструктор наконец-то произнес несколько слов:

– Нарушение аннулируется. Рапортичка отзывается.

После этих фраз он медленно удалился. Конвейер автоматически включился, и им пришлось целый час в ускоренном темпе наверстывать упущенное.

– Ты сегодня какая-то сердитая, – тихо сказала она напарнице, когда они уменьшили скорость движения ленты.

– Достали все, – прошипела напарница. – А он совсем сбрендил.

– Кто сбрендил? Инструктор? – спросила она.

– Нет, не инструктор, а этот, друган мой любимый.

– Друган? – переспросила она. – Ты же его хвалила. Что он успел натворить?

Оглядываясь по сторонам, напарница прошептала:

– Предложил бежать отсюда.

– Ну и что же в этом плохого, почему сбрендил?

– А потому, что от этих лозунгов не сбежишь. Они уже в голове засели намертво.

– У меня не засели, – возразила она.

– Как говорится, какие ваши годы! У вас всё впереди, – прошептала напарница и грустно усмехнулась. – Твой-то хочет убежать, потому что еще не замшел от этих манифестаций, да и ты, я вижу, тоже.

Они издалека заметили инструктора, и напарница шепнула:

– Работаем.

Смена подходила к концу. Норму они выполнили. Когда конвейер остановился, она сказала:

– Если он, твой друган, хочет убежать, то он не сбрендил.

– Сбрендил, точно сбрендил! Куда бежать-то? – ответила напарница. – В другой город и уже там новые лозунги орать?

– А может быть, куда-нибудь в деревню, на дальний хутор? – предложила она. – Может быть, там лозунгов и манифестаций не будет.

– В деревню? – с некоторым возмущением спросила напарница. – А что там, в деревне, делать – грязь месить, что ли? Нет уж, это не для меня, – она хлопнула себя по лбу:

– Ой! Совсем забыла! Он меня уже ждет. Ну, пока, подруга, я побежала.

Напарница стремглав вылетела во двор к проходной, а она не спеша привела себя в порядок и направилась домой. Сегодня поздно, почти в ночь он обещал навестить ее.

На улице было многолюдно. Рабочий день закончился – завтра выходной, и страждущие без развлечений горожане спешили насладиться свободой и понятными, а потому и приятными эмоциями. Развлекушки работали на всю катушку. Особой популярностью пользовались иллюзионы, куда на вечерние сеансы народ ломился толпами. Она зашла в первый попавшийся зал. Шел журнальный сеанс «Реальные новости». Объемная картинка висела в пространстве. Дважды показали дневную манифестацию и один раз вечернюю. Мелькали одинаково-радостные лица, в унисон скандирующие энергичные лозунги. Она поймала себя на мысли, что совсем не понимает, о чём они кричат, и попыталась сосредоточиться, но монотонное поглощение кинокорма, который всем выдавали при входе, мешало это сделать.

Через полчаса корм закончился. Новости города под комментарии диктора стали ей понятны. Среди нововведений городского управления ее особенно поразило изменение температурного режима работы канала. Диктор трижды повторил новую температурную схему, где от времени «Ч» меняли весь график колебаний. Нововведение внедрялось с целью защиты жителей от провокаций со стороны соседей.

Она забеспокоилась: как же он доберется сегодня, и это время «Ч» – когда оно начнется? Чувство тревоги не покидало ее весь сеанс, и перипетии борьбы «наших» с «чужими», продолжавшиеся почти два часа, ее никак не увлекли. В пространстве зала мелькали разные персонажи – полужве-

ри со страшными орудиями убийства. В конце концов «наши» победили, и в последних картинках воцарилась всеобщая радость на фоне бесчисленных трупов «чужих».

Она вышла на воздух. Вечернее тепло ушло. Прохлада, предвестница зябкой ночи, бодрила и заставляла прохожих кутаться в разнообразные одежды. Поговаривали, что городское начальство уже несколько лет вынашивает идею унификации гражданской одежды, но с целью сохранения привилегированной формы наставников и прочих деятелей эта идея постоянно отвергалась.

Она аккуратно обошла переулок с вечерней манифестацией и вышла на длинную улицу, ведущую прямо к ее дому. Среди встречных прохожих в основном попадались сосредоточенные лица – то ли уставшие после интенсивного трудового дня, то ли нагруженные очередными городскими новостями и лозунгами. И только рядом с домом она, к своему удивлению, увидела радостное лицо молодого парня, который, широко улыбаясь, шел ей навстречу.

– Здравсьте, – произнес он и остановился.

Она от неожиданности сначала отшатнулась от него, а затем, поняв, что парень не намерен совершать какие-либо иные действия, кроме этого «здравсьте», тоже остановилась.

– Здравсьте, – настороженно ответила она.

– Вы меня не помните? – радостно спросил парень.

– Извините, что-то никак не вспоминается, – ответила она.

– Как же, мы с вами учились в одном заведении, только вы были на класс старше.

– А-а, – ответила она, пытаясь мысленно перебрать в голове всех знакомых из учебки.

– Я... – и он назвал свое имя, которое ей ни о чём не говорило. Парень перестал улыбаться и уже серьезно спросил: – Как поживает ваш дедуля? Помнится, он уже тогда был очень стареньким.

– Наверное, хорошо, – машинально ответила она, а сама подумала: «Год прошел – как они там без меня? Справляются ли по хозяйству?»

– Вы сомневаетесь? – спросил он.

– Нет, не сомневаюсь, – возразила она. – Хорошо поживает.

Парень снова улыбнулся и задал очередной вопрос:

– Сначала вы сказали: «наверное, хорошо». Это, как я понимаю, было сказано с сомнением?

– Извините, – сказала она. – Но я тороплюсь. До свидания.

Она хотела обойти парня, стоявшего перед ней, но он, куда бы она ни пыталась ступить, успевал загородить ей дорогу.

– Что вы хотите? – она прекратила попытки обойти улыбающегося парня.

– Не волнуйтесь, я не грабитель и не хулиган. Я просто хочу узнать, как дела у ваших родных с хутора.

– Как я могу ответить вам, если не была там уже больше года? – дерзко ответила она. – Если вы не пропустите меня,

я начну кричать, и вам будет плохо.

– Зря вы так – сразу кричать, – парень сделал вид, что обиделся. – Что же это – получается, и спросить ничего нельзя?

– Спросить можно, а липнуть и не давать прохода нельзя, – заявила она.

– Хорошо, – ответил он. – Можете идти, но ваш друг... Он что? Как он узнает, что вы его ждете?

Она вздрогнула от этих слов – легкий холодок пробежал по спине. Руки бессмысленно повисли вдоль тела. Она не знала, абсолютно не знала, как реагировать на эти слова, да и слов разумных в ее голове как-то не находилось.

– Где он? – с трудом преодолев испуг, выдавила она из себя. – Что с ним?

– Не волнуйтесь. Он жив и здоров, – ответил парень. – Только ответьте мне на один вопрос: он предлагал вам бежать или нет?

– Нет, ничего не предлагал. Отстаньте от меня! – взмолилась она. – Я хочу домой.

– Хорошо, хорошо. Можете идти, – уступая ей дорогу, произнес парень и отошел в сторону.

Она еще долго не могла успокоиться. Ужинать не хотелось. Встреча с улыбающимся парнем и кинокорм ликвидировали аппетит надолго. Бесцельное шатание по маленькой квартирке немного ее успокоило – она взглянула на часы: до его прихода оставалось еще почти два часа. В голове, быстро сменяя друг друга, то появлялись, то исчезали разные во-

просы, остававшиеся без ответа:

– Что произошло? Зачем этому «улыбающемуся» надо было приставать ко мне? Почему он спросил о побеге?

Ответов не было. Оставались тревога и беспокойство за него и за себя. Он не пришел ни через два часа, ни потом. Она ждала его всю ночь. Тупо лежала с открытыми глазами и смотрела в потолок.

Утром у конвейера напарница тихо спросила:

– Что, не пришел?

Она кивнула головой.

– Значит придет потом, – прошептала напарница и, стараясь ее успокоить, добавила: – Мой тоже бывает не приходит. Он, вообще-то, обязательный, только вот на почве побега сбрендил.

Напарница замолчала и ускорила подачу деталей.

– Он не придет, – прошептала она, и слёзы навернулись у нее на глазах.

Напарница взглянула на нее, остановила конвейер и испуганно прошептала:

– Ну что ты говоришь? Подумаешь, ухажер не явился! Тьфу на него!

– Ты не знаешь, что было вечером, – почти всхлипывая, ответила она напарнице.

– Что было вечером? – тревожно спросила напарница.

Они замолчали. Из каморки медленно вышел инструктор.

– Остановка. Почему? – инструктор пустыми глазами

установился на конвейер.

– Соринка в глаз попала, – заявила напарница и указала на ее влажные глаза.

– Помещение стерильно, соринки нет, – не сводя глаз с конвейера, многотонно произнес инструктор.

– Может, и стерильно, а соринка всё-таки в глаз попала, – возразила напарница.

Инструктор перевел на нее немигающий взгляд.

– Да не у меня! – заволновалась напарница. – У нее.

Инструктор медленно повернулся и с минуту не мигая разглядывал глаза работницы, а она быстро промокнула их платком и тихо сказала:

– Что-то в глаз попало.

– Вы будете работать, – то ли спросил, то ли утвердительно произнес инструктор и включил конвейер.

– Мы будем работать, – тихо ответила напарница и подала ей очередную деталь.

К середине дня они выполнили половину нормы. Когда конвейер замедлил ход, напарница шепотом спросила ее:

– Почему он не пришел?

– Не знаю, – ответила она.

– Как это – не знаешь а говоришь – не придет?

– Потому что меня спросили, предлагал ли он бежать.

– И что ты ответила? – спросила напарница.

– Я сказала, что не предлагал.

– Ну и правильно сделала, – согласилась напарница.

– А твой парень знает, как можно уйти отсюда?

– Парень? – усмехнулась напарница. – Мужик, вот кто он. Уже давно здесь приспособился. Много мест поменял, все манифестации прошел. Наверное, знает. Только не советую с ним связываться: ушлый уж больно.

– А я без тебя и не собираюсь с ним встречаться, – ответила она.

– Ладно, завтра вечером я приведу его, – согласилась напарница.

Сегодня вечером она никуда не пошла – просидела дома. Ночью плохо спала и пыталась в подробностях вспомнить, что он ей говорил о канале: «Войти в канал надо как можно ближе к воротам, но при этом постараться не попасться на глаза смотрящему». Он еще что-то ей говорил, но она тогда не очень поняла, что это означает: «Когда вода начнет греться, надо найти ближайший спуск и отсидеться, и не сразу бросаться вниз – бывает вторая волна».

– Что значит «вторая волна», он не объяснил. А потом куда идти, когда выйдешь из города? Что там? Она не знала. Он об этом не говорил, а может быть, она просто забыла.

Заснула она под утро, и приснился ей сон: он – красивый, уверенный в себе и улыбающийся – протягивал ей руки, а она никак не могла дотянуться до него и никак не могла понять, почему он стоит на месте и не приближается.

«Это сон, это всего лишь сон», – подумала она и проснулась.

За окном забрезжило. Она вспомнила, что вечером напарница приведет своего парня и ей обязательно надо расспросить его о канале. А еще он, может быть, подскажет, что же случилось с ее парнем. Почему он не пришел?

Этот рабочий день тянулся и тянулся. Нудный конвейер подавал детали, и казалось, что нет им конца и края. Она поймала себя на мысли, что сегодня эти черные штуки, на которые они ставили датчики, ей стали настолько противны, что ей страшно хотелось схватить хотя бы одну из них и с размаху разбить об пол. Напарница несколько раз настороженно поглядывала на нее, качала головой, принимая от нее деталь, и иногда что-то шептала себе под нос. Иногда ей слышались слова напарницы – «Чтоб они все провалились!», – и она кивала головой в знак согласия.

Сегодняшнюю норму они выполнили загодя, почти за полчаса до окончания смены, и остановили конвейер. Через минуту инструктор выплыл из каморки, пустые глаза его внимательно осмотрели результаты работы. Он повернулся к ним и произнес:

– Конец. Сегодня конец. Премия есть – конец работы.

Они скоренько переоделись и уже через час сидели в какой-то кафешке на окраине квартала.

– Долго еще ждать? – спросила она.

– Обещал к семи, – ответила напарница и взглянула на часы.

Он явился пять минут восьмого: «Здрасьте, здрастьте», –

по-деловому поздоровался с ними, напарницу чмокнул в щеку и по-свойски разместился рядом с ней.

– Что потребляем? – спросил он, оглядывая их пустой стол.

– Ждем указаний, – ответила напарница. – Ты же у нас главный ухажер.

– Ну, если так, то приступим, – ухажер быстро подошел к буфету, и через несколько минут на столе образовался оригинальный натюрморт из трех стаканов с коричневой жидкостью, трех бутербродов с сильно пахнувшей красной пастой и бутылки воды со съехавшей набок наклейкой.

– Со свиданьем, – произнес ухажер, чокнулся с ними стаканом и опорожнил его залпом. – Кхе, – сказал он. – Крепок нынче напиток! А что же вы не допиваете? Эдак и разговор может не получиться.

– Эту бурду девочки не пьют в больших количествах, – отреагировала напарница.

Ухажер пожал плечами и принялся за бутерброд.

– Вы хотели что-то уточнить? – прожевывая приличный кусок, спросил он напарницу.

– Это она хотела, – ответила напарница.

А она подождала, пока ухажер прожует, и задала первый вопрос:

– Как можно выбраться отсюда?

Ухажер скривился – лицо его в морщинках сделало удивленную гримасу.

– Отсюда, мадам, выбраться нельзя. Отсюда можно только сбежать.

– Да, именно сбежать, – торопливо согласилась она.

Ухажер вопросительно взглянул на напарницу. Та, в свою очередь, недовольно произнесла всего лишь три слова:

– Я же говорила.

– Говорила, – повторил ухажер.

Он не спеша доел бутерброд, оглядел их стаканы с недопитой жидкостью, вздохнул и ответил:

– Через канал.

– Ну что ты тянешь резину! – возмутилась напарница. – Словно цену набиваешь. Знаем мы тебе цену! Видишь, девочка подробностей хочет, а ты кота за хвост... – и она добавила свое любимое крепкое словечко.

– Не напирай, – огрызнулся ухажер. – Всё расскажу, что знаю.

– Вот и рассказывай, – потребовала напарница.

– А чего рассказывать: сам-то я не ходил, люди говорят знающие, что через канал можно уйти.

– Ты что сегодня заторможенный какой-то? Рассказывай всё подробно, что знаешь, не тяни! – напарница заерзала на стуле от нетерпения. – Ты же мне все уши прожужжал про этот канал.

– Ну вы, девчонки, даете! То не хотите бежать, а теперь что, не терпится?

– Не я, а она хочет, – ответила напарница.

– Я тоже хочу, – проворчал ухажер. – Только одному скучно.

– Здесь со мной тебе скучно? – возмутилась напарница.

– С тобой не скучно, но бежать ты не хочешь. Будем здесь с тобой развлекаться. Без тебя не побегу.

Наступила странная пауза. Напарница молчала, молчал и ухажер, а ей было неудобно нарушать это молчание – она сидела и ждала продолжения разговора.

– В канал надо входить у самых ворот, чтобы по воде поменьше шлепать. Только зрителя надо обмануть.

– Смотрящего, – вставила она.

– Ну да, смотрящего, – повторил ухажер. – Надо около него прижаться к стене и замереть, покуда он не отойдет в сторону.

Ухажер облизнул губы и спросил:

– Я отопью из твоего?

– Да уж пей, раз не терпится, – ответила напарница.

Ухажер немного отпил коричневой жидкости и продолжил:

– За воротами можно спокойно идти до следующих ворот, там тоже смотрящий стоит. И так потихоньку за городскую стену можно выйти. А там свобода, никого из этих с пустыми глазами нет – иди куда хочешь.

Ухажер опустошил стакан напарницы и косо посмотрел на третий.

– Пейте, если хотите, – сказала она и спросила: – А там,

за городом что?

Ухажер сделал большой глоток из ее стакана и ответил:

– Там хорошо. Говорят, что дороги есть, по которым перемещенцев сюда свозят. Можно по ним, по дорогам идти. Контроля нет – делай что хочешь. Хочешь лозунги кричи, хочешь не кричи – никто рапортичку не оформит.

– А что значит «вода греется» и «вторая волна»?

– А-а, – многозначительно протянул ухажер. – Это самое-самое... Это кто пройдет, то, считай, сбежал. – Ухажер допил содержимое стакана, грустно посмотрел на два оставшихся бутерброда и спросил: – Так вы и есть ничего не будете?

– Грызи, – ответила напарница. – Мы не голодные.

Ухажер принялся за оставшиеся бутерброды. Он поглощал их не так быстро, как первый, и в перерывах между пережевыванием отдельных кусков изрекал мысли о воде:

– Вода – она недаром там. Очищение от нее получается. Выходишь как бы чистый из города. Вся эта местная ерунда в городе остается. Это кто понимает, а кто не понимает, тот в топляков превращается. Топляк – он и есть топляк. Морда белая, в кипятке сваренная. Раньше некоторые думали, что из них этих делают, а я сомневаюсь. Из них этих чёрта с два сделаешь – хлам один...

– Философ, – перебила его напарница. – Ты сам-то по каналу не ходил – откуда знаешь, что из топляков делают? Морды что у топляков, что у наставников – одинаковые.

– Не ходил, – подтвердил ухажер. – Не ходил, а знаю, что в канале свариться можно. Они воду быстро нагревают. Следить за температурой надо. Как только тепло пойдет – так на спуск скок и сиди.

– А ты что, одна хочешь пойти? – обратился к ней ухажер. – Одной страшно. Парень-то у тебя есть?

– Был у нее парень, да в последний раз не пришел, – ответила за нее напарница.

– Не пришел, – повторил ухажер. – Это бывает. Значит, потом придет, ты симпатичная.

– Что? – грозно отреагировала напарница. – Ты не отвлекайся, философ, ты еще про «вторую волну» не рассказал.

– Эх, вторая волна! Эх, вторая волна! – нараспев произнес ухажер. – Это эти устраивают, чтоб беглецов варить. Это когда он сидит, ждет охлаждения и только в воду нырь, а она горячая, его – бац, и накроет.

– А что же в таких случаях делать? – нетерпеливо спросила она.

– Сидеть и ждать, пока вторая волна не пройдет.

– Спасибо, – сказала она. – Я всё поняла.

Ухажер немного утомился, опустил голову и тихо запел:

Эх! Пойду, пойду

На свободушку.

Что я там найду?

Эх! Лебедушку.

Эх! Лебедушку
Белокурую.
Ждет она меня,
Ждет, сидит одна.

Эх! Вода, вода,
Темен путь домой.
Эх! Когда, когда
Буду я с тобой?

– Ну, совсем загрустил, – ласково произнесла напарница. – Домой, домой. Там и лебедушку найдешь.

– Ну, пока, подруга. Поведу его – совсем расклеился, – напарница подхватила ухажера за пояс и вывела его наружу.

Откин произнес последнюю фразу – «Подхватила ухажера за пояс и вывела его наружу», – и замолчал.

– Слышу, не будет счастливого конца, – сказала она.

– Пожалуй, да. Хотя, что значит «счастливый конец»? – спросил он.

Она подумала и ответила:

– Счастливый – это когда всё заканчивается любовью, а у вас друг девушки не пришел – пропал. Значит, любви не будет.

– Значит, не будет, – подтвердил он.

Появился официант.

– Желаете что-нибудь еще?

– Мы желаем что-нибудь еще? – спросил Откин.

Она пожала плечами и ничего не ответила.

– Хорошо, – произнес Откин. – Пожалуй, немного фруктов, ассорти.

Официант не спеша удалился. Веселенькая музыка донеслась из зала.

– Можно хотя бы девушку не... – она задумалась. – Не делать так, чтобы она погибла в этом вашем канале?

– Легко, – ответил он улыбаясь. – Мы ее спасем от «второй волны». Это в наших силах?

– В ваших, – ответила она.

– Как прикажете, – покорно ответил он.

– О! Если бы вы слушали меня, – улыбаясь, произнесла она, – давно бы влюбленные были счастливы и без вашего дурацкого канала.

– Канал – это так, пустяки. Одни фантазии.

– Какие же это пустяки, если там варят людей?

– Так не надо туда лезть, где варят, – ответил он.

– Я догадалась: канал вам нужен, чтобы не скучно было читать рассказ, – сказала она.

– Вот видите, хотите без канала, но чтобы не скучно. В таком случае надо бы придумать еще какое-нибудь ерундовое препятствие, например Змея Горыныча.

– Змей Горыныч был бы более интересен, чем бездушный

канал.

– Вы так думаете? – спросил он.

– Да, а что? – ответила она. – Змей Горыныч – живое существо. С ним и поговорить можно, а с каналом не поговоришь – сварись, да и только. И девушку нечего мучить, верните ей парня – тогда оптимизма больше будет. Раз вы не рассказали, куда он исчез, то его и вернуть можно легко.

– Это как-то искусственно получится. Ушел парень, пришел парень. Банально.

– Банально? – изумилась она. – Пришел, ушел – банально? Так это жизнь. Она вся банальна, а ушел и ничего не сказал – это ЧП. Это нехорошо.

– Да, нехорошо. Но если писать об обычном, будет ли это интересно читателю? Всё обычно, спокойно, как говорится, без «чуйств». Жвачка обычная получается.

– А травмировать читателя убийствами – это не жвачка? – возразила она.

– Не будем спорить, – примирительно предложил он.

Официант водрузил на столе вазу с фруктами.

– Ого! – сказал Откин. – Экое фруктовое изобилие! Будем потреблять. Будем?

Она выбрала большой персик и ответила:

– Сначала это надо приготовить. Что вы желаете, мой суровый писатель?

– Суровый писатель желает большой персик, – нарочито серьезно ответил он.

Она приготовила персик и подала ему на тарелке ломтики сочной мякоти.

– Нет, пожалуй, мы парня не вернем. Ушел, то есть не пришел – так и не пришел. Пусть это останется тайной, – произнес он не спеша, потребляя сладкий плод.

– Хотите яблоко? – предложила она. – Или это будет слишком банально?

– Слишком банально, – улыбнулся он. – Яблоко предлагаю употребить совместно. Совместное поедание фрукта – должно быть, веселое занятие.

– Да уж, веселей, чем по сумрачному каналу бродить, – несколько вызывающе ответила она.

– Режьте всё, что в вазе. Устроим фруктовый праздник, – сказал он. – Может, мне вам помочь?

– Хозяйка справится сама, – ответила она. – И пусть будет фруктовый праздник.

– А что мы сидим без фруктов? – громко произнесла гламурная дама. – У этих, у литераторов целая ваза! А мы что?

– Мы на диете, – ответила большая дама.

– Диета диетой, а вкусенького хочется, – включился в разговор мужчина средних лет.

– А что? Это идея – хряпнуть фруктиков, – согласился дедуля. – Мы не хуже литераторов с дамочками. Мы тоже

творческие люди.

– Ну что, творческие люди? – обратился ко всем мужчина средних лет. – По фруктикам?

Особых возражений не последовало. Через некоторое время на столе образовались три большие вазы с фруктами.

– Приступим, – произнес мужчина средних лет. – Устроим фруктовый праздник.

– Фруктовый праздник весной – какая прелесть! – восторженно произнесла бодрая старушка.

Дедуля, глядя на фруктовое изобилие, возрадовался и торжественно продекламировал четыре строчки:

Фрукт полезен организму —
Витаминов в нём полно.
Ешьте фрукты – радость жизни,
Будет нам не всё равно!

– Веселый стишок, – сказала большая дама.

– Кушайте витамины, мадам, – произнес крупный мужчина. – Потребляйте радость жизни. Вот, взгляните: ваш Откин за обе щеки уплетает фруктики – готовит мозги к новым литературным шедеврам.

– Так уж и к шедеврам? – иронично заметил дедуля.

– Да, это я к слову... Пошутил, – ответил крупный мужчина. – Его канал мне совсем не импонирует.

Большая дама возразила:

– Вы, как всегда, в своем репертуаре. Вам не нравится

фантастика. Так и скажите: не нравится, а то так тонко, аж жуть – «не импонирует».

– Ну и что хорошего в этом канале? Разве нельзя упростить? Уж если хотите, чтобы были препятствия для преодоления, так введите что-нибудь реальное... – крупный мужчина наморщил лоб и произнес: – Ну, например, горную тропу. Да мало ли какие нормальные препятствия бывают, а тут канал с холодной и горячей водой. Ерунда какая-то!

Большая дама замотала головой и активно вступила в диалог:

– Но вы не будете возражать, что в сказках описываются не менее фантастичные препятствия.

Крупный мужчина поморщился и ответил:

– В сказках всё как-то логично: стремишься, то есть герой стремится к чему-нибудь хорошему – так ему требуется препятствия преодолевать, а поэтому это хорошее особую ценность приобретает. У Откина я что-то особо ценных перспектив не вижу.

– А свобода? – встрепенулся дедуля. – Свобода – это разве не ценность?

– Свобода – ценность, – согласился крупный мужчина. – Но если мы начнем развивать эту тему, то может оказаться, что для некоторых свобода – совсем не то, что мы понимаем под этим термином. Окажется, что свобода потихоньку запутается в ограничениях.

Большая дама, как бы раздумывая, тихо прочла:

Свобода – сладкая игрушка,
Не всем дается, не всегда.
Сначала пьешь большую кружку,
Пока не выпьешь всю до дна.

– Это чье? – спросил крупный мужчина.

– Я не помню, но, кажется, к месту, – последовал ответ.

– Пожалуй, к месту, – согласился крупный мужчина.

– Да, тема непростая, – добавил дедуля. – Самая лучшая свобода – это фрукты поглощать, пока не закончились.

Оглядев вазы, крупный мужчина изрек:

– Убавляется наша фруктовая свобода, заметно убавляется.

Мужчина средних лет, оторвавшись от поедания очередного фрукта, произнес:

– Если кому не хватает свободы, то можно добавить.

– Вполне хватает, – ответила гламурная дама.

Мужчина улыбнулся и весело произнес:

– Вот видите, иногда так бывает: всего хватает, и свободы тоже.

– Говорите громче! – вновь попросила бодрая старушка. – Вы игнорируете меня. Нельзя так делать!

– Мама, если хотите, я вам буду разъяснять суть. Хотите? – громко спросила гламурная дама.

– Хочу, – вызывающе ответила бодрая старушка. – Хочу быть в курсе...

– Хорошо, хорошо, – перебила ее гламурная дама. – В курсе так в курсе. Они сейчас говорили о свободе – о том, какая это сложная штука.

– Сложная? – с сомнением произнесла бодрая старушка. – Я так не думаю. Свобода – это очень просто. Не делай другому плохо, а в остальном свободен.

– Не делай другому плохо, – повторил дедуля. – Хорошо сказано, но как это сделать?

– Интересно: а Откин свободен? – произнесла большая дама.

Никто не ответил. Компания безмолвствовала.

– Компания безмолвствовала, – произнес Откин и замолчал. Она взглянула на него и удивленно спросила:

– Это из вашего рассказа или...

– Нет-нет. Это просто так, мысли вслух, – ответил он.

Они около минуты молчали, а затем он сказал:

– Я прочту стихи. Вы не возражаете?

– Конечно нет, – ответила она.

Он сосредоточился и тихо начал рифмовать:

Не будем спорить. Аргументы
Не будем спешно подбирать —
Тогда согласия моменты

Вернутся к нам. И к нам опять
Придет спокойствие свободы,
И счастье, воля и любовь.
И все житейские невзгоды
Не будут возвращаться вновь.
Надежда – радости подруга —
Проснется рано поутру.
И будет растворяться скука,
Я зеркало скорей протру,
Лицо свободное увижу
И улыбнусь, «привет» скажу.
К себе я подойду поближе
И от себя уж не уйду.

– Здорово! – воскликнула она. – Так сразу сочинять – это очень... Очень виртуозно! Импровизировать – это редкий дар! Он улыбнулся и ответил:

– Импровизация не всегда получается. Сейчас вот получилась. Вам содержание понравилось?

– Да, очень, – ответила она.

– Я рад, что вам понравилось. Впрочем, нам, может быть, пора и заканчивать. Время уже позднее.

– Да, наверное, пора заканчивать, – согласилась она и грустно добавила: – А как же ваш рассказ, чем он закончится?

– Это не проблема, – ответил он. – Всё должно быть хорошо.

– Хорошо? Это правда? – произнесла она, и было заметно, что она сомневается в благополучном финале.

– Всё будет хорошо, – повторил он.

«Всё будет хорошо», – сказала она себе и вышла из дома.

Город спал. Послеполуночная тишина окружила всё его пространство. Вечерние манифестации давно закончились. Горожане разбрелись по своим квартирам и затаились до утра. Она миновала три перекрестка. Пустые улицы встретили ее приглушенным на ночь светом фонарей. Редкие освещенные окна вызвали некоторое любопытство: кто же там не спит в такую поздноту? Но времени на остановки не было – она старалась как можно быстрее выйти к каналу.

Перед выходом она облачилась в легкое спортивное одеяние; за плечами комфортно прилепился небольшой рюкзачок, в котором про запас находились немного еды, бутылка воды и, на всякий случай, комплект одежды. Собирая рюкзачок, ей пришлось отказаться почти от всего, что ей было дорого. Единственное, что она всё-таки захватила с собой, так это старенькую фотографию, на которой на черно-белом фоне бревенчатой избы позировали три человека – маленькая девочка лет шести, крупная деревенская женщина с натруженными руками и пожилой мужчина с морщинистым лицом. Фотографию она завернула в непромокаемую пленку

и наскоро обмотала тряпкой, чтобы защитить ее от влаги и случайных повреждений.

За правым поворотом – она точно это знала – после неосвещенного переулка находился один из выходов к каналу. Она выбрала этот маршрут, потому что там был ближайший к воротам спуск и до смотрящего всего-то рукой подать – каких-нибудь метров пятьсот. Окунувшись в темноту, она вдруг вспомнила, что приготовленный к походу фонарик остался на тумбочке у двери.

«Вот забывалка!» – подумала она и остановилась.

Кромешная темнота вызвала у нее сомнение в положительном исходе ее мероприятия. Так часто бывает, когда в самом начале рискованного дела, когда до самого ответственного шага еще далеко, уверенность захлестывает всего человека. А стоит приблизиться к главному – уверенность куда-то исчезает, и на смену ей приходят такие мысли: «А не вернуться ли назад, отложить это дело на будущее? Там, в этом будущем, уж обязательно можно добиться своего».

Неожиданно она вспомнила один из лозунгов:

Вперед заре навстречу,
Развеем черный мрак.
В шеренге друга встречу,
А кто не с нами – враг!

«Жаль фонарика», – подумала она и почти на ощупь осторожно пошла вдоль стены.

Вода в канале была очень холодна. Она аккуратно, стараясь не плескаться, опустилась на дно. В этом месте глубина была не столь велика. Вода дошла ей всего лишь до груди. Около полминуты она стояла внизу не двигаясь, стараясь привыкнуть к темноте. Глаза постепенно стали различать слабый свет, исходивший от дальних фонарей. Стоять долго в холодной воде не стоило, и, как только удалось сориентироваться, она двинулась вдоль подпорной стенки. Идти по дну было непросто: часто попадались камни, железки и какие-то непонятные предметы. Прежде чем сделать шаг, приходилось щупать подошвой дно. Через десять минут такой ходьбы она так продрогла, что с трудом переставляла ноги, но стиснув зубы продолжала медленно двигаться в сторону ворот.

Первого смотрящего она прошла легко. Он всего лишь один раз подсветил воду и удалился куда-то в сторону. За воротами стало не так глубоко – вода опустилась до колен. В темноте она нащупала выступ – это, похоже, был спуск, – подтянулась на руках и вытащила промерзшее тело на ступеньки. Первым делом она вылила остатки воды из обуви, отжала носки, брюки и кофту и несколько минут растирала ступни.

«Где эта горячая вода? – подумала она. – Так можно и окочуриться в этом канале!»

Натягивать мокрую, холодную одежду не хотелось, и она вспомнила его, появившегося ночью мокрым до нитки.

«Он жил где-то здесь, в этом квартале», – подумала она, и ее внезапно пронзила страшная мысль: а вдруг он сегодня ночью пришел к ней, а она сидит здесь, на шершавых бетонных ступеньках, мокрая и холодная?

Она взглянула на часы. В темноте высветились цифры. ноль два и нули. – Обычно он приходил после двенадцати, а теперь уж что? Теперь надо идти вперед.

Она мысленно прочла последний заученный лозунг:

Плотней ряды, сомненья прочь,
Приходит день, уходит ночь.
Сегодня будет наш парад,
Стремись вперед, а не назад,

Оделась и спустила ноги вниз. Вода была горячая. Сначала она почти не почувствовала это, и только когда стало нестерпимо горячо, выдернула ноги из воды.

«Вот тебе и горячая вода», – подумала она, ощущая, как горячий пар поднимается вверх и окутывает всю ее с ног до головы.

«Если бы я знала, как найти его в этом квартале, – подумала она. – Тогда бы я...» – Но она не знала, как его найти, и, притаившись сидела на ступеньках, отогреваясь в горячих испарениях.

Через десять минут парение прекратилось. Она нагнулась и осторожно потрогала воду рукой. Вода не обжигала – можно было идти дальше.

«Вторая волна, – вспомнила она слова ухажера. – Надо подождать».

И действительно, буквально через минуту снова стало парить. Горячий пар обжигал, и ей пришлось отодвинуться подальше от края спуска. Она снова взглянула на часы – те показывали половину третьего ночи. Парение прекратилось так же внезапно, как и началось. Она потрогала воду – к ее удивлению, вода снова стала ледяной.

«Как они это делают?» – подумала она и опустилась вниз.

Второго смотрящего у следующих ворот она выслеживала долго – стояла прижавшись к бетонной стене и никак не решалась двинуться дальше, не убедившись, что его наверху нет. Ноги снова занемели до ломоты, а смотрящий всё никак не обнаруживал себя. Где-то за воротами в следующем квартале гукнуло – то ли ночная птица, то ли что-то упало в канал. Она вздрогнула и еще плотнее прижалась к холодной стене. Наконец сверху появилось свечение, свет стал ярче, и на воде появился след от мощного фонаря. Порыскав по водной поверхности, фонарь подсветил противоположную стенку, сместился к воротам и исчез где-то над ними наверху. Можно было двигаться дальше.

К последним воротам она вышла уже к утру. Забрезжило. Надо было торопиться, потому что по рассказу ухажера, когда светло, смотрящий тупо сидит в своей будке и не мигая смотрит на воду. Тогда пройти никак нельзя, разве что проплыть под водой.

Еще издали она заметила, что смотрящий уже торчит в будке, – дальше идти открыто было опасно, и, как назло, вода потеплела. Она присела – так, чтобы на поверхности оставалась только голова, – и медленно, стараясь не волновать воду, пошла вперед. Температура быстро росла; когда она оказалась в зоне наблюдения смотрящего, над поверхностью появился пар. Телу становилось жарко. Мелькнула мысль: «Я сварюсь и буду топляком».

Когда испарения от воды полностью закрыли видимость, она ускорила движение и еле успела выскользнуть за воротами на мелкий участок, а с него – на старый развалившийся спуск. Отдышавшись и стянув с себя мокрую, горячую одежду, она несколько минут наслаждалась утренней прохладой. Канал остался позади. Разные чувства захлестнули ее. Это были и радость от преодоления тяжелого препятствия, и ощущение беспокойства, и тревоги – ведь впереди ей предстоял трудный путь домой. Не менее ста километров отделяло ее хутор от только что оставленного города, и к тому же дорогу она запомнила плохо. Ее доставили в город с такими же перемещенными в большом транспорте, и сейчас ее тревожила одна мысль: как по отдельным приметам, которые всё же удалось запомнить, найти обратную дорогу?

Переодевшись в сухое, она перешла глубокий ров и по заросшему высокой травой полю зашагала к дальней роще, где, похоже, проходила какая-то трасса. Высокая густая трава окружила ее. Море запахов и звуков, уже изрядно подза-

бытых, обрушилось на нее. Она остановилась посреди поля, улыбнулась, глядя на это бескрайнее море цветowych пятен, руками погладила покачивающиеся на ветру травинки и, не в силах сопротивляться навалившимся на нее чувствам радости и предвкушения счастья, упала навзничь в траву.

Солнце чуть приподнялось над горизонтом. Первые дневные насекомые жажужжали, затрепетали вокруг нее. Она широко раскрытыми глазами смотрела на высокое синее небо, и теплая усталость накрыла ее, глаза закрылись сами собой, в голове промелькнули мысли о том, что она никогда больше не будет зубрить эти дурацкие лозунги, вроде этого:

Врагу – пусть будет он не рад —
Жестокий шлём ответ.
Идет навстречу наш отряд,
Назад дороги нет.

Мимолетный сон прошел. Она повторила вслух последнюю строчку – «Назад дороги нет», – бодро вскочила на ноги и двинулась навстречу встающему солнцу. Новый день вступал в свои права.

Менее часа понадобилось ей, чтобы добраться до насыпи. Прямая бетонная трасса уходила на север; без транспорта и людей она выглядела пустынной и немного загадочной, словно ее когда-то давно соорудили и бросили за ненадобностью. За насыпью открылось грустное зрелище – горельник до самого горизонта. Вероятно, года три-четыре тому назад

здесь произошел пожар. Мелколесье всё выгорело, кое-где остались отдельные большие деревья с обгорелыми стволами. Почти все они засохли, и только изредка можно было разглядеть оставшиеся в живых деревья. Разительный контраст между ярким зеленым полем, откуда она вышла на трассу, и унылым пейзажем сгоревшего леса, как ни странно, обрадовал ее. Она прекрасно помнила этот горельник, когда год назад ее везли в город. Этот пейзаж за окном тянулся справа от нее до резкого поворота на бетонку и доходил почти до самого города.

«Значит, я могу намного сократить путь, если пойду наискосок», – подумала она.

Немного пугала возможность заблудиться в этих остатках леса, но после канала эта опасность ей казалась незначительной, тем более что светило солнце, а уж по солнышку она умела ориентироваться с детства. Через два часа хода потребовался привал – она остановилась, мысленно прикинула: сколько же километров прошла? Получилось примерно восемь-десять километров.

«В таком темпе до хутора можно добраться за сутки, – подумала она. – Но если не останавливаться и не спать, а с остановками – пожалуй, дня за два можно дойти».

К вечеру, когда солнце зацепилось за кромку горизонта, она выбрала место для ночлега на песке под обгорелой сосной. Освободила ночное ложе от остатков обгорелых веток и легла на еще теплый песок. Солнце быстро скрылось и

незаметно стемнело. Высветились звёзды. Она смотрела в бездонную вечную пропасть, усеянную сверкающими огоньками, на фоне которых обгорелые ветви сосны выглядели как напоминание о скоротечности жизни. Постепенно темные ветви растворились в ночи, остались только звёзды. Все ее ощущения куда-то ушли, она освободилась от всего – от города с его лозунгами, от хутора, куда она так настойчиво стремилась. Одни звёзды вокруг и великое, неизмеримое пространство. Она погрузилась в него – исчезли все чувства, заботы, тревоги, только разум жил в ней и слушал эту грандиозную музыку миров, и ей казалось, что это поет ее душа.

Она открыла глаза. Утренняя прохлада охватила всё тело. На востоке занималась заря.

«Назад дороги нет», – она вспомнила эту последнюю строчку, энергично встала и без промедления двинулась навстречу новому дню – второму дню ее свободы.

Через час интенсивного движения пейзаж стал постепенно меняться. Песчаный грунт горельника сменился на обычный подзол. Кое-где появилась трава и поляны, заросшие высокими цветами. Похоже, здесь активно боролись с огнем и даже отстояли довольно большие участки леса. Шагать стало легче и веселее.

К грунтовке она вышла только к вечеру. Предстояло провести еще одну ночь под открытым небом. Запасы еды и воды закончились. Это обстоятельство ее несколько беспокоило, но не настолько, чтобы уныние поглотило ее. Она реша-

ла, стоит ли где-то отлежаться ночью или двигаться по дороге, которая должна вывести ее в знакомые с детства места.

До полной темноты темп движения был довольно высок, но через час после заката небо затянуло тучами, крошечная тьма опустилась на дорогу. Далеко сзади она сначала почувствовала, а затем и увидела огни. Что-то вроде тракбуса, качая на ухабах фонарями, постепенно приближалось, и вскоре до нее донесся сначала слабый, а затем всё более нарастающий гул двигателя. Она нырнула за обочину и затаилась в кустах. Машина протарахтела мимо и метрах в ста остановилась. Там что-то происходило, но из своего укрытия ей не удавалось разглядеть детали. Только одно было понятно: кто-то вышел, а затем снова вошел в кабину. Машина развернулась и проследовала мимо нее обратно. Впереди, где развернулся тракбус, еще некоторое время оставалось слабое свечение, а затем вновь наступила полная темнота. Продолжать движение вслепую она не решилась и отсиживалась в кустах до самого утра. С рассветом, как только появилась возможность разглядеть окрестности, она осторожно, не выходя на дорогу, скрываясь за деревьями и кустарником, пробралась вперед – к тому месту, где ночью происходили непонятные события.

Лесную дорогу перегораживал шлагбаум, на котором в центре на белой фанерке читалась черная надпись: «Стоять. Проход закрыт. Зона перемещения». Рядом со шлагбаумом торчала дощатая будка, в окошке которой виднелось белое

лицо смотрящего. Он не мигая наблюдал за дорогой.

«Наверное, его ночью доставил тракбус, – подумала она. – Что-то я не помню, чтобы здесь была эта загородка».

Она некоторое время наблюдала за будкой. Судя по свежим доскам, это сооружение появилось здесь недавно.

«Охраняют свободу, – подумала она с раздражением. – Не выйдет у вас это дело!» – и крайне осторожно удалилась в глубину леса, прошла несколько шагов вперед вдоль дороги и наткнулась на новое препятствие.

– Приехали, – выдохнула она, увидев колючую проволоку. – Это не канал, это... – от неожиданности она не смогла сразу подобрать название для этой штуки.

На новеньких столбах высотой около двух метров была натянута проволока. Колючка уходила в глубину леса и неизвестно где заканчивалась. Оглядываясь по сторонам, она снова прошептала:

– Приехали.

Редкий лес с низким подлеском был тих и равнодушен, и это колючее сооружение как будто кто-то случайно выстроил здесь – так, от скуки и непонятно зачем.

– Колючка. Зачем? – произнесла она. – Может быть, хватит испытаний?

Он ответил:

– Колючку можно было бы убрать, но тогда повествование быстро закончится.

– Так это и хорошо, – согласилась она. – А представьте, что по этому поводу сказал бы крупный мужчина.

Откин оглянулся на соседей.

– Догадываюсь. Он мой самый жестокий критик.

– Он, наверное, сказал бы так, – она надула щёки и, стараясь грубым, басовитым голосом изобразить ворчание крупного мужчины, произнесла: – Это концлагерь или граница? К чему такие сложности? Нет простоты, нету. Усложняете господа, а для чего? А главное – для кого? Читатель заскучает от ваших выкрутасов.

– Согласен, – улыбнувшись, ответил он. – От выкрутасов заскучает и от колючки заскучает. Придется ее быстро преодолеть.

– Да, уж постарайтесь, – весело предложила она.

– Она постарается, – ответил он. – Ей надо что-нибудь придумать, как эту колючку пройти.

– Вы ей поможете? – спросила она.

– Да, несомненно, – ответил он.

– Мне надо что-нибудь придумать... Мне надо что-нибудь придумать, – повторила она и присела у колючки.

Вблизи проволока выглядела устрашающе. Острые шипы

торчали в разные стороны. Строители постарались на славу: колючка была натянута в два ряда с обеих сторон столбов. Колючие нити для дополнительной прочности перетянули крест-накрест. Голыми руками что-то сделать практически было невозможно. Она минут двадцать, а может быть, и больше изучала сооружение и пришла к выводу:

– Придется делать подкоп, если, конечно, под землей они не закопали проволоку.

Она копала. В ход пошли старые ветки, которыми она рыхлила почву, руками выгребая землю под проволокой. Она копала, обдирая пальцы, выковыривая камни и опасаясь, как бы не наткнуться на большой валун. Шептала себе под нос: «Назад дороги нет». Она копала, и через час углубление под проволокой приняло вполне внушительный вид, но пока что не достаточный для протискивания всего тела. Прошло еще два часа изнурительной работы – ямища под проволокой внушала некоторую уверенность в окончании ее тяжелого труда. Она легла рядом, разминая затекшие ноги.

«Дня за два, пожалуй, не дойти, – подумала она. – На эту колючку уже ушло почти полдня. Придется еще раз заночевать на природе».

Перебравшись на ту сторону, она оглядела себя.

– Ну и видок у тебя, путешественница! – вздохнула она. Брюки изодраны. На ладони рук страшно смотреть. Кофту на груди она порвала, когда на спине проползала под проволокой.

– Всё, всё. Вперед, – сказала она себе и бодро двинулась прочь от колючки.

Солнце, проглядывая сквозь тучи, перевалило далеко за полдень, когда дорога вышла к большому болоту. К тому болоту, которое тянулось к самому хутору. Вывозили ее по окружной, а по болоту расстояние сокращалось почти вдвое. Но кто же в ночь ходит по болоту? Одни кикиморы да черти болотные.

Она не боялась этой болотной живности. Еще с детства бегала на болото одна, хотя ее сверстники, наслушавшись рассказов о чертях, побаивались в одиночку ходить за ягодами. Но сейчас она устала и не решилась спуститься вниз по косягу к поляне, сплошь покрытой мхом и ягодниками. Это болото, коварное болото не терпело суеты и поспешных посетителей. Местность с этой стороны ей была не очень знакома. Тропу надо было нащупывать осторожно, оценивая предстоящий путь. Она отложила свой поход до утра.

Солнце садилось в тучу. Восточная сторона неба нахмурилась темными, беспросветными облаками. Умеренный ветерок принес влагу, и, похоже, в ночь собирался дождь. Она лежала и смотрела на хмурое небо. Рваные облака быстро проплывали вверху, и казалось, вот-вот из них начнет сыпать сначала мелкий,

назойливый, а затем и сильный дождь. Она закрыла глаза, мысли мелькали одна за другой:

«Зачем мне это всё? Почему мне? Я не сделала ничего

плохого. Я хочу всего лишь одного – свободы. Свободы, от которой никому не будет плохо, а если будет, то только мне одной. Пусть хоть кто-нибудь поможет мне, хотя бы всего один раз. Я не прошу о большем. Помогите мне всего лишь один раз. Мне надо пройти это болото. Мне надо, очень надо. Назад дороги нет».

Она вспомнила, как молилась тетка, и прошептала:

– Помоги мне, пожалуйста, Бог. Помоги, ты же помнишь мою тетку – она каждый вечер молилась тебе.

В полузабытьи она провела ночь под лапами большой ели. Мокрая, холодная и голодная, перетерпела эту ночь – последнюю ночь под открытым небом – и только вечером следующего дня вышла к знакомой опушке, где за березовой рощицей чуть виднелись строения ее хутора.

– Вот я и дома, – вздохнула она, что есть силы передвигая ноги, приблизилась к мокрым белесым стволам.

К домам она вышла со стороны теткиного огорода. Плеть, защищавший посадки от непрошенных лесных гостей, завалился. Огород представлял собой печальный вид. Все посадки заросли бурьяном – видимо, с весны тетка забросила огородные работы. Тревога охватила ее.

– Как там они? Живы ли?

Обойдя дом со стороны палисадника, она вошла во двор. Дедова хата пустовала, окна крест-накрест были забиты досками. На входной двери в скобе торчала палочка, означавшая, что хозяев в доме нет. Она осторожно подошла к теткин-

ному крыльцу и немного обрадовалась: тяжелая дверь была приоткрыта, словно приглашала гостя заглянуть вовнутрь. Нагнувшись, чтобы не удариться о притолоку, она прошла через сени и открыла дверь в горницу. Тетка неподвижно сидела в углу на старой лавке и не мигая смотрела в сторону когда-то выбеленной, а со временем потускневшей и местами закопченной вокруг топки печи. Заслонка печи была снята, и на загнетке в золе стоял давно остывший, черный от копоти чугунок.

– Кто здесь? – тихо спросила тетка.

А она не сразу ответила, остановилась посередине и долго смотрела на родное, но сильно состарившееся лицо.

– Кто здесь? – повторила тетка.

– Это я, тетя, – ответила она, не решаясь двинуться с места.

– Кто это «я»? – снова спросила тетка.

И она догадалась, что тетка плохо видит и не узнаёт ее. Подойдя ближе, она погромче ответила:

– Это я, тетя. Я вернулась.

Тетка повернулась лицом в ее сторону, приподняла правую руку, как будто приглашая гостью подойти поближе.

– Я вернулась насовсем, – повторила она.

У тетки задрожали губы, и она закрыла глаза.

– Насовсем, – повторила тетка. – Вот и хорошо, вот и хорошо, – и она промокнула тыльной стороной ладони влажные глаза.

– Всё будет хорошо, так говаривал дедуля, – продолжила тетка. – Не дождался.

– Всё будет хорошо, – повторила она вслед за теткой и обняла ее за плечи.

– Счастливый конец. Как просили, – произнес Откин.

– Счастливый, но грустный, – добавила она. – Грустный, потому что потери.

– Да, потери, – согласился Откин. – Потому что счастье без потерь не бывает.

– А что же на это скажут наши соседи? – спросила она.

– Соседи, кажется, заканчивают свой ужин. Рассчитываются, – ответил Откин. – Может быть, и нам пора?

– Да, и нам пора, – согласилась она.

– Я вас провожу, – предложил он.

– Это не обязательно, – ответила она. – Мне тут недалеко.

– Тем более, – отреагировал он. – Значит, я вас долго утомлять своим присутствием не буду. Заодно отвечу на ваш вопрос.

– Хорошо, – согласилась она.

Они вышли в темную весеннюю ночь. Яркие фонари освещали аллеи. В скором времени они покинули парк и оказались у ближайших домов, прошли по тротуару во двор и остановились у входной двери.

– Я здесь живу, – сказала она. – Это мой дом.

– Да, – ответил он. – Я думаю, что большой даме окончание рассказа понравилось бы, может, еще дедуле, а остальным – не знаю. С остальными очень сложно.

– Вы не хотите зайти ко мне на чашку кофе или чая? – спросила она.

Он не сразу ответил. Сначала внимательно посмотрел ей в глаза, потом куда-то в сторону, словно искал нужные слова где-то не здесь.

– Вы простите меня. Но у меня завтра очень сложный день. Может быть, потом? Как-нибудь в другой раз.

– Хорошо, – неожиданно весело ответила она. – В другой раз, так в другой раз. Прощайте, – и скрылась за массивной дверью.

Он минутку постоял у входа, оглядел ярко освещенный двор, посмотрел вверх, пытаясь разглядеть звёзды, но из-за яркого света ничего не увидел, поднял воротник пиджака и зашагал к дому. На завтра у него действительно была назначена важная встреча.

Молодой начальник сидел за столом и внимательно читал какую-то бумагу.

– Значит, рифмуете? – оторвавшись от чтения, спросил он пожилого мужчину, почти старика, сидевшего на месте

посетителя.

Посетитель скромно кивнул головой.

– Здесь сказано, что вы еще и пишете, то есть сочиняете прозу? – снова спросил начальник.

Посетитель еще раз кивнул головой. Начальник вновь углубился в чтение бумаги.

– А знаете, реклама – очень важная штука, – произнес начальник. – Мы здесь востребованы. Рынок развивается, и мы тоже.

Посетитель молчал. Он внимательно слушал и украдкой разглядывал обстановку кабинета. Начальник окончательно оторвался от чтения и пристально взглянул на посетителя.

– Откин – это ваша фамилия или псевдоним?

– И то, и другое, – тихо ответил посетитель.

– Да? А впрочем, это не имеет особого значения, – произнес начальник. – Вы можете что-нибудь зарифмовать... ну, скажем, завтра к утру? Тогда бы мы могли завтра и решить вопрос о контракте.

– Я могу попробовать это сделать прямо сейчас, – ответил посетитель.

– Прямо сейчас? – удивился начальник. – Что ж, это даже интересно.

Он покопался в папке, достал оттуда отпечатанный лист и прочел:

– Реклама фарфоровой посуды. Вот, если хотите – можете попробовать. Только умоляю: не очень долго и, пожалуйста,

покороче. Вам нужны бумага и ручка?

– Нет, не нужны, – ответил посетитель. – Я могу начать?

– Конечно, конечно. Я весь внимание, – ответил начальник.

Посетитель начал монотонно рифмовать:

– Завтрак, ужин и обед —
Без посуды просто бред!
И в семье большой раздор,
Если вдруг разбит прибор.
Здесь у нас большой подбор —
Покупайте наш фарфор!

Посетитель замолчал. Начальник хмыкнул – то ли удовлетворенный рифмовкой, то ли удивленный способностью посетителя рифмовать – и заявил:

– В конце что-то с рифмой как-то не очень. То есть, наверное, не с рифмой, а со словом. Как там у вас? – и он произвел последние две строчки:

«Здесь у нас большой подбор —
Покупайте наш фарфор!»

Вот, обратите внимание на слово «подбор». Думается, здесь оно не к месту, – начальник, подумав, добавил: – У них там не подбор, а ассортимент. На худой конец – выбор.

Посетитель кивнул головой и прочел:

– Здесь у нас большой **выбор** —
Покупайте наш фарфор!

Начальник криво улыбнулся и возразил:

– «**Выбор**» – это неправильное ударение. Хотя, конечно, оригинальненько, – он повторил это «**выбор**» и усмехнулся.

Посетитель встряхнул головой и предложил еще один вариант:

– **Фарфор** покупайте наш —
Лучший **фарфор** в мире аж!

Начальник заморгал, как будто пытался на лету схватить смысл новых строчек, и произнес:

– А вы, я вижу, большой шутник! Это, может быть, и хорошо, но это, последнее, по-моему, чересчур! Заказчик может такой юмор и не понять.

Посетитель пожал плечами и скороговоркой продекламировал:

Есть у нас любой колёр —
Покупайте наш фарфор!

Начальник приоткрыл рот, и пока соображал, как отреагировать на последние рифмы, посетитель выпалил еще две новые строчки:

Наш фарфор вы покупайте.
Лучший он – вы так и знайте!

– Хорошо, хорошо, – ответил начальник. – Достаточно. – Он пригласил секретаршу. – Будьте любезны, принесите нам типовой договор.

Через минуту посетитель, подписав контракт, встал и собрался распрощаться с начальником. За окном загрохотала какая-то железяка. Начальник поморщился и произнес:

– Пришла весна – пора трубы менять.

Посетитель, пожав плечами, тихо ответил:

– Всё будет хорошо, – и вышел из кабинета.

07.10.15–11.03.16